

Фот. г. Чен Чуан-лин

Первые уроки.

Л. В. Арнольдов

Преподаватель китаевѣдѣнія на Высших Экономико-Юридических Курсах в Шанхаѣ.
Б. преподаватель Омскаго Сельско-Хозяйственнаго Института.

Из страны Бѣлаго Солнца

Этюды о Китаѣ

„Кто умирая не погибает, тот долговѣчен".

Лао Цзы („Дао-дэ-цзин", гл. 33.)

Книгоиздательство
А. П. Малык и В. П. Камкина
Шанхай
1934

Also by L. V. ARNOLDOV

„CHINA AS IT IS"

Kuo-ming-tang. Communism.
Sino—Japanese conflict.
IV-370 pp. Shanghai, 1933.

Склад изданія:
774, Avenue Joffre, "The Shanghai Zaria"
78, Route Paul Henry, Shanghai.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ
в книгѣ „Из страны Бѣлаго Солнца".

Посвящается моей Матери.

Настоящая книга является прямым слѣдствіем моего труда „Китай, как он есть“, принятаго весьма доброжелательно читателями и критикой. Этюды о Китаѣ, объединенные заглавіем „Из страны Бѣлаго Солнца“, не требуют ни длиннаго предисловія, ни спеціальной заключительной главы, подводящей итоги. Внимательный читатель поймет со страниц самой книги без подсказки, вѣрит ли автор в будущее Китая или у него нѣт этой вѣры. Живя в Китаѣ долгіе годы, мы не могли подмѣтить никаких доказательных признаков упадка, наоборот, многое говорит за то, что эта неисчислимая нація становится, в концѣ концов, на путь укрѣпленія государственных основ. Что же касается интеллектуальнаго ренессанса, то он безспорен. Возможно, что ни мы, ни дѣти наши не увидят еще Китай полностью возстановленным во всем великолѣпіи его древняго и славнаго прошлаго. Но даже если процесс возрожденія великаго народа затянется на столѣтія, человѣчество не должно терять вѣры в будущее Китая.

Еще хочется мнѣ наперед извиниться перед читателем за ошибки и опечатки. Набиралась эта книга и даже правилась китайцами, не знающими русскаго языка, что должно служить извѣстным оправданіем и для автора и для издательства.

Март 1934
Шанхай.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.

Какое производит первое впечатлѣніе на новопришельца Китай?

Это зависит, конечно, от того, откуда и как вы в него попадаете.

Человѣку, ѣдущему с Запада, по желѣзной дорогѣ через Сибирь, мѣстом встрѣчи с Китаем является ст. Маньчжурія—равнина, ничѣм не отличающаяся от сосѣдней Забайкальской: валкія, лѣнивыя сопки на горизонтѣ, по веснѣ и лѣтом кругом—трава-мурава, к осени, послѣ палящаго іюля —пыль, которая наносится с просторов Монголіи, которая зимою бьет в лицо ледяными иглами, которая крутит иногда над Харбином желтым самумом, против котораго не могут устоять даже двойныя рамы; она хрустит на зубах, забирается в уши, в мгновеніе ока грязнит бѣлый воротничек и покрывает желтоватым, плотным слоем полированныя поверхности обстановки в комнатах.

Вдоль желѣзной дороги на Харбин нѣкоторыя станціонныя постройки стилизованы еще русскими под трафаретный, обще-китайскій стиль и рабочіе вдоль полотна дороги—сплошь китайцы.

Если вы ѣдете ночью, лѣтом, и, над несущимся поѣздом, висит,в звенящем воздухѣ, огромная, желтоватая луна и вы чувствуете, что послѣ игр-

ушечной Европы вы уже вступили в необъятные просторы Азіи и впереди вас ждет Великій (или, почему то,— Тихій!) Океан, то в вашем воображеніи сами собою, начинают возникать волнующіе образы монгольских завоевателей, Чингис или Кублай ханов, их становищ, необъятные, давящіе размѣры их вселенских владѣній, их побѣды и завоеванія, несмѣтныя сокровища, которых они не цѣнили и таинственная связанность россійских исторических судеб с Азіей, которая ощущалась нами за долго до того, когда о ней настойчиво заговорили евразійцы.

В Харбинѣ много китайскаго, но ни прежде, ни теперь это китайское в Харбинѣ начало не чувствовалось там так, как оно чувствуется на каждом шагу, скажем, в Шанхаѣ, не смотря на весь его набившій оскомину, космополитизм.

Для того, чтобы „из окна вагона" почувствовать и ощутить Китай, надо в Мукденѣ свернуть на Тяньцзин и Пекин.

Подъѣзжая к Тяньцзину, а, потом, слѣдуя три часа на Пекин, вы смотрите жадными от любопытства глазами за безчисленными, сѣро-черными мазанками деревенской или пригородной бѣдноты, которую прикрывают от тяжелых суб-тропических ливней или от палящаго лѣтом солнца, крохотныя крыши из самодѣльной черепицы.

Эти жилища, сплошь прокопченныя изнутри, почему то напоминают вам ласточкины гнѣзда и вы сразу вспоминаете, что китайцы употребляют ласточкины гнѣзда в пищу, о чем вы слыхали в Европѣ с ранняго дѣтства, хотя можно жить в Китаѣ долгіе годы и так и не отвѣдать ласточкина

гнѣзда.

Пекин, кочечно, Китай: древній, величественный, волнующій и незабываемый.

Но не такой Китай, каким он представляется воображенію человѣка, читающаго в Европѣ романы Клода Фаррера о „курильщиках опіума.“

Подлинный Китай гораздо проще, реальнѣе, осязаемѣе и милѣе. В нем есть свои тайны, но не там, гдѣ их искал Октав Мирбо в своем надуманном и безвкусном романѣ „Сад пыток.“

Однако, понять Китай, не смотря на то, что он проще, чѣм его изображают европейскіе беллетристы,—не легко.

Понимать нам Китай трудно потому, что это океан людей. Развѣ легко постигается океан?

Затѣм, и самый мозг китайца сконструирован нѣсколько отлично от нашего европейскаго мозга: они такіе-же люди, как и мы, они также думают и также чувствуют, ничто человѣческое им не чуждо, но воспринимая факты и явленія жизни подобно нам и тѣми же путями—они дают им свое истолкованіе и отражают их в своем мозговом аппаратѣ по своему.

На поверхности повседневнаго общенія все это не замѣчается, но при болѣе глубоком проникновеніи в душу китайскаго народа вы чувствуете, что это своеобразная душа, как своеобразна китайская культура, китайская письменность, как своеобразен общій облик китайскаго города, как бы не старался д-р А.Ф. Лежандр развѣнчать самобытность стиля китайских дворцов и храмов, как бы не критиковал он косность и убожество их архитектурнаго замысла, как бы не иронизиро-

валъ этотъ блестящій и злой французскій синологъ надъ неудобствами и однообразіемъ повседневнаго китайскаго житія.

Конечно, совсѣмъ иначе, чѣмъ изъ окна желѣзнодорожнаго вагона, Китай развернется передъ глазами путешественника, летящаго на аэропланѣ.

И инымъ представляется Китай, если изъ Америки или, черезъ Суэцъ, изъ Европы вы подплываете къ нему, дѣлая первую остановку въ Шанхаѣ.

Вы видите тогда только узкую полоску низкаго берега, едва проступающаго надъ поверхностью воды въ неохватной дельтѣ Ян-Цзе-Цзяна и ловите себя на мысли:

— Неужели это и есть Китай?

Морская, изсиня изумрудная, прозрачная вода становится здѣсь непроницаемо бурой, муть клубится на глубинѣ и вы вспоминаете, что эту грязную воду выбрасываетъ въ океанъ огромная рѣка, упоминаемая во всѣхъ учебникахъ географіи, на берегахъ которой живутъ десятки и десятки милліоновъ основного китайскаго населенія, стоятъ такіе города, какъ столица нынѣшняго Китая—Нанкинъ и Ханькоу и которая въ переводѣ называется великой Голубой рѣкою.

Но, потомъ, всѣ эти „первыя впечатлѣнія" смѣшиваются и безъ конца пополняются подлинными и точными впечатлѣніями отъ долгихъ лѣтъ пребыванія въ странѣ, которая, чѣмъ больше вы въ ней живете, кажется все менѣе вами постигаемой, все болѣе сложной.

Намъ, жителямъ городовъ, думается, что изъ европейцевъ, по настоящему и хорошо Китай знаютъ только миссіонеры.

Они десятками лѣт живут, почти безвыѣздно, по медвѣжьим углам отдаленнѣйших провинцій, в толщѣ и гущѣ китайских масс, еще почти не затронутых воздѣйствіем европейской цивилизаціи, они всѣ, как правило, прилежно изучают китайскій языу, хорошо говорят на нем, пишут и читают и, занимаясь уловленіем китайских душ в сѣти религіи—проникают глубинно в психику этого народа.

Но читая нѣкоторые из их трудов, вы, вдруг, приходите к выводу, что и они, знатоки и спеціалисты, многое истолковывают по-европейски предвзято, что они также могут дѣлать роковыя ошибки, как и вы, подходящіе к Китаю с теоретическим изученіем его.

Но знакомство, не смотря на трудность темы, продолжается: вы разговариваете с китайцами, читаете книги о Китаѣ, разспрашиваете тѣх иностранцев, которых вы считаете освѣдомленными в китайских дѣлах, вы, наконец, сами пишите о Китаѣ и по китайским вопросам. Как доказательство сказанному ниже и слѣдуют наши „Этюды о Китаѣ."

У Китая много ликов, и если начать основательно изучать эту страну и ея народ, то как то само сабою наростает чувство живой симпатіи к Китаю, а интерес к нем нему никогда не изсякнет.

Китай поражает нас своими размѣрами, разнообразіем своих ландшафтов, трудолюбіем многотерпѣливаго, многомилліоннего народа, он волнует наше воображеніе образчиками тонкой и изысканной красоты, он увлекает нас вѣчно мѣняющимся, пестрым и прихотливым, калейдаскопом

своей политической жизни, не похожей на политическую жисnь ни одного другого народа.

ИНОСТРАНЦЫ О КИТАЙЦАХ

Иностранцы хорошо, каждый по своему и для себя, разбираются в китайской политикѣ, но не всегда удачно истолковывают психику китайцев.

Мы, русскіе, при желаніи и опытѣ, можем разбираться не только в китайской политикѣ, но постигать душу китайскаго народа. Умѣем сживаться с этой душою, смотрѣть на Китай китайскими глазами.

Чѣм дольше мы живем в Китаѣ, тѣм глубже вникаем в сложность и разнообразіе китайской жизни, которая может волновать воображеніе, как волнует воображеніе китайскій пейзаж—будь то розовыя, в полуразрухѣ, стѣны Запрещеннаго Города в Пекинѣ, древней столицѣ невыразимаго очарованія, или зеркала рисовых, заболоченных водою, полей или туманные холмы далекой южной провинціи Юньнань, подходящей к Тибету, к границам Индіи и к Тонкину.

Еще труднѣе разгадать душу китайца, так, чтобы почувствовать увѣренность, что вы дѣйствительно ея разгадали, не только убѣдить себя в том, что она вами разгадана.

Человѣк, в общем, легко сживается с мѣстом, куда забросила его судьба. Лучшій тому примѣр Америка, гдѣ не только в Соединенных Штатах, но и в латинских республиках Южной Америки многіе англо-саксы и германцы смѣшали свою сѣверную кровь с мѣстными горячими кровями.

Но есть только двѣ страны на свѣтѣ гдѣ чужой, сразу устраивался „всерьез и надолго,“ чувствуя себя, как дома,—это Россія и Китай. Китай воистину обладает (в особенности для нас, русских), какой то совершенно чудесной привлекательностью, многих сюда тянет с дѣтства, а, попав в Китай, мы и раньше до эмиграціи были готовы оставаться здѣсь на всю жизнь. Недаром русскіе, служившіе на Китайской Восточной желѣзной дорогѣ, устроили себѣ в Маньчжуріи вторую Малороссію, сохранив в неприкосновенности густой своеобразный быт, описанный в подлинной Малороссіи сто лѣт назад Н. В. Гоголем и недаром рафинированный поэт М. А. Кузьмин уже в наши дни, томясь в совѣтском плѣненіи, истомно мечтал о Китаѣ:

„Мѣдью блещет океанскій пароход.
Край далекій, новых путников встрѣчай!
Муравейником черно кишит народ,
В фонарях пестрит диковинный Шанхай!“

Послѣ русской революціи нам особенно понятен и близок стал Китай: мы валялись по пароходным трюмам, в стонах морской болѣзни, вмѣстѣ с китайскими кули, мы служили на „общих основаніях“ рядовыми и офицерами в китайских арміях, мы судились и судимся в китайских судах, сотни и тысячи русских прошли сквозь китайскія тюрьмы, а в Харбинѣ, в дни послѣдней холерной эпидеміи, русских хоронили, сваливая грудой и засыпая известью, в одной братской могилѣ с китайцими.

Средостѣніе все же еще существует. Мы для них есть и, вѣроятно, всегда останемся „иностран-

цами.“ Практическій ум китайца отлично учитывает удѣльный вѣс, в политикѣ и в экономикѣ, русскаго эмигранта, но все таки, понимать китайцев мы умѣем и можем лучше, чѣм прочіе чужестранцы.

Итак, об их душѣ. Если наша пословица говорит: „чужая душа—потемки,“ то про китайскую душу можно сказать, что она—загадка! Не только для „бѣлокожих,“ но и для людей той же кожи, что и китайцы. По крайней мѣрѣ так мнѣ было сказано в 1928 году в Дайренѣ старым, умным японцем, д-ром Хишида, когда японцы упрекали американцев в предательствѣ, по поводу форсированнаго признанія посланником Дж. В.А. Мак-Мурреем тарифной автономіи и слѣдовательно de facto Нанкина, как центральнаго правительства Китая:

— Мы живем с ними сотни и тысячи лѣт бок-о-бок, и, все таки, иногда в них ошибаемся, до конца их узнать и мы не можем.

Китайца легко напугать, но, по свидѣтельству ряда русских офицеров, которые служили в китайской арміи, на противника они могут идти безтрепетно и часто смерть встрѣчают с поразительным хладнокровіем. О стойкости и мужествѣ почти безоруженных китайских солдат во время боев в Чапеѣ в 1932 году, писалось очень много.

Послѣ этих боев один циндаосскій китаец говорил по-русски:— Наша японца не боися. Ну, двух нас убьет, ну трех, а мы его...—

В тѣ же страдные для китайцев дни, когда на них, в том числѣ на мирное и безоружное населеніе, низринулся поток огнедышащей стали, ког-

да китайскій город, состоявшій почти цѣликом из фаршированных зданій, громила артиллерія одной из самых лучших армій в мірѣ, я пристально вглядывался в лица китайцев, желая прочесть в этих лицах страх, тревогу, смятѣніе. Я ничего этого прочесть не мог. Эти лица оставались по прежнему спокойны и невозмутимы, как всегда. Только они не улыбались тогда так часто и так охотно, как обычно часто и охотно улыбаются китайцы: от учтивых дипломатов, до простых тащишек колясочек, рикш, людей, исполняющих обязанности лошади.

И тут же рядом такой феномен: пожилой китаец, отец двух взрослых дѣтей, прекрасный слуга, хорошій повар, говорящій грамотно по русски, весьма честный и исполнительный, зарѣзал бритвой без всякой видимой причины и при бѣлом свѣтѣдня, в четыре часа, в домѣ пишущаго эти строки юную дѣвушку, находясь, по свидѣтельству суда, в здравом умѣ. Зарѣзал может быть потому, что в этот самый день несчастная дѣвушка получила от родителей небольшой денежный перевод, подарок на Пасху.

Контрасты — с ними в Китаѣ чужестранец встрѣчается на каждом шагу! Контрасты во всем. Недаром извѣстный ученый китаевѣд проф. Герберт А. Джайлз посвящает им спеціальное мѣсто в своем классическом трудѣ „Цивилизація Китая.“

Он также отмѣчает, что если в военной исторіи зафиксированы случаи отступленія и даже бѣгства китайских солдат с поля сраженія, то имѣются точныя свидѣтельства историков и показанія современных нам очевидцев о том, что ки-

тайцы умѣли биться с врагом до смерти.

И если говорить о предательствѣ, при чем в этом грѣхѣ китайцы сами довольно часто упрекают то того, то другого из своих политических дѣятелей, то, рядом, в китайской исторіи имѣется не мало примѣров такого высокаго патріотизма, такой духовной доблести, которая поражает воображеніе и через вѣка. Вот один такой историческій примѣр:

Когда полчища монгольских завоевателей, в XIII вѣкѣ, при Кублай Ханѣ наносили один удар сокрушительнѣе другого Китаю, которым правила, прежде могущественная, династія Сунов, и когда одна из послѣдних армій Китая была разбита, знаменитый государственный дѣятель и полководец Ван Тьен-сян попал в плѣн, отказавшись капитулировать, и был брошен в тюрьму.

В тюрьмѣ он провел два года и писал оттуда письма, потрясающіе своей простотой и величіем духа: „в моем мрачном одиночествѣ не проносится мимо радостнаго дуновенія даже весной. Во мракѣ и сырости пребывая, я имѣл возможность много раз думать о смерти! И несмотря на потрясенія двух истекших лѣт, болѣзнь меня еще не сломила. Влажная, вредоносная почва в моем казематѣ стала для моего внутренняго я подножіем рая. То что внутри меня—никакое испытаніе не отнимет! Я остаюсь тверд и не спускаю взора с бѣлоснѣжных облаков, которые проплывают над моей головою. И на сердцѣ моем почіет печаль, безпредѣльная, как эти небеса.“

Наконец, его привели к монгольскому владыкѣ. Кублай Хан спросил его:—„Чего бы ты хотѣл?

— Милостью моего повелителя Суна,—отвѣтил плѣнник,—я стал министром его величества. Я не могу служить двум господам. Я прошу позволенія умереть!"

Он был обезглавлен, встрѣтив смерть спокойно и, поклонившись в сторону древней столицы, сказал только три слова: „Моя работа кончена."

Китайцы сами отчетливо понимают силу раздѣляющих их с нами, европейцами, контрастов. Еще А. В. Тужилин приводит статью, появившуюся много лѣт назад в одной из фучжоусских газет, гдѣ были довольно вѣрно обрисованы эти разящіе контрасты:

„Китайцы употребляют для письма кисть, европейцы — карандаш или перо. Китайцы, при чтеніи книг, возвышают голос, иностранцы читают про себя. Нос у китайцев плоскій, у европейцев острый, как у ястреба. В знак почтенія, китайцы надѣвают шапку, европейцы, для того же, снимают ее. У китайцев улицы, по большей части узки, у иностранцев широки. Китайцы любят отращивать большіе ногти, европейцы не любят. Китайскіе защитники подсудимых боятся людской огласки, иностранцы исполняют свою роль открыто и ради своих кліентов приходят в суд. Китайцы уважают бумагу, с написанными на ней іероглифами, иностранцы не уважают. Китайцы любят больше сидѣть дома, иностранцы— гулять. У иностранцев дѣти обоего пола считаются равными, у китайцев не равными. Китайцы моют лицо горячей водою, иностранцы холодною. При похоронах у китайцев употребляется бѣлый цвѣт у иностранцев черный, бѣлый цвѣт употребляется

у них при свадьбѣ. Китайцы по своему характеру добры и терпѣливы, иностранцы очень суетливы. У китайцев гости за столом сидят на самом почетном мѣстѣ, у иностранцев то же мѣсто занимают хозяева. Борода и усы у китайцев выростают у китайцев поздно и бывают маленькими, у иноствaнцев, наоборот, они выростают рано и бывают большими. У китайцев глаза выпуклы и черны, у иностранцев они глубоко сидят и бывают разных цвѣтов. Китайцы не любят ѣсть коровье мясо, предпочитая ему свиное, иностранцы же предпочитают свиному коровье. Китайцы употребляют при ѣдѣ палочки и кушанья подаются на общем блюдѣ, у европейцев приняты ножи и вилки, и для каждаго блюдо сервируется отдѣльно. Китайцы не любят ходить пѣшком, европейцы, будучи даже богаты, любят прогулки, считая, что это полезно для организма. Фамиліи у китайцев стоят всегда впереди, у европейцев назади. Книги у китайцев начинаются там, гдѣ у нас онѣ кончаются. Китайскія женщины шьют слѣва направо; обѣд у китайцов начинается с десерта, при чем вино за ним пьется горячим."

Таких контрастов можно привести еще много и, наоборот, многое, что прежде контрастировало теперь отмерло и забыто, замѣнено европейскими навыками, привычками и обычаями.

Китайскіе ученики при отвѣтѣ уже не стоят к учителю спиною, откуда и получило свое происхожденіе слово «бэй» — «отвѣчать» (обратившись спиною). Китайцы, за рѣдким исключеніями, не отращивают больше длинных ногтей, а китайцев с косами в больших городах можно встрѣтить

толька как раритет, на который китайцы смотрят с не меньшим удивленіем, чѣм европейцы. Китайцы давно научились ходить пѣшком и все чаще по улицам Шанхая, под вечер, когда нѣсколько замирает автомобильное движеніе, можно видѣть цѣлыя группы китайской молодежи, в коротких трусах и майкѣ, под которыми чувствуются красивыя формы хорошо резвитаго мускулистаго тѣла, это молодежь которая тренируется в бѣгѣ на дальнія разстоянія.

Если, прежде, китайцы в школах изучали, главным образом, классическій стиль и разучивали древніе стихи, то, теперь, они заняты по европейски трактуемым и естествознаніем и математическими науками. Они давно уже не считают медицину презрѣнным занятіем, поняли всѣ преимущества европейской медицины. Перестала считаться низшей профессія война и отвѣчая пожеланіям общественности, Нанкинское правительство издало закон о всеобщей воинской повинности. Труднѣе, в глазах общества, поднять стандарт представителей газетной професcіи, не только потому, что газеты все еще то тут, то там подвергаются административному „нажиму "отдѣльных провинціальных администраторов, но главным образом потому, что существует масса органов желтой прессы, занимающихся мелким шантажем или рождающих дутыя сенцаціи, так что нѣкоторые солидные китайцы, жертвы газетного заушенія, до извѣстной степени могут быть оправданы, когда они пологают, что слово „газетчик" может быть уподоблено в нѣкоторых случаях слову „разбойник," а редактор, „джу-би," воспринимается эти-

ми ненавистниками повседневной печати, как глава указанных „разбойников." Но и этот взгляд мѣняется.

Интересча эволюція взглядов китайскаго общества в отношеніи работников сцены. Не так давно, лѣт десять с небольшим тому назад, в Пекинѣ вызвало сенсацію извѣстіе, что министр иностранных дѣл д-р Велингтон Ку пригласил к себѣ на официальный пріем знаменитаго китайскаго актера, исполнителя женских ролей, Мэй-Лян-фана, а теперь культ Мэй-Лян-фана во всѣх слоях китайскаго общества, вплоть до самых старозавѣтных, напоминает культ Ф.И.Шаляпина среди русскаго культурнаго общества.

Но как бы широко не шагал прогресс, как бы не мѣнялось лицо молодого Китая, к истокам китайской народной души можно подойти только через прошлое. Надо знать не только исторію, но и религіозныя вѣрованія этого народа. Часто китайскія суевѣрія говорят о характерѣ, бытѣ, нравах китайцев больше, чѣм обстоятельныя книги ученых синологов.

ИСТОКИ МИФОЛОГІИ.

Иностранцы, в том числѣ и русскіе, чѣм дольше живут в Китаѣ, тѣм ближе подходят к истокам народных повѣрій и религіозных сказаній китайцев.

Китайскій фольклор, мифы китайцев также разнообразны и интересны для этнографа, как

фольклор всякаго великаго народа с самобытной культурой. Еще С.Георгіевскій удѣлял много вниманія истолкованію сказаній и вѣрованій Срединнаго Государства.

Китайцы представляют себѣ мір не сотворенным, а образовавшимся самим собою. По представленію китайцев, было время, когда вся видимая природа пребывала в состояніи хаоса.

По мнѣнію одних мифологов этот хаос первобытный хунь-дунь был безформенным; по утвержденію других имѣл форму яйца. „Чтобы из хаоса,—говорит С. Георгіевскій,— образовались предметы видимой природы, он должен был, как начало безформенное, дифференцироваться или, как яйцо, раскрыться."

Начало мірообразованія,—кай ин, что, в буквальном переводѣ, должно значить „раскрытіе". Яйцо раскрылось — и небо с землею стали существовать отдѣльно. Вліяя на землю, небо породило сына. „Сын неба" или тян-цзы, называющійся Пань-гу, был первым человѣком на землѣ, китайским Адамом. Нѣкоторыя сказанія приписывают ему тѣло змѣи и голову дракона.

Долго ли жил первый человѣк на землѣ неизвѣстно, но когда Пань-гу умер, то дыханіе его сдѣлалось — вѣтром и облаками, голос —громом лѣвый глаз—солнцем, правый—луною, туловище с руками и с ногами — четырьмя странами свѣта и „пятью пиками" (главными священными горами Китая), кровь — рѣками, мускулы и жилы — земною корою, мясо (не мускулистыя части) — почвою, борода и волосы на головѣ — звѣздам, мелкіе волосы кожи — травою и деревьями, зубы

и кости — металлами, мозг — жемчугом и вообще драгоцѣнными камнями, пот — дождем, а паразиты на тѣлѣ, под вліяніем вѣтра, превратились в людей.

Как видим, китайцы, согласно этому сказанію, не особенно высокаго представленія о происхожденіи человѣкѣ. Впрочем, мифов о Пань-гу нѣсколько; излагается появленіе людей на землѣ в разных варіантах.

Синологи тщательно прослѣдили формированіе предстовленія китайцев на счет образованія міра.

Чтобы началось мірообразованіе хаос, как яйцо, должен был раскрыться, а как нѣчто безформенное, должен был дифференцироваться.

Дифференціація хаоса обнаружилась, прежде всего, в том, что он распался на два основных элемента — на Ян и Инь. Взаимодѣйствіе этих элементов способствует дальнѣйшей дифференціаціи из начальнаго хаоса. В мифических воззрѣніях китайцев взаимодѣйствіе Ян и Инь сводится к двум противоположным принципам — согласія и борьбы.

Что такое согласіе Ян и Инь? Это, в сущности, зависимость всей жизни на землѣ от свѣта и тепла, сходящих на землю с видимаго небеснаго свода или твердыни. Небо — чунь Ян, т. е. „чистѣйшій Ян“, земля — чунь Инь, т. е. „чистѣйшая Инь“, небо цянь или фу, т. е. — отец, земля — кунь или му, т. е. мать.

По мифо-поэтическим воззрѣніям китайцев, солнце и луна — тянь му, что значит „очи неба“, гром — тянь шэн или „голос неба,“ звѣзды —

тянь и, или „облаченіе неба", заря и радуга — тянь пэй, или„оплечья наба", дождь — сюань и, или „сѣмя неба"

Это величественное небо, как отец, вступает в связь с землею, как матерью согрѣвает ее своею теплотою, оплодотворяет ее дождем, как своим сѣменем, и дѣлает ее способною обнаруживать производительныя силы, ей присущія. В каждый годичный період времени совершается союз Ян и Инь, т. е. неба и земли.

Начальным моментом этого соединія китайцы считают день зимняго солнцестоянія, почему и пользуются, для выраженія понятія об этом днѣ комбинаціей слов жу, что значит „входить" и и, что значит „сѣмя".

Что такое борьба Ян и Инь? Это поочередное в годичном періодѣ времени, преобладаніе тепла и холода, свѣта и тьмы.

Солнце, как свѣтило, каждый день восходит, свершает по небу свой путь, потом заходит и между сутками, идущими по порядку, нѣт замѣтной разницы.

Но то же самое солнце в разныя времена года свѣтит и грѣет то сильнѣе, то слабѣе. Чѣм обусловлена такая неодинаковость силы солнца? По мифологическим воззрѣніям китайцев, это обуславливается, во-первых, тѣм, что солнце есть не только одно из свѣтил небесных, но и представитель элемента Ян, почому и называется тай - Ян, т. е. «великій Ян», а, во - вторых», тѣм, что Ян ведет постоянную борьбу с Инь.

В дни равноденствій силы борющихся сторон одинаковы, день лѣтняго солнцестоянія — это апо-

гей могущества Ян, день солнцестоянія зимняго — апогей могущества Инь.

Видимая человѣку природа была бы иною, если бы господствовал один только Ян или одна только Инь. Существующее разнообразіе природы, жизнь ея, чуждая монотонности, объясняются в китайской мифологіи вѣчной борьбой начала Ян с началом Инь.

Представленіе о том, что мір образовался из хаоса, безформеннаго или подобнаго яйцу, путем дифференціаціи, было однако усложнено дальнѣйшими представленіями о постепенности мірообразованіи. Эти дополнительныя представленія, как бы исключающія одновременность бытія Ян и Инь, говорят, что мір произошел из пустоты, подвергавшійся процессу матеріализаціи в теченіе длинных періодов времени, слѣдовавших один за другим.

По этим данным, видимая природа создалась из хаоса в три періода, называемых хой. Первым періодом завершилось формированіе неба, вторым — формированіе земли, в третьем періодѣ появились на землѣ люди.

О том, как мір возникал из пустоты, китайскія книги говорят весьма различно.

Чтобы получить нѣкоторое представленіе об этих періодах, стоит процитировать краткую формулировку, сдѣланную нашим знаменитым синологом, глубоким знатоком даосизма арх. Палладіем, которая помѣщена в составленном им и П. Поповым „Русско-Китайском Словарѣ" (Т. 1, стр.163).

„В глубочайшем и верховном существѣ его (дао) явилась пустота кун-дунь, которая есть ис-

тинное единое. По произведеніи из эфира истиннаго единаго прошло 99.990.000.000 лѣт до образованія трех высших эфиров. Между каждым протекло столько же лѣт. От свойства соединенных 3-х эфиров явился непревышаемый (высочайшій), небеснокланяемый владыка—пустота, Сюй-хуан-тянь цзунь. Потом протекло опять столько же лѣт до произведенія трех средних эфиров. От свойства их соединанных произошел глубочайшій старец, Сюань-лао, или первоначальный, небеснопоклоняемый, Юань-шн-тянь-цзунь. Потом протекло опять столько же лѣт до произведенія трех низших эфиров. От свойства их соединенных, родился превысшій Тай-шан, или Тай-шан-дао-цзюнь. Затѣм от одного эфира произошло три эфира. Между каждым протекло 81.000.8 0.000 лѣт. От свойства их соединенных, произошол Ли-лао-цзюнь."

Эти представленія о періодах міробразованія, возникшія или на основѣ астрономических расчетов или (что вѣрнѣе) на почвѣ мистико-философских доктрин даосизма, разрабатывавшихся в Китаѣ, приблизительно, со второго вѣка по Р. Х. в противовѣс буддизму, не составляют сами по себѣ мифическаго міра китайцев, но соединяются со множеством мифов, повѣствующих о дѣятельности и свойствах необыкновенных существ. А эти существа космогоніи даосизма, до самаго послѣдняго времени служили объектами поклоненія вѣрующих.

Само собой очевидно, что созданіе этих космогонических мифов даосизма проистекало из той же общенародной сокровищницы мифическаго матеріала.

С течснiем времени понятiе о Ян, выразителѣ главенствующаго, мощнаго фактора, заслонилось понятiем о Шан-ди, верховном государѣ, пребывающем на небѣ и господствующем над землей и ея обитателями.

В каких же формах китайцы до революцiи 1911 года, представляли себѣ этого верховнаго государя на небѣ? Отвѣт мы находим в друх книгах конфуцiанскаго канона.

„Небо наблюдает за живущими на землѣ и желает, чтобы они поступали согласно с (разумом и) справедливостью,— оно дает одним людям болѣе, другим менѣе продолжительную жизнь.. Если люди не дѣлаются добродѣтельными и не сознаются в своих проступках, небо объявляет им свою волю, чтобы они исправились.“(Шу-цзин, ч. III, гл.9).

„Шан-ди дал и простым людям разум. Если люди (в дѣйствiях своих) согласуются со своим разумом, то продолжают свое бытiе (не нуждаясь в постороннем руководствѣ). Если же не согласуются, то государь принуждает их согласоваться (ibid., ч. III, гл.3).

„Шан-ди неодинаков в отношенiи к людям. Тѣх, которые дѣлают добро, он осыпает всякаго рода благодѣянiями, а тѣх, которые дѣлают зло, поражает всякаго рода несчастьями (ibid., ч.III, гл. 4).

„Шан-ди посылал исправленiе (Цзѣ-гую, государю династiи Ся). Но государь, не переставая предаваться удовольствiям, не обращался к народу с ласковыми словами. Будучи омрачен разгулом, ни один день не подумал о пути, который

Шан-ди ему называл.. Тогда небо нашло лучшаго правителя для народа:— ниспослало свое покровительство Чэн-тану и поручило ему наказать Цзѣгуь и положить конец династіи Ся" (ibid., ч. IV. гл. 18.)

„Небо видит то, что народ видит. Небо слышит то, что народ слышит" (ibid., ч. IV. гл. I).

Из сказаннаго явствует, что в представленіи древних китайцев, Шан-ди, с одной стороны, отождествлялся с небом, а, с другой, был как бы высоким наблюдателем и строгим судіей для человѣчества — одних он награждал по заслугам, других наказывал, мог вразумлять людей, был терпѣлив и, когда нужно, снисходителен, мог видѣть, слышать и даже говорить.

Но сказать, что в представленіях китайцев Шао-ди был вполнѣ антропоморфным трудно, так как в книгах конфуціанскаго канона прямых указаній этому нѣт.

У китайцев, с незапамятных времен, сложилось убѣжденіе, что на звѣздах обитают души усопших людей и разнаго рода духи.

Как можно видѣть из „Ши-цзина" и „Шу-цзина," китайцы представляли себѣ, что души усопших государей живут на небѣ,— отсюда понятным становится, почему китайцы метонимически обозначают небо словами гу-ди, „древніе государи," и почему китайским императорам был присвоен титул тянь-цзы, „сын неба."

„Но если, по началу, мѣстом пребыванія душ усопших государей считалось небо, как видимый небесный свод, или же как нѣчто не вполнѣ опредѣленное, то, впослѣдствіи, мифо-поэтическая

фантазія народа точнѣе указала, гдѣ именно витают души усопших государей,"— говорит Георгіевскій.

Переход от неопредѣленнаго к болѣе опредѣленному совершился, можно думать, не без метонимическаго сближенія понятій.

Древніе китайскіе государи приносили своим усопшим предкам жертвы, кромѣ других времен года. в началѣ лѣта, совпадавшаго с началом мая.

Так как первыя числа мая мѣсяца опредѣлялись древними китайцами по относительному положенію одного из созвѣздій, то созвѣздіе это и было названо, метонимически, гуй-сю „мѣсто пребыванія душ усопших," а также тянь-куан, „небесныя могилы" и тянь-мао „небесный храм предков."

Когда понятіе о душах усопших государей сблизилось метонимически с понятіем об извѣстном созвѣздіи, тогда мифотворчеству не трудно уже было опредѣлить, как мѣстопребываніе душ усопших императоров, не вообще все небо, а звѣзды видимаго неба.

Таким образом фантазія и помѣстила души древнѣйших китайских государей — Фу-си, Шэнь нуна, Хуан-ди, Шао-хао и Чжу-ань-сяя на одном созвѣздіи, которое получило наименованіе у-ди-цзо, — „сѣдалище (трон) пяти императоров."

Наличіе богатой мифологіи, безконечных сказаній и легенд религіознаго характера, а также храмов и кумирен, разбросанных по всему лицу китайской земли, не помѣшали, однако, проф. Г. А. Джайльсу в своем классическом трудѣ „Цивилизація Китая" отмѣтить, что китайцы поража-

ющие нерелигiозны, хотя они в высшей степени суевѣрны.

Вѣра в то, что Бог существует восходит к незапамятным временам, но эта простая вѣра так приглушена буддизмом, который в настоящее время из всѣх религiй все таки продолжает доминировать, что просто „вѣры в Бога", без каких либо посторонних наслоенiй, теперь и не выдѣлишь в Китаѣ в нѣчто самостоятельное и себѣдовлѣющее.

Буддизм в Китаѣ давно уже отошел от того своего прообраза, который был создан Индiей и Будда воспринимается, как спаситель народа, а святители буддiйской вѣры почитаются надѣленными силой заступничества.

Однако, особеннаго почитанiя со стороны широких масс китайскаго народа не вызывает к себѣ и эта религiя: посѣтители обычно смѣются разговаривают в буддiйских храмах и покупают тут же сласти, пребывая на глазах наиболѣе почитаемых священных изображенiй.

По мнѣнiю Джайльса, рядовай китаец обращается к божеству только тогда, когда чувствует надобность в божественном вмѣшательствѣ, а в обыденной жизни бытiе божества его мало трогает.

Над духовенством посмѣиваются, в подвижническую жизнь монахов мало вѣрят, но стоит китайцу заболѣть или пошатнутся его дѣла, как, тотчас же, он спѣшит заручиться поддержкой небожителей.

Отдавая должное авторитету знаменитаго синолога, мы не склонны, однако, слѣпо признать

его максиму о религіозном индифферентизмѣ китайцев.

Даже на нивѣ христіанства многіе китайцы зарекомендовали себя горячо вѣрующимм, а нѣкоторые, — их не мало, в том числѣ, и в лонѣ праправославія, — пожертвовали живнь за вѣру.

ЛАБОРАТОРІЯ ДУХА

В работѣ г. Сун - Женя читаем:

„Нынѣшнее національное правительство, отражая либеральные взгляды, объявило свободу вѣроисповѣдыванія, но, вмѣстѣ с тѣм, вело широкую пропаганду против всяких суевѣрій, предприняв в этом направленіи ряд мѣр. Так в концѣ 1928 г., оно издало приказ о классификаціи богов на четыре категоріи.

К первой категоріи отнесено обожествленіе исторических личностей, оказавших ту или иную услугу людям. К ним отнесены императоры Фу - Си, Шен - Нун, Хуан - Ди, Да - Юй, мудрецы Конфу - Цзы, (Конфуцій) Мен - Цзы, великіе полководцы Іо - Фей и Гуан - Юй.

Вторая категоріей являются боги пантеистическаго культа: Сакія - Муни, Гуана - Ин, Ди - Цзан-Ван - Пу - Са, Ми - Ли - Фо, Лао - Цзы и монотеистическаго культа: Магомет и Іисус.

Этим двум категоріям богов разрѣшено поклоняться.

„К третьей категоріи богов относятся боги, олицетворяющіе обожествленную природу. Поклоненіе природѣ и ея явленіям является древнѣй-

Священнослужители в Пекинѣ.

шим культом китайскаго народа, божества котораго вошли в пантеон даосских божеств, как, например, солнце, луна, земля, гром, молнія, вѣтер и т. д.

К четвертой категоріи божеств причислены боги, духи, порожденные суевѣріями, как бог богатства, боги-покровители родов, духи эпидемій. Поклоненіе богам этих двух категорій національным правительством запрещено."

Національное правительство категорически воспретило празднованіе новаго года по лунному календарю, новый год офиціально теперь совпадает с нашим, 1 января, но чѣм дальше уходит время от опубликованія декрета, тѣм все настойчивѣе китайскій новый год, празднуемый приблизительно по нашему календарю, с конца января по середину февраля, отвоевывает вновь свои прежнія позиціи, хотя в правительственных учрежденіях занятія продолжаются обычным порядком.

Не смотря ни на что крѣпка еще связь прошлаго с настоящим.

30 апрѣля 1933 года студенты медицинскаго факультета Пейпинскаго (Пекинскаго) національнаго университета совершили паломничество в Гуан-ань-мынь-вей, гдѣ расположено спеціальное кладбище для тѣх китайцев, умерших в клиниках медицинскаго факультета, над тѣлами которых производились работы анатомическаго порядка.

Кладбище было создано по почину факультета и каждый год, 30 апрѣля, студенты медики устраивают туда поломничество и совершают поклоненіе перед духами людей, отдавших свое тѣло во имя европейской науки врачеванія, чаще всего,

как отмѣчала телеграмма, с предварительнаго согласія на вскрытіе, даннаго перед смертью паціентов в клиниках.

Большинство из умиравших в клиниках, как и у нас в Россіи, попадавших затѣм в анатомическій зал, принадлежали к бѣднѣйшим классам населенія, лѣчились они на казенный счет, но наши русскіе как, вѣроятно, и другіе европейскіе студенты-медики, работая в анатомических институтах по препарированію трупов, вряд ли когда интересовались вопросом, как будут похоронены изрѣзанныя ими тѣла, в общей ли могилѣ или по одиночкѣ, а, может быть, и совсѣм не будут похоронены по христіанскому обряду.

Всякій, кто был у нас на медицинских факультетах, хорошо знает эту, по началу такую жуткую картину анатомическаго зала, гдѣ на мраморных столах, лежат часто влоск искромсанные на куски неопытными первокурсниками, трупы, прикрытые тяжелыми темными от сукровицы, тряпками, или плавают в чанах, в холодной жидкости, готовые для препаровки связок, руки и ноги, отдѣленныя, от туловища и лишенные мускулов.

Здѣсь, опять таки, у Китая „особенная стать," как эта „особенная стать„ заставила отца китайской революціи, соціалиста Сун Ят-сена, врача по образованію и христіанина по религіи, 15 февраля 1912 года совершить паломничество к могилам императоров Минской династіи и зачитать перед табличками почивших повелителей, для освѣдомленія их августѣйших душ, пространную рѣчь, меморандум о происшедшей в исторіи Китая важной перемѣнѣ, - его Сун - Ят - сена отставкѣ, с поста

перваго президента республики и возглавленію юной республики Юан Ши-каем (см. мою книгу «Китай, как он есть», стр. 115).

У нас в Россіи, вся культура которой была построена на православіи, гдѣ церковь до 26 февраля 1917 г. была безчисленными нитями соединена с государством, нельзя себѣ представить возможность, чтобы не только эс-эр А. Ф. Керенскій, но и первый глава временнаго правительства кн. Г. Е. Львов, совершили паломничество к могилѣ Петра Великаго, как нельзя себѣ представить, что бы у наших до-революціонных студентов-медиков, среди которых было не мало религіозных (в общем смыслѣ этого слова) людей, явилась мысль просить университетскаго священника, хотя бы в радоницу, отслужить панихиду по всѣм тѣм, кто отдал свое тѣло во имя науки.

Так, в своеобразной гармоніи, у китайцев прошлое соприкасается с настоящим и европеизм уживается с основами вѣковой національной культуры.

Вот почему и до сих пор для того, чтобы глубже проникать в душу китайскаго народа надо старательно изучать не только исторію и религію Китая, но и суевѣрія его.

Еще С. Георгіевскій в 1892г. отмѣчал, что в китайском народѣ, при болѣе или менѣе давнем и близком его знакомствѣ с буддизмом, браминизмом и религіями монотеистическими, нѣт общераспространенной, господствующей, тѣм болѣе государственной религіи, и вѣрованія, которыя самостоятельно слагались на протяженіи вѣков, послужили основою широко развитаго политеизма.

Однако, каждый учебник китаевѣдѣнія вам скажет, что в Китаѣ одновременно с безсистемными и многочисленными народными вѣрованіями, существуют двѣ религіи — конфуціанство и даоссизм, развивавшіяся хотя и на самобытно — китайских основах, но формировавшіяся под большим или меньшим вліяніем иных религіозных систем с которыми китайскій народ знакомился в разные періоды своей исторической жизни.

Если стало ходячим мнѣніе, даже среди людей, никогда не бывавших в Китаѣ или мало знакомых с воззрѣніями этого народа, что китайцы в религіозном отношеніи, достаточно индифферентны и даже чуть ли не склонны в большинствѣ к атеизму, во всяком случаѣ, всегда проявляли поразительную вѣротерпимость, то, на ряду с этим никто не сможет отрицать, чт количество суевѣрій, прочно связанных с міровоззрѣніями и бытом этого народа, в Китаѣ необъятно.

Со времен Георгіевскаго в толщѣ народа немногое в этом отношеніи измѣнилось и до сих пор справедливо его риторическое восклицаніе:

— «Мало ли в Китаѣ разнаго рода культов! Мало-ли храмов, кумирен и других мѣст поклоненія! Сколько циркулирует мифических разсказов, соединенных с тѣми или другими пунктами территоріи. Сколь при этом длинен ряд беллетристических произведеній, которыя заключают в себѣ большую или меньшую сумму мифологических элементов, в той или иной степени усложненных авторской субъективностью». (См. «Мифическія воззрѣнія и мифы китайцев» СПБ. 1892 г.)

Суевѣрія у китайцев возникают также точно,

как и у всѣх иных народов.

Извѣстен примѣр, как студенты, склонные к суевѣріям, идя на экзамен, но не будучи увѣрены в своих знаніях, чествуют жертвами дух Чжу-И, что значит собственно в переводѣ „Красное платье."

Легенда повѣствует, что много лѣт тому назад один провинціальный экзаменатор, сидя в комнатѣ, прочитывал сочиненія, поданныя экзаменовавшимися студентами.

Признав одну из письменных работ неудовлетворительною, экзаменатор отложил рукопись в сторону. Но отстраненная бумага, сама собою, тотчас же помѣстилась на столѣ перед глазами экзаменатора.

Экзаменатор вдруг замѣтил, что около очага сидит длиннобородый старец, одѣтый в красное платье и многозначительно кивает головою.

На вопрос, не означают ли кивки старца, что экзаменатор должен одобрить забракованную им работу, старец ничего не отвѣтил, но, как бы в знак утвержденія, кивнул еще раз бородою и исчез.

Легенда повѣствует, что экзаменатор поступил согласно волѣ будто бы явившагося духа и слабый студенческій труд был признан удовлетворительным.

С тѣх пор дух Чжу-И стал извѣстен, как опора студентов, не расчитывающих на то, что их познанія обезпечат им успѣх на экзаменах.

Георгіевскій подробно разсказывает, как слагались у китайцев многіе мифы путем метонимін.

О знаменнтом министрѣ императора Цзѣ-Гуя

(1818-1766 г. до Р.Х.) И-Инѣ сообщается, что он родился в дуплѣ тутоваго дерева, гдѣ его и нашла одна женщина, которая собирала тутовыя ягоды.

Этот разсказ при научном выясненіи представляет собою ни что иное, как простѣйшее истолкованіе того примѣчательнаго факта, что И-Ин родился в мѣстности, называвшейся быть может по особенностям ея флоры- Кун-са, что по китайски значит пустое (полое, дуплистое) тутовое дерево.

В Китаѣ есть много книг, в которых излагаются мифическія воззрѣнія народа, соединенных в спеціальные сборники: „Тай-пин-гуан-цзи," „Гу-цзинь-лэй-чжу-авь," „Соу-шэнь-цзи," „Лѣ-сянь-чжуань" и др.

Пытаться рисовать жизнь древняго китайскаго народа по этим книгам, в которых много фантазіи, довольно рисковано, но ознакомиться с ними, чтобы войти, так сказать, в лабораторію народнаго духа и любопытно и полезно.

ВЕЛИКІЕ МУДРЕЦЫ.

Однажды Конфуцій обѣдал у князя Аї - гуна. Когда на стол подали кушанья, философ начал ѣсть зерна хлѣбнаго растенія шу, вмѣсто того, чтобы приняться за персики, как слѣдовало по тогдашнему обычаю. Находящіеся за столом придворные князя не могли удержаться от смѣха, объясняя поступок философа либо незнаніем приличій, либо непростительной разсѣянностью. Сам князь не смѣялся, — он был убѣжден, что Конфу-

цій дѣйствует совершенно сознательно, но, чтобы разсѣять сомнѣніе присутствующих, обратился к философу с такими словами: «учитель! мои придворные, видя, что вы ѣдите зерна раньше персиков, смѣются и удивляются тому, как человѣк, столь часто посѣщавшій двор (императора) и столь ревностный к соблюденію всѣх требованій обычая и обрядовых предписаній, позволяет себѣ нарушать должный порядок".

Конфуцій отвѣчал:

„Я не только не нарушаю порядка, но, напротив, возстанавливаю его. То, что вы называете обычаем , есть не болѣе как злоупотребленія, которыя я, по данному мнѣ вами проученію, должен устранять, дѣйствуя и собственным примѣром и словесною проповѣдью. Я отдал предпочтеніе зернам перед плодами потому, что зерна, с одной стороны, служат главною пищею людей, впервые начавших жить обществом, с другой — заключают в себѣ самыя здоровыя питательныя существа. Вот почему, когда император совершает жертвоприношенія небу, землѣ или своим предкам, зерна занимают первое мѣсто; император приносит в жертву зерна или пироги, сдѣланные из муки, но не жертвует персиков."

В древности считалось обязательным, чтобы члены китайской семьи собственноручно убивали тѣх диких звѣрей и птиц, которые должны были приноситься в жертву предкам.

Однажды, Конфуцій окруженный толпою своих учеников, шел по полю. Замѣтив невдалекѣ группу вооруженных людей, философ сказал окружающим: «Это охотники, я присоединюсь к ним и

отправлюсь на охоту, чтобы изучить это искусство». Один из учеников грубо замѣтил Конфуцію: «Учитель! подумали ли вы об этом? Развѣ охота достойна вниманія мудреца? Время, которое будет употреблено на охоту по меньшей мѣрѣ будет потерянным для пріобрѣтенія знаній и для самоусовершенствованія в добродѣтели".

Философ отвѣтил:

— ,,Все достойно вниманія мудреца: нѣт ничего, чѣм бы мудрец не мог и не должен был бы по времени заниматься. Охота была одним из первых занятій (древних) людей: ею они ограждали землю, дававшую пропитаніе, от всякаго рода животных, производящих опустошенія (на полях); в охотѣ славные государи глубокой древности находили отдых от тяжелых трудов управленія; посредством охоты эти государи дѣлали своих подданных способными ограждать себя от ярости диких звѣрей, защищаться от насилій, укрощать злодѣев и разбойников, сдерживать тѣх, которые хотѣли бы уклониться от своих обязанностей. В охотѣ мудрец может найти отдых для своего ума, утомленнаго глубокими рзмышленіями и почерпнуть новыя силы для своих трудов; наконец, охота дает всякому человѣку возможность приносить в жертву предкам собственноручно убитых животных, как это требуется предписаніями древняго ритуала».

Конфуцій однажды посѣтил храм, в котором приносились жертвы Хоу-цзи, родоначальнику императоров Чжоусской династіи.

В храмѣ он нашел статую, имѣвшую на себѣ слѣдующаго рода надпись:

их словах. Будьте и вы осторожны? Говорите поменьше, — многословіе ведет к ошибкам, всегда скажешь то, чего не слѣдовало бы; не обременяйте себя дѣлами, обиліе дѣл ведет к заботам; не предавайтесь излишне покою и удовольствіям; не дѣлайте того, в чем могли бы потом раскаяться. Будете говорить: „это не важно", „это не опасно" „это не вредно", — и непремѣнно попадете в большую бѣду. Не говорите: „нас никто не слышит"— духи бдительно наблюдают за людьми. Маленькаго огня не погасишь, — он сдѣлается большим пламенем, маленьких ручейков не запрудишь, и они образуют большую рѣку. Когда нитки, как ни тонка каждая отдѣльно изъятая, — соединены вмѣстѣ, то их не легко разорвать, из них можно дѣлать сѣти и силки; неукоренившееся деревцо не трудно вырвать, но когда оно сдѣлается большим, то понадобится топор, чтобы срубить его. Осторожность — корень благополучія; разсужденія „то не бѣда, другое не бѣда" — врата несчастій. Кто имѣет силу и употребляет ее во вред другим, тот не окончит дней своих естественною смертью; кто любит побѣждать, тот непремѣнно встрѣтит себѣ противника, которым сам будет побѣжден и пр."

— „Небо, — говорит Конфуцій, — есть универсальный принцип; оно есть источник, из котораго истекли всѣ предметы; предки, получившіе начало в том же источникѣ, сдѣлались, в свою очередь, источником для послѣдующих поколѣній. Свидѣтельствовать признательность небу — первый долг человѣка, выражать признательность предкам — второй. Чтобы сдѣлать выполненіе од-

ного и другого долга одновременным, а также и обязательным для будущих поколѣній, святой человѣк Фу-си установил молебственныя церемоніи в честь неба и предков, причем опредѣлил, чтобы жертвы предкам приносились непосредственно послѣ жертвоприношенія Шан-ди. Но так как Шан-ди и предки невидимы для глаза, то Фу-си в видимом небѣ придумал найти эмблемы, их обозначающія и представляющія. Сын неба, император, совершая жертвоприношеніе Шен-ди, является представителем всей націи; во имя націи и о ея потребностях он возносит молитвы божеству. Шан-ди представляется как бы общею эмблемою видимаго неба, а также в отдѣльности под эмблемами солнца, луны и земли, потому что только через посредство этих послѣдних люди получают благодѣянія Шан-ди пользуясь которыми могут поддерживать свое существованіе, снискивать всѣ полезности и обставлять свою жизнь удобствами... Чтобы выразить свою чувствительную признательность божеству в такой формѣ, которая сколько нибудь соотвѣтствовала бы его благодѣяніям и которая могла бы возбуждать о них воспоминаніе, древніе установили обычай торжественных жертвоприношеній Шан-ди и назначили для совершенія послѣдних день зимняго поворота солнца, потому что в этот день оно, обойдя 12 дворцов (т. е. знаков зодіака), которые Шан-ди назначил ему мѣстопребываніем в теченіе года, снова начинает свой путь, чтобы снова расточать благодѣянія."

С. Георгіевскій правильно подмѣчает, что так как это ученіе Конфуція было писано іероглифа-

ми допускающими возможность варьированнаго истолкованія, то Шан-ди может пониматься и как само небо, обнаруживающееся в его реальных видимостях и дѣйствіях, либо как высшее существо, которое распоряжается дѣйствіями неба и для котораго видимости неба служат только эмблемами.

При императорской власти Конфуцію и его 86 непосредственным ученикам и позднѣйшим, болѣе выдающимся, мыслителям конфуціанской школы, воздавалось государственное чествованіе.

Исторія гласит, что по смерти великаго учителя, около его могилы, в провинціи Шаньдун, в уѣздѣ Цуй-фу, удѣльным князем княжества Лу был воздвигнут храм.

В этом храмѣ было помѣщено изображеніе философа, собраны его литературные труды, его одѣянія, его музыкальные инструменты, повозка и разнаго рода утварь.

Князь удѣла Лу первый совершил торжественное жертвоприношеніе усопшему философу.

В 200 г. до Р.Х. император Гао-ди почтил своим посѣщеніем могилу Конфуція, и философ получил посмертное княжеское достоинство при ханьской династіи. При танской династіи Конфуцію было дано названіе „первый святой."

В 988 г. по Р. Х. сунскій император Чжэнь-цзунь совершил поклоненіе перед усопшим философом в его примогильном храмѣ и с этого времени было утверждено законом, что всякій претендующій на полученіе ученой степени или правительственной должности, предварительно оказывал бы чествованіе Конфуцію, лично являясь в

тот или другой посвященный ему храм.

Вслѣд за тѣм Конфуція наименовали „государевым наставником" и статую его облекли в царственное одѣяніе, с короною на головѣ.

При минской династіи философу был дан титул „святѣйшій, мудрѣйшій, доблестнѣйшій учитель."

В каждом китайском городѣ есть или был храм в честь великаго мудреца. Знаменитый пекинскій храм называется Сянь-ши-кун-цзы-мяо. Около этого храма сохраняются аллеи кедров, существующих, как говорят, свыше пятисот лѣт. Другіе красивые конфуціанскіе храмы находятся в Фу-чжоу, в Ян-чжоу и в Кантонѣ, гдѣ можно видѣть портрет Конфуція, изображенный на черной мраморной доскѣ.

На родинѣ философа до сих пор поддерживается неугасающей линія его рода и нынѣшнее Національное правительство все больше склоняется к тому, чтобы возстановить конфуціанскій культ, если не как государственный, то как офиціально поддерживаемый.

Замѣтим кстати, что крупный дѣятель гоминдановской власти, д-р Г. Г. Кун, свояк Сун-Ят-сена, занимавшій ряд лѣт пост министра торговли, считается одним из потомков Конфуція.

***

У Конфуція был соперник, о котором и в самом Китаѣ, не говоря уже о других странах, двѣ тысячи тысячи лѣт ничего не знали — философ Мо-цзы. Интересную библіографическую замѣтку о нем нѣсколько лѣт тому назад дал проф. Е. М.

Чепурковскій

Мо-цзы жил, приблизительно, в одно время с Конфуціем, иными словами, около 500 лѣт до Р. Х.

Мо-цзы создал нѣсколько школ послѣдователей, учил мыслить по методам логики, проповѣдывал идеи личной морали и государственнаго устройства, каковыя идеи мы встрѣчаем у современных выдающихся мыслителей, но уже к 200 г. до нашей эры был совершенно забыт.

Философ Мо-цзы был вновь открыт лишь в началѣ 18 вѣка и при том европейцами, которые заинтересовались указаніем Фабера, сдѣланным в 1841 году, что Мо-цзы был первым в Китаѣ соціалистом. С тѣх пор интерес к Мо-цзы все возрастает. О его системѣ существует ряд сочиненій китайских, японских и европейских ученых. По данным проф. Чепурковскаго наиболѣе старое изданіе сочиненій Мо-цзы состояло из 71 главы и существовало еще в 200 г. по Рождествѣ Христовѣ. В сунскую эпоху сохранились 61 глава и в Минскую — 53. К этой послѣдней и относится дошедшее до нас изданіе.

По мнѣнію Форке, Мо-цзы в том видѣ, в каком он дошел до нас, не есть одно произведеніе, а собраніе нѣскольких, содержаніе которых Форке раздѣляет на слѣдующія четыре категоріи: 1) систематику, или краткое разсужденіе об основах ученія, 2) діалектику-афоризмы по вопросам логики, естественной исторіи и этики, 3) аналекты и 4) военная техника.

Нельзя не согласиться с проф. Чепурковским, что представленіе европейских ученых о том, что

китаец „не отдаст и горсти риса за метафизическіе вопросы, стоящіе иногда европейцу жизни", что мораль Конфуція насквозь практична, в значительной степени поколеблено. Чѣм больше мы знакомимся с источниками китайской философской мысли, тѣм сильнѣе убѣждаемся, что у китайцев в области мысли были и метафизики и натур-философы и мистики.

В особенности должны измѣниться взгляды на состояніе научной мысли в Китаѣ в древнѣйшую достовѣрную эпоху его исторіи т. е. лѣт за 500-400 до Р. Х.

Как извѣстно, это был період раздѣленія на множество мелких государств, враждующих между собою; власть императора признавалось номинально. Территорія Китая занимала тогда лишь сѣвер страны, т. е. область Вей-хэ и средняго Хуан-хэ, столица находилась в одном из трех городов, расположенных здѣсь же: в Сіанѣ, Хен-нанѣ или Кай-фынѣ, а юг, — за высоким Цин-лин-шанем, — был покрыт дѣвственными лѣсами, за которыми жили чуждые Китаю народы, и туда колонизація только начинала распространяться. Как возник китайскій феодализм по европейском типу, — говорит проф. Чепурковскій, — или как результат ослабленія центральной власти и возвышенія окраин, защищавших гробницы княжеств, или же, напротив, как послѣдствіе завоеванія сѣверными номадами и порабощенія ими земледѣльческаго населенія — неизвѣстно. Теперь есть даже идея, что кочевники Монголіи были выходцами из Китая (Шмитхеннер). Несомнѣнно только, что государства этого періода находятся в по-

стоянной враждѣ, вносящей безпорядок, и есть мнѣніе, что конфуціанская этика, основатель которой был на службѣ владѣтеля одного из этих государств в Шаньдунѣ, была реакціей против этой вражды. Но, с другой стороны, это уклоненіе от Мо-цзы и других систем в сторону чистаго конфуціанскаго домостроя, при котором другой элемент религіи — мистицизм выдѣлился в самостоятельную систему даосизма, имѣющаго, как извѣстно, и особаго мистическаго главу—Лао-цзы — можно объяснить и иными причинами, коренящимися в главных факторах исторіи Китая.

В чем же характерныя черты ученія Мо-цзы? В догмѣ его ученія особенно замѣчательны идеи об общественных отношеніях и государственном строѣ и, прежде всего, идея всеобщей любви. Нѣт разных степеней привязанности, как у Конфуція, а есть лишь одна универсальная любовь ко всему человечѣству. Не надо любить больше отца, чѣм жену, дѣда, чѣм дядю, как тому учил Конфуцій, а всѣх, в том числѣ и чужестранцев.

Вторая идея это идея справедливаго государственнаго отбора, т.е. распредѣленіе должностей по способностям и достоинствам. Только тогда государство будет сильным и стройным, говорит Мо-цзы, если выдающіеся посты в нем будут занимаемы не по благородству происхожденія, богатству или родственным отношеніям, а по выдающимся личным качествам. Этому правители не слѣдуют, вот почему и царят бѣдствія.

„В старину было иначе: так, мудрый Яо возвел простого каменьщика в министры. Тоже и относительно ученых: если их голоса не слушают

и не привлекают к работѣ, государство гибнет. Выдающійся человѣк берет на себя труднѣйшія работы и старается другим, а не себѣ, облегчить жизнь. Он дѣлает только то, что ему трудно и только этим достигает цѣли, ибо не было еще примѣра, чтобы тот, кто дѣлает только пріятное для себя, избѣжат непріятнаго. Министры, только поощряющіе дѣятельность правителя или придворные, только льстящіе ему, вредны: он должен имѣть оппонирующих министров и таких подданных, которые не боялись бы говорить ему о своих несчастьях. Только пока существует эта оппозиція и обсужденія, он может быть спокоен за себя и за государство. Если же чиновники думают только о своих постах и нѣмы, то весь гнѣв накопляется в сердцѣ народа и государство в опасности. Развѣ Чжоу не потому погиб, что не хотѣл считаться с учеными? Хорошій правитель не будет цѣнить сановников, не приносящих пользы, как отец не будет любить бездѣльника сына. Трудно натянуть тугой лук, но он далеко пошлет стрѣлу. Трудно обуздать сильную лошадь, но она будет нести большой груз. Трудно найти человѣка с большим талантом, но он принесет много пользы государству. Рѣки не боятся притоков, приносящих им воды из долин. Древніе правители дарили способным чиновникам (не за добродѣтель их, а чтобы тѣ приносили пользу) богатства, чины и власть, ибо если нѣт перваго, народ не будет довѣрять, второго — не будет уважать, и третьяго — не будет бояться. Все, что ни сдѣлано мудрыми, было затѣм приписано правителям и покрыло их славой."

Признавая объединяющую любовь всѣх, Мо-

цзы, естественно, относился отрицательно к завоевательной войнѣ. Можно употреблять оружіе только против разбойников и бунтовщиков.

„Если кто похитит в чужом саду персики, он подвергнется наказанію, потому что вредит другим. Если он похитит домашних животных, наказаніе будет еще строже; если кто убьет одного человѣка—еще строже, если десять—еще строже. А кто завоюет цѣлое государство и погубит при этом множество народа, тот не только не осуждается, но, напротив, его прославляют, и сраженія, которыя он вел, описываются в назиданіе будущим поколѣніям. Кто описывает их, не сознает, что этот завоеватель поступил неправильно, иначе зачѣм было передавать потомству вещи, завѣдомо несправедливыя для того, кто их описывает. Вѣдь он уподобился бы человѣку, который видя одну черную вещь, признает, что она черная, а видя много черных вещей говорит, что онѣ бѣлыя. А сколько тратится на войнѣ аммуниціи и других вещей, сколько мирных жителей гибнет от того, что не подвозится провіант."

Раз счастье человѣка зависит от его труда, т. е. от него самаго, то тѣм самым всякій фатализм по Мо-цзы есть абсурд и неправы тѣ, кто утверждает, что счастье предначертано заранѣе, а не есть награда за труд. Этот взгляд имѣл бы и и практически пагубныя послѣдствія — не надо было бы тогда исполнять никаких правил ни семейной, ни государственной жизни, в том числѣ и почитать родителей.

„Никто тогда бы,— говорит Мо-цзы, — не укрѣпил бы грозящей паденіем стѣны, не пришел бы

на помощь правителю, если бы правитель в ней нуждался. Правители перестали бы заботиться о народѣ, а народ трудиться, нечѣм было бы приносить жертвы духам, не стоило бы заботиться о старых и бѣдных. И правители и ученые должны поэтому бороться с фатализмом, да его и нѣт: вѣдь никто никогда не видѣл судьбы, (как существа или предмета)."

Расцѣнивая высокій идеализм Мо-цзы, русскій ученый восклицает: „Центр исторіи передвигается к Тихому океану; участіе Китая в міровой экономикѣ все расширяется, и ему предстоит, вѣроятно, играть крупную и отвѣтственную роль среди остального человѣчества. Сохранив из конфуціанства все хорошее, он, быть может, вновь обратиться и к тѣм общечеловѣческим устоям государственной жизни великаго Мо-цзы, которые безжалостная природа и сѣверные варвары, сжегшіе труды философа, не дали ему воспринять двѣ с лишним тысячи лѣт тому назад."

*

* *

О погребеніи и траурѣ Мо-цзы говорил:

„Правила траура предписывают, чтобы по смерти отца, сын облекся в траурное платье, постоянно проливал слезы, жил в лачужкѣ, спал на траурной рогожѣ, пользуясь куском земли вмѣсто подушки, воздерживался бы от пищи и голодал, носил бы легкое платье и терпѣл холод, имѣл бы опалое, потемнѣвшее лицо и ввалившіеся глаза, утратил бы чуткость слуха и остроту зрѣнія, совершенно потерял бы силу в руках и ногах. Но

если дѣлать подробныя правила строго обязательными,— говорит Мэ-цзы,— для князей и вельмож, то они не в состояніи будут рано являться ко двору и заниматься дѣлами своих должностей, а свои амбары и житницы должны будут наполнять сорными травами и дикими деревьями (плодами); для земледѣльцев, то они лишаются с утра до поздняго вечера (заниматься полевыми работами)— пахать, сѣять, садить, жать;— для ремесленников, то они не будут имѣть времени дѣлать лодки и телѣги, сосуды и утварь;— для женщин, то им нельзя будет с самаго ранняго утра до поздней ночи прясть, ткать, вышивать, заниматься дѣлами домашняго хозяйства."

* * *

О самопознаніи говорил Лао-цзы:

„Познавая себя — познаем других людей; познавая свое семейство, познаем другія семейства; познавая свое селеніе познаем другія селенія; познавая свое государство, познаем другія государства; познавая предметы природы, познаем природу."

„Чрезмѣрная любовь (к чему нибудь) непремѣнно требует (от человѣка) большого самопожертвованія; многостяжаніе непремѣнно сопровождается великими утратами. Кто знает мѣру довольства, тот не посрамляется; кто знает, когда слѣдует остановиться, тот не впадает в бѣду, — при этих условіях можно долго существовать...

„Что дѣлаешь, то рано или поздно разрушится; чѣм обладаешь, то рано или поздно утратит-

ся...

„Самое большое преступленіе — давать волю своим желаніям; самое большое бѣдствіе не знать мѣры довольства.

„За добро,— говорил Лао-цзы,— я отплачиваю добром, за зло тоже добром, — добродѣтель есть добро; за вѣрность я отплачиваю вѣрностью, за невѣрность — также вѣрностью, добродѣтель есть вѣрность... За обиды плати добром."

*

* *

Но Китай знал не только альтруистов и „непротивленцев." У него были и эпикурейцы, себялюбы, например Ян-чжу, проповѣдывавшій откровенный эгоизм:

„Сто лѣт,— говорил Ян-чжу, — крайній предѣл долговѣчности и из тысячи человѣк едва ли один достигает его. Положим, человѣк живет сто лѣт,— что же оказывается? Дѣтство и старость отнимают одну половину жизни, а страданія, болѣзни, печали и огорченія, утраты, безпокойства и страх наполняют другую, остается каких нибудь десять лѣт, да и в теченіе их едва ли выпадет для человѣка хотя один час веселаго самодовольства, неомраченнаго безпокойствами. К чему же человѣку жизнь, какое в ней удовольствіе? Положим, пріятно употреблять вкусную пищу и носить хорошую одежду, пріятно тѣшить слух музыкою, а взоры впечатлѣніями красоты, но, вѣдь, и эти удовольствія не могут постоянно нравиться человѣку и надоѣдают... При том же существуют запреты, под страхом казни и ограниченія со стороны законов, побужденія наградами и перспек-

живою громкаго имени, — все это заставляет человѣка безостановочно гоняться за мимолетною и пустою похвалой, стремиться к пріобрѣтенію славы, с крайней осторожностью относиться к тому, что видят глаза и слышат уши, постоянно наблюдать за правильностю своих поступков и мыслей: таким образом, человѣк проводит года без удовольствій, ни на минуту не может быть свободным в своих дѣйствіях, — чѣм же отличается он от узника, скованнаго по рукам и ногам?

„Древніе люди, понимая, как быстротечна жизнь и как скоро приходит смерть, повиновались влеченію своего сердца, спѣшили пользоваться представлявшимися удовольствіями услаждались согласно своим склонностям, не придавали цѣны похвалѣ и не заботились о посмертной славѣ, старались только не дѣлать того, что заслуживало бы наказанія, а о том, пріобрѣтут ли они славу и похвалу, будут ли первыми или послѣдними, проведут ли долгую или короткую жизнь, не думали.

„Все живущее представляет различіе пока живет, а по смерти дѣлается одинаковым. Между живыми людьми мы различаем умных и глупых, знатных и незнатных; но люди умершіе всѣ одинаково представляют вонючую гниль, подвергающуюся разложенію, тлѣнію, — таков общій удѣл...

„Ни жизнь, ни естественная смерть человѣка не в его власти, и не от него зависит быть умным или глупым, знатным или незнатным по рожденію. Всѣ родившіеся подвергаются смерти — умный и глупый, знатный и незнатный; умирают десятилѣтніе и столѣтніе, добродѣтельные и злодѣи, муд-

рые и глупцы. При жизни это были Яо и Шунь, а по смерти это не болѣе, как гнилыя кости; при жизни это были Цзѣ-(куй) и Чжоу-(синь), а по смерти это тоже не болѣе, как гнилыя кости. Кто мог бы сдѣлать различіе между их гнилыми костями?

„Поэтому, пока мы живы, будем спѣшить воспользоваться жизнью — развѣ есть время думать о том, что будет по смерти?"

Как не критикуют сейчас конфуціанство, приписывая его вліянію ряд отрицательных сторон специфически неповторимаго національнаго характера китайцев, можно ли сомнѣваться в том, что, если бы китайцы усвоили, вмѣсто ученія Конфуція, непротивленство Лао-цзы, как не высоко цѣним мы его стоицизм, или поддались эпикурейской доктринѣ Ян-чжу, то Китай навѣрное испытал бы судьбу своих сверстников: древняго Египта, Ассиро-Вавилоніи, античной Греціи и Рима.

ВѢРОВАНІЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Из мало вѣдомых, для многих все еще загадочных и полных тайны, глубин Тибета, в Пекин 12 октября 1932 года прибыл глава древней желтой вѣры Панчен-Лама.

Его пріѣзд привлек к себѣ вниманіе всего Китая, сопровождался давно неслыханными торжествами и отозвался далеко за предѣлами этой страны.

Панчен-Лама прибыл в древнюю столицу в сопровожденіи свыше ста буддійских священнослужителей и огромной свиты, в составѣ которой

находилось до сорока художников и декораторов.

Встрѣченный с исключителным почетом, глава буддійской вѣры остановился в Запрощенном Городѣ, резиденціи китайских императоров, и, по распоряженію маршала Чжан-Сюэ-ляна, ему был предоставлен дворец Дай Ху-тян.

Панчен-Лама совершил спеціальное богослуженіе, которое было обставлено с давно забытой торжественностью, которое было тщательно подготовлено и на котором, помимо представителей держав, присутствовали крупнѣйшіе дѣятели Сѣвернаго Китая и несмѣтныя толпы народа, по подсчетам пекинских газет, не менѣе ста тысяч человѣк.

Цѣлую недѣлю художники и декораторы сооружали в Залѣ Мира священный круг, который, впрочем, на европейскій глаз скорѣе напоминал четыреугольник.

В этом священном кругѣ Великаго Будды был сооружен спеціальный трон и буддійскій первосвященник, имѣя вокруг себя эмблемы древней вѣры и увѣнчанный величавой тіарой, совершил моленіе о ниспосланіи мира и благоденствія китайскому народу.

Вокруг трона Панчен-Ламы колѣнопреклаленно пребывали люди, имена которых давно занесены на страницы китайской исторіи: глава клуба „Ачь-фу," глубоко вѣрующій послѣдователь буддизма маршал Дуан-Ци-чжуй, бывшій правитель Сѣвернаго Китая маршал Чжан-Сюэ-лян, сын послѣдняго верховнаго правителя Чжан-Цзо-лина, маршал Сун Чуан-фан, бывшій повелитель пяти провинцій, расположенных по берегам великой Го-

лубой рѣки, включая Нанкин и Шанхай, бывшій пекинскій премьер Пан-фу и многіе другіе нотабли.

Но, что самое замѣчательное, на том же торжественном и всенародном моленіи присутствовали и д-р С. С. Ву, один из крупнѣйших дѣятелей революціонной партіи Гоминдан, ея лѣваго крыла, бывшій кантонскій, а, потом, и нанкинскій министр иностранных дѣл, бывшій посланник національнаго правительства в Вашингтонѣ, друг и сторонник Ху Хан-мина, Сун-Фо и Ван Цзинь-вея, сын Ву Тин-фана, перваго „государственнаго революціонера," сигравшаго рѣшающую роль в низложеніи монархіи Цинскаго дома.

Присутствовал на моленіи и маршал У Пей-фу, имя котораго в свое время не сходило со страниц міровой печати, воин и поэт, „львиное средце", бывшій вице-президент Китайской республики.

Если даже считать, что вся эта торжественность была, по восточному, тонким отвѣтом на попытки монархических кругов возстановить чужими силами монархію, а, может быть, династію Маньчжуров, то и тогда историческій смысл моленія не терял своей провиденціальности.

Ровно через двадцать лѣт послѣ начала революціи, не только дѣятели прошлаго, но и вожди партіи, рѣшившей искоренять в Китаѣ религіозный культ, нашли себя вынужденными продемонстрировать на религіозном торжествѣ политическое единеніе, національное единодушіе.

Пекинское моленіе совершалось о „дарованіи мира и благоденствія китайскому народу," а так-

о дарованіи мира всему міру.

„С умным человѣком и поговорить пріятно“, — сказал Ф. М. Достоевскій. О чем бы не говорил умный человѣк, он говорит умно.

Эти сентенціи полностью приложимы к д-ру С. Т. Вану, члену Государственнаго Совѣта, бывшему министру иностранных дѣл Національнаго правительства, бывшему премьер-министру и министру иностранных дѣл Пекинскаго правительства и прочая, и прочая, и прочая.

4 ноября 1932 г., только что вернувшись из древней столицы, гдѣ, по сообщеніям газет, он соучаствовал в важных совѣщаніях лидеров Сѣвера и даже, якобы, послал своего представителя к Фын Ю-сяну, д-р С. Т. Ван, перед собраніем членов Ротари Клуба и их друзей, говприл: „О китайских празднествах.“

Прекрасный оратор, он не теряет краснорѣчія, когда говорит по английски, с хорошими ин тонаціями, но легким акцентом.

Д-р С. Т. Ван одѣт в китайское платье, зимній, простой, суконный костюм, несмотря на то, что был сверкающій, почти лѣтній, теплый и благоуханный день залитой солнцем субтропической поздней осени или, если хотите, начавшейся зимы.

На нем никаких украшеній; очки в золотой оправѣ; он чуть выше средняго роста; небольшіе усики, как на всѣм извѣстных его портретах; он явно помолодѣл за год, что вынужденно оставил пост руководителя внѣшней политики, во всяком случаѣ на его лицѣ нѣт и слѣдов того утомленія

и нервной измученности, которые были явно обозначены к концу 1931 года.

Избрав для всѣх любопытную тему, отличную тему для доклада послѣ завтрака, д-р С. Т. Ван говорит, что табельные дни Китая полны глубокаго смысла и волнующаго значенія для народа и охватывают жизнь и быт націи во всѣх отношеніях.

Ряд праздников имѣют особое значеніе для китайской дѣтворы, которая ждет их с не меньшим волненіем, чѣм дѣти Запада ждут приближенія Рождества.

Д-р С. Т. Ван подраздѣлил китайскіе праздники на три группы: праздники патріотическаго характера, праздники, связанные циклом слѣдующих, одно за другим, времен года и праздники отдыха и развлеченій.

В числѣ дней національных торжеств республиканскаго Китая д-р С. Т. Ван отмѣтил день 10 октября или день „Двойной Десятки" и Новый Год по новому стилю.

10 октября 1911 г. послѣдователи д-ра Сун Ят-сена впервые подняли знамя революціи в городах Ухана, что обозначило фактическое низложеніе династіи Маньчжуров и установленіе республиканскаго режима.

Новый Год, по какому бы стилю он не справлялся в Китаѣ, имѣет здѣсь гораздо большее значеніе, чѣм на Западѣ.

По старому стилю, или, точнѣе сказать, по лунному календарю, Новый Год значит, одновременно, и день полнаго разсчета по всѣм долговым обязательствам, по новому же стилю Новый Год

вмѣстѣ с тѣм, есть символ утвержденія новаго режима, смѣнившаго императорскій період в исторіи Китая.

Другіе національные праздники: 12 марта — память кончины отца китайской революціи, 29 марта — память поминовенія жертв революціи, 5 мая день основанія революціоннаго правительства, 9 іюля день воспоминанія о походѣ революціонных армій в карательную экспедицію на Сѣвер, для объединенія страны, 12 ноября праздник дня рожденія д-ра Сун Ят-сена.

Что касается второй группы праздников, так сказать по сезонам, то они представляют собою остроумную комбинацію луннаго календаря с солнечным.

Поскольку солнце является источником жизни на землѣ, по стольку луна, согласно мифологіи китайскаго народа, оказывается руководительницей судеб человѣчества.

Наука, увы, не допускает установленія точной зависимости между лунным вращеніем вокруг земли и судьбами людей, но, несмотря на всѣ достиженія современнаго прогресса и на развитіе точных знаній у всѣх народов, и по сей день имѣется огромная лирература, посвященная этой сторонѣ человѣческой культуры, называемой фольклором, — с легкой усмѣшкой мудреца говорит д-р С. Т. Ван, отлично сочетавшій в себѣ вѣрность основам китайской культуры с преданностью достиженіям европейскаго прогресса.

Китай особенно много удѣляет в своей мифологіи мѣста лунѣ и роли, которую луна играет в судьбах людей.

„Книга видоизмѣненій“ является мастерским отраженіем этого ученія, полнаго несравненной поэзіи. Человѣк, рожденный в счастливый час, как бы имѣет предопредѣленной, заранѣе составленной, таблицу его житейских успѣхов и удач, на протяженіи всей своей жизни.

Живя по лунному календарю, мы можем не сомнѣваться, что полнолуніе падет как раз на середину мѣсяца.

Даже в проказах Амура луна заботливо соучаствует. В Китаѣ, кстати сказать, Амура не привыкли представлять в образѣ шаловливаго голенькаго купидона, с крылышками за плечами, у котораго колчан полон стрѣл разящей любви.

В Китаѣ Амур это дряхлый старик, путь котораго освѣщен полной луною. Может быть дѣвы и младыя жены Запада предпочли бы, — улыбается д-р С. Т. Ван, — именно китайскую интерпретацію бога любви, потому что в этом случаѣ онѣ точно знали бы час приближенія избранников своего сердца.

Лунный календарь был бы однако крайне ненадежным поводырем крестьянства, которое в Китаѣ составляло всегда 80 процентов населенія.

Вот, почему, издревле, год был раздѣлен на 24 періода, основанных цѣликом на солнечном, а не на лунном календарѣ. Многіе, не только иностранцы, но и китайцы, живущіе в городах не знают этого. Не придают должнаго значенія тому наиважнѣйшему обстоятельству, что и при лунном календарѣ китайскій землепашец всегда, на протяженіи всей вѣковой исторіи Китая, жил в соотвѣтствіи и под руководством 24 періодов

солнечнаго года, зная точное время посѣвов, жатвы, уборки урожая полезных злаков, что было особенно цѣнным для необъятной страны, которая простирается от полярных районов до тропических широт.

КИТАЙСКАЯ МУЗЫКА.

Выступленіе 21 мая 1933 г. Муниципальнаго Симфоничестаго Оркестра в Шанхаѣ с программой, посвященной исключительно китайской музыкѣ, точнеѣ сказать, первым попыткам вплотную сблизить, если не слить, китайскую мелодію с европейской гармоніей. превратилось в событіе, ко-торое не пройдет безслѣдно в исторіи Шанхая с одной стороны и в исторіи музыкальнаго развитія Китая с другой.

Огромный театр „Гранд" был переполнен фешенебельной толпой, присутствовали руководящія сферы иностранных колоніи и китайская знать, в количествѣ, котораго нам до того видѣть не приходилось.

При входѣ дамы и барышни из общества, европеянки и китаянки, продавали изящныя программы, сдѣланныя в китайском вкусѣ, истолковывавшія на англійском и китайском языках сущность каждаго исполняемаго произведенія.

Центром программы надо признать балет-пантомиму— „Душа Ч'ин" написанный композитором Ароном Авшалумовым, который, по его собственным словам, провел 17 лѣт в Китаѣ, неустанно изучая китайскую музыку, народную и классиче-

скую, пѣсни крестьян и уличных музыкантов, религіозные напѣвы в храмах и, наконец, китайскую „музыкальную драму," одним из возродителей которой считается артист Мэй Лян-фан, послѣ поѣздки в 1931 году в Америку, ставшій называться д-ром Мэй, который лично представил публикѣ произведеніе г. Авшалумова.

Уже одно то обстоятельство, что „идол китайской сцены," восхитительный Мэй Лян-фан, привѣтствовал начинаніе г. Авшалумова говорит за то, что пришло время поставить серьезно вопрос, — сліянны или не сліянны, в каком либо синтезѣ, эти два, до сих пор раздѣленных пропастью непониманія и отчужденія, музыкальных міра — мір европейской гармоніи и мір китайской мелодіи. Как сказал Мэй Лян-фан, если храбрая попытка удастся г. Авшалумову, если два этих міра сблизятся, его имя навсегда сохранится как перваго, заложившаго фундамент храма національной музыки Китая, развернутой в мощи и разнообразіи инструментальной техники Запада.

Трудность сліянія и даже хотя бы сближенія китайской музыки с европейской заключается в том, что в Китаѣ музыка ушла в метафизику, стала схоластической теоріей, должна была искусственно быть в „созвучіи" с астрономическими и атмосферными условіями, даже с общественными и политическими обстоятельствами, с психическими и физіологическими наклонностями человѣка, оторвавшись от источника музыкальнаго творчества — народа, который пѣл свои пѣсни, как умѣл.

Музыка в Китаѣ существовала в такой глубокой древности, как царствованіе легендарных им-

ператоров Фу-си и Шэнь-нун, за 3000 лѣт до Р.Х. Но лишь в правленіе императора Хуан-ди (2696 г. до Р.Х.) было заложено прочное основаніе музыкѣ, построеніем музыкальной скалы из 12 нот: 6 „мужских,“ в подражаніе нотам самца феникса и 6 „женских,“ в подражаніе самкѣ-феникса.

Сдѣлано это было придворным музыкантом Лин-лун'ем, который взял бамбук из долины Сай-зи и сдѣлал трубки различной длины, воспроизводя на них различныя ноты этой таинственной птицы. С тѣх пор китайская музыкальная скала всегда содержала 12 нот, хотя простонародная музыка рѣдко пользовалась всѣми ими.

В Ханьскую династію Цзин-фан объяснят императору Юань-ди (48-32 г. г. до Р. Х.) скалу из 60 нот, развитых из первоначальных 12 нот скалы Хуан-ди. Эти 60 нот относились одна к другой таким образом, как 12 нот меньшей скалы: четыре терціи „мужской“ ноты производили болѣе высокую „женскую“ ноту и двѣ терціи этой послѣдней производили болѣе низкую „мужскую“ ноту и т. д.

В годы правленія Юань-цзя (424-454 по Р. Х.) при Лю-Сун-ской династіи, императорскій историк Цянь Ло-чжи, развил скалу Цзин-фана и прибавил к ней еще 300 нот, таким образом оказалось всего 360 нот.

Эта новая скала была, далѣе, обработана Шэн-Чжуном, в періот Лянской династіи (502-577 по Р. Х.) и каждая из 360 нот должна была представлять день года или какую нибудь дробную часть года.

Проф. Лю Да-цзюнь, в статьѣ о китайской му-

ыкѣ отмѣчает, что в каждую династію один или нѣсколько императоров находили какой нибудь повод для исправленія или приведенія снова в порядок музыкальной скалы. Вѣрили, что музыка представляла „состояніе" народа! Если музыка, в какую либо династію или извѣстный період, была в совершенной гармоніи, это служило доказательством „гармоничнаго" (цвѣтущаго) состоянія народа.

Не многіе императоры дѣйствительно интересовались благоденствіем своего народа, но почти всѣ императоры, отличавшіеся нѣкоторым самолюбіем, прилагали старанія к тому, чтобы видѣть, что музыкальныя отображенія их эпохи находились бы в совершенной между собою гармоніи.

Как пеклись о музыкѣ древніе китайцы явствует хотя бы из слѣдующаго историчаскаго примѣра.

Вэнь-ди, импетатор династіи Суй, был весьма способным правителем Он свергнул всѣ меньшія династіи, извѣстныя под именем Южных и Сѣверных династій и объединил страну под своим единоличным управленіем. Во второй год его правленія в качествѣ императора (590 г. по Р. Х.), он издал указ, которым вызывал ко двору изо всей страны всѣх искусных в музыкѣ людей, для исправленія музыкальной скалы. Среди тѣх, кто отозвался на этот призыв, самыми замѣчательными были двое.

Один из них — Чжэн И, граф Пэй-го (находится в нынѣшней провинціи Цзян-су) защищал необходимость коренной музыкальной реформы. Он

стоял за то, чтобы совсѣм отказатьсяот старой китайской скалы и взять скалу у небольшого государства в Туркестанѣ — Цзю-цзы.

В скалѣ Цзю-цзы было семь нот. Музыкант государства Цзю-цзы, Су Чжи-по, прибывшій в Китай при предшествовавшей династіи, привил эту скалу к китайской музыкѣ, сохранив 5 из 7 первоначальных нот. Вышла очень простая, пятитонная скала, к которой Су чжи-по прибавил 7 новых нот, чтобы образовать скалу из 12 нот. Разница между этой и старой китайской скалой заключалась в том, что первая согласовалась не столько с принципом интервалов по двум терціям и четырем терціям, сколько согласовалась с натуральными нотами взрослых пѣвцов в пѣснях, которыя сопровождались аккомпаниментом китайской мандолины с шелковыми струнами „пи-ба"также вывезенной из чужих стран. С ней мы также познакомились на концертѣ, о котором шла рѣчь: г. Вей Чун-ло на концертѣ 21 мая 1933 г. исполнил на „пи-ба" музыкальное описаніе битвы между враждующими арміями. Во главѣ одной стоял Хан-Ю, правитель многих удѣлов, котораго боялось подвласное ему населеніе, во главѣ другой Хан-Син, назначенный императором для подавленія мятежнаго выступленія правителя. Китайская мандолина пи-ба прекрасно передавала, под проворными пальцами исполнителя г. Вей и бой барабана, и отдаленные звуки трубы, и грохот разгоравшейся битвы и, наконец, угиханіе кроваваго боя.

Но вернемся к музыкальной реформѣ, которую осуществлял император Вэнь-ди. Кромѣ графа Пэй го при дворѣ изложил свои взгляды нѣкій Вань,

музыкант по профессіи, большой знаток старинной китайской музыки. Система измѣненія относительной скалы с каждой перемѣной ключа, извѣстнаго под именем „сюань гун", хотя и упоминается в книгах Чжоусской династіи, но музыканты позднѣйших вѣков понимали ее не ясно.

Вэнь, объявил, что он знает принцип, при помощи котораго он развил музыку в 84 лада, заключающих в себѣ 1,008 нот. Он осудил музыку, пересмотрѣнную графом Пэй-го, и получил согласіе императора Вэнь-ди исправить скалу и перемѣнить или видоизмѣнить большинство музыкальных инструментов.

Музыка играла огромную роль в китайском погребальном обрядѣ.

Тѣшить душу усопшаго на музыкальных инструментах, причитаніями и пляской во время перенесенія тѣла из дома к могилѣ, до сих пор в обычаѣ у китайцев. Согласно их воззрѣніям, покойник не перестает чувствовать доставляемых ему удовольствій. Так как домашній храм есть то мѣсто, гдѣ души усопших предков, с большими нежели при могилах удобствами, должны получать все для себя необходимое, то музыка, пѣснопѣнія и танцы должны были являться существенными элементами храмового служенія. В глубокой древности так и было: каждая семья старалась доставит ларам-покровителям все, что могло дѣлать их загробную жизнь пріятною. С теченіем времени, однако, музыка, пѣніе и танцы стали постепенно вытѣсняться из храма предков.

Но при чжоусской династіи молебствія в императорских храмах предкам сопровождались иг-

рою на всѣх извѣстных тогда инструментах: колоколах, литаврах, бубнах, звонких камнях, разнаго рода гитарах, трубах, флейтах и пр. При дворѣ содержались цѣлые хоры музыкантов, в числѣ которых видную роль играли слѣпцы,— управляемых особыми чиновниками, спеціалистами своего дѣла. Подробности о музыкѣ, пѣснопѣніях и танцах имѣются в книгах „Чжоу-ли," „Ли-цзи" и „Вэнь-сянь-тун-као"

Музыкальныя пьесы разыгрались по опредѣленной системѣ, соотвѣтственное тому или другому моменту храмового служенія: однѣ, например, как арія Ван-ся, при входѣ императора в храм или выходѣ из него, другія (арія Цзы-ся) при входѣ и выходѣ ши, т. е. лица, преставляющаго собою того или другого предка, третьи, как арія Чжао-ся, при введеніи жертвеннаго животнаго во храм. Главная цѣль музыки, не смотря на разнообразіе арій, заключалась в том, чтобы пріятными звуками привлечь вниманіе духов и доставить им должное удовольствіе.

В „Чжоу-ли," книга XXII-ая, читаем: „Исполненіем такой музыки (ранѣе в текстѣ указаны были ея качества) призываются души усопших. Жертвующіе могут пользоваться их присутствіем и приносить им положенныя жертвы."

В „Ли-цзи" читаем: „Возліяніе вина важнѣе других безкровных жертв, храмовое пѣніе важнѣе игры на музыкальных инструментах, храмовой танец У (воинственный) важнѣе других танцев."

Если духи увлекаются музыкою, то тѣм болѣе должны они увлекаться звуками человѣческаго голоса, могущаго, как думали китайцы, соединять:

„прелесть мелодіи с живым выраженіем мыслей и чувств."

Послѣ сказаннаго ясно, что говорить об отсутствіи в Китаѣ музыкальной культуры не приходится, но надо подчеркнуть, что китайская музыка, имѣет два лика — теоретическій, о котором только что шла рѣчь, находившій примѣненіе в придворном быту императорскаго Китая и слоях высшей интеллегенціи, и другой лик китайской музыки — обиходной, народной.

В построеніи своих музыкальных скал китайцы проявляли свойственный им дух теоретизаціи. Китайскій ум вообще склонен к универсальному приложенію всѣх принципов. Отсюда попытка привести в гармонію всѣ искусства и науки и расположить их в одну систему. Предполагалось в древности, что гармонія должна существовать во всем, а так как музыка в древнем Китаѣ являлась наукой о гармоніи, то значеніе музыки преувеличивалось по сравненію со всяким другим искусством или теоретизація музыки шла вширь и вглубь. Никакой связи с непосредственным музыкальным творчеством самаго народа эти кабинетныя теоретики не поддерживали.

Нѣкоторые китаевѣды, впрочем, вообще возражают против примѣненія термина „наука" к китайской учености. Это не справедливо! Поскольку дѣло касается систематизаціи предметов и явленій природы и формулированія общих положеній, примѣнимых к ним, ум китайца столь же научен, как и ум европейца. Вина китайцев заключается прежде всего в поспѣшных заключеніях, которыя китайцы выводят из принципов, еще не установ-

ленных опытным путем. Кромѣ того, в китайских теоріях наблюдается перевѣс мышленія a priori, что мы видим и в музыкѣ, гдѣ разложеніе звуков доводилось до одной сотой тона, неуловимых для человѣческаго уха. Тѣм не менѣе, на рядѣ опытов было все таки установлено, что китайское ухо различает ясно колебанія звука до одной сотой тона и потому, может быть, появленіе столь сложных скал оправдывалось отчасти и реальными физическими причинами.

Эта сложность китайской музыкальной скалы и оторванность вообще всей музыкальной теоріи от практики, пагубным образом отразились на развитіи китайской музыки. Отвлеченные теоретическіе трактаты, в которых была вкраплена временами и чистая мистика, не создавали реальной почвы для появленія музыки в нашем, европейском ея представленіи, координированной с законами физики и человѣческой физіологіи. Не создавалось в Китаѣ, который долго жил своей собственной особенной жизнью, в отрывѣ с остальным міром, ни удовлетворительной записи нот, ни камертона, ни образцоваго инструмента, ни музыкальной литературы в нашем представленіи этого слова. Начиная с шестого вѣка по Р. Х. в Китай, как мы выше отмѣтили, стала просачиваться музыка сосѣдних азіатских народов. В эпоху Сунской династіи китайская народная музыка пользовалась шкалой „цзю-цзы“, т. е. 12 нотами в одной октавѣ, но, позднѣе, и эта скала была замѣнена болѣе простой, из 7 нот, из которых в обиходной народной музыкѣ, употребляются, чаще всего, пять нот: примѣрно — фа, соль, ля до и ре.

Тѣм не менѣе в оргинальной китайской музыкѣ, уцѣлѣвшей от иностранных вліянiй мелких азiатских народностей, до сих пор примѣняется скала из двѣнадцати нот. Композитор С. С. Аксаков, по его словам, лично убѣдился в Пекинѣ, что эта сложная скала из одной второй тонов и одной четвертой тонов имѣет примѣненiе для китайских гуслей „цинь", и в пѣнiи нѣкоторых артистов.

Китайская музыка, таким образом, продѣлала обратный процесс: начав с самой многозвучащей, хотя и нереальной, и сложной музыкальной скалы она, в концѣ концов, пришла к скалѣ в 5-7 тонов. Но можно ли приписать это немузыкальности китайской нацiи? Ни в коем случаѣ! По свидѣтельству русских музыкантов, преподавателей нацiональной консерваторiи Б. С. Захарова и С. С. Аксакова, о немузыкальности китайской нацiи не может быть и рѣчи. Китайцы проявили здравность своего музыкальнаго воспрiятiя, отбросив всѣ перемѣнныя ухищренiя китайской теорiи и, ощупью, находя нужный им натуральный звукоряд.

Тѣм, что китайскiе теоретики на тысячу лѣт задержали развитiе музыки в Китаѣ, С. С. Аксаков и объясняет то, что мелодiя в Китаѣ до сих пор вращается в предѣлах пяти, шести нот, в гармонизацiи примѣняется только удвоенный основной тон с прибавленiем квинты ,и, ритмы, в общем, достаточно однообразны. Но в самом этом опрощенiи и приближенiи музыки к быту, в замѣнѣ древней фантастической теорiи с ея сложнѣйшей музыкальной скалой, натуральным цѣлотонным звукорядом, заключается, по мнѣнiю упомя-

нутаго нами русскаго композитора, залог дальнѣйших успѣхов на этом пути. „Музыкальность китайскаго народа, его любовь к пѣснѣ, его способность к музыкальному творчеству неоспоримы," — подчеркивает г. Аксаков.

Часто говорят, что в китайской музыкѣ нѣт гармоніи. Это не совсѣм вѣрно. Народная музыка, обыкновенно, имѣет только унисон, но на „цин-ѣ" кажется, что разные звуки часто соединяются, что бы произвести гармонію. По крайней мѣрѣ это было так прежде чѣм звуки „цин-я" были приноровлены к современной нам простонародной скалѣ, о которой говорилось только что. Китайскіе инструменты: „шэн"— китайская окарина и „сяо"— свирѣль, также часто употребляют соединеніе гармонических звуков.

Что же говорит г. Авшалумов о путях дальнѣйшаго развитія китайской музыки, как он их понимает и как старается отразить в своих композиціях?

В китайской музыкѣ, если вводятся голоса и инструменты различнаго порядка, одна и та же мелодія,— подчеркивает г. Авшалумов, — проступает всюду, хотя в нѣкоторых мѣстах она может быть расцвѣчена добавочными нотами.

В музыкѣ Запада все, как извѣстно, основано на гармоніи. В народных напѣвах главное — мелодія, она во всѣх твореніях великих композиторов Запада — основа их гармонія, и даже народные напѣвы сопровождаются гармоническим аккомпаниментом. Связь гармоніи с мелодіей так тѣсна, что раздѣлить их невозможно. Кромѣ того, туда же включается и ритм, так что гармонія, мелодія

и ригм составляют одно неразрывное цѣлое. Именно в этом единеніи трех элементов заключается фундамент, на котором развивается музыкальное творчество современности.

Мнѣ думается, что китайская музыка представляет собою сейчас то же самое, чѣм европейская музыка была нѣсколько столѣтій тому назад, иными словами в тѣ времена, когда содержаніем европейской музыки являлись простонародныя пѣсни и напѣвы, не сопровождавшіеся аккомпаниментом, исполнявшіеся в унисон.

Если китайскія мелодіи, основанныя на пятисоной скалѣ, осторожно использовать в соединеніи с другими и если характерный ритмическій рисунок, который им свойственен, согласовать с мелодическими комбинаціями, присовокупив к этой обработкѣ европейскую музыкальную технику, то я увѣрен, — говорит г. Авшалумов, — что китайская музыка, обогащенная полифоніей, будет представлять собою не один только локальный интерес.

Однако могут быть высказаны опасенія, что использованіе западной техники, в концѣ концов, приведет к потерѣ того характернаго китайскаго элемента, который имѣется в китайском самобытном музыкальном творчествѣ и что если подходить к реформѣ китайской музыки, то с совершенно новыми техническими пріемами и новыми средствами. Эти опасенія могут оказаться справедливыми, если мы говорим о внѣшних особенностях китайской музыки, как, например, преобладаніе „ударных" инструментов в театральной музыкѣ и музыкѣ различнаго рода церемоній, безко-

нечное повторенiе пяти тонов в предѣлах той же тональности, особенности горлового пѣнiя, окраска скрежещущих „ху-ч'ин" и т. д.. Весьма возможно, что рядовой китаец и не признает за свою музыки, в которой отсутствовали бы только что указанные элементы. Но вѣдь и рядовой русскiй может не узнать своих нацiональных пѣсен в обработкѣ Мусоргскаго или Римскаго-Карсакова, как онѣ передаются в симфонiях и операх, а испанец тоже самое может сказать о своих испанскких напѣвах, когда услышит их в тональных поэмах Дефалля.

Работая над развитiем китайской музыки, мы ге хотим уничтожать или даже пренебрегать боатством народной музыки — она должна остаться, как она есть. Но в музыкѣ в ея совершеннѣйших, высших формах, внѣшнiя характерныя особенности, о которых выше говорилось, могут быть исключены без особеннаго вреда.

Что должно быть сохранено для духа китайской музыки это ея характерная жалобность, мелизматичность мелодiи, сила, капризность и разнообразiе ритма и еще нѣчто такое, что трудно поддается словесному опредѣленiю, но, что, когда вы его слышите, немедленно живописует в вашем воображенiи душу народа и что сразу признается вами, как начало характерно китайское. Поскольку мы согласны, что китайская музыка в настоящее время находится в том же состоянiи, в каком западная музыка пребывала нѣсколько столѣтiй тому назад, представляется вполнѣ естественным, чтобы мы слѣдовали тѣм же путем, каким развивался прогресс в европейском музыкаль-

ном творчествѣ.

Современная европейская музыка уже пользуется пятитонной гаммой, цѣлотонной и другими китайскими ладами, и благодаря этому сдѣлала опредѣленные успѣхи в области отчетливой гармонизаціи, часто прибѣгая к секундам, квинтам и септимам, рѣдко встрѣчающимся в твореніях классиков. Нѣкоторые из этих пріемов могут быть успѣшно использованы при гармонизаціи китайских мелодій, создавая новые звуковые эффекты и не жертвуя интересными особенностями. Если к этому удалось бы добавить ряд других спицифических особенностей китайской музыки, как, напримѣр, употребленіе при случаѣ четверть тонов, разнообразіе китайских ритмов, осторожное использованіе оригинальных китайских ударных инструментов и оркестровую расцвѣтку, заимствованную от китайских классических музыкальных инструментов, тогда был бы сдѣлан рѣшительный шаг с сторону развитія китайской музыки.

Но главныя трудности на путях развитія китайской музыки залегают не столько в гармонизаціи текста или оркестровой расцвѣткѣ, сколько в нахожденіи нужной формы, в которую собирался бы весь этот звуковой матеріал.

Что же касается до высказываемых опасеній, что передача китайских тем европейскими музыкальными инструментами может губительно сказаться на их характерѣ, то, по мнѣнію г. Авшалумова, здѣсь особенно бояться не приходится. Комбинированіе инструментов в симфоническом оркестрѣ может вполнѣ обезпечить сохраненіе и духа и характера китайской музыки.

Г. Авшалумов говорит, что в своих исканіях новых форм для китайской музыки он руководствуется сознаніем, что в то время, как красоты китайской музыки всѣма легко признаются, узость и закоснѣлость форм выраженія дѣйствует обезкураживающе и потому существует настоятельная необходимость вывести китайскую музыку с узкой тропы народных напѣвов на широкое поле симфонической формы. Касаясь вкратцѣ китайских театральных представленій, в которых участвует музыка, г. Авшалумов отмѣчает, что их нельзя назвать ни музыкальной драмой, ни музыкальной комедіей, а нѣкоторой комбинаціей того и другого. Если бы нашлись композиторы, которые скомбинировали бы музыку с ритмами ударных инструментов для звуковой обрисовки дѣйствія, то и в этой области музыкальнаго искусства можно было бы достигнуть развитія національнаго творчества. Свою пантомиму „Душа Ч'ин" г. Авшалумов и считает опытом в указанном направленіи.

* *
*

Он берет сюжетом одно из древних китайских сказаній.

Китайскій император побѣжден мятежным генералом.

В единоборствѣ, которое происходит а сценѣ, император тяжко ранен.

Побѣдитель захватчик власти, тор ствует.

Но, вот, появляется старец с ч одѣйственным инструментом, арфой, которая рождает див-

ые звуки. Побѣдитель, сперва кидается и на него, но, потов мсе таки, дает сагласіе, чтобы старец ему сыграл.

Звуки рождают богиню вод, она танцует перед побѣдителем, он тщетно борется с навожденіем ея чар, потом, будучи не в силах преодолѣть очарованія, кидается, вмѣстѣ с нею в пучину и погибает.

Старец, с чудесной арфой, поднимает императора с земли, гдѣ тот лежит, поверженный раненіем, говорит ему, что враг погиб, что царство снова в его руках, а, потом, умирает, оплакиваемый императором.

Здѣсь все от подлинно древняго искусства китайской драмы — все условно, все дается лишь в символах.

Массовых сцен нѣт, вмѣсто полков императора и полчищ мятежника — генерала, выступают только они, вдвоем.

Вмѣсто декорацій условные намеки на них и эскизы. Столица и дворец императора переданы весьма точно в китайском сценическом стилѣ — изображеніем лишь силуэта дворца в правом верхнем углу задника.

И, вмѣстѣ с тѣм, как и в китайском театрѣ, все полно своего смысла, глубокой символики, и, по моим наблюденіям за аудиторіей, все понятно китайским зрителям, полно для них содержанія и смысла.

Прелестно передан молодой, миніатюрной китайской актрисой, волшебный танец.

Хорошую игру старческих рук дал г. Чен Юнлин, игравшій старика, с волшебным инструментом.

В мѣру дѣйственен был в роли императора г. Син Нан-цэ, хотя хотѣлось бы с его стороны больше активности, и г. Тон Вей-лин, в роли мятежнаго генерала, хотя и не очень крупен фигурой, не высок ростом, но был достаточно устращающ.

Он в маскѣ, в пестром древнем костюмѣ, с с копьем в руках и он одинаково был хорош, как в единоборствѣ с императором, так и в танцѣ соблазна с богиней вод.

* *
*

Что касается другого произведенія г. Авшалумова „В хутунах Пейпина," названнаго „скетчем в звуках," то, как заглавіе указывает, композитор пытается в нем переложить в звуковую форму картинки, вѣрнѣе отдѣльные моменты, мазки и блики уличной жизни. Для живших в Пекинѣ (Пейпинѣ) в особенности для любящих этот город своеобразных очарованій, музыкальный скетч г. Авшалумова пожалуй и интересен, для других же, для широкой аудиторіи, он самостоятельнаго значенія не имѣет, являясь типичным образчиком того, что лучше всего характеризовать, как этнографическую музыку.

Хутун может означать все, что угодно, — от унылаго тупичка с нѣсколькими полуразрушенными фанзочками, куда, в дождь, не пройти, не проѣхать, до широкой улицы с красивыми домами и даже правительственными учрежденіями. Хутунами называются нѣкоторыя улочки, прилегающія к просторам Запрещеннаго Города. Онѣ с утра до вечера наполнены всякаго рода шумами и даже криками, от пронзительных, истошным голосом,

завываній назойливых ремесленников, до однотонных возгласов продавца газет, или бодрящей, частушечной скороговорки продавцев немудрой галантереи.

Композитор и хотѣл показать в своем звуковом скетчѣ, как протекает день в одном из таких или в рядѣ таких пекинских хутунов, гдѣ относительная тишина ночи смѣняется истомным звоном цикад над дорогой, покрытой мелкой, пекинской пылью столѣтій, в которой мягко ступает нога и которая не раздражает в тихое утро нервов, когда только что взошло солнце и хутун покрыт его длинными тѣнями причудливой формы.

Но, вот, проходит ранній ходячій парикмахер, у котораго на плечах свисают, с концов бамбуковаго коромысла, всѣ принадлежности ремесла, и он, походя, издает, большой звучащей вилкой, характерный дребежаще-звенящій звук, знакомый каждому туземцу и быстро различаемый среди других звуков ухом чужого. За ним слѣдует уличный сапожник, у котораго тоже при себѣ все на плечѣ несется; дальше проходит цѣлая серія продавцев разных разностей, от чесучи до съѣстного, с характерным для каждаго восклицаніем, тут и точильщик ножей, и разносчик цвѣтов.

Солнце, между тѣм, поднимается над хутунами все выше: его лучи все жарче. Вы задержались под гостепріимной тѣнью дерева, растущаго за глухой стѣной, стоите и слушаете напѣв невидимой флейты: солнце, пыль и флейта! Не смотря на зной, хутуны все болѣе оживают, трудолюбивому и бѣдному столичному народу не до жары. Кого то хоронят; у процессіи с гробом

свои шумы, свои звуки, но торговля в безчисленных лавках, несмотря на похороны идет своим чередом. Продавцы и поют и просто зазывают публику на дешевку своих товаров. Чего тут только нѣт: курмы, куртки, халаты, китайскіе брюки, шелк, рядовая „расхожая" матерія, роскошный наряд невѣсты и убогая рядом с яркими красками національных одѣяній, мужская пара европейскаго покроя. Чѣм больше народу на улочках, тѣм шумы сильнѣе. Поднимается вѣтер, характерный вѣтер древняго города, от котораго нигдѣ нѣт спасенія, даже в сосѣднем европеизированном Тянцзинѣ, вѣтер, который дует с пустынь Монголіи, со стороны Калгана, с его верблюжьими караванами: солнце, пыль и людскія толпы столицы!

Вот, приблизительно, та картина, которую старался описать в звуках русскій композитор, мечтавшій вывести китайскую музыку с троп простой и безыскусной мелодіи, на широкое поле симфонических достиженій.

Но, даже, если китайская музыка пойдет самостоятельно по пути, на который зовет ея русскій композитор это потребует многих и многих лѣт, прежде чѣм проступят настоящіе результаты. Еще И. Г. Баранов, наш китаевѣд, лѣт десять назад, предсказывал неизбѣжность реформы в китайской музыкѣ, отнюдь не умаляя замѣчательных особенностей и неоспоримых достоинств ея.

О достоинствах китайской музыки и инструментов для ея выраженія, сами китайцы весьма высокаго мнѣнія. Приведем примѣр, сообщенный проф. Лю Да-цзюэнь, который преподает в кол-

леджѣ Пин-Хуа в Пейпинѣ (проф. Лю — баккалавр искусств Мичиганскаго университета).

Говоря о китайской арфѣ „цинь", проф. Лю отмѣчает, что она, несомнѣнно, удивительный инструмент. Он не подходит ни по формѣ, ни по принципу ни на один западный инструмент, и названіе китайской арфы, которое многіе прилагают к нему, в дѣйствительности — ложное имя. „Кун-хоу", как показано на древнем изображеніи музыкантши, то же арфа, но не „цинь", Послѣдній инструмент производит низкіе, иногда даже очень слабые звуки, но пріятные и ласкающіе слух, успокаивающіе человѣка, состарившагося от забот и в то же время, дает такія звуки, которые могут пробуждать самыя благородныя чувства. Слово „цинь" на русскій язык можно перевести довольно близко к оригиналу — гусли семиструнныя, лютня. Этот инструмент, по словам проф. Лю, представляет так же хорошо природу, как и волненія души человѣческой, развивает силу вообраенія и увеличивает цѣнность всего, что есть высокаго, изящнаго и прекраснаго. Проф. Лю свою мысль поясняет слѣдующим личным опытом.

Нѣсколько лѣт тому назад ему представился удобный случай послушать искуснаго игрока на этом инструментѣ. Инструмент был помѣщен в комнатѣ, тогда как слушатели усѣлись во дворѣ дома. Играемая пьеса была „Пин-Шя-Ло-Янь" (Гуси садятся на ровный песок"). Она рисует стадо диких гусей, которые летают и усаживаются, с промежутками, на песчаном берегу моря.

Нам не было сказано заранѣе о темѣ, но мы

могли слышать полет птиц, их посадку, хлопанье крыльев в воздухѣ, удары крыльев по песку, когда птицы садились и проч. Вот пролетѣла только одна птица, затѣм еще двѣ или три и, наконец, пролетѣла большая стая, когда волна поднимающагося прилива нарушила их мирный отдых. Скоро волна отошла, и нѣкоторыя птицы снова сѣли, сначала немногія, затѣм прибавилась еще одна или двѣ, потом еще нѣсколько, и взлет нѣкоторых, в одно и то же время и тѣм же ударом руки по струнам.

Такое живое музыкальное изображеніе безусловно удивительно, — говорит проф. Лю, — в особенности, если инструмент, сравнительно, прост. Наше согласіе в толкованіи хода пьесы позднѣе было подтверждено, путем сравнительных примѣчаній, другими слушателями."

Но в наш ли вѣк совершеннѣйших грамофонов — электрол и с каждым днем улучшающейся радіо передачи и говорящаго экрана восхищаться тѣм, что мастерство столѣтій дает возможность отдѣльному виртуозу точно воспроизводить подражательные звуки на несовершенных сами по себѣ музыкальных инструментах?

Китайскій народ достаточно музыкален, художественно любознателен и поражающе трудолюбив, чтобы преодолѣть, в концѣ концов, трудности сближенія своей музыки с европейской и соединить эти два міра для себя в нѣкоем музыкальном синтезѣ, предвидѣть характер и формы котораго сейчас не могут даже тѣ, кто работает по сближенію европейской музыки с Китаем.

ТЕАТР.

С театром в Китаѣ приходится чаще сталкиваться, чѣм это принято думать. Особенно часто с ним сталкиваются тѣ, кто имѣет дѣла с китайцами, а из послѣдней категоріи иностранцев тѣ, кто работает с китайцами не в европеизированном Шанхаѣ, а в провинціи.

Там рѣдкій банкет заканчивается без поѣздки в театр или устройства того или иного дивертисментнаго представленія тут же, в ресторанѣ, гдѣ шло пиршество.

На внимательнаго и непредубѣжденнаго зрителя китайскій театр производит впечатлѣніе не только оригинальности, но и рѣдкой красочности. Один из послѣдних изслѣдователей происхожденія и сущности китайской драмы Л. С. Арлингтон, называет китайскій театр „самым артистическим совершенством в области театральнаго дѣйства."

Если, прежде, мы могли читать о китайском театрѣ довольно безразличныя, а то и откровенно критическіе отзывы, даже в трудах русских, писавших о Китаѣ, то теперь это мнѣніе претерпѣвает полную модификацію.

Бывшій россійскій посланник в Пекинѣ И. Я. Коростовец в своей книгѣ „Китайцы и их цивилизація" (цитирую по первому изданію, датированному автором мартом 1896 года) писал о китайском театрѣ:

„Хотя театр издавна занимал видное мѣсто в общественной жизни обитателей Срединной имперіи, театральное искусство, со времени своего

возникновенія, сдѣлало ничтожные успѣхи: китайцы в наше время любуются тѣм-же, чѣм любовались их предки времен Танской династіи (618-907 г.). Чтобы лучше представить себѣ современный китайскій театр, можно пожалуй освѣжить в своей памяти воспоминанія о театрѣ древне-греческом. Не слѣдует, однако, слишком настаивать на таком сравненіи. Несомнѣнныя черты сходства между двумя театрами усматриваются лишь в устройствѣ сцены, в ношеніи актерами масок, в хорах, мимикѣ, музыкѣ и в отсутствіи какой-бы то ни было сценической иллюзіи. Зато сравненіе между драматическими твореніями Эллады и поднебесной имперіи будет, конечно, неумѣстно; творенія Софокла и Эврипида стоят неизмѣримо выше сочиненій хотя бы китайскаго драматурга Фан Чжи-фу, автора пьесы „Исторія западнаго флигеля" (стр. 413, гл. XIX).

И, далѣе, Коростовец пишит, не совсѣм правда точно исторически, как показали дальнѣйшія изслѣдованія за послѣднее время европейских синологов о прошлом китайской драмы: „Правители Китая относились не сочувственно к театру; нѣкоторые же Богдыханы смотрѣли на него прямо враждебно. Примѣру государей слѣдовали чиновники и цензора, указывавшіе в своих докладах на вред, наносимый театральными представленіями народной нравственности. Антитеатральное направленіе установилось отчасти благодаря ученію Конфуція, неодобрительно относившагося к театральным зрѣлищам и находившаго, что они портят нравы и извращают здравыя понятія. Гоненіе на театры, выражавшееся в их закрытіи и

в штрафованіи театральных предпренимателей, распространялось и на актеров — их преслѣдовали и лишали покровительства законов. Вообще, положеніе актера в Поднебесной имперіи никогда не пользовалось почетом, и в этом еще одна черта сходства с древнею Греціею. В Китаѣ званіе актера приравнивалось к самым позорным занятіям, например, к профессіи палача. Актер, между прочим, не имѣет права поступить на государственную службу. Вѣроятно, вслѣдствіе враждебнаго к ним отношенія, китайскіе актеры, подобно гистріонам Греціи, не имѣют осѣдлости, а ведут странствующій образ жизни, переѣзжая с мѣста на мѣсто небольшими труппами."

Коростовцу вторит А. В. Тужилин („Современный Китай," т. II, СПБ. гл. X.):

„Побывав в китайском театрѣ, европеец получает от такого посѣщенія в общем неблагопріятное впечатлѣніе, и нам еще не приходилось слышать лестных отзывов о нем. Объясняется это тѣм, что европейскій театр стемится к реальности, всегда сильно дѣйствующей на человѣка, проводя ее во всѣх отношеніях, как в исполненіи, так и в сценической обстановкѣ. Кромѣ того, театр задается цѣлью удовлетворенія и эстетическому чувству человѣка. В Срединной имперіи театр Сю-юань не всегда удовлетворяет этим трабованіям, да кромѣ того и мало понимается иностранцами. Как и во многом другом, в театральном искусствѣ китайцы остались позади других народов, остановившись на классической стадіи развитія, несмотря на несомнѣнную любовь их к театральным представленіям си-цзи. (Китайцы

между прочим считают театральныя представленія в честь какого-нибудь лица особым почетом)."

Приведенные нами два отзыва русских китаевѣдов сами, своим текстом, изъясняют, почему был дан столь суровый отзыв о китайском театрѣ, который в наше время, наоборот, является предметом пристальнаго и любовнаго изученія как европейских синологов, так и китайских писателей по художественным вопросам.

И. Коростовец, писавшій свою книгу свыше 35 лѣт назад и Тужилин, труд котораго относится к 1910 году, требовали от театра, один „сценической иллюзій" другой реальности, „всегда сильно дѣйствующей на человѣка."

Но, послѣ того как человѣчество Запада признало достиженія Гордона Крэга, Макса Рейнгарда, В. Э. Мейерхольда, Н. Н. Евреинова, послѣ того, как послѣдовали, один за другим, в столицах Европы и Америкѣ тріумфы Дягилева, появился Леон Бакст, оцѣнки китайскаго театра стали совсѣм иными. Театр, как и все в Китаѣ, переживает сейчас період бурнаго расцвѣта, эпоху напряженных исканій, весь находится в трансформаціях, ведет отчаянную борьбу за свое мѣсто с говорящим экраном, и ждет еще капитальнаго о себѣ труда, который познакомил бы иностранцев с тѣм, что было цѣннаго в китайском театрѣ прошлаго и что новаго привнесла с собой напряженная и взыскательная современность.

Когда вы попадаете, впервые, в китайскій театр, то как бы убог не был его внѣшній вид, вас сразу поражает высокая степень выучки каждаго актера, вас восхищает красочность театральнаго

пѣйсгва, что впрочем подмѣчено и тѣми двумя русскими критиками, которых выше мы только что цитировали, вас волнует предѣльная напряженность театральнаго творчества и техники исполненія, гдѣ все противно обыкновенной жизни, гдѣ все условно, волшебно, артистично и неоспоримо красочно. Не смотря на гоненія, которыя были, не смотря на бѣдность существованія китайскаго актера, не смотря на то, что актер и впрямь был парія, он создал образцы такого театральнаго мастерства, перед которыми, в лицѣ великаго Мэй Лян-фана, преклонился гордый своей давней театральной исторіей и нынѣшней высокой культурой, пресыщенный и требовательный Запад.

Китайское театральное искусство всегда было прежде всего, искусством, для искусства китайскій театр никогда не вторгался в другія сферы, не претендовал на то, чтобы поучать, тѣм болѣе морализировать, он всегда был прежде всего и больше всего, зрѣлищным и в этом его великая заслуга, которая только теперь может быть нами полностью, во всем своем объемѣ, справедливо оцѣнена.

Вкратцѣ, исторія китайской драмы представляется нам в слѣдующих основных этапах.

Китайская драма зарождалась из слѣдующих трех источников еще доисторическаго прошлаго: 1) шаманских танцев, 2) нѣкотораго подобія театра маріонеток, появившагося чуть ли не во времена древней династіи Чжоу, родоначальником которой был Ци, что то около 1135 года до Р. Х, и 3) дивертисментных представленій, заимствованых от народов, проживавших в дни Ханьской династіи (с 206 г. до Р. Х.) в нынѣшнем русском

Туркестанѣ. Общая характеристика этих представленій сводится к танцам и акробатической клоунадѣ. Послѣдовательно развиваясь и модифицивуясь, театральныя дѣйства прошлаго начинают мало по малу включать в свой состав атлетическую борьбу, акробатическіе номера самого разнообразнаго характера, выступленія магов и чародѣев, танцы масок, мимическіе танцы, нѣмые, и танцы с пѣснями и постановка на сценѣ популярных мифов и сказаній.

Искусство танца, в частности, до послѣдних времен не очень популярное в Китаѣ, в древніе времена пользовалось наоборот широкою распространенностью, как отмѣчал еще С. Георгіевскій, — „поплясать любили не только простолюдины, но и вельможи.“ При чжоусском дворѣ, например, были особыя школы, гдѣ дѣти князей и вельмож, равно как придворные служащіе, спеціально разучивали разные виды танцев. Танцы раздѣлялись на большіе (с названіями: „врата облаков,“ „великое согласіе,“ „великое единство,“ „великое возстановленіе“) и малые танцы: „танец с куском разноцвѣтной шелковой матеріи,“ „танец с пером,“ „танец Фын-хуан,“ „танец со значком наподобіе бычачьяго хвоста,“ „танец человѣка,“ который отличался от других танцев тѣм, что его исполнялн с пустыми руками, восточные танцы и танцы инородцев „четырех стран.“

Если живые люди находили удовольствіе в театральных танцах, то таковыми же танцами должны были забавляться и усопшіе, которые, по воззрѣніям китайцев, продолжали за гробом существованіе в качествѣ духов, не отказываю-

щихся от земных потребностей и радостей. Императорскія храмовыя молебствія никогда не обходились без танцев, которыя почти всегда исполнялись под аккомпанимент музыкальных инструментов („Чжоу-ли,“ книги 22-ая и 23-ья, и „Ли-цзи,“ книги 5, 10, 11, 14 и 15-ая).

Вот, например, в переводѣ Георгіевскаго, исполненіе танца „великой воинственности.“

„Танцоры в извѣстном порядкѣ выступали с сѣверной стороны (первая фигура); вслѣд за тѣм измѣнкли порядок и жестами, равно как взаимным положеніем, изображали военныя дѣйствія (вторая фигура); далѣе всѣ подвигались к югу (третья фигура); потом вытягивались в линію (четвертая фигура); послѣ этого выдѣляли из своей среды двоих, которые представляли министров Чжоу-гуна и Чжао-гуна, помогавших У-вану своими совѣтами (пятая фигура); наконец, нѣкоторое время совершенно оставались неподвижными (шестая фигура). Этот танец-пантомима наглядно изображал собою исторію завоеванія Китая У-ваном, который, вступив в предѣлы имперіи, разбил императора Чжоу-синь, подвинулся далѣе, опредѣлил границы своих новых владѣній и стал управлять ими, руководясь мудрыми совѣтами двух названных выше министров“

„В древности“, говорит в своем указѣ император Цзин-ди (157-140 до Р. Х.)“ если дѣд имѣл заслуги и предок добродѣтели, то и другое было основаніем для учрежденія церемоній и музыки; пѣніем обнаруживается добродѣтель, танцами обнаруживаются заслуги“.

Французскій синолог M. Bazin (см. „Theatre

chinois") указывает, что начало драматическаго театра одни ученые относят к царствованію суйскаго Вэнь-ди (581-600 по Р. Х.), другіе к царствованію танскаго Тай-цзуна (627-650 г. по Р. Х.).

В связи с этим, Георгіевскій отмѣчал, по нашему мнѣнію вполнѣ правильно: „хотя ученые и относят возникновеніе театральнаго искусства и драмы в собственном смыслѣ слова к слишком позднему времени, тѣм не менѣе мы склонны предполагать, что древніе храмовые танцы были болѣе, чѣм пантомимами. Если цѣль послѣдних заключалась в том, чтобы наглядно изобразить дѣянія предков, то какая же была непремѣнная необходимость ограничиваться одною мимикою и не вести дѣла далѣе? Мы не хотим сказать, что в древних представленіях были и акты, и дѣйствія и все то, что сдѣлалось принадлежностью поздней, искусственно развитой уже, драмы, — нѣт эти представленія могли исполняться в простой, невыработанной формѣ, но могли в то же время давать настолько ясное понятіе о том или другом фактѣ, что зрители вполнѣ уясняли себѣ, какія лица выведены на сцену и какія дѣянія их изображаются. Что древнія представленія не лишены были ясности, в том едва ли можно сомнѣваться: вѣдь понял же, например, Конфуцій весь обидный смысл той пикантной комедіи, которую князь удѣла Ци угостил лускаго князя при личном свиданіи с ним: — понял тѣм легче, что комедія была наполнена шансонетками. В комедіи изображались тѣ времена Лускаго княжества, когда фактическая власть находилась в руках княгини вдовы. При свиданіи князей Конфуцій присутство-

вал в качествѣ лускаго министра".

* *
*

Во времена Южных и Сѣверных Домов, 8-ой династіи Сун, 9-ой династіи Ци, 10-ой династіи Лян (419-581 г. г. по Р. Х.) — чужеродныя племена наводнили Китай и принесли с собою и свою музыку, и свое драматическое искусство. „Бу-ту", одна из пяти пьес, занесенных в музыкальный реестр „Исторіи Танской династіи" попала в Китай непосредственно из Туркестана. По словам Ван Говея, прославленаго авторитета в вопросах исторіи театральнаго искусства Китая: „чужеродная музыка становится все болѣе популярной в Китаѣ в період династій Ци и Лянь с 479 по 581 г. г.... В началѣ правленія 12-ой династіи Суй (581-618 г.г., ритуальная музыка, которой вѣдало министерство храмов императорских предков и ритуалов, была в значителньой степени обиностранена. Семь из девяти секцій, на которые были подѣлены музыканты, были заняты разработкой музыки, заимствованной из заграницы. В періой тринадцатой Танской династіи с 618 по 907 г. г., это положеніе осталось без перемѣн".

Объясняется это, на первый взгляд странное обстоятельство, по нашему мнѣнію тѣм, что в это время Тан'скій дом распространил свое владычество вплоть до Каспійскаго моря. В 643 году посольство греческаго императора Феодосія прибыло в столицу тогдашняго Китая Чан-ань. Ведя политику просвѣщеннаго абсолютизма, в частности: промульгировав новый свод законов, реорганизовав войска, раздѣлив Китай на десят провинцій, допустив в Китаѣ миссіонерскую дѣятельность.

ность христіанских священнослужителей (несторіанскій монах Аробень прибыл в Китай в 635 году) императоры Тан'ской династіи ничего не имѣли против дальнѣйшаго проникновенія в Китай музыки из других сосѣдствующих стран, в частности и особенности, музыки из покоренных областей Средней Азіи. Вот почему из 28 музыкальных пьес Квей-цзу, как назывался Китайскій Туркестан, 24 пьесы были особенно популярны в Китаѣ. Восемнадцать пьес „чжао фэн" (институт государственной музыки) Сунской династіи были, в сущности, передѣлками из двадцати пяти пьес Танской династіи. Двѣнадцати-тонная гамма бэй-чжу (сѣверная опера) и тринадцати-тонная гамма нан-чжу (южная опера) возникли как раз именно из этих восемнадцати музыкальных драм, сохранившихся со времен династіи Сунов. Сказанное лишній раз подтверждает, что китайская музыкальная драма корнями своими уходила далеко за предѣлы Китая.

Однако, это вторженіе чужестранной музыки дало толчек к зарожденію подлинно національной китайской драмы, которая сначала представляла собою лишь инсценировку отдѣльных историческских эпизодов, сопровождающуюся номерами пѣнія и танцев. Такова китайская драма в зародышѣ. Зарожденіе ее, как мы только что видѣли, можно прослѣдить вплоть до времен древней Тан'ской династіи. В період той же династіи были весьма популярны в Китаѣ клоунады акробатическаго жанра. Изслѣдователи исторіи китайскаго театральнаго искусства утверждают, что клоунады, которыя нам приходится и теперь видѣть в китайском театрѣ, являются ничѣм иным, как пов-

тореніем тѣх же самых сценических клоунад, которыми потѣшались китайцы в годы 618 по 907, слѣдовательно больше тысячи лѣт назад.

В лицѣ императора танской династіи Мин-Гуана драматическое искусство получило высокую поддержку. Был, как мы уже выше отмѣтили, учрежден институт государственной музыки и драмы чжао-фан, расположившійся в столицѣ Чан-ань, в непосредственной близости от императорскаго дворца. Если бы не хаос, наступившій в результатѣ внутренних осложненій, вызванных бунтами Ши Сы-мина и, в особенности, Ань Лу-шаня, китайская драма уже тогда, в 8-м вѣкѣ, достигла бы той высоты, которую она достигла впослѣдствіи лишь при Сунах. При этой послѣдней династіи, начавшейся воцареніем Тай-цзу, в 960 году по Р. Х., когда столицей являлся город Кай-фын-фу, балетная музыка и музыка, иллюстрирующая стихотворенія, нѣчто вродѣ современных романсов, достигли большого совершенства. Хотя ни одна из пьес времен Сунской династіи до нас в оригиналѣ не дошла, но есть многія данныя предпологать, что драматическое творчество было широко развито в этот період. Мы знаем, что именно в эпоху Сунов китайская драма принимает все болѣе законченный характер и вмѣсто инсценировок отдѣльных небольших эпизодов дает уже постановки сложнаго сюжета. Кромѣ драмы, при Сунах процвѣтал театр маріонеток, клоунады, и театр тѣней, так же показывавшій цѣлыя исторіи, а не только отдѣльные скэтчи. Надо отмѣтить расцвѣт в этот період литературы. При Сунах (19 династія) в Китаѣ стали распрастронятся в спис-

ках повѣствованія, которыя, в свою очередь, давали фабулу для постановок драматическаго характера. Обычай китайских драматургов сопровождать пьесу поэтическим прологом и обычай представленія драматических персонажей публикѣ, перед спектаклем, ведет свое начало также от времен Сунской династіи.

В первые годы утвержденія владычества монголов драматическое искусство быстро хирѣет, В Китаѣ столица из Кай-фын-фу переносится в Нанкин, а, потом, в 1138 году, в Ханьчжоу, гдѣ и положено было основаніе династіи Южных Сунов. В 1206 г. Чингис-хан объявляет себя правителем Монголіи. В 1260г. Хубилай-хан принимает титул императора и переносит столицу из Каракорума в Пекин, столицу бывшаго самостоятельнаго Цзин'скаго царства. Во втором мѣсяцѣ 1279 г. прекратилась династія Сунов и хан Хубилай (Кублай), объединив под своим владычеством Китай, положил основаніе на китайском престолѣ династіи Юань.

При Юаньской династіи китайская драма достигает высот своего развитія. Повѣствовательный жанр уступает свое мѣсто варьированному діалогу. Каждая пьеса составляется теперь из четырех дѣйствій, при чем, часто, кромѣ пролога и эпилога, она сопровождается еще антрактными номерами. Драма в эпоху династіи Сунов располагала всего лишь пятью различными драматическими персонажами, теперь число их доходит до четырнадцати. Быстро прогрессирует и драматическая литература. Драматическое искусство времен Юаньской династіи носит, однако, на себѣ

характерныя черты китайскаго сѣвера, хотя и на югѣ Китая в этот період драматическое искусство достигает большой зрѣлости и успѣшно развиваются. Южная драма называется — „нан-ши" и, впослѣдствіи, служит фундаментом для „гун-чжу," пріобрѣтающей популярность уже при Минской династіи.

„Гун-чжу," мало по малу, завоевывает положеніе національной драмы в Китаѣ с первых десятилѣтій маньчжурской Цинской династіи, вплоть до конца царствованія великаго императора Цянь-луна (с 1735 до 1796 г.) когда театральныя труппы из провинціи Анвей, одна за другой, наполняют столицу Пекин и переключают на себя популярность, которой до того пользовались поэтическія драмы Юга. Анвейскія драмы, со стороны художественной, были неизмѣримо ниже, но исполнялись онѣ на простонародном языкѣ, который был понятен даже кули-чернорабочим и в этом главный повод к их успѣху. Кромѣ того, надо отмѣтить, что среди анвейских актеров оказалось не мало первоклассных талантов, которые быстро приспособили к вкусам болѣе демократической, а, слѣдовательно, и болѣе обширной аудиторіи репертуар театра „гун-чжу." В дополненіе ко всему, анвейскій театральный жанр пополнился заимствованіями из пьес, представлявшихся в других провинціях необъятнаго Китая, так как, играя все болѣе централизирующую при маньчжурах роль, Пекин щедро черпал для себя достиженія талантливых умов из других районов государства. Так появились: жанр „хан-тяо" и „пан-цзу", в концѣ концов выкристаллизировав пекинскую музыкальную драму

остававшуюся неизмѣнной пока не появился на китайской сценѣ Мэй-Лян-фан, возродитель китайской классической музыкальной драмы.

*
* *

Еще совсѣм недавно театральное дѣло в Китаѣ являлось исключитально коммерческим предпріятіем, затѣвавшимся ради барышей, без каких бы то ни было стремленій к поддержанію искусства или во имя удовлетворенія творческих, эстетических, духовных потребностей. Антрепенер труппы, получив средства на ея содержаніе и для переѣздов по городам и вѣсям, от того или иного состоятельнаго лица, отправлялся в турнэ. Постоянные театры можно было встрѣтить в столицѣ, в Пекинѣ, в городах покрупнѣе, большинство же храмов Мельпомены в Китаѣ носили и до сих пор в отдаленных районах носят характер странствующих трупп. Соорудив из бамбуковых жердей и циновок крышу, при чем, для скрѣплѣній, употребляются тростниковыя веревки, антрепренер сооружает невысокую платформу для сцены, а перед сценой ставит скамьи и столы для публики. Сооруженіе такого бамбуковаго театра, могущаго вмѣстить под своей сѣнью 2000 и болѣе человѣк, совершается обыкновенно в день, прадшествующій первому спектаклю, а разрушеніе „зданія" происходит еще быстрѣе, так как веревки просто перерѣзываются. При своем формированіи труппа принимает особое названіе, под которым становится извѣстной публикѣ: „Счастливое общество," „Блестящая компанія," „Артистическая линія" и

т. д. Богатые люди и до сих пор имѣют при особняках помѣщеніе для домашняго театра, приглашая актеров выступать у них, когда собираются гости. Чудесное зданіе для театра соорудила в Пекинѣ, по сосѣдству со своими покоями, вдовствующая императрица Цы-Си.

С актерами, обычно, контракты заключаются на год. Антрепренер труппы, как и у нас, исполняет часто обязанности режисера. Костюмы, составляющіе важную часть театральнаго инвентаря, поставляются либо антрепренером, либо пріобрѣтаются в складчину группою лиц, заинтересованных в предпріятіи. Актеры раздѣляются на категоріи и получают плату соотвѣтственно занимаемым амплуа. Эти амплуа слѣдующія: 1) исторических героев „ляо-шэн" или „мо-цзіо-р," один гражданскій, другой военный; 2) великих людей „ху-шэн" или „шэн-цзіор; 3) исторических людей „сяо шэн" или „цзин-цзіор"; 4) женщин „дань-цзіор" и 5) клоунов „хуа-мянь" или "чжоу-цзіор." Кромѣ того, имѣется категорія второстепенных героев, изображающих чиновников, ремесленников, купцов, а также духов, оборотней, чертей, добрых геніев и т. д.

При группѣ состоят также парикмахер, гример, слуги и даже повара, так что состав странствующаго товарищества иногда достигает внушительной цифры. Кромѣ перечисленных участников, с труппою странствуют часто мальчики-ученики, взятые у родителей по контракту, для изученія сценическаго искусства. Платы ученики, обычно, не получают, пользуясь от антрепренера харчами и платьем.

Что касается постоянных театров, то они раздѣляются по внѣшнему виду на зданія прежней стройки, которых не мало еще сохранилось в Пекинѣ или помѣщаются, как часто в Шанхаѣ, в больших, иногда многоэтажных домах, ничѣм не отличающихся от сосѣдствующих зданій. Как неказист вид стараго китайскаго театра, он, словно, больше соотвѣтствует духу и стилю китайских театральных представленій, чѣм каменные ящики Шанхая. Здѣсь черепичная крыша поддерживается толстыми столбами; стѣны кирпичныя, иногда обшитыя досками. В верхней части такого театра, вышина котораго равняется приблизительно вышинѣ нашего двух-этажнаго дома, стѣны замѣнены деревянными рѣшетчатыми окнами, заклеенными бумагою. Бэль-этажу соотвѣтствует жидкая деревянная галлерея, обходящая, на высотѣ нѣскольких аршин, три стороны зданія. Галлерея раздѣлена перегородками на отдѣльныя ложи. Мѣста здѣсь стоят дороже и занимаются публикою почище или женщинами. Ложи имѣют только боковыя стѣнки, сторона же противоположная рампѣ ничѣм не изолирована от прохода и публика, наполняющая проход, во время спектакля подчас напирает на сидящих в этих своеобразных ложах. В ложѣ стоят узкія, отполированныя временем, лавки, на которых могут размѣститься до десяти человѣк. Каменная или плотно утрамбованная площадь партера уставлена такими же лавками, в перемежку с длинными столами. Лавки так узки и так близко придвинуты к столам, что зрители принуждены сидѣть вплотную. Неудобная поза и постоянная чрезвычайная в китайских теат-

рах тѣснота, ничуть не сказывается на настроеніях аудиторіи, которая жодно слѣдит за тѣм, что происходит на сценѣ или упивается высотами фальцета, оглашая одобрительно воздух криками: „хао!“, „хао!“ Теперь, правда, наблюдается тенденція устраивать театральныя залы ближе к европейским образцам. Здѣсь свое вліяніе оказал кинематограф, гдѣ не было и в Китаѣ ни узких скамеек перед столами, ни столов перед ними, для „чифана“.

Характерной особенностью дореформеннаго китайскаго театра надо признать, что в нем, зачастую, шло представленіе, состоящее из 12 пьес, длящееся от 6 до 8 часов подряд. В китайских театрах публика приходила с запасом пищи, бросая корки мандаринов или бананов прямо на пол. Во время антрактов продавцы, тискаясь между густой толпою, разносят не только сласти и мороженое (сейчас вошедшее в большую моду всюду в Китаѣ), но и лапшу и жирные пельмени.

Примитив на китайской сценѣ, за долго до Мэйерхольда и Евреинова, был возведен в принцип. Задняя сторона, образующая фон сцены, сосостоит из досчатой стѣнки, с нарисованным на ней характерным пейзажем. Или же „задник“ дѣлается из сшитых между собой циновок, наготу которых прикрывают вышивки. В задникѣ имѣются двѣ двери, завѣшанныя кусками яркой матеріи: двери эти служат для выхода и ухода артистов.

Вмѣсто декорацій на сценѣ нѣсколько стульев, табуреты и столы. Эта скромная мебель во время дѣйствія покрывается вышивками или пло-

скими подушками. Если нужно изобразить трон, то на стол ставят стул и покрывают его куском шелка яркаго цвѣта. Примитив доходит до того, что если нужно изобразить горы, то стулья могут быть свалены в кучу, при чем ножки и спинки их должны давать зрителю иллюзію скал и прочих неровностей почвы. Также примитивно импровизируется городская стѣна, мост, лодка и другіе предметы, которые зритель должен „видѣть", слѣдя за пьесой. Всѣ метаморфозы на сценѣ производятся на глазах у публики, слугами и декораторами, фантазія и изобрѣтательности которых, при убогости инвентаря, надо отдать должное.

Что особенно поражает в китайском театрѣ даже предубѣжденнаго, презрительно фыркающаго, европейца, это роскошь и яркость костюмов, в том числѣ в бѣдных деревенских ярмарочных балаганах. Особенно эффектны костюмы древних эпох. Актеры играют в шелковых, расшитых золотом и серебром, курмах и халатах, в фантастических головных уборах. Халаты второстепенных актеров также ярки, но менѣе богаты. Актеры, изображающіе древних богдыханов, божеств, сановников древности или привидѣній, появляются в масках с огромными бородами. Маски нѣкоторых военачальников иногда снабжены фантастическими рогами. Наряд главных персонажей дополняется атласными или бархатными сапогами на толстѣйших бѣлых подошвах. Выходя на сцену, актер говорит свое имя, докладывает, кто он такой, что он совершил и намѣрен совершить и каковы его отношенія к остальным пер-

сонажам. Условностью, как подчеркивает И. Я. Коростовец,— проникнуты и всѣ тѣлодвиженія и жестикуляція. Если нужно отправить курьера, актер, играющій эту роль, дѣлает вид, что он садится на лошадь, берет хлыст, бьет им воображаемаго коня, а, пробѣжавшись немного, жестами показывает, что он с коня слѣзает и тут же объявляет, что прибыл в такой-то город. Актеры произносят свои монологи нѣсколько нараспѣв и часто под аккомпонимент музыки. В патетических и трагических мѣстах речитатив повышается. Хорошим актером считается тот, кто умѣет взять вѣрный тон, издать и продлить с колоратурными варіаціями, звук, ласкающій, по особому устроенное, китайское ухо. Музыканты, помѣщающіеся в глубинѣ сцены, вторят при помощи гонгов, барабана, бубен, колотушек и китайских балалаек. Чтобы владѣть вниманіем аудиторіи среди этого аккомпанимента, актеру приходится поднимать голос до высочайшаго діапазона и дѣлать мимику особенно выразительной. Особенно хороша мимика актеров, изображающих женскія роли. Их предназначают для этого жанра с ранняго дѣтства, отбирая особенно миловидных, гибких и стройных. Они растут нѣжными, воистину экзотическими, цвѣтками и, невольно, от репертуара и спеціальной тренировки, становятся женоподобными. О них в Китаѣ шла всегда дурная слава и суровый синолог д-р А. Ф. Лежандр подробно разсказывает в книгѣ „La civilisation chinoise moderne" о том, что эти актеры не только на сценѣ, но и в жизни играют женскія роли, состоя в провинціи в фаворитах или у богачей или у влія-

тельных администраторов. Впрочем, вышедшая на просторы гимнастических стадіонов, современная молодежь все больше высказывается за то, чтобы женскія роли исполнялись женщинами. Женщины не допускались на подмостки с тѣх пор, как в числѣ наложниц великаго императора Цяньлуня была актриса. Кто видѣл актеров, играющих женскія роли, а в Китаѣ их видѣли всѣ, кто бывал в китайских театрах, тот знает, что они весьма искусно подражают не только походкѣ и жестам, но и голосу женщин. Для большей реальности, они втискивают ноги в миніатюрные женскіе башмачки и ходят характерной походкой, обличающей их профессію.

Театральная поступь в китайском театрѣ требует гораздо большей работы, чѣм на Западѣ. Артист, изображающій важное лицо, ступает отчеканивая и соразмѣряя каждый шаг: он высоко приподнимает ноги, ухарски вывертывает ступени и ударяет пяткою одной ноги по колѣну другой — это считается тигровой поступью. По мѣрѣ наростанія дѣйствія он начинает дѣлать прыжки или кружится на одной ногѣ, принимая рѣшительныя или устрашающія позы, означающія трагизм или безвыходность положенія. Вообще, из сдѣланнаго описанія не трудно понять, что китайскій театр предѣльно звѣлищен и в нем есть, что посмотрѣть. Если его понять, проникнуться его динамикой, он может родить в воображеніи художественныя эмоціи той же силы и очарованія, как и театр привычный нам, европейскій.

*

* *

В заключеніе нам хотѣлось бы коснуться подробнѣе попыток обрѣсти для китайскаго театра новые пути. Эти попытки идут в двух направленія. Одно старается лить новое вино в мѣхи классической китайской музыкальной драмы. Таковы попытни Мэй Лян-фана, Шан Сяо-юя, крупнѣйшаго вокалиста из современных китайских имперсонаторов женских ролей и др. Вокруг них имѣется нѣсколько кружков молодых энтузіастов, как в Шанхаѣ, так и в Пекинѣ. Имѣются и меценаты, поддерживающіе это движеніе, которому можно предсказать будущее.

Второй путь-европеизація китайскаго театра. Нѣчто подобное мы видѣли в Японіи, гдѣ европеизація театра проводилась уже давно, и гдѣ теперь европеизація начинает преодолѣвать младенческій період слѣпого и неубѣдительнаго копированія, нащупывая тропы синтеза между театром Запада и національными специфически японскими его основами. Европеизація китайскаго театра находится в прямой зависимости от развитія и роста китайской кино-продукціи, как в прежних достиженіях для нѣмого экрана, так и в нынѣшних говорящих картинах. Китайскому кинематографу стоило бы посвятить отдѣльную главу, но все еще нам думается, что для этого не настало время. Он весь в исканіях и ничѣм особенно оригинальным похвастаться не может. Под вліяніем кинематографа, китайскіе лицедѣи хотят и на театральной сценѣ создать современный театр-варье-

тэ: скетчи, музыкальные номера, акробатика, балет, в подражаніе европейскому театру того же жанра. Тон здѣсь задает космополитвческій Шанхай. Но китайская аудиторія пріемлет этот жанр лишь как новинку, особеннаго восхищенія не выказывая, так как в широких массах все еще жив и дѣйственео напряженный интерес к традиціонному китайскому театру, театру тысячелѣтій.

В области попыток перваго рода, нам хочется отмѣтить также модернизацію музыкальной драмы, „вен-мин", проводимую по европейским образцам. Прежде всего, эта модернизированная драма разыгрывается на мандаринском современном нарѣчіи. Игра в ней реалистична, она изображает обыкновенных людей, мужчин и женщин, в то время как классическая, пекинская драма, как описывалось выше, и как извѣстно каждому, кто хоть раз побывал в китайском театрѣ, имѣет сюжетом исторіи, связанныя с царствовавшими в Китаѣ домами или касавшіяся правителей государства короче говоря развертывает перед зрителем историческую романтику.

Лѣт пять тому назад в Шанхаѣ, на улицѣ Зай-Зунг, г. Уян Ю-цзин показал для любителей свою пьесу, под заглавіем „Вузун убивает свояченицу". Здѣсь был хорошо задуманный и удачно разрѣшенный сюжет. Игра артистов поражала реализмом. Были введены, не без успѣха вокальные номера. Но если эта и другія модернизированныя драмы и ставятся в китайских театрах, для широкой публики, то руководители трупп и импрессаріо, в общем, мало заботятся, чтобы из отдѣльных попыток смѣлых новаторов было соз-

дано цѣлое театральное теченіе, как было это у нас в исторіи зарожденія и развитія в Москвѣ Художественнаго Театра.

В попытках насажденія новой драмы от Шанхая не отстает и Пекин. И там, время от времени, даются представленія модернизированных пьес, с привлеченіем к участію женщин актрис. При чем часто, на сценѣ разыгрывается та или иная, особенно понравившаяся публикѣ, кино-фильма китайской продукціи, за отсутствіем подходящаго драматическаго репертуара.

Реклама дается этим представленіям вполнѣ... кинематографическая, вродѣ: „самая художественная продукція классической драмы в европейской оркестровкѣ." Но что бы не говорила реклама и как снисходительна не была бы пресса, зритель остается и по сей день в убѣжденіи, что эти попытки, пока что, не могут достигнуть художественных стандартов классической пекинской драмы.

Хотя между классическими пьесами и попытками модернизировать китайскую драматургію залегает все еще непроходимая пропасть, однако, реформизм сказывается и в постановках классических драм.

Ряд послѣдних пьес великаго Мэй Лян-фана указывают на то, что и он, идол китойской сцены, не только возрождает классическую драму, но и старается гдѣ и в чем возможно ее модернизировать. Так, при постановкѣ „ Ян Квей-фей" он примѣнял свѣтовые эффекты, замѣтно технически отставшіе, впрочем, от свѣтовых эффектов европейских постановщиков, а также, в угоду реа-

лизму, поставил на сцену вмѣсто символической вѣтьви — цвѣтущее дерево, в шесть футов вышины. Критика ядовито упрекала великаго артиста, что дерево, на котором прелестная Ян Квей-фей должна была повѣситься, больше напоминало гигантскій букет, на пестротѣ котораго совсѣм затерялось лицо артиста с его изумительной и неподражаемой мимической игрой. Вмѣсто трагедіи получилась мелодрама.

В другой пьесѣ Мэй Лян-фана „Чудесная дѣвушка Си-Чжен," сюжет для которой взят из XXI-ой главы повѣсти „Хун-Лу-Мэн," вторженіе модернизма еще болѣе замѣтно. На сценѣ было много мебели, тогда как классическая драма, внѣшне, как мы выше отмѣчали, вся построена на примитивѣ и символикѣ. Но обстановочность была испорчена слабо нарисованым „задником," декорація должна была представлять перспективу той залы, гдѣ разыгрывалось дѣйствіе. Кромѣ того, в той же пьесѣ, великій Мэй дальше пошел на встрѣчу реализму чѣм шел прежде, и в игрѣ. В жестах и позах его было больше естественной граціи и подкупающей простоты, чѣм то допускалось традиціонной школой классической драмы. А, самое главное, реформаторство сказывалось в сокращеніи номеров пѣнія и увеличеніи разговорнаго матеріала.

Что касается до второй звѣзды пекинских театральных подмосток, очаровательнаго и юнаго Шан Сяо-юя, то публика, держась по прежнему мнѣнія, что Мэй Лян-фана нельзя превзойти в игрѣ, отдает пальму вокальнаго первенства Шан Сяо-юю, котораго критика считает величайшим

мастером „чжин-и,“ женскаго опернаго стиля, проще говоря, фальцета.

В драмѣ Шан Сяо-юя „Супруга императора отгоняет медвѣдя,“ которая впервые была поставлена 4 февраля 1928 г. в театрѣ Гай-Мын, в Пекинѣ, и которая вся скомпанована так, чтобы тонкіе конессеры и дегустаторы волшебнаго фальцета могли получить наивысшее удовольствіе, реформизм ворвался в видѣ огромных нитрогенных ламп, составивших ярчайшій круг, рѣзавшій глаза даже привычных к слѣпящим иллюминаціям китайцев.

Когда божественному Шан Сяо-юю надо было декламировать и исполнять сольные номера, пѣнія он становился на возвышеніе под небом ночи, что дало бы желаемый эффект, если бы электрическія лампы, долженствовавшія изображать звѣзды, не мигали бы так быстро, отвлекая вниманіе и разсѣивая впечатлѣніе. Однако, в финалѣ, когда актер-пѣвец, в роли супруги императора изображал битву с медвѣдем, он совершенно отказался от реалистических движеній и провел всю сцену в условных символических традиціонных тонах китайской драмы, дав много нѣжной граціи в гимнастических позах и жестах, ускоряя свои движенія танцем, при чем медвѣдь был окончательно побѣжден легким и изящным ударом. Таким образом, получилось, мало увязанное смѣшеніе реализма постановки с очаровательными условностями и символикой классической драмы.

Критика, однако, была весьма снисходительна, принимая во вниманіе, что Шан Сяо-юй на этой премьерѣ превзошел себя, как пѣвец.

В китайских театральных кругах и среди художественных критиков, а также поклонников китайскаго театральнаго искусства, среди которых имѣется не мало европейцев, в том числѣ и пишущій эти строки, царит убѣжденіе, что классическая китайская драма должна упорно бороться за свое мѣсто. Пока существуют такіе геніальные исполнители, как великій Мэй, как Шан Сяо-юй или молодой И Ван-чон, о котором я говорю в другом мѣстѣ, классическая драма или, как ее называют, пекинская драма должна быть сохранена. Беря от общаго ренессанса китайскаго театра то, что она может заимствовать без вреда для себя, она должна жить по прежнему своей собственной, полной жизнью, олицетворяя собою древнее изобразительное искусство великаго народа. Что же касается европеизированной драмы, „вен-мин," пользующей современный разговорный язык и отстаивающей реализм в сюжетѣ, в художественном оформленіи и игрѣ, то и перед ней открывается широкое поле дѣятельности, принимая во вниманіе, что населеніе китайских городов модернизируется с поражающей быстротой, и сближается вплотную с европейскими и американскими теченіями мысли, не только в политикѣ, но и в искусствѣ.

Я нисколько не удивился бы, если бы еще через нѣсколько лѣт, когда выработаются актеры для реалистической китайской драмы и будут признаны труды драматургов-проффесіоналов, в Китаѣ объявится свой реалистическій театр, часть дѣятелей котораго совмѣстит работу в нем с работой в студіях для говорящих фильм, перед ко-

торыми тоже открывается большое будущее.

Нѣсколько туманнѣе перспективы того театра, которому у нас есть довольно точное опредѣленіе, как театра художественной миніатюры. Здѣсь также работает ищущая молодежь и работает не за страх, а за совѣсть. Управляющим одной из таких трупп пришлось всорѣтить раз молодую дѣвушку, живую и дѣльную, которая невольно вызвала к себѣ наше восхищеніе.

И. Л. Миллер, автор книги „Китайская дѣвушка," дает слѣдующее описаніе этого жанра:

„Играют, и не плохо играют, миніатюру. Выступают барышни-балерины, выступают пѣвицы, разыгрываются музыкальные скетчи, в видѣ миніатюр-оперетт, идет цѣлое ревью, навѣянное говорящим кино. Странно слышать популярныя англійскія пѣсенки, передѣланныя на китайскій лад, но это ново и достаточно любопытно. В ревью включены и драматическіе моменты. Юноша стрѣляет в одну из балерин; в сценѣ, предшествующей выстрѣлу, много сердечной лирики. Далѣе, на сценѣ проходит война, к слову сказать, очень тщательно поставленная, со всевозможными батальными картинами, которая подается так реально, что „первые ряды" не выдерживают всамодѣлишности постановки и, боясь рвущихся на сценѣ „бомб", соскакивают с мѣст.

„В отдѣльных сценах есть много чувства: особенно трогает сцена свиданія двух любящих сердец, при чем героя отнимает от героини раздающійся призыв к войнѣ. Горестно представлена сцена разставанія, когда на фонѣ пѣнія проходит балет, словом все, что полагается для ревью.

„Актеры и актрисы поют под оркестровый аккомпанимент, актрисы одѣты в эксцентрическіе костюмы ультра-модерн. Исполняются и лирическіе романсы. Труппы этого жанра широко примѣняют свѣтовые эффекты и возят с собой большой реквизит."

Из сказаннаго ясно, что современность стучится и в эту заповѣдную область китайской жизни.

Классическій театр хочет отстоять свои позиціи, но видно тянется к солнцу признанія и успѣха и новый театр, реалистическая музыкальная драма и театр-варьетэ.

*

* *

Нѣсколько слов о самом Мэй Лян-фанѣ, каким остался он в моем воображеніи послѣ спектакля, шедшаго в не совсѣм для него обычной обстановкѣ иностраннаго театра на международном сеттельментѣ Шанхая.

Если на понравившіеся „ европейскіе" спектакли в Шанхаѣ автомобили к театральному подъѣзду подъѣзжают десятками, — тяжелыя машины из сверкающаго лака, заркальных стекол, бархата и сафьяна подушек, со слѣпящими снопами свѣта передних фонарей, — то к представленію великаго Мэя автомобили подъѣзжали, как всегда, сотнями...

Китаянки в шелках, густо насурмленныя и засыпанныя драгоцѣнностями, грузные их партнеры из числа безсчетных шанхайских банкиров, фабрикантов, компрадоров и растакуэров.

Европеянки в мѣховых палантинах и бальных платьях, англичане и американцы с пробритыми

до блеска подбородками, в торжественных смокингах и в сознаніи своего заморскаго величія.

Спектакль — гала! Так выступала Тетраццини в ослѣпительном Санкт-Петербургѣ, в присутствіи императорскаго двора.

Так выступала в Парижѣ Сара Бернар.

Даже программы в блекло оранжевой, плотной обложкѣ с золотым тисненіем всего трех, коротких слов, вложенных в удлиненныя латинскія буквы:

— Мэй Лян-фан.

Чѣм берет толпу этот идол китайских подмостков?

Что влечет к нему, столько уже лѣт, несмѣтныя китайскія толпы, модернизированную китайскую буржуазію и наряду с ней упрямых паладинов старины, которые всегда живут замкнуто и презирают нынѣшній вѣк с его митингами и переодѣтыми в кургузые френчи вождями, но которые тоже, цѣлыми семьями, ходят и ходят слушать этого юношу в тридцать пять лѣт, изображающаго тонких, томных, манерных дѣвущек и женщин сѣдой старины.

Что это:— плѣн страстей человѣческих, до предѣла истонченных и обманчиво дразнящих, или это подлинная красота и проникновеніе в в надземныя сферы? Похоть очес или святое искусство? Нам, чужим, никогда не понять и не разгадать тайны очарованія Мэй Лян-фана.

Но безпощадное время, увы, не щадит и очаровательнаго принца из китайской сказки.

Мэй Лян-фан, котораго видѣли лѣт семь, восемь назад и котораго нам довелось описать не

на сценѣ, а в жизни в 1927 году, сейчас начинает клониться к закату.

Послѣдняя моя встрѣча с ним была не в позьзу прославленнаго кумира.

На подмостках „Эмбасси,“ возбуждая неистовые восторги, по прежнему пряще плясал и пѣл все тот же гибкій цвѣток без пола и внѣ возраста, но когда он поворачивал к жадному залу лицо, оно выглядѣло изможденным и постарѣвшим.

Тот же, серебряными каскадами мальчишескій альт на высотах, доступных только Мэю, тѣ же большіе, женскіе зубы, как жемчуг, но вокруг рта складки прожитой жизни и улыбка, которая растягивается в гримасу боли.

Мэй Лян-фан или очень устал за мѣсяцы и годы ежедневных в его честь пріемов и еженощных гастролей или, вообще, из жизни уходит, покрывается тѣнями вечера, образ этого, как в жизни, так и на сценѣ уайльдовскаго принца.

Что у Мэй Лян-фана сохранилось во всем обояніи молодости, это его удивительные жесты и игра огромных, своею жизнью живуших, глаз.

Его классическій жест с полой шелковой накидки, когда локтем правой руки, он ее приподнимает, а пальцами лѣвой передает смущенную печаль, каждый раз вызывал такой рев толпы, какой родит только артист Божьей милостью.

И уже совсѣм неописуем мэйлянфановскій танец мечей.

Недаром о нем написаны восхищенныя книги и разсудочныя англійскія газеты всякій раз посвящают пріѣзду в Шанхай Мэй Лян-фана статьи, с разбором новых художественных откровеній это-

го кумира китайской сцены.

К ПОЗНАНІЮ КИТАЯ.

В Шанхаѣ только что выпущена книжка, кстати сказать неизвѣстнаго автора „The Life of Konfucius,“ которая хочет лишній раз приблизить образ великаго китайскаго мудреца к широким кругам читающей по англійски публики. Англійская читающая публика, как извѣстно, имѣет в сферѣ китаевѣдѣнія то преимущество перед нами, что на каждую книгу о Китаѣ по русски, приходятся, без преувеличенія, десятки книг на англійском языкѣ, ставшем міровым, универсальным языком. Тема о Конфуціѣ воистину неисчерпаема. К образу и поученіям философа возвращаешься постоянно. Этот мудрец, родившійся в 551 г. до Р. Х., не только поражает нас силой ума и пластической трезвостью мыслей, восхищающих и через двѣ тысячи лѣт послѣ того, как онѣ были высказаны, он остается живым образом, из плоти и крови, всякій раз, когда мы снова припадаем к источнику этой животворящей интеллектульной влаги. Подобно тому, как Тургенев сказал о русском языкѣ, мы имѣем право использовать парафраз, что такой мудрец, как Конфуцій мог быть дан только великому народу. Фон дер Габеленц сказал о Конфуціѣ: „Если мы хотим мѣрить величіе исторических персонажей, то, по моему, есть один стандарт для подобных измѣреній: дѣйственность вліянія того или иного лица в отношеніи длительности; напряженія и размѣров этого вліянія. Ес-

ли примѣнить этот стандарт к Конфуцію, то надо Конфуція признать величайшим из людей! Ибо и по сей день, послѣ того, как истекло свыше 2000 лѣт, нравственная, общественная и политическая жизнь приблизительно одной трети человѣческаго рода находится под вліяніем этого ума.“

Слова нѣмецкаго китаевѣда, давно кстати сказанныя, пришли мнѣ на память, когда я увидѣл упомянутую выше книжку „Жизнь Конфуція,“ когда я пробѣжал глазами, первую же из попавшихся, цитат: „Цзе-Гун, один из учеников философа, был назначен на должность магистрата. Когда он покидал своего учителя, Конфуцій сказал: „Будь осторожен, помни! Не тревожь населеніе, когда идут полевыя работы. Не лишай людей того, чѣм они владѣют. Не становись гордым. Не увлекайся жестокостью, не мздоимствуй. Будь справедлив в отношеніи своих подчиненных. Будь честен в денежных дѣлах. Справедливость и честность— помни о них всегда! Человѣк, сознающій свое достоинство, не должен ни дѣлать, ни говорить опромѣтчиво...“ Развѣ эти поученія не примѣнимы сегодня, к каждому из нас, также, как настаивал на их примѣненіи Конфуцій в тѣ, для нас, казалось бы, незапамятныя времена, когда жил этот мудрец, государственный дѣятель, эстет и царедворец?

Проф. De Greef в трудѣ „Основные законы Развитія общества,“ называет Конфуція „гуманным консерватором.“ При всей своей уравновѣшенности и положительности Конфуцій, однако, должен разсматриваться, как представитель прогрессивных, органических стремленій китайской ци-

вилизаціи. Он связывает прошлое с настоящим и настоящее с будущим, в этом причина его безсмертія. Он крѣпко держится традиціи и древних форм, но не для того, чтобы вернуться назад, и еще менѣе для того, чтобы погрузиться в ничто; как истый позитивист, если он принимает традицію, то для того, чтобы ее развить и усовершенствовать. Подобно основателям соціологіи XIX вѣка в Западной Европѣ, Конфуцій, консерватор в лучшем и благороднѣйшем значеніи этого слова. В его соціальной концепціи, как и в концепціи Сен-Симона и Огюста Конта, порядок и прогресс — двѣ стороны соціальной жизни. Таким образом, в Китаѣ, как позже в Европѣ, эволюція соціальных ученій дает нам картину тѣх же измѣненій, которыя мы наблюдаем в области экономики, морали и политики. В Китаѣ, как и повсюду, одинаковыя эпохи создают одинаковую коллективную психологію. Извѣстно, что Китай, в своем развитіи, прошел, одну за другой, слѣдующія стадіи: 1) дикія кочующія племена; 2) пастушескіе, а, затѣм, земледѣльческіе кланы; 3) мѣстныя племена под властью вождей; 4) монархическія племена; 5) верховенство того или другого отдѣльнаго удѣла над всѣми другими или феодальная монархія; 6) имперская централизація; 7) временный возврат к феодализму послѣ соціальных кризисов; 8) возврат к абсолютному, замкнутому имперіализму и 9) побѣда начал общественности, начал интернаціонализма, желаніе участвовать в жизни всего міра.

Возвращаясь к области философской мысли и религіозно нравственных устремленій, надо отмѣ-

ьтит, что в то время, как мистицизм даосской вѣры потерпѣл неудачу в своем стремленіи воскресить первобытныя формы и, наоборот, способствовал паденію древняго общества и нарожденію новых форм, — Конфуцій подготовил наступленіе болѣе координированнаго общественнаго порядка на болѣе обширной территоріи. Если вспомнить, что Конфуцій был современником Фалеса, Анаксимандра и іонической школы в Греціи, а между западной Азіей и Греціей, с одной стороны, и Китаем — с другой, не существовало в тѣ времена, насколько извѣстно, постоянной связи, то надо поражаться идентичности устремленій упомянутых мудрецов западной античной эпохи и китайскаго философа, который, в разрѣзѣ исторіи Китая, может быть характеризован, как представитель того довольно продолжительнаго для Китая историческаго періода, когда нѣсколько удѣльных княжеств стремились, во взаимном соревнованіи, достигнуть верховенства.

Конфуцій болѣе моралист, чѣм политик, этим он тоже похож на греческих, современных ему, философов.

Относясь с уваженіем к традиціонным вѣрованіям, Конфуцій развивал их внутреннее содержаніе и, таким образом, построил на них свое собственное ученіе. Его мораль, хотя и лишенная идеализма, была столь же чиста и возвышенна, как мораль любой религіи и его вліяніе, в смыслѣ гуманности, было не менѣе глубоко и обширно. Уваженіе к обычаям и их сохраненіе, культ предков, — таковы основы его религіи, отчасти, как теперь видим, похожей на „культ человѣчест-

ва“ Огюста Конта. Конфуцій был далек от мистицизма, он не скрывал своих сомнѣній в отношеніи спиритуалистических начал: „Как я могу знать что либо о небѣ, если так трудно составить себѣ истинное понятіе о том, что происходит на землѣ?“ — и он прибавил, обращаясь к одному из учеников: „Ты еще не научился жить и уже думаешь о том, что будет послѣ смерти.“

Китайская философія вообще замѣчательна тѣм, что в концѣ эпохи религіозных книг она становится соціальной философіей; она спеціализировалась на морали и политикѣ и свела почти все к личности и обществу. Слабая сторона ея заключалась в том, что она не зиждилась на фундаментѣ наук о природѣ. Науки оставались в Китаѣ в эмпирическом состояніи и до сих пор не достигли уровня абстрактных наук. Поэтому китайская философія занималась преимущественно вопросами морали и пользовалась главным образом дедуктивным методом, не смотря на то, что она базировалась на эмпиризмѣ. Этим же объясняется и тот факт, что она проникнута идеализмом, не смотря на ея практическія тенденціи.

Невѣрно утвержденіе, до сих пор имѣющее своих сторонников, что китайская мысль не отличается той динамикой, которая характерна для западной мысли. Китай продѣлал такую же эволюцію, как всѣ другія общества. Различныя стадіи идеологическаго развитія слѣдовали в Китаѣ одна за другой, как вездѣ представляя собою в каждый данный „отрѣзок времени,“ коллективную психологію общества, соотвѣтствующую его реальной структурѣ и его экономическим осно-

вам. Разница только в том, что в развитіи общей философіи и абстрактных теорій отдѣльных частных наук, Китай почти не пошел дальше метафизической стадіи. Вмѣсто этого, как мы видѣли, в Китаѣ получила свое развитіе практическая философія. Однако, китайскій эмпиризм накопил много наблюденій и открытій, которых не приходится не дооцѣнивать. Китайцам мы обязаны, с древнѣйших времен, изобрѣтеніем бумаги, пороха, компаса, банковых билетов. Древнѣйшій из извѣстных нам банковых билетов имѣет дату 1450 г. и хранится в Британском музеѣ. Банковые билеты находились в обращеніи в Китаѣ, повидимому, еще за 9 столѣтій до нашей вѣры. Первая пекинская газета была основана еще в тѣ времена, когда в Европѣ правил Гуго Капет (987-996 г.) Исторія Китая, изложенная в оффиціальном изданіи заключает в себѣ 3705 томов. У древних китайцев было много трудов, посвященных математикѣ, астрономіи, агрикультурѣ, натур-философіи, медицинѣ, юриспруденціи и военному искуству. Но, до самаго послѣдняго времени, не было печатных трудов, составленных китайцами, по физикѣ, химіи, бактеріологіи, психологіи и даже соціологіи. Сейчас этот пробѣл, в срочном порядкѣ, заполняется. Особенно много выходит книг по вопросам, связанным с соціальными науками, в которых учтен и примѣняется для обслѣдованій метод западно-европейских авторитетов.

Но если китайцы только в прошлом вѣкѣ пріобщились к сокровищницѣ европейских знаній, то избѣг ли Запад, в частности мы, русскіе, того же упрека? Вѣдь и мы недавно лишь стали, как

слѣдует, изучать Китай...

В 1840 г. в Санкт-Петербургѣ, в типографіи Императорской Академіи Наук, вышла замѣчательная книга: „Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе,“ сочиненіе лучшаго нашего синолога первой половины XIX вѣка, монаха Іакинфа (Бичурин), котораго при жизни сурово преслѣдовали синодальныя власти. Вот что он писал в предисловіи: „В Европѣ досего времени полагали Китай в Азіи не по одному географическому положенію, но и в отношеніи к гражданскому образованію — разумѣя под образованіем одно варварство и невѣжество: но сами немогли примѣнить своего заблужденія по сему предмету. Надлежало глубоко вникнуть в законодательство и дѣйствія правительства, чтоб постигнуть дух законов, политику управленія, и потом опредѣлить степень просвѣщенія. С перваго взгляда можно только примѣтить, что чернь в Китаѣ в образованіи стоит нѣсколькими ступенями выше черни многих европейских государств. Дѣйствительно мы нынѣ знаем в свѣтѣ один только народ, у котораго философія, к необыкновенному удивленію Европы — связана с религіею самыми тѣсными узами. Я разумѣю здѣсь религію государственную, народную, которая носит названіе жу-цзяо. Внутренній состав сей религіи основан на чисто философских началах, и притом той самой философіи, которая через училищное воспитаніе проникла всѣ сословія, подобно как вода через слои губки.“

*

* *

Іакинф Бичурин дѣйствительно знал Китай.

Он не только его знал, но и любил. При этом любил той проникновенной любовью, которая духовное владѣнie доводит до совершенства. Вот почему и через сто лѣт его описанія различных сторон китайской жизни сохраняют всю упоительность свѣжести и новизны.

Вот, на стр. 339, он пишет: „В Китаѣ много больших богачей, а число средственных капиталистов очень велико. Они бывают из чиновников, а болѣе из торговых людей. Богатство их состоит в землях, строеніях и наличном капиталѣ как в серебрѣ, так и в товарах. В одном Пекинѣ считается до 200 частных ссудных банков, и самый бѣдный из них имѣет не менѣе милліона (ассигнаціями) рублей в оборотѣ. В Китаѣ всѣ почти земли принадлежат собственникам. Каждый, не разбирая сословій, преимущественно старается имѣть часть капитала в землях: ибо сей капитал приносит вѣрные доходы, и сверх того не подвержен никаким непредвидимым опасностям, исключая политических переворотов. Но обладаніе землями никому не дает названія помѣщиков.

„Поселянин имѣет в глазах правительства преимущество перед прочими сословіями разночинцев, потому что землепашество в Китаѣ почитается основаніем народнаго спокойствія и благоденствія" (стр. 361).

Когда знаменитый наш путешественник Крузенштерн, возвратившись из плаванія по дальневосточным морям, опубликовал ряд своих замѣток касательно Китая в отвѣт на вопросы нѣкоего Вирста, и в одном из отвѣтов, 22-ом, заявил, что китайцы подражают европейцам, но весьма

несовершенно, Іакинф Бичурин с этим не согласился и сто лѣт назад о созидательном геніи китайцев написал так:

„Можно сказать, что Китайцы в отдѣлкѣ многих вещей дошли до совершенства; а по заказу вырабатывают нѣкоторыя Европейскія вещи очень близко к данным образцам. В рѣдком народѣ можно найти столь быструю способность к подражанію, каковою Китайцы обладают; и если что удерживает их от приближенія к утонченности Европейцев, то это их законы, которые предписывают самую форму употребляемых вещей.. В нѣкоторых городах южнаго Китая дѣлают стѣнные и столовые часы средственной работы, карманных же часов недѣлают. Назад тому около 150 лѣт заведена была казенная часовая фабрика: но скоро упала от дешевизны заморских карманных часов. Что касается до выработки сукон, то в сем искусствѣ Китайцы скоро бы могли сдѣлаться соперниками Европейцам."

Крузенштерн написал, рѣзко и с кондачка, слѣдующее о неприглядных сторонах тогдашней китайской жизни:

„Чрезвычайное многолюдство должно быть виною, что бѣдный простой народ терпит нерѣдко великую нужду. Вообще в государствѣ голод бывает часто. В Кантонѣ не очень примѣтно, чтобы поденщики и ремесленники ненаходили для себя работы. Впрочем нищих много и в сем городѣ, которые показываясь на улицах в рубищах представляют вид крайне отвратительный. Что голодные Китайцы ѣдят мертвых собак, кошек и и даже крыс, тому имѣл многократно случай сам

быть свидѣтелем. Я приказал бросить за борт нѣсколько бочек солонины испортившейся до того, что зловоніе от него разнеслось по всему Вампу и долго не уничтожалось (всюду в цитатах сохраняем орфографію подлинника Л. А.). Алчущіе Китайцы ловили ее с величайшею жадностію и увозили с изъявленіем особенной радости. На рѣкѣ Тигрисѣ у Кантона живет множество народа на лодках. Прочія рѣки, каналы и озера также обитаемы людьми, и притом в нѣкоторых мѣстах столько же многолюдны сколько и самая земля."

Іакинф Бичурин в 1840 году возражал знаменитому Крузенштерну, при том не только обстоятельно и авторитетно, но и в высшей степени мягко и деликатно:

„Судя по невѣроятному народонаселенію в Китаѣ, можно безошибочно сказать, что число рук, простирающихся к работѣ, далеко превосходит количество представляющейся работы, что великая населенность далеко превосходит мѣру земли, потребную к пропитанію жителей. Послѣ сего ни мало не удивительно, что рабочіе с трудом могут содержать себя; что ремесленники, а особливо семейные, вообще нуждаются в содержаніи себя. Если бы не выгодный образ китайскаго земледѣлія и двукратные посѣвы сарацинскаго пшена на югѣ, если бы не укореняемое и повторяемое возвращеніе огородной зелени и овощей на одной и той же землѣ и подвоз хлѣба из Индіи и с островов южнаго океана, то Китай должен был бы цѣлую половину своих жителей извергнуть за предѣлы. Сверх сего надобно отдать полную справедливость трезвости, воздержанію, дѣятельности,

особенно же трудолюбію и терпѣливости Китайцев. Не увидите ни одной пяденн удобной земли, оставленной необработанною; даже болотныя и песчанныя мѣста засажены камышом и палочником, или тальником, которые по великому их употребленію приносят владѣтелям немалый доход. — Что же касается до ремесленников, то они снискивают пропитаніе способами обыкновеніем присвоенными ремеслу их. Каменщик, плотник, поденщик приходит в извѣстныя мѣста ожидать требователей. Разнощики мелочных товаров, продавцы харчевых вещей, обручники, брадобрѣи и многіе другіе, коих ремесло состоит в том чтобы разноскою или минутною работою удовлетворять нуждам жителей, обыкновенно ходят по улицам, и голосом или звуком орудій, означающих ремесло их, дают знать о своем приходѣ. Живущих на водѣ находятся два рода: в нѣкоторых больших городах южнаго Китая многіе живут на судах по рѣкам и каналам, не по бѣдности, а по недостатку мѣст ближайших к центру города, гдѣ им нужно чаще быть по своим дѣлам. Лучшія жилыя суда бывают очень красиваго устроенія, и комнаты в них прекрасно меблированы. Судохозяева и рыбаки вовсе не имѣют домов, а из рода в род живут на судах со всѣм семейством. Бѣдные люди, по недостатку в средствах к пропитанію, ѣдят конину, ослятину, верблюжину, кошек, собак, и не только живых но и палых. Мнѣ самому, — пишет Іакинф Бичурин, — случалось видѣть, с какой заботливостью бѣдный тащил нечаянно найденную им на улицѣ издохшую кошку или собаку. Но дѣйствія, к которым принуждает необходимость или

крайность, недолжно почитать общим обыкновенiем или нравственным правилом. Самый бѣдный Китаец не унизится до сбора милостыни по улицам. Есть класс нищих, терпимый в Пекинѣ и других городах, не смотря на отвратительнѣйшiй вид их. Это не бѣдные, а сборище развратнѣйших людей, лишенных всякаго довѣрiя в обществѣ. Нерѣдко завлекаются к ним бѣдные мальчики испорченной нравственности."

Вообще, монах Iакинф Бичурин не закрывал никогда глаз на тѣневыя стороны жизни современнаго ему Китая: „ Нельзя отозваться с похвалою о нравственности в городах и слободах, гдѣ торговые люди по большей части суть гости из разных даже отдаленнѣйших мѣст Китая. Здѣсь разврат есть необходимое слѣдствiе безженнаго многолюдства, не смотря на то, что внутри городов запрещены домы служащiе убѣжищем разврату; и что законы не терпят оных в предмѣстiях. Особенно жители южных азiатских стран, при несклонности к шумному и безумному пьянству, преданы сладострастiю, можно сказать, необузданному, а законы на общую наклонность народа к какому-либо пороку вообще смотрят сквозь пальцы. Даже при законном дозволенiи кромѣ жен имѣть наложниц — удовлетворенiе сладострастiю, противное природѣ, столь усилилось в Китаѣ, что положенное законами очень легкое наказанiе за сей порок рѣдко исполняется."

И, все таки, общiй вывод нашаго генiальнаго синолога совсѣм не мрачен:

„ Судя безпристрастно, без ошибки можно сказать, что в Китайском народѣ много хорошаго

и довольно дурного: но сторона хорошая перевѣшивает дурную. Это происходит от того что добрая нравственность в Китайском народѣ весьма много поддерживается отличным дѣйствіем законов. В каждом областном, окружном и уѣздном городѣ находится храм древнему учителю Кхун-цзы (Конфуцій), в котором мѣстные начальники в весеннем и осеннем средних мѣсяцах в первый день под названіем „дин" совершают возліянія. По лѣвую (восточную) сторону храма учителю Кхун-цзы находится Храм вѣрным, справедливым, отцепочтительным и дружелюбным под назааніем Чжун-и-сяо-ди-цы; перед храмом каменный памятник и торжественныя врата. В сем храмѣ поставляются табели с именами туземных чиновников прославившихся вѣрностью к престолу, ученых— справедливостію, сыновей — почтеніем к родителям, внуков — послушаніем; а при жизни их пишутся над торжественными вратами."

*

* *

Поразительно с какой точностью, образно и ярко, описывает Іакинф Бичурин стороны китайскаго быта. Его описанія через сто лѣт не утеряли прелесть новизны и для нас, живущих в Китаѣ долгіе годы.

Вот описаніе одежды китайцев: „господствующій и неизмѣняемый цвѣт для курм есть черный, для кафтанов голубой. Впрочем для кафтанов избирают и другіе цвѣта, исключая алаго и зеленаго, предоставленных женскому полу. Верхняя рубашка осенью и зимою цвѣта голубого и лимоннаго, а весною и лѣтом бѣлаго. Фуфайка и пла-

тье исподнее бывают шелковыя, а у бѣдных китайчатыя, — воротник употребляется при кафтанѣ и курмѣ; но лѣтом при безподкладном платьѣ и газовом одѣяніи не носят его."

„Бѣдные люди, работники, крестьяне и ремесленники, для удобности лѣтом носят одну рубашку и исподнее платье, а зимою фуфайку и штаны на толстой ватѣ. Лѣтом носят соломенныя шляпы, а зимою мѣховыя шапки с ушами. — Башмаки у них с тонкими прошивными подошвами. Законом предписано простолюдинам все одѣяніе носить китайчатое: но не смотря на запрещеніе, богатые по большей части одѣваются в шелковое платье.

„Мущины разных низших сословій лѣтом ходят или работают без рубах. В торговых лавках, трактирах и театрах не рѣдко случается видѣть хороших людей с легким вмѣсто рубахи нагрудником над животом. Женщины в бѣдных домах таким же образом пользуются прохладою в знойные лѣтніе жары: для сего починивающій кровлю или дворовую стѣну в своем домѣ обязан до прихода работников извѣстить сосѣдей, дабы женщины заблаговременно распорядились к избѣжанію неудовольствія потѣть цѣлый день в душной комнатѣ. Для сей же причины запрещено в продолженіе лѣта ходить по городской стѣнѣ подлѣ внутренняго парапета, особенно смотрѣть с стѣны в город."

Очаровательна ремарка Іакинфа Бичурина на счет того, почему китайцы его времени имѣли обыкновеніе брить головы: „Излишество волос на головѣ и лицѣ тягостны в лѣтнія жары. Китайцы обривают волосы в носу, в ушах и даже в гла-

зах."

И, далѣе, он говорит: „Обыкновенное женское платье одинаковаго покроя для всѣх сословій: но в покроѣ и даже цвѣтѣ форменнаго верхняго одѣянія знатныя Китаянки отличаются от Манжурок и Монголок живущих в Китаѣ. Форменное одѣяніе китаянок есть пунцовое, а цвѣт и покрой форменнаго одѣянія для Маньчжурок и Монголок предписан законами. Что касается до плебеянок, хотя обыкновеніем предоставлены им цвѣта зеленый и красный, но хорошій вкус болѣе требует цвѣтов голубого и бѣлаго; а первые два цвѣта нынѣ уважаются только деревеескими красавицами. Жалѣю, — с грустью заканчивает монах Іакинф, — что время недозволило мнѣ приложить к сей статьѣ нѣсколько картинок с образцами женских нарядов."

Чудесно разскзывает Іакинф Бичурин как пышен и торжественен был церемоніал придворных празднеств. Вот, например, в главѣ XУ-ой идет описаніе большого пира при дворѣ. Приведем нѣсколько цитат:

„Большіе пиры при дворѣ даются в тронной Тхай-хо-дянь, и ежегодно бывают в Новый год и в день рожденія государева, исключая необыкновенные какіе-либо случаи. Большой пир состоит из трех частей: приготовленія, расположенія и церемоніала. Приготовленіе состоит в слѣдующем: Обрядовая Палата предварительно представляет Государю росписаніе. Для исправленія пира разбивают одну желтую ставку на красном крыльцѣ перед дверями тронной. Внутри тронной ставят стол для царскаго кушанья. Подалѣе в тронной

же и внѣ тронной на обѣих сторонах помоста разставляют столы для князей и чиновников.

„Позади трона по обѣим сторонам, столы для тѣлохранителей с бобровыми хвостами; от них на запад столы для дворцовых журналистов. На кр: с. ном крыльцѣ, по обѣим сторонам, по три ряда столов для чиновников от 1 до 4 класса; у восточнаго крыльца палатка для начальствующаго над плясками. У синих палаток ставятся столы для гражданских и военных чиновников от 5 класса и ниже, лицом восточные на запад, а западные на оборот. Пониже западных палаток — столы для иностранных посланников, прiѣхавших с данью.

„В день пира на разсвѣтѣ съѣзжаются во дворец Князья и чиновники в церимонiальном одѣянiи. Полковники и прочiе офицеры гвардiи в парадных кафтанах и курмах; а чиновники, долженствующiе служить при дворѣ в одних парадных кафтанах. По окончанiи распоряженiй, Князья и чиновники входят во двор тронной Тхяй-хо-дянь, и занимают мѣста по порядку степеней и классов. Послѣ сего Члены Обрядовой Палаты докладывают Государю о времени шествовать в тронную Тхай-хо-дянь. На воротах Ву-мынь бьют в колокол и литавру. Государь, в церемонiальном одѣянiи, при игранiи музыки садится на престол. Музыка умолкает. Бьют плетью три раза. Князья и чиновники, став у своих столов дѣлают по одному поклону и садятся. Полковники гвардiи, чиновники Дворцоваго Правленiя и начальник евнухов подходят к государеву столу и, отступив назад, становятся на свои мѣста. Подают чай, при чем играет духовая музыка на красном крыльцѣ. Го-

сударь кушает чай. Князья и чиновники, встав с мѣст своих, дѣлают поклон и садятся. Тѣлохранитѣли подают чай князьям и вельможам. Чиновники Дворцоваго Правленія разносят чай чиновникам на красном крыльцѣ и помостѣ. Чиновники, встав со своих мѣст, дѣлают поклон; выпив чай, опять дѣлают поклон и садятся. Музыка перестает. Развертывают чехлы на столах. Чиновники Церемоніальнаго Отдѣленія входят в желтую ставку. Один берет со стола сосуд с вином, другой кубок, третій золотую чару; один за другим всходят на крыльцо по среднему сходу и останавливаются у тронной по восточную сторону средней двери, лицом к западу. Играет музыка на красном крыльцѣ. Вельможа, подносящій кубок, встает со своего мѣста, снимает с себя парадную курму, а если на нем соболья доха, то снимает доху; князья и прочіе тоже дѣлают; вельможа, назначенный подносить кубок, выступает вперед и станнвится на колѣни. Чиновник Церемоніальнаго Отдѣленія берет винный сосуд, наливает вино в кубок, входит в тронную среднею дверью, и став на колѣни лицом к западу, подает кубок вельможѣ, который, по принятіи кубка всходит по ступеням трона с лѣвой стороны и с колѣнопреклонѣніем подносит оный Государю. Государь принимает кубок, а вельможа, отступив на мѣсто прежняго колѣнопреклоненія, опять становится на колѣни. Государь кушает вино. Вельможа дѣлает поклон до земли. Князья и прочіе вслѣд за ним дѣлают также поклон до земли. Вельможа опать всходит по ступеням трона и с колѣнопреклоненіем приняв кубок сходит со ступеней.

Фот. г. Чен Чуан-лин.

Ребенок с улицы и сладкій бамбук.

и опять становится на колѣни на прежнем мѣстѣ. Князья и прочіе встают на ноги. Чиновник Церемоніальнаго Отдѣленія наливает вино в золотую чару, и, стоя на ногах подносит вельможѣ, подносившему кубок Государю; вельможа с колѣнопреклоненіем принимает чару, дѣлает поклон до земли и пьет. Тот же чиновник, что на ногах, принимает у него чару и отходит на прежнее свое мѣсто. Вельможа послѣ сего дѣлает поклон до земли и опять надѣвает парадную курму и доху. Музыка умолкает. Князья и вельможи садятся. Вельможа, подносившій вино, также садится на свое мѣсто. Государь принимает пищу, при играніи духовой музыки. Подают кушанья князьям и вельможам. Четверо из придворных вельмож, встав на своих мѣстах, смотрят за пиром. Когда тѣлохранитель подносит вино князьям и прочим, то послѣдніе, встав со своих мѣст дѣлают поклон до земли, и, выпив по чарѣ, дѣлают опять поклон до земли. В это время член Обрядовой Палаты и члены ея отдѣленій выводят плясунов на красное крыльцо. Начальник хора начинает пѣсню, начальник плясунов открывает пляску. Высшіе чиновники в церемоніальном одѣяніи выходят на середину зала, дѣлают три поклона до земли и, отступив, становятся на восточной сторонѣ; а отселѣ каждый однажды проходит танец; по окончаніи пляски они опять становятся посреди тронной и, сдѣлав три поклона до земли, уходят. Послѣ них являются с монгольскими свирѣлями и играют монгольскія пѣсни. Потом слѣдует музыка и пляска корейская и других народов. Всѣ сіи потѣхи оканчиваются театром. Наконец все скрывается.

Играет музыка на красном крыльцѣ. Князья и чиновники встают с своих мѣст и дѣлают три поклона до земли. Музыка умолкает. Бьют плетью. Начинает играть задняя музыка и Государь возвращается во внутренній дворец. Послѣ сего умолкает задняя музыка и гости расходятся."

*

* *

Из предшественников нашего знаменитаго китаевѣда Сергѣя Георгіевскаго, уже неоднократно на этих страницах упоминавшагося и цитированнаго, в серединѣ прошлаго вѣка, послѣ монаха Іакинфа Бичурина, о Китаѣ у нас писали: проф. В. П. Васильев, давшій ряд фундаментально популярных трудов — „Религіи Востока," „Очерк исторіи китайской литературы," д-р П. Я. Пясецкій, перу котораго принадлежит „Путешествіе по Китаю," М. Венюков с его „Очерками современнаго Китая" и другіе синологи, как говорил Георгіевскій: „ которых знанія завидны для синологов Англіи и Франціи."

В вопросѣ „к познанію Китая" интересно привести мнѣніе проф. В. П. Васильева, по праву считающагося одним из основоположников науки русской синологіи, в его трудѣ: „Современное положеніе Азіи — китайскій прогресс," стр. 22, 23:

„Можно положительно утверждать, что Китай имѣет всѣ данныя, чтобы достигнуть высшей точки умственнаго, промышленнаго и вмѣстѣ политическаго прогресса.

„Его принцип глубокаго уваженія к наукѣ, стремленіе всего народа учиться с необыкновенным напряженіем, не стѣсняясь количеством лѣт,

показывает, что там может вырасти нація самая образованная в свѣтѣ, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным міром, но даже не остановятся на общем уровнѣ. Китайская ученость стараго времени, хотя и неудовлетворительна, но она пріучила их к критикѣ, к глубокой тщательной разработкѣ предмета. Тысячелѣтнее существованіе націи, устраивавшей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственным сообраэкеніем, придумываніем, обѣщает, что и новѣйшія открытія других народов по физическим предметам найдут в них усердных продолжателей и изобрѣтателей. Китайцы могут отличиться и в артистическом, и в художественном отношеніи. Далѣе, нѣт ремесла, нѣт промысла, нѣт ни одной торговой вѣтви, в которой за китайца можно бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сдѣлано тщательно и дешево, то мір может быть завален китайскими товарами. Может дойти дѣло даже до того, что китаец захватит всѣ рынки и промыслы всего свѣта. Рука об руку, или даже идя впереди этого движенія, может возрасти до неимовѣрной степени и политическое могущество Китая. Довольно сначала заселить всѣ находящіеся и теперь уже под властію Китая земли, как явится обширная имперія с милліардом народа развитаго и дѣятельнаго. Захватив богатѣйшіе в мірѣ острова восточнаго океана, Китай в одно и тоже время может угрожать Россіи и Индіи, Америкѣ и Западной Европѣ. При силѣ, у него достанет безсердечія вырѣзать всѣх непокорных, хоть весь мір. Весь мір будет населен од-

ними только китайцами — вот до чего может разыграться фантазія будущаго возможнаго, которое теперь называется невозможным."

По поводу панорамы, написанной проф. Васильевым надо сказать, что страх перед желтой опасностью владѣл нѣкоторыми умами в Европѣ и в Россіи не только во второй половинѣ прошлаго XIX вѣка, но вплоть до начала европейской войны 1914 г., когда другіе, болѣе реальные, страхи заслонили видѣніе огненнаго Будды, движущагося на Европу. Впрочем, уже и тогда критически мыслящіе востоковѣды всегда скептически относились к мыслям о том, что Китай может повторить опыт Тамерлана. Еще в 1888 г. Георгіевскій, в связи с цитированным выше взглядом Васильева, писал: „что китайцы захватят всѣ рынки и промыслы всего міра, что весь мір будет населен одними только китайцами, — это такое предположеніе, которое ни в каком случаѣ не может осуществиться; но что китайцы усвоят все лучшее из матеріально-бытовой культуры европейцев, усвоят тѣ позитивно реальныя науки, развитію которых обязаны своим могуществом Европа и Америка, встанут в уровень со своими учителями на всѣх поприщах позитивно-теоретической и промышленно практической дѣятельности, — это несомнѣнно: у китайцев есть всѣ данныя к тому, есть и стремленіе, ясно опредѣлившееся и уже в нѣкоторой степени осуществляемое. Что китайцы штудируют конфуціанскую философію и считают ее высшею наукою, это, вопреки мнѣнію проф. Васильева, ничуть не препятствует им идти по пути нами указаннаго прогресса: конфуціанство, поощряя

изученіе міра матеріальнаго, само по себѣ не трактует ни о математикѣ, ни о механикѣ, ни о физикѣ или химіи, а эти науки в свою очередь не касаются этики и политики, не дают отвѣта на важнѣйшіе вопросы человѣчества: для чего нужно жить и как нужно жить?"

Что касается „желтой опасности," то разговоры о ней снова воспрянули в Европѣ послѣ революціоннаго сверженія китайской монархіи. Вѣроятно, для большинства из этих разговоров, отправной точкой послужил еще эдикт от апрѣля 1911 г. касательно необходимости срочных реформ военнаго порядка. Даже такой знаток Китая, как проф Reinsch дал себя убѣдить, что новый молодой Китай представит собою угрозу Европѣ:

„ Нынѣ, писал в концѣ 1911 г. проф. Рэйнш, — мы присутствуем при пробужденіи огромнаго народа, набирающагося новой энергіи и желающаго болѣе активно вести свои дѣла. Мирный Китай, страна непротивленства, быстро милитаризуется, во всѣх заявленіях общественнаго порядка проводится идея пробужденія національной энергіи, необходимости подготовки и укрѣпленія мощи. Для реорганизаціи вооруженной силы принесены большія жертвы и во всѣх провинціях даже дѣти в школах одѣты в форму и обучаются воинскому строю."

В другом мѣстѣ проф. Рэйнш писал: „идеологія, что злоключенія надо покорно переносить или, самое большее, мирно им сопротивляться, в большинствѣ уже вывѣтрилась и на мѣстѣ ея утверждается вѣра, что только при помощи позитивной, героической работы могут быть разрѣшены

важнѣйшія проблемы національной жизни."

Впрочем, еще до событій 1911-12 г. г., извѣстный писатель по китайским вопросам Putnam Weale в книгѣ своей „The Reshaping of the Far East" писал еще в 1905 году, в связи с побѣдой Японіи над Россіей, произведшей большое впечатлѣніе на умы передовой китайской интеллигенціи: „я вѣрю в полную реорганизацію и перевооруженіе китайской арміи." Путнам Уил в 1905 г. предсказывал, что на протяженіи пяти лѣт, т. е. к 1910 г., Китай будет обладать сухопутными силами в количествѣ 360,000 человѣк, а к 1915 году выставит армію в полтора милліона штыков. „В десять или пятнадцать лѣт, — писал Путнам Уил, — силы Японіи будут настолько количественно превзойдены, что она не осмѣлится напасть на своего огромнаго сосѣда." Как извѣстно, эти предсказанія британскаго публициста не были подтверждены жизнью.

Однако и до Путнама Уила в 1901 г. сэр Роберт Харт, создавшій для Китая администрацію морских таможень, человѣк глубже постигавшій ход событій китайской исторіи, утверждал, что „на протяженіи пятидесяти лѣт в Китаѣ народятся милліоны боксеров, крѣпко сомкнутых рядами, которые пойдут на войну по первому зову китайскаго правительства." („These from the Land of Sinim")

По поводу этих пророчеств Дж. О. П. Блэнд отмѣтил, что авторы „забывают о пропасти которая в Китаѣ залегает между словами и дѣлами (стр. 410 „Recent events anb present policies in Cina.")

Блэнд вспоминает совѣт, данный в 1874 г. знаменитым ген. Гордоном, побѣдителем тайпинов, китайскому правительству отказаться от агрессивной политики в адрес Россіи: „он рекомандовал, что на будущее время Китай должен избѣгать тратить деньги на военные корабли и пушки, потому что владѣніе подобными предметами будет только увеличивать алчность захватчиков."

Блэнд видѣл „желтую опасность" в другом: „в давленіи, которое эти милліоны экономных, трудолюбивых работников, привыкших к самому скудному существованію, окажут на экономическія и индустріальныя условія Западнаго міра." Через двадцать два года предсказаніе Блэнда оправдывается. В отношеніи индустріализованной Японіи оно уже оправдалось на всѣ сто процентов.

Для характеристики отношеній китайских народных масс к правительству, к власти центра, важно процитировать слѣдующія слова из книги G. Lowes Dickinson'a „Letters from John Chinaman," написанной от лица китайца еще во времена монархіи: „многое происходит от того, что в Китаѣ правительство не арбитр в спорах насележенія и даже не непреложная для страны необходимость. Уничтожьте наши власти, центральныя и губернскія, и наша жизнь будет протекать, как и раньше. Закон, которому мы подчиняемся — является законом нашей собственной природы, этот закон порожден столѣтіями житейскаго опыта и ему мы продолжаем подчиняться, даже если бы внѣшняя санкція была уничтожена. Идите в Китаѣ куда угодно, всюду сохраняется семья и все,

что при ней необходимо, сохраняется и спецефическій уклад ума и дух порядка, трудолюбія и бережливости. Вот силы, которыя создают Китай; и наши правительства, которыя мы пассивно признавали и признаем, остаются правительствами постольку и до тѣх пор, пока они понимают, что в их задачу входит не столько править сколько показывать, формулировать и опредѣлять порядок и это положеніе они воспринимали также, как воспринимали велѣнія Неба. Китай не мѣняется! Волненія, которыя часто опредѣляются внѣшними причинами, не дают основаній предпологать, что они сломили нашу цивилизацію. Вы слышите, как буруны грохочат у морского берега, но, дальше, за предѣлами вашего зрѣнія там, куда не заплывают ваши карабли, простирается голубая гладь молчаливых просторов океана."

И, уже цитированный нами, сэр Роберт Харт говорил: „ни в одном государствѣ заповѣдь „чти отца твоего и матерь твою" не соблюдалась с таким религіозным послушаніем, как в Китаѣ. И в самом дѣлѣ, — здѣсь ключ к китайской общественной, гражданской и національной жизни."

Блэнд, котораго никак нельзя заподозрить в слѣпом пристрастіи к китайцам и их цивилизаціи, вынужден признать: „за послѣдніе годы столько было сказано и написано на счет пробужденія Китая, что игра стоит свѣч опредѣлить, чѣм была и что собою представляет цивилизація Китая, которая заключала в себѣ всѣ данные долговѣчности и сил сцѣпленія еще до тѣх пор, как возникла Персидская Имперія, прежде чѣм Греція и Рим заложили фундамент для цивилизаціи Запа-

да. Весьма важно, с самаго начала, утвердить положеніе, что основы китайской государственной системы, прежде всего, моральнаго порядка, отличныя от основ порядка матеріальнаго и милитарнаго. Китай пронес свою національную самобытность через вѣка не при помощи превосходства искусства править, не путем достиженій настойчиваго генія администрированія, не силой оружія, не тонкостью государственной политики или характером религіозных начал, но силой нравственной философіи, слишком глубоко пуствшей корни и стойкой в испытаніях, доминирующей над всѣми кризисами матеріальнаго порядка. Эта система впитана каждым атомом, проникает каждый фибр національной жизни, опредѣляя первѣйшим долгом человѣка: „трудолюбіе, терпѣніе и отцепочтительность."

И, далѣе, Блэнд говорит: „через вѣка китайской исторіи мы можем прослѣдить вліяніе этой расовой солидарности, соединенной с силами экономическаго превосходства, рожденнаго в результатѣ чудовищно суровой борьбы за существованіе. Эти качества и помогали китайцам покорять интеллектуально, чуждыя им народности, включая варваров-завоевателей. Татары, монголы, маньчжуры всѣ, в свой черед, были покорены умственным и нравственным превосходством побѣжденной расы и даже в тѣ періоды, когда китайская держава была раздѣлена и управлялась разными правителями, дух гомогенной цивилизаціи остался непобѣждаемым и непобѣдимым."

„Не смотря на всю матеріальную оборудованность Западнаго міра, не смотря на всѣ его дости-

женія в науках и искусствах, европеец в Китаѣ инстинктом признает, что в китайском взглядѣ на жизнь, даже среди самых униженных и оскорбленных из них, имѣются элементы той истины, которая ускользает из нашего сознанія в сутолокѣ современной цивилизаціи. Преуспѣвающій матеріализм интуитивно отдает дань уваженія сѣдой мудрости восточной философіи."

*
* *

Для того, чтобы подвести окончательный итог под все то, что было сказано выше в главѣ „К познанію Китая," выслушаем мнѣніе культурнаго, занимающаго отвѣтственное положеніе, китайца о том, как современный европеец должен сближаться с современным китайцем.

Калейдоскопическія перемѣны, имѣвшія мѣсто в Китаѣ на протяженіи періода установившихся прочных связей с Западом, налагают на иностранцев сегодняшняго дня новую отвѣтственность, если они хотят с успѣхом поддержать свою репутацію в глазах китайцев. Это утвержденіе автоматически поднимает старый спор на счет престижа и его охраненія, на этот раз уже не с точки зрѣнія иностранцев, а с точки зрѣнія китайцев. Смиреніе, отнюдь не уничиженіе, — является основной традиціей в Китаѣ и, в наше время, чувство превосходства, когда оно довлѣет, и при том довольно часто, в отношеніях между иностранцем и образованными китайцами, как женщинами, так и мужчинами, ничего кромѣ снисхоженія не вызывает к себѣ со стороны послѣдних. Создается положеніе одинаково непріятное, как для представите-

лей Востока, так равно и для представителей Запада.

Болѣе интимныя отношенія с представителями современнаго образованнаго китайскаго общества, как с тѣми, кто получили свое образованіе за границей, так и с тѣми, кто учились в китайских университетах, доказывают, что допускается большая ошибка со стороны тѣх иностранцев, которые почитают себя сосудом всяческих превосходств. Китайцы, учившіеся за-границей, знают, что такое Запад. Эти китайцы вплотную соприкоснулись с тѣми, кто хвастался своим происхожденіем и своим положеніем на родинѣ, и, вернувшись к себѣ домой, разсказали своим то, что они сами видѣли. Так что опредѣленіе удѣльнаго вѣса иностранцев, проживающих в Китаѣ, дѣлается теперь довольно легко. Китай научился распознавать характер и степень западной культуры разных націй и руководствуется своей собственной точкой звѣнія на разныя культуры.

В результатѣ сказаннаго пусть не покажется странным, что иностранец, который выходит из себя обращаясь к кули, становится объектом тщательно скрываемаго презрѣнія. Не подлежит сомнѣнію, что китаец обычно достаточно воспитан, достаточно деликатен в отношеніи гостя в своей странѣ, чтобы дать понять иностранцу, что он о нем думает. Если иногда он и дает это понять, то всегда с чувством сожалѣнія.

Только человѣк чести может расчитывать на общее уваженіе, — подчеркнул этот вліятельный китаец. Скверно обращаться с прислугой, пользоваться преимуществами своего положенія в от-

ношенія тѣх, кто стоят ниже, — ниже достоинства всякаго лица, которое желает охранить свой престиж в Китаѣ. Интересно отмѣтить, как китайцы опредѣляют, кто из иностранцев может быть включен ими в круг их друзей, а кто нѣт. Разосланы приглашенія, устраивается пріем. Собираются гости, которых встрѣчают со всей возможной любезностью и вниманіем. Бесѣда ведется по вопросам, близким иностранным гостям. Как гости реагируют на бесѣду, за этим тщательно наблюдают. Малѣйшее проявленіе высокомѣрія или сознанія своего превосходства автоматически закрывают двери китайскаго гостепріимства, только что слегка пріоткрытыя. Однако, различіе во взглядах, возраженія, продуманныя и тактичныя, всегда привѣтствуются китайцами, которые любят скрещивать шпаги словеснаго поединка, но спор должен вестись в формах вѣжливых, терпимых, дипломатичных и, вступающій в спор, должен быть заранѣе увѣрен, что он хорошо знаком с предметом спора. В глазах китайца, невѣжество такой же порок, как и грубость. Каждый иностранец, который хочет быть принятым в китайском домѣ, должен, так или иначе, доказать, что он так же культурен, как и хозяин дома, в котором он собирается бывать. Он должен обладать чѣм то болѣе цѣнным, чѣм обладает человѣк, умѣющій только высказывать поверхностныя и односторонніе сужденія и он должен быть хорошо знаком с китайской психологіей прежде чѣм он рѣшит выступить перед китайцами с изложеніем собственных своих мнѣній и взглядов. Идти другим путем в желаніи укрѣпить свой престиж среди китайцев,

это значит прямиком направляться к провалу, потому что китайцы любят интеллигентность в той же степени, как и формы, в которыя эта интеллигентность облечена, хотя они всегда великодушно учитывают разность воспитанія, культур и взглядов, когда они встрѣчаются или ведут дѣла с европейцами. Продолжать думать, что западная культура превосходит восточную, это и не мудрено и не полезно. Восточный человѣк имѣет за собою прошлое хранологически точной исторіи тысячелѣтій и унаслѣдованной от предков древней культуры. Он гордится достиженіями своего народа и своего рода и он расчитывает на уваженіе и признаніе по крайней мѣрѣ со стороны тѣх, кто занимают у себя на родинѣ положеніе, равное положенію, которое у себя занимает он. С любой точки зрѣнія, с китайской точки зрѣнія в особенности, преимущества и удовольствія от знакомства с людьми носят обоюдный характер. Как, иным путем, без знакомств, культурный мужчина или культурная женщина могли бы обмѣниваться мыслями с людьми, которые могут оцѣнить их мысль и на их мысль отвѣтить своей глубокой мыслью.

Суетливость и импульсивность, подчас свойственная людям Запада, в глазах дѣтей Востока не являются высокими качествами; здѣсь от человѣка требуют продуманности и цѣлесообразности дѣйствій. Восторженность и всякое проявленіе необузданных начал в человѣкѣ не характеризуют высоко его воспитаніе, потому что мужчина должен владѣть собой и отвѣчать за свои поступки. Тот, кто откровенно выставляет напоказ свои достоинства и у кого отсутствует сдержанность

будет разсматриваться, как человѣк мало воспитанный, в странѣ, гдѣ вѣжливость и предупредительность предвосхищают всѣ формы общенія одних людей с другими. Китайскій ум хорошо дисциплинирован и китайцы умѣют разбираться в людях, видя за внѣшним лоском тщательно скрываемыя истинныя намѣренія. Многіе китайцы, в особенности молодежь, ѣдут за границу, в чужія страны, для того, чтобы там учиться тому, чего они еще не знают и, прежде всего, языку, изучая и воспринимая вмѣстѣ с языком чужіе обычаи и нравы. Не так уж много иностранцев пріѣзжают в Китай „исправлять китайскую культуру," но почему то всегда именно эти иностранцы завоевывают в своих странах репутацію знатаков Китая и и истолкователей китайской дѣйствительност. И все еще не многіе иностранцы готовы согласиться с тѣм, что китайцы обладают огромным опытом в области культивированія мысли, безцѣнными богатствами, достигнутыми ими на путях развитія мысли и ея тренировки. Вот почему иностранцам, которые, живя в Китаѣ, пекутся о своем престижѣ, можно посовѣтывать проявлять только лучшія качества своей національной культуры и своего индивидуальнаго характера.

Иностранцу, вступающему в постоянное общеніе с тѣми или другими китайцами, надо самому постараться разобраться в том, что интересно и что не интересно для его друзей китайцев. С китайской точки зрѣнія — это дѣло иностранцев, а не их, как хозяев.

Если человѣк с Запада постарается тщательно разобраться, для себя, что собою представляет

китаец, попытается проникнуть в своеобразную психику китайскаго народа, даст себѣ труд поз накомится, путем личнаго опыта, с китайскими нравами и обычаями, выработает в себѣ качества джентльмена, как это слово воспринимается в китайском представленіи, — тогда только чужестранец может расчитывать, что он, мало по малу, станет представлять, в глазах китайцев, нѣкоторую самодовлѣющую цѣнность. Высокіе качества личной порядочности весьма цѣнятся китайцами в людях. Недаром в Китаѣ, как в старину, так и по сей день, слово — это все. Кто дал слово, тот его сдержит, потому что слово является честью человѣка. Нарушенныя тѣм или иным иностранцем обѣщанія еще одно доказательство сомнительнаго происхожденія для человѣка Востока, когда он встрѣчается с человѣком Запада.

Суммируя все сказанное, можно сдѣлать вывод, что: искренность, терпимость, чуткость, культурность, вѣжливость, даже дипломатичность, вот тѣ качества в человѣкѣ, которыя могут облегчить иностранцу дѣло сближенія с китайцами. Без них не добиться положенія в китайском обществѣ, уваженія и почета.

Пришел день, когда чужіе, живущіе в Китаѣ и работающіе с китайцами, должны демонстрировать этическіе стандарты во всяком случаѣ не низшіе по качеству, чѣм стандарты морали древняго Китая, с молоком матери впитываемые и новым поколѣніем современнаго Китая.

Человѣк, который, хотя и занимает выдающееся положеніе среди своих соотечественников, если он хочет заслужить уваженіе в глазах китай-

цев, должен быть космополитически чуток, не должен быть узким націоналистом, не умѣющим понять особенности и качества другого народа. Он должен доказать свое право на самоуваженіе если хочет заслужить почет в глазах представителей другой расы.

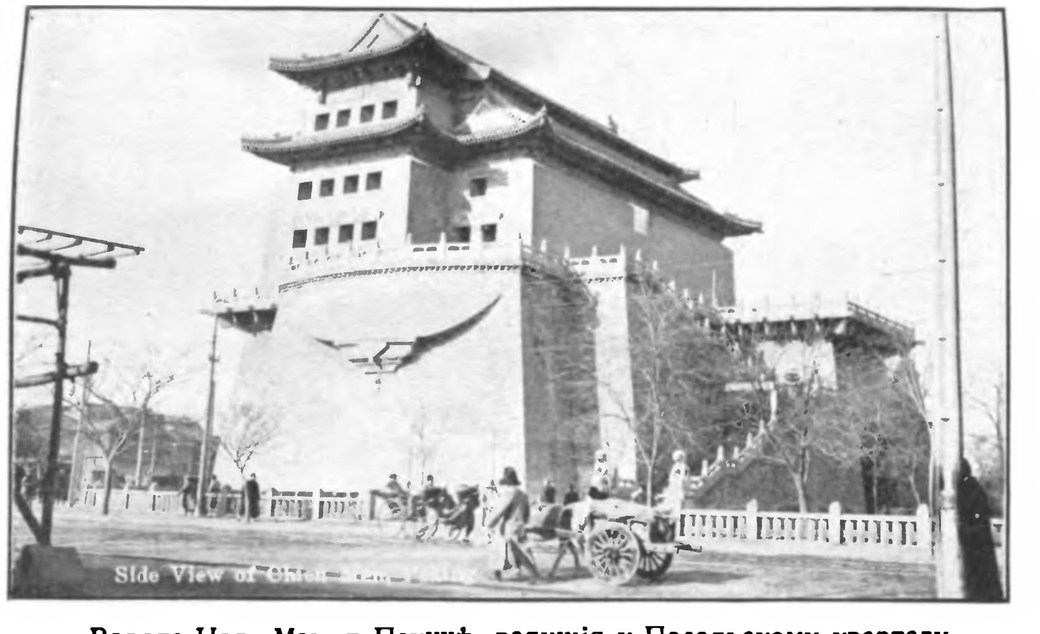
Китайцы подчеркивают, что когда Восток встрѣчается с Западом и идет обсужденіе достоинств, а, подчас, и недостатков других націй, культурные китайцы всегда остаются предѣльно осторожными в этих вопросах, выражают свои мысли в деликатной и дипломатичной формѣ. Из сказаннаго само собой вытекает положеніе, что именно хотѣли бы видѣть и слышать китайцы со стороны тѣх иностранцев, которые пріѣзжают жить и работать в Китай и которые, кромѣ того, хотѣли бы заслужить со стороны китайцев к себѣ любовь и уваженіе.

ВО ВЛАДѢНІЯХ ЧЖАН ЦЗО-ЛИНА В 1927 ГОДУ.

Мнѣ пришлось жить в Пекинѣ в 1927 году и пришлось там два мѣсяца работать, как журналисту, встрѣчаясь с цѣлым рядом людей, тогда игравших роль в древней столицѣ или пріѣзжавших туда за счастьем, по дѣлам или любопытства радч.

Пекин возглавлял тогда, лѣтом 1927 года, коалицію сѣверных маршалов, первым из которых был Чжан Цзо-лин, предводитнль армій "Ан-го-цзюна," армій по умиротворенію страны.

Старшій сын его, Чжан Сюэ-лян, или, как его

Ворота Цзян-Мын в Пекинѣ, ведушія к Посольскому кварталу.

всѣ звали „молодой маршал," командовал тогда 3-ей и 4-ой арміями и штаб-квартиру свою имѣл по сосѣдству с Рокфеллеровским Институтом.

Во главѣ кабинета министров стоял еще моложавый Пан-фу, имѣя секретарем замѣчательную дѣвушку, „полковника" китайской арміи Надежду Хуан.

Министром иностранных дѣл был д-р Ван Интай, министром просвѣщенія Лю-Чже; в Пекин часто наѣзжали с фронта маршалы: Сун Чуан-фан, нынѣ ставшій буддійским монахом, и Чжан Цзу-чун, ростом с Петра Великаго, бывшій во Владивостокѣ подрядчиком, убитый из мести в 1932 году в Шандунѣ, нѣкіим Чжен Чи-хеном, по суду оправданным, как совершившій „патріотическій поступок."

Арміи Ан-го-цзюна занимали тогда позиціи у подступов к Пукоу, угрожая одно время Нанкину, а в Нанкинѣ только что было создано гоминдановское правительство, первую скрипку в котором играл Чжан Кай-ши.

По долгу журналиста мнѣ приходилось бывать всюду: в пріемных у министров, в Запрещенном Городѣ, гдѣ жил верховный правитель Чжан Цзолин, в храмах, в театрѣ, в квартирах моих коллег по профессіи, иностранных журналистов, на вокзалѣ, когда кого нибудь провожали и т. д.

Мнѣ приходилось встрѣчать и приходилось разговаривать с государственными дѣятелями, с авантюристами, с людьми, жертвовавшими собою во имя идеи, и с проходимцами, которые спѣшили в Пекин, ко двору Чжан Цзо-лина, чтобы дѣлать карьеру, набивать карман или просто „рвать."

что плохо лежит, пользуясь смутой разраставшагося поединка между Сѣвером и Югом.

Из записей моих, относящихся к 1927 году, я хочу выбрать мѣста, сохраняющіе свой интерес и до сих пор: описанія, кусочки бесѣд, зарисовки с натуры и характеристики. Пусть не всегда эти отрывки имѣют связь между собою, но они должны хранить в себѣ дух и стиль эпохи, отошедшей окончательно в прошлое.

В Пекин я попал из Мукдена, миновав Тяньцзин, гдѣ задержался на нѣсколько дней.

Мукден-Тяньцзин,

В представленіи многих, желѣзная дорога из Мукдена в Пекин или бездѣйствовала из за близости к театру военных дѣйствій или поѣзда ходили с оказіей.

Каково же было мое пріятное изумленіе, когда на Мукденском вокзалѣ я узнал, что в Тяньцзин можно ѣхать с такими же удобствами, как в Харбин или Дайрен.

Есть спальные вагоны, есть вагон столовая, плацкартныя мѣста, выдается постельное бѣлье, обѣды и ужины сервируются по правилам англійской кухни, в купэ крутится под потолком лопастный фен, прислуга вѣжлива и все, вообще, как пологается в мирное время.

Потом, кстати сказать, мнѣ стало извѣстно, что в этих районах, на самом дѣлѣ в сферѣ фронтов, продолжает ходить и „голубой экспресс," ходят поѣзда из Тяньцзина в Цинаньфу, из Цинаньфу до Циндао и в других направленіях.

Желѣзнодорожное сообщеніе в Китаѣ не претерпѣло тѣх разрушеній, какіе революція породила на дорогах Россіи. Вагоны здѣсь, как вагоны. На диванах и кожа и бархат, Умывальные краны на своем мѣстѣ, цѣлы электрическія лампочки, зеркальныя стекла вагонов тщательно по утрам протираются, для лѣта в окнах вставляются частыя сѣтки. Онѣ преслѣдуют двойную цѣль. Во первых, предохраняют от москитов и других мало пріятных насѣкомых этих широт, а, во вторых, дают в купэ и в корридорах, пріятный полумрак, успокаивающій глаза, воспаленные яркими лучами южнаго солнца.

Итак, мы в экспрессѣ, идущем из Мукдена в Тяньцзин. Нѣт, конечно, той подчеркнутой чистоты, как по Южно-Маньчжурской жел. дорогѣ. Но ѣхать удобно. Не жарко. Публики так мало, что на каждаго пассажира приходится отдѣльное купэ. Ѣдем ночь и цѣлый день.

На горизонтѣ все время горы, то каменистыя, уступами, то пологія, покрытыя муравой. Издали онѣ сизо-изумрудныя, чѣм ближе, тѣм разнообразнѣе в красках. Оттѣнки охры и киноварь преобладают.

Трава на изумрудных лугах, деревья, всходы на огородах, поля, засѣянныя злаками, всюду растительность пышная, ярко-зеленая, устремленная к солнцу, то, что называется, буйная. Тучная, плодородная земля. Прекрасны должны быть жатвы. Есть что собирать земледѣльцу.

Знаменитая станція Шанхайгуань. Стоим пятьдесят пять минут. По корридору вагона проходят, ба-а!, кто это, пара японских солдат... Потом бѣ-

гут по платформѣ молодые люди, один в бѣлой рубашкѣ, ворот растегнут, короткіе трусики на загорѣлых ногах. Другой в характерной морской формѣ орлят Муссолини. Итальянскіе матросы. Как они сюда попали? Но, мгновенно, все разъясняется, когда под окнами, твердо давая шаг, марширует взвод американской морской пѣхоты. Знакомая шанхайская картинка эпохи приснопамятных мартовских событій 1927 года:

— Интервенція трактатных держав в разгарѣ!

В вагонѣ столовой снимает портупею американскій военный летчик. Ѣдет, невѣдомо откуда взявшійся, военный англичанин офицерскаго вида.

У мостов, то замерши в позѣ часового, то безпечно свѣсив с балок моста ноги вниз, гдѣ бѣжит по камням хризолитовая горная рѣчка, на каждой верстѣ попадаются американскіе солдаты. На сколько „объэнгличанен" Шанхай, на столько этот район окрашен в тона военнаго лагеря Штатов. Американскія палатки около станцій. Загорѣлыя, бритыя лица в шляпах Баден-Поуэла, походка с развальцем, длинные кольты на ремнях, низко у правой ноги, как все это напоминает Приморье, в части от Никольск-Уссурійска до Хабаровска, лѣтом 1919 года или Никарагуа. Мощный, сухой, дѣловитый, сказочно властный американскій капитал время от времени запускает свое длинное щупальце за моря и океаны.

Небо синее, спокойное, мирное, благостное. И плывут по этому іюльскому небу жемчужины облаков. И небо и земля, рѣчки, поля, горы на горизонтѣ, все мрѣет под зенитным солнцем. Юг, милый юг, жаркій и плодородный, раз-

нѣживающій и красочный.

Солнце золотым драконом катящееся по небосклону. Здѣсь оно не так вредоносно, как в долинѣ великой Ян-цзе-цзяна. Іюльская паровая баня Шанхая и жар чжилійских равнин не одно и то же. В Шанхаѣ нельзя дышать, здѣсь трудно работать, но дышать можно. Вот ст. Пей-та-хо. Модный, аристократическій, нѣкогда единственный для европейцев и пекинских дипломатов курорт в Китаѣ. Курорт не сразу, но уже со станц'и видно море, завороженное полуденным солнцем. Вот знакомый по Шанхаю силует англійскаго солдата. Он Пограничнаго полка. Стоит на площадкѣ крохотнаго дачнаго вагона, какіе у нас бѣгали от Москвы на Савелово.

Идем от Пей-та-хо к Тяньцзину.

Море рукой подать и, между зарослями, проползают четыре трубы держащаго у самаго берега крейсера. Поѣзд уносится теперь в сторону от моря. Все больше иностранцев в нашем вагонѣ. Появились штатскіе американцы и ѣдет какая то почтенная англійская матрона, англиканскій священник, ѣдут нѣмцы. Не мало и китайцев в своих униформах. Солдаты армій сѣвернаго союза, „Анго-цзюна."

На каждой станціи взводы полиціи в защитной формѣ, одинаковой для всего Китая. На рукавах охранных войск желтые матерчатые нашиты круги и на них чернилами сдѣланы іероглифическіе обозначенія должностей. Мелькают под окнами китайскія деревушки. На стѣнах дворов реклама папирос, а стѣны такія же, как тысячу лѣт назад. Жив еще древній Китай.

Станція Лянь-сьен. Фанзы и фанзы. Стоят крытые матами панты, с товаром для вывоза, как в Харбинѣ, на Восьмом Участкѣ, в разгар экспортной компаніи.

А вдоль полотна мелькают и мелькают безконечной чередой древніе вязы. Поѣзд мчится, как в аллеѣ. Без четверти четыре, точно по расписанію, прибываем на Тяньцзин Восточный. Китайцы и европейцы, все перемѣшано на открытой, залитой солнцем, платформѣ.

Вышел из вагона, гдѣ во всю работали фены и в окна несся запах душистых лугов и, вдруг: камень, солнце, зной. Такое же впечатлѣніе, как взобравшись на полок доброй русской бани. Только влаги меньше.

Жар кажется нестерпимым. Хуже шанхайскаго.

Первая мысль: как здѣсь живут люди? Это непереносно.

Но, вот, миновали скромный вокзал, усаживаемся в карету „ Астор Хауз Отеля," карета трогается и сразу становится легче. Потом, за мостом, Викторія Род, зелень колоніальных садов, каменныя громады, асфальт, нарядная толпа на улицах. Чудесный золотой, воскресный вечер. Город гуляет.

Первыя минуты он кажется опрятнѣе Шанхая.

Чистенькій, как Циндао, аккуратненькій, только не нѣмецкій, а провинціальный хорошій англійскій городок, вродѣ Страдфорда на Эвонѣ или Нью Касля.

Из Тяньцзина в Пекин.

Через недѣлю я покинул влажный, нѣжащійся

под червонным утренним солнцем Тяньцзин в одном поѣздѣ с генерал-инспектором колоніальных войск Франціи ген. Клодель.

Генералу до Пекина резервировали отдѣльный вагон, который был прицѣплен к нашему экспрессу послѣдним.

Около вагона высокаго гостя французскія власти Тяньцзина выставили почетный караул из аннамитов, так примелькавшихся по Шанхаю, с их характерными конусоподобными шлемами, увѣнчанными мѣдной верхушкой, ослѣпительно сверкающей на солнцѣ. Поѣзд отходит точно по расписанію. Военный оркестр при почетном караулѣ играат что-то очень веселое и все вокруг весело и бодро.

Высокіе, не похожіе на маньчжуров китайцы, рослые, медлительные и степенные.

Большинство в бѣлом. Стройные полицейскіе в хаки. С платформ улыбаются американскіе пѣхотинцы, всѣ, как один, до глянца бритые, загорѣлые, молодые.

Ліаноподобныя китаянки, ѣдушія в столицу, в легких пестрых шелках, несмотря на утро обильно увѣшаны драгоцѣнностями. Впрочем, кто теперь отличит бриллiант „тетовскій" от настоящаго самоцвѣта? Мелькают на плывущей мимо платформѣ провожающіе, уходят влѣво от окна солдаты Ангоцзюна, рѣет высоко в небѣ японскій флаг, потом над каким то заслоненным забором зданіем флаг итальянскій. От американских флагов проходу нѣт в Тяньцзинѣ... „Всѣ флаги в гости будут к нам..."

Тяньцзин мал только в сравненіи с Шанхаем,

этим Вавилоном Дальнего Востока, или как опредѣлил его Морис Декобра, Желтым Нью-Iорком.

По сравненію с Харбином, если не дѣлить Тяньцзин на иностранный и китайскій, это город огромный.

Я дѣлал прогулку на автомобилѣ по концессіям и китайскому сити. Мчались мы с час, быстрым аллюром, насколько позволяли правила уличнаго движенія, и Тяньцзину, казалось, конца краю не было.

В вагонѣ просторно, при помощи фенов прохладно, отдѣльных купэ нѣт.

Ѣдут важные китайцы, задумчивые, в жестах сдержанные, сверкающіе свѣжестью и бѣлизной одежд. Кромѣ китайцев, два-три европейца в лѣтних, как можно легче, одѣяніях и очень много американских офицеров.

Высокіе бои (хоть всѣх сразу в гвардію) в бѣлых халатах с голубой каймою, сервируют утренній кофе.

Сидишь за своим мѣстом и перед тобой выростают тарелки с утренними дарами богини чревоугодія. Традиціонные яйца с ветчиной по англійской манерѣ, „хэмэнэгс," бифштекс, кофе, тосты.

За окном мелькает идиллическій пейзаж срединнаго Китая. Тучнѣющія под солнцем поля, канальчики, то сплошь затянутые тиной, то болѣе или менѣе прозрачные. Под самым Пекином по каналам, вмѣсто лодок, плывут стаи бѣлых лебедей. Гор нѣт даже там, гдѣ небо сходится с землею, Деревни все чаще. Онѣ всѣ как одна.

Глиняныя, низкія мазанки, замысловатый переплет оконных рам, затянутых навощеной бумагой

и могилы, могилы без конца и краю. Китай: древній, сѣдой, вѣчный, истовый, настоящій Китай — это царство мертвых. Культ предков! На нем держится и быт и культура. Большевики поняли уже в 1923 году, что пока не перекопаны эти могилы, власть мертвых удержит Китай живых от ленинских экспериментов. Вот почему в Хунанѣ стриженныя китайскія комсомолки и очкастые студенты-агитаторы дерзнули начать распашку священных могил.

День божественный. Не так жарко, как за послѣдніе дни. С лугов и перелѣсков тянет, давно забытым в Шанхаѣ, араматом трав и цвѣтов. Гдѣ болотце, там из за лопастных листьев тянутся к жаркому солнцу бѣлоснѣжныя кувшинки. Поѣзд мчится, минуя деревни, станціи, с вытянувшейся в ниточку стражей. В вагонѣ американскій, в нос клекот и шелестеніе газет в китайских изящных руках.

Вот и Пекин близко. Не в первый раз подъѣзжаю, но всякій раз охватывает тоже волненіе, что при приближеніи к Москвѣ.

Пекин выступает на горизонтѣ башнями, которыя вѣнчают Городскую Стѣну. Башни купаются в солнцѣ, мрѣют на фонѣ сизаго, жаркаго неба. Вот и послѣдняя станція.

Мы движемся мимо сплошных построек. Мы проходим под Городской Стѣной. Зной нестерпимый. Полдень. Неказист и малолюден пекинскій вокзал... Вдоль вагонов идет ген. Клодель. Как отлично он сохранился. Моложавое лицо, которое кажется еще моложе от сѣдых и пышных усов. На бѣлом френчѣ ленточки орденов, серебряная

звѣзда почетнаго Легіона и командорскій крест на шеѣ.

„Отель дэ Вагон Ли," как извѣстно, в Пекинѣ рядом с вокзалом. Отель погружен от жары в искусственный мрак, укутан циновками, спущены жалюзи и мѣрно рѣют безсчетные под потолком холла и гостинных фены, умѣряющіе зной іюля.

Пекин великолѣпный

Воздух Пекина! В нем есть какое-то успокаивающее очарованіе. В Китаѣ — не мало городов с историческим прошлым, не менѣе славным, чѣм прошлое оставленной столицы. Если в Пекинѣ имѣются чудеса древняго искусства, то не мало таких же чудес разбросано по всѣму остальному лицу огромной китайской страны. Если в Пекинѣ чудится вѣяніе ушедших столѣтій, то есть и другіе города, гдѣ также „пахнет исторіей." И, все таки, очарованія Пекина — особыя очарованія. Недаром в Пекин влюблялись и потом любили его всю жизнь и чужіе. Недаром говорится, что человѣк, изъѣздившій весь Китай и не побывавшій в Пекинѣ, не жившій там, не может похвалиться полным знаніем Китая.

Помню, пятнадцать лѣт назад, судьба подарила мнѣ счастье в первый раз, прямо из взбаломученной Россіи, проѣхать в Пекин. Тогда это был славный столичный град прочнаго правительства. Тогда там царили три маршала и жил еще, за заповѣдными стѣнами дворцов, плѣненный отрок император.

Когда, послѣ европейскаго Тяньцзина, стали

мелькать пригороды из низких, глинобитных избушек, а на горизонтѣ поплыли „фаунтин джэйдс," сторожевые маяки охраны, и обнаружилась [вѣковая городская стѣна с башнями, крыши которых загибались к солнцу, меня вдруг и внезапно, осѣнило (задолго до евразійской проповѣди) странное ощущеніе чего то родного и близкаго или даже того, что было вѣдомо подсознательно от невѣдомых времен прошлых жизней. И сразу вспомнилась Москва и Кремль, и то, что в Москвѣ был Китай город. И то, что здѣсь, триста лѣт назад, охрану богдыхана несли русскіе, плѣненные казаки-албазинцы.

Теперь Пекин не тот. Но и тогда и теперь были два Пекина. Один Пекин маленькій, изящный, претенціозно объединенный, с асфальтовыми мостовыми, с особой чинной тишиной, с солдатами всѣх націй у тяжелых и торжественных въѣздов в посольства. В этом Пекинѣ высится, отовсюду видимая, базилика Сэн-Мишель. Это посольскій квартал, „лигэйшен куортер." И есть другой Пекин, который остался и до сих пор во всем своем вѣковом очарованіи и который еще на многіе годы будет приковывать воображеніе новопришельца. Это — китайскій Пекин, древняя столица, город дворцов и храмов, город, гдѣ пышным цвѣтом распускалась, под руками маньчжур, китайская государственность. Этот Пекин тянется на сорок миль в окружности и этот Пекин кишѣл милліонами людей, никогда не поддававшихся переписи, город, жившій в воображеніи всего китайскаго народа.

И не случайно новый Китай, своего признан-

наго теперь и канонизированнаго вождя Сун Ятсена потерял в 1925 году именно в Пекинѣ. В том Пекинѣ, с которым д-р Сун всю жизнь неукротимо боролся и куда он, под конец дней своих, пришел умирать. И гдѣ покоился первые годы его прах.

Если послѣ отельнаго, расписаннаго по часам, чванства, от всѣх этих фланелевых костюмов и кургузых монки-джэкетов, от претенціонных дам с голыми руками в вечерних туалетах уйти, сѣвши на рикшу, и выѣхать за Цзянмынскія ворота, вас сразу охватывал великій город, со всѣми его безсчетными тайнами.

Вот, вы в гущѣ ночной суеты. Ночами, в дни столичнаго благополучія, весь Пекин был залит электрическими лампіонами. Вереницы рикш, которым так же, как и в Шанхаѣ нѣсть числа. И каких рикш! Мы до сих пор не смѣем мечтать о таких рикшах в Шанхаѣ.

Всѣ они чистенько одѣты, у всѣх колясочки сверкают мѣдными, начищенными украшеніями. У всѣх яркій сбоку фонарь, а то и два фонаря по бокам. И всѣ рикши издают особый восклик, потому что без крика нельзя проѣхать в Пекинѣ на главных улицах, в час гулянія, и двух шагов, и надо кричать, чтобы очистить себѣ дорогу. А посреди этого моря рикш, плывут, одна за другой, китайскія кареты, допотопный курьез. Всѣ кареты также сверкают лаком, освѣщены изнутри и снаружи, и всѣ позванивают мелодичным переливом, напоминающим куранты.

Сколько бы не ѣхать, в былыя времена, куда бы не сворачивать, всюду магазины и лавки, всюду торговый люд, всюду толпы покупателей. И

не только на улицах. Вы входите в магазин и это оказывается не магазин, а только вход в пассаж. И пассаж этот, потом, побѣжит направо и налѣво, развѣтвляясь на безчисленные корридоры и во всѣх корридорах сверкает, как днем, электричество, и всюду витрины, прилавки, и всюду жизнь — то чайная, то ресторан, то театрик-миніатюр, то вдруг, почему-то, вас встрѣтит чучело огромнаго хинганскаго медвѣдя — вы попали в тупичек, а в тупичкѣ пушной магазин с характерным запахом кож, нафталина и еще каких-то сладковато-лимонных снадобій, предохраняющих пушнину от порчи. Это богатства, вывѣзенныя из нѣдр Монголіи, это плоды с того тракта, который тянется от Урги, через Калган к главному пушному рынку Тяньцзину.

А вот улицы потемнѣе, здѣсь уже нѣт лампіонов, здѣсь горят керосиновыя лампы, сюда без надежнаго проводника, заглядывать чужому человѣку, не говорящему по китайски, опасно — здѣсь торгуют любовью и вообще всѣм, что требует капризный вкус страстей человѣческих. Нас здѣсь не удивляет эта жизнь, которая, лѣтом в особенности, вся вывернута в Китаѣ наружу. Но свѣжему человѣку кажется, что, воистину, возродился древній вѣк Иліады, сохранив всю свою пеструю и крѣпкую непосредственность, далекую от условности „цивилизаціи." Таков Пекин с улицы.

Но есть другой Пекин — Пекин храмов и дворцов. Пекин заповѣдных помѣстій. Пекин историческаго прошлаго, котораго не смѣла потревожить даже революція, затянувшаяся на два десятка лѣт.

* *
*

Лѣто Китая прекраснѣе всѣх остальных времен года. А в Пекинѣ лѣто особенно прекрасно. Кто хочет понять, в чем очарованіе китайскаго лѣта, тот должен побывать лѣтом именно в Пекинѣ.

В Шанхаѣ тоже пышная зелень и также поют, изступленныя пѣсни, цикады, но Шанхай промышленный город, грохот трамвая, хрипы автомобилей, суета торговли, страсти политики и, кромѣ того, здѣсь душно, здѣсь не до красот... А в Пекинѣ дворцы, древніе храмы в тѣнистых парках, тут строго блюдут красоту старины.

Осенью Китай поминает души усопших. В эту ночь в Пекинѣ свѣтятся, десятками тысяч, разноцвѣтные по городу фонарики. Души почивших слѣпы и надо указать им путь к оставленным родным очагам. Центр праздника в этот день — Бей Хай. Чѣм ближе к парку в эту ночь, тѣм труднѣе пробраться в сплошном потокѣ рикш, карет и автомобилей. Входные ворота, как сейчас их вижу перед собою, причудливо и пестро украшены цвѣточными вензелями и залиты, — да, да, сплошь залиты! — слѣпящим электричеством. Преобладают цвѣта: желтый, красный и оранжевый, к ним врывается зеленый, — все это кажется какой то сказкой из „Тысячи и одной ночи.“ Толпы катятся в ворота сотнями человѣк. В паркѣ много фонарей, но он так тѣнист и так необъятен, что кажется, несмотря на праздничную иллюминацію, погруженным в полумрак. В аллеях, гдѣ ночью незнакомец обязательно потеряет до-

рогу, уходят в небо какія-то древнія стѣны и почему то, то тут, то там, выростают грозныя башни.

На горках пологія площадочки, на площадочках мостятся „горные“ ресторанчики, совсѣм как на китайских акварелях, но только все это настоящее и никакой ни в чем бутафоріи. Толпа устремляется в лабиринт безконечной галлереи.

Идем корридором, пышная как в царских покоях баллюстрада, всюду позолота, киноварь и мрамор. Внутри десятки ресторанчиков и сотни чайных, а, направо от нас, священное озеро, неизъяснимой красоты. Особенно в эту священную ночь: 15 числа седьмого мѣсяца. Озеро усѣяно свѣтящимися лодочками. Вот вспыхнули первые желтые свѣтильники, как блуждающія в эфирѣ души невѣдомых предков. И, мистически мерцая, поползли эти свѣтильники по черному лаку стоячих неподвижных вод. Доносится издалека китайская музыка, там гдѣ-то священнослужители возжигают куренія. А толпы все прибывают и прибывают.

Вот другое мѣсто лѣтняго отдыха в Пекинѣ: — Центральный парк.

Парк расположен в районѣ императорских дворцов. Здѣсь, недалеко от входа, собраны чудесныя рыбы из всѣх омывающих Китай морей: золотыя, серебрянныя, уродливыя и очаровательно прелестныя, в поражающем разнообразіи.

Тут же свисают с трапецій дородные попугаи. В прудиках, разбросанных по парку, много странных пресмыкающихся. В клѣтках, у бережка, райскія птицы, а, дальше, весь затянутый в зелень,

канал, подпираемый стѣной с бойницами, которая ведет в запрещенный город. Здѣсь кисть художника сама начинает собирать краски с палитры. Такого пышнаго разнообразія цвѣтов, какую дает комбинація перекинутаго через канал причудливаго мостика, дворцовой стѣны, в камнях которой, от древности проросли к солнцу деревья, и сторожевой башни, в другом мѣстѣ Китая вы не увидите.

Здѣсь все так прекрасно, так покойно, так упоительно нѣжно сердцу, что не даром один из старых русских резидентов столицы ничѣм иным не мог выразить своего восторга перед парком и перед городом, гдѣ этот парк разбили, по волѣ богдыханов, что поставил на свои личныя средства каменный фонтан.

Над фонтаном, башня из гранита и скромная надпись сбоку: „Режин-Пекину."

Лѣтом это все живет, все мрѣет днем в зноѣ, а, вечером, все купается в золотом солнцѣ, под неумолчный звон цикад.

В Пекинѣ жизнь человѣка укладывается в совсѣм иныя русла, чѣм в Тяньцзинѣ или в Шанхаѣ.

Выйдешь ночью, в посольском кварталѣ, на улочку — словно и не в Китаѣ, а гдѣ то на югѣ Франціи, в Тулузѣ, в древнем Авиньонѣ или, может быть,... ах, гдѣ угодно в Европѣ, но не в Китаѣ.

Высокой, остроконечной башней уходит в небо католическій собор. Тишина нѣмая. Гранит фундаментов, асфальт мостовой.

Но стоит вынестись в зыбкой рикшѣ за древнія ворота и вас захватит, вас закружит шум и

Фот. Л. В. Сквирскаго

Д-р В. В. Іен (Ян Гуй-чин) б. премьер и министр иностранных дѣл в Пекинѣ, нынѣ посол Китая в СССР.

гам Востока.

Лѣтом в Пекинѣ надо бывать в храмах, у мраморнаго алтаря Небу.

Лѣтом в Пекинѣ хорошо бродить по прежде запрещенному, для простых смертных, городу дворцов. Или отправиться на Западные холмы, в Па-Та-Чу, гдѣ, около старых монастырей, живут в крохотных, в одну комнату домиках, европейцы, отдыхая от зноя, от работы, от суеты мірских сует.

Перед закатом, лѣтним вечером, нѣт другого мѣста в Пекинѣ выразительнѣе по краскам, чѣм императорскіе дворцы. Арки, с загнутыми краями крыш, возносятся к небесной лазури и горят всѣми богатыми цвѣтами ярчайшей китайской радуги.

В необычном окруженіи пышной природы живет в Пекинѣ и Д. Л. Хорват. Он обитает в домѣ, гдѣ прежде властвовало австрійское посольство. Дом напоминает старинную барскую усадьбу, гдѣ нибудь под Москвою. Дом тонет в пышной зелени.

Кругом тишина, кругом покой, и лѣтом, вѣчной пѣснею, славят бытіе цикады.

Старый маршал.

Год за годом отдаляет нас от эпохи Чжан Цзо-лина, который стал жертвой взрыва поѣзда под Мукденом 4 іюня 1928 г. в 5.30 утра.

А за год до своей трагической гибели „старый маршал" правил Сѣвером Китая из древней столицы Пекина, которая вслѣд за его исчезновеніем

с политической арены перестала быть объединяющим центром страны.

Во главѣ армій „умиротворенія страны“, арміи Ан-го-цзюна, стал человѣк, поднявшійся с низов на головокружительныя высоты, человѣк, о котором, в 1927 году, говорил весь мір, который не только хотѣл объединить Китай, но и хотѣл своею грудью встрѣтить натиск коммунизма на Азію.

Он погиб, потому что рѣшил остаться в памяти народа патріотом, 1927 год в Пекинѣ был его лебединой пѣснью. Мнѣ думается, что он, как и Колчак, знал, что дни его сосчитаны, Было что то общее в «бѣлом» Пекинѣ чжан-цзо-линовских дней с бѣлым Омском 1919 года.

Ниже приводятся два отрывка, набросанных мною в тѣ, теперь далекіе, дни — мимолетная встрѣча со старым маршалом и его попытка, за нѣсколько мѣсяцев до гибели, укрѣпить свой режим борьбы с революціей во имя цѣлости Китая, возрожденіем древняго духовнаго культа.

К этому пытался до Чжан Цзо-лина прибѣгнуть Юань Ши-кай и обоих постигла неудача, потому что мір и официальная дипломатія не поняли ни в 1915 году, ни в 1927, какую при честной и дальновидной поддержкѣ держав, могли бы пользу принести Китаю оба этих властных и одаренных человѣка, погибших безцѣльно, каждый на своем посту.

*
* *

Верховный правитель маршал Чжан Цзо-лин

жил в Запрещенном Городѣ, в одном из бывших императорских дворцов.

Автомобиль мчит из дипломатическаго квартала к Запрещенному городу, при чем, согласно указанному маршруту, мы ѣдем не к главному подъѣзду, а к одним из боковых ворот.

Кто из бывавших в Пекинѣ не знает этой дороги к дворцам богдыханов?

Ворота ярки, возносятся пышными крышами к небу, и крыши эти, в причудливом изгибѣ углов, купаются в вечернем солнцѣ и играют всѣми богатыми цвѣтами китайской палитры.

Останавливаемся! Невольно испытывается нѣкоторое волненіе от того, что предстоит увидать. Давно ли никому из простых смертных не разрѣшалось переступать этих заповѣдных чертогов, о которых ходили сотни писанных и изустных заманчивых сказаній. Машина оставляется около наружнаго входа во дворец. И слѣва и справа стоят на стражѣ, по восемь, солдаты мукденцы из личнаго конвоя. Здѣсь нас пропускают сразу.

Достигаем второго внутренняго входа, снова стража, с тѣми же, пиками, увѣнчанными красными кистями. У внутренней стражи, вмѣсто фуражек, соломенный от палящаго солнца, головной убор. Наше появленіе вызывает замѣтное к себѣ вниманіе. Солидные дворцовые слуги в легких, бѣлых как снѣг, халатах просят обождать и начинаются переговоры по телефону с внутренними покоями. Наконец нас информируют, что ждут пріѣзда представителей американскаго посольства и что внутрь дворца мы будем допущены вмѣ-

стѣ с ними. „Камерамены," воспользовавшись моментом, „кругят" стражу, как внутреннюю, так и наружную.

Подъѣзжает посольскій автомобиль: первый совѣтник г. Фердинанд Мейер, замѣститель отъѣзжающаго посла г. Мэк Мерри, и военный атташэ капитан Раттай. Мы слѣдуем внутрь дворца. Через каждые сто метров, — солдаты охраны, которые лихо отдают честь.

Пейзаж как в сказкѣ, когда мы огибаем озеро. Оно емкое, с пологими берегами, частью затянуто, всплывшей над поверхностью, зеленью. Это царственно прекрасные лотосы.

А вот в озеро вдается как бы полуостров и на нем расположился рѣдкой красоты дворец, видимо лѣтній „мон плэзир." Крыша играет всѣми цвѣтами, какіе есть на солнечном спектрѣ: синій переходит в лиловый, лиловый густѣет до фіолетовых тонов, а, рядом, смѣется охра и саркастически улыбается киноварь. По пруду гуляют важныя цапли. Обогнув озеро мы у цѣли, внутреннее крыльцо дворца. Здѣсь масса собственных рикш, сверкающих черным и свѣтло-коричневым лаком, мѣдными частями и хрусталем больших боковых фонарей. Стоят и автомобили. Встрѣчают опять лакеи, на этот раз в бѣлых перчатках. Нас ведут по лабиринту дворов, проходы, баллюстрады, дворы и дворики, если считать, то собьешься (числом не меньше десяти). Во всяком случаѣ, одному, без провожатаго, никогда обратно не выбраться. Грумы замедляют шаги. Просторный, роскошный как храм, торжественный дворец. Почему то вспомнилось Кіото, гдѣ собраны лучшіе образцы

древне китайской архитектуры, заимствованной японцами.

Перед нами два зданія, между зданіями небольшой пруд и через пруд перекинут ажурный мраморный мостик. Повисшій над прудиком мост и перила крытой галлереи, по которой должен пройти Чжан Цзо-лин, ласкают глаз нѣжной, теплой бѣлизной разомлѣвшаго под солнцем мрамора. Баллюстрада вся украшена барельефной отдѣлкой, изображающей императорских драконов. За перилами зелень лотосов, тянущих головки к солнцу, за предзакатным поцѣлуем.

Выходит г. Хоуард Ку, секретарь отдѣла договоров. Он просит пройти в тронный зал и высказывается за то, чтобы маршал был снят именно в этом залѣ. Зал сказочной красоты и великолѣпія. Он красный, с иззолота зеленоватой отдѣлкой. Но краснаго свѣта так много, что фильмовая пленка не сможет его побороть. Представитель „Парамаунта" рѣшительно за то, чтобы снимать маршала с мраморнаго мостика.

А в это время правитель, в сосѣдней гостиной, ведет бесѣду с представителями американскаго посольства. Из за дверей слышны голоса. Бесѣда затягивается. Мы ждем уже с пол часа. Наконец слышны взаимныя привѣтствія и совѣщаніе кончено. Сейчас появится старый маршал. Аппараты установлены. Съемщики нервно переминаются, держа пальцы на ручкѣ. Входит г. Ку, жестом дает понять, что сейчас появится маршал Чжан Цзо-лин.

Портреты правителя извѣстны. Но для экрана маршал почти не снимался. Он невысокаго ро-

ста и, прежде всего, пріятно поражает простота его одежд. Бѣлое лѣтнее китайское платье, черная курма сверху и вѣер в рукѣ. Маршал медленен в движеніях, выглядит бодро. Знакомые по фотографіям темные, небольшіе усы, нѣсколько книзу.

Г. Ку просит правителя пройти вперед, чтобы быть ближе к солнцу. Легким наклоненіем головы маршал соглашается, но, не задерживаясь, хочет итти по балкону. Трещат ручки аппаратов. Г. Ку снова приближается и просит маршала хотя бы еще на двѣ минуты задержаться, снимающіе хотят обязательно запечатлѣть его, проходящим по мраморному мостику.

Когда маршалу перевели, что настойчивые американцы просят пройти по залитому золотым солнцем мостику, он слегка улыбается и так же молча, держа вѣер у груди, проходит в нужном направленіи.

— Это все, — говорит г. Ку, — больше ни на что не расчитывайте, правитель страшно занят.

Бои приносят горячія полотенца. Полотенца распространяют тонкій аромат каких то благовоній. Усталые съемщики вытирают лицо, руки, штативы. Цѣль достигнута; Чжан Цзо-лин заснят для потомства.

На обратном пути снимаем еще раз стражу. Автомобиль проносит нас под выходными арками и возвращает в отель.

*
* *

12 августа 1927 года верховный правитель или как его еще иначе называли генералиссимус

Чжан Цзо-лин сдѣлал такое декларативное заявленіе:

„Внѣшняя политика Китая в отношеніи всѣх государств будет придерживаться правил чести, Китай будет относиться честно к тѣм державам, которыя к нему относятся честно. Китай желает ликвидировать свои національныя обязательства в возможно кратчайшій срок, оберегая прежде всего, свою національную честь. Однако, Китай не сможет покончить со своими обязательствам так скоро, как бы он хотѣл, так как Китай вынужден вести гражданскую войну, требующую колоссальных расходов, с цѣлью вырвать красное жало, грозящее благополучію націи."

Касаясь вопроса об иностранцах в Китаѣ маршал Чжан Цзо-лин заявил, что его отношеніе к иностранцам всегда было неизмѣнно благожелательным. „Мы никогда не ссорились с иностранцами, а иностранцы не имѣли основанія сѣтовать на нас. Но братья мои по крови — китайцы, и, разумѣется, политика моя, прежде всего, китайская политика. Иностранцы, которые ѣдут в Китай для того, чтобы жить здѣсь и заниматься дѣлами, разрѣшенными нашим законом, всегда будут радушно привѣтствуемы; тѣ же, кто имѣют иныя цѣли, нарушают общій ход вещей. Дружескій совѣт от иностранцев мы всегда с удовольствіем выслушаем, но когда совѣт этот высказывается в повелительном тонѣ, мы не можем не возражать, потому что эта страна, прежде всего, принадлежит китайскому народу. Вообразите себѣ, если бы мы захотѣли диктовать свою волю Англіи, Америкѣ, Японіи или бы рѣшили указы-

вать им, что они должны у себя дома дѣлать, а что не должны."

Что же касается иностранной торговли, то Генералиссимус готов привѣтствовать всякій прогресс в этой области. „С моей точки зрѣнія или всѣ мы, вмѣстѣ, будем процвѣтать или не будет процвѣтать никто. Но тѣ, кто ведут здѣсь торговлю должны помнить, что в силу неравных договоров иностранные купцы пользуются в Китаѣ тѣми правами, какими китайцы у себя дома не пользуются. Это различіе необходимо сгладить мирными путями, чтобы, таким образом, мы всѣ находились в одинаковых условіях. Я надѣюсь увидать день, когда владѣльцы иностранных капиталов будут искать случая вкладывать свои деньги в китайскій рынок, будучи вполнѣ увѣрены в том, что их капиталы будут надежно охранены. Прошел безвозвратно тот період, когда иностранные капиталисты могли пускать свои деньги в китайскій рынок и выколачивать из него чудовищные проценты путем полнаго игнорированія китайскаго закона. Иностранцы должны отнынѣ удовлетворяться хорошим, но разумным доходом на свой капитал, таким доходом, какой иностранцы получают, когда они ведут дѣла в своей собственной странѣ. Между иностранцем — предпринимателем и китайским населеніем должно установиться взаимное пониманіе и поддерживаться доброжелательство. Когда мы этого достигнем, китайская промышленность начнет процвѣтать. Я хочу достигнуть этого не забастовками, но дружной совмѣстной работой всѣх заинтересованных в коммерціи сторон. В мою задачу входит дать Китаю вѣчный

мир, поднять народное благосостоянiе, ликвидировать голод и создать такiя условiя жизни для народа, чтобы Китай занял достойное для себя мѣсто в семьѣ других народов. Надо стараться дѣлать народ счастливым и процвѣтающим! Я вѣрю, — продолжал Верховный Правитель, — что не далек тот желанный день, когда наш народ обрѣтет для себя благопрiятныя условiя существованiя. Эпоха расоваго превосходства над Китаем прошла безвозвратно и можно только пожалѣть, что до сих пор не всѣми это понято как слѣдует. Я стараюсь снизить, как только возможно, налоги для того, чтобы влить новую энергiю в торговлю но неравные договора должны перестать существовать, не должно быть различiй между иностранцами и китайцами на нашей собственной китайской землѣ. В заключенiе, я могу еще раз подчеркнуть: или мы всѣ будем процвѣтать или никому не удасться вести нормально торговыя дѣла."

В среду 31 августа того же 1927 г., в 4 часа Утра, когда только только забрежжила заря, маршал Чжан Цзо-лин прослѣдовал, в сопровожденiи высших чинов государства из Запрещеннаго Города в храм Конфуцiя и преклонился перед алтарем Высшей Мудрости.

Путь от Императорских Дворцов до храма охранялся шпалерами войск 3-го и 4 го корпусов мукденской армiи. Никто из иностранцев на церемонiю допущен не был. Корреспонтенты, в том числѣ и пишущiй эти строки, получили разрѣшенiе

присутствовать на предварительной церемоніи. в понедѣльник 27 августа.

Правитель, приблизившись к подновленному и богато убранному древнему храму, прослѣдовал в зал Да-Чен и вознес жортвоприношеніе.

Впервые за многіе годы, когда осеннія жертвоприношенія совершались лично императорами, Чжан Цзо-лин возстановил древній торжественный церемоніал. По случаю религіозных торжеств были закрыты всѣ правительственныя учрежденія.

Предварительная церемонія 27 августа собрала во внутренній двор храма китайских офиціальных лиц и представителей посольств и свыше двух десятков иностранных корреспондентов.

В церемоніи приняли участіе священнослужители храма, хоры и оркестры состояли из сотен юных послушников, одѣтых в яркія облаченія. На предварительной церемоніи присутствовал совѣт министров, во главѣ с премьером г. Пан Фу, при ближайшем участіи министра просвѣщенія г. Лю-Чже.

Глаза разбѣгались при видѣ этой сверкающей под лучами теплаго солнца, пышной панорамы. Кумирни храма с их тяжелыми загнутыми краями крыш. Мраморныя возвышенія, столѣтнія деревья, осѣняющія внутренній двор храма. Входим через восточныя ворота, гдѣ воздвигнуты каменныя таблицы в воздаяніе земных заслуг ученых, причем самый древній памятник датирован 1351 годом. Прямо перед нами павильон, крытый красными матеріями. Священнослужители, высшіе чины и члены совѣта министров в сборѣ. Церемонія совершается в храмѣ и перед храмом и длится око-

ло двух часов.

Церемонія начинается семикратными ударами огромнаго барабана:

— Ба-ам, баам, бум!

Сотрясается воздух. Из главных, срединных дверей храма выходит первосвященник, неся перед собою священную таблицу и движится по направленію к тому мѣсту, гдѣ предполагается стоящим маршал Чжан Цзо-лин. Первосвященник одѣт в фіолетовых шелков древнее одѣяніе, с длинными рукавами, украшеное золотым кантом и, шитыми золотом, кругами, со священными, внутри кругов, начертаніями. Первосвященника сопровождают два других священнослужителя. У них одѣяніе кброче, головы всѣх увѣнчаны уборами, напоминающими конфедератки.

Безконечной лентой стелется ковер коричневаго цвѣта, длиною не меньше двухсот метров. Первосвященник, поднявшись по ступеням к дверям храма, становится у средних дверей и тотчас раздается пѣніе сотен звенящих дѣтских альтов. Сто мальчиков с древними деревянными щитами, в синих с золотом халатах, дѣлают торжествинное поклоненіе востоку, западу, сѣверу и югу.

Пѣніе гимнов поддержано игрой на десятках старинных религіозных инструментов, расположенных также на возвышеніи, у входа в храм. Здѣсь своеобразные гигантскіе цимбалы, украшенные изображеніем райских птиц, барабаны на подставках чернаго дерева, которым, по преданію, три тысячи лѣт, древнія флейты и лиры, лютни с шелковыми струнами и гитары, на которых играют музыканты храма, одѣтые в костюмы времен

династія Минов.

Пока длится церемонія, эти своеобразные оркестры исполнили шесть гимнов в честь Конфуція. Первосвященник опускается на колѣни, совершает троекратное „кэ-тоу,“ преклоненіе перед алтарем храма. Хор мальчиков с деревянными щитами замѣняются хором мальчиков державших павлиньи и фазаньи перья в руках.

Члены правительства проходят внутрь храма. Туда же в толпѣ священнослужителей, нѣсколько контрабандным путем, пробираемся и мы. В храмѣ полумрак.

Высокій монах глухим голосом, при общем молчаніи, читает молитвы, в дверь врываются снаружи звуки музыки и опять звенящіе альты уносят к небу земныя пожеланія. Главный священник все время остается снаружи царских врат.

Начинается самый торжественный момент богослуженія. Подаются огромные красные лакированные подносы, числом не менѣе дюжины. Священнослужители в своих сверкающих одѣяніях, под громкіе звуки оркестров и бой барабанов, спускаются с главной площадки для того, чтобы пролить кровь, обреченнаго для жертвопримошенія, быка. Его сердце и внутренности будут преданы огню при вознесеніи моленій. Этой части церемоніи, наиболѣе таинственной, иностранцы, впрочем, не видѣли. Опять бьют барабаны и мы покидаем древній храм Конфуція.

Сын маршала.

30 августа 1927 года я имѣл бесѣду с „моло-

дым маршалом." В тѣ времена он, дѣйствительно, был молодым, исполняя при державном отцѣ роль принца Уэльскаго. Он был очень доступен, охотно общался с иностранцами, когда я сообщил по телефону его секретарю Томасу или „Томми" Ли, что я хотѣл бы побесѣдовать с Чжан Сюэ-ляном, секретарь весьма обязательно сам заѣхал за мною в отель „des Wagons Lits."

Мы слѣдуем в длинном открытом автомобилѣ по гладкой и прямой Лигэйшен стрит, сворачиваем на Рю Марко Поло, потом, пересѣкая трамвайную линію, мчимся по Моррисон стрит, сворачиваем направо и, по сосѣдству с Рокфеллеровским Институтом, въѣзжаем в усиленно охраняемые ворота главнаго штаба мукденских армій. Перед нами квадратный плац, всюду солдаты, а, по бокам, длинныя помѣщенія военных канцелярій.

Пріемная, это огромное помѣщеніе. По серединѣ большой, крытый сукном стол, но первое, что бросается в глаза масса кругом народа. Всѣ стоят в ожиданіи. Больше военных разных чинов, есть и штатскіе китайцы, в черных и бѣлых шелках. Одни обмахиваются вѣерами, другіе недвижимы. Снуют слуги, проходят с папками бумаг адъютанты, а в комнатѣ направо, за прозрачной портьерой, виден большой письменный стол и за столом молодой маршал. Меня проводят в небольшую комнату около пріемной.

— Маршал просит чуточку обождать, он сейчас освободится, — говорит дежурный по штабу г. Цай.

Проходит еще нѣсколько минут и входит Чжан Сюэ-лян. Он в лѣтнем костюмѣ, яркій галстук,

волосы зачесаны назад. Общее впечатлѣніе молодости. Маршал держится просто, даже как бы застѣнчиво.

Мы говорим о положеніи русских в Китаѣ, к которым Чжан Сюэ-лян всегда относился доброжелательно, о положеніи на фронтах, в частности на фронтѣ против Фын Ю сяна. Говорим о том, что в Пекин прибыла делегація из Мукдена, которая просила верховнаго правителя назначить молодого маршала в Мукден, генерал-губернатором:

— Об этом назначеніи говорить преждевременно, — отвѣчает Чжан Сюэ-лян. — Мукден я люблю. Это город, гдѣ протекала моя жизнь. Я хотѣл бы просто туда поѣхать, как ѣздят послѣ долгаго отсутствія на родину. Не скрою от вас, хотѣлось бы вернуться ненадолго, что же касается генерал-губернаторства, то всѣ эти разговоры пока никакого подтвержденія не имѣют.

— Не скажите ли вы нѣсколько слов о тѣх русских солдатах и офицерах, которые сражались в рядах сѣверных армій?

— Русскіе в рядах китайской арміи всегда встрѣчали к себѣ с моей стороны внимательное отношеніе. Вы знаете, что русскія части находятся в составѣ Шандунской арміи, так что непосредственнаго отношенія к русским частям я не имѣю. Но я знаю, что русскіе были всегда первокласными солдатами.

Еще нѣсколько слов и Чжан Сюэ-лян обѣщает мнѣ прислать в отель свою фотографическую карточку. Обѣщаніе это он сдержал.

Дипломаты и журналисты.

Вот встрѣча в „Вай Цзяо-Бу," с министром иностранных дѣл.

Ван Ин-тай закончил образованіе в Германіи и свободно владѣет нѣмецким и англійским языками. Его супруга нѣмка.

Внѣшне Ван Ин-таю нельзя было дать его сорока лѣт. Он выглядѣл молодо. Высокаго роста, с выразительным лицом, волосы зачесаны гладко назад. Министр предпочитал ходить в національном костюмѣ. В девять часов утра Ван Ин-тай у себя в кабинетѣ.

Кабинет, это просторная, нѣсколько вытянутая в сторону окон, комната. В глубинѣ письменный стол, два телефонных аппарата, бумаги и книги. Направо от стола черной кожи диван и, по бокам, кресла. Перед диваном курительный стол.

— Разрѣшите узнать вашу точку зрѣнія на отношенія между СССР и Китаем?

— Китайское правительство, — говорил министр, — не порывало дипломатических сношеній с Совѣтским Союзом. Напротив, СССР проявил в данном вопросѣ иниціативу. Совѣтскій представитель в Пекинѣ по собственному желанію уѣхал отсюда, но наш повѣренный в дѣлах продолжает до сих пор оставаться в Москвѣ. Если учитывать, что границы Китая и СССР тянутся рядом на тысячи миль и что наши связи экономическія и промышленно-торговыя так глубоки и разнообразны, то, казалось бы, оба сосѣдствующих народа должны кооперировать друг с другом, а не враждовать.

— Какова позиція правительства в отношеніи иностранных войск, находящихся в данное время в Китаѣ?

— Китай неоднократно в своих нотах протестовал против высадки иностранных вооруженных сил на китайской землѣ и Китай будет продолжать протестовать до тѣх пор, пока всѣ эти войска не будут выведены из Китая.

— В каком положеніи вопрос о передачѣ Китаю британской концессіи в Тяньцзинѣ?

— Вы знаете, что в данное время продолжает работы соединенная комиссія, которая и разрабатывает условія передачи нам британской концессіи в Тяньцзинѣ .. Соглашеніе о передачѣ в принципѣ уже разработано, остается разрѣшить детали передачи. Я не сомнѣваюсь, что со временем соглашеніе удастся реализовать к удовлетворенію обѣих договаривающихся сторон.

— Разрѣшите задать вопрос о судьбах Китайской Восточной желѣзной дороги? В печати были опубликованы телеграммы, что Китайская дорога перейдет всецѣло в руки Китая?

— Относительно будущаго Китайской Восточной желѣзной дороги я могу сказать слѣдующее. В Китаѣ имѣется двѣ категоріи желѣзных дорог. Однѣ дороги были построены и эксплоатируются исключительно китайцами, другія желѣзныя дороги управляются совмѣсно китайцами и иностранцами. Китайская Восточня желѣзная дорога принадлажит ко второй категоріи. То обстоятельство, что у нас и до сих пор огромное количество миль рельсовых путей находятся в чужих руках, создает для Китая чрезвывчайно затруднительное поло-

Фот. худ. Л. В. Сквирскаго.

Д-р С. Т. Ван (Ван Чен-тин) б. премьер в Пекинѣ и министр иностранных дѣл Національнаго правительства.

женіе. Китай обязан добиваться, чтобы эта ненормальность была устранена.

— Вам извѣстно, что в Китаѣ проживает около трехсот тысяч русских, лишенных государственной опеки. Что могут они ждать от правительства?

— Касаясь вопроса об иностранцах, находящихся на территоріи Китая, я должен подчеркнуть, — говорит министр, — что китайское правительство будет защищать всѣх иностранцев, независимо от их національности. Но, могу добавить, что в отношеніи тѣх иностранцев, которые не пользуются правами экстерриторіальности китайскій закон и китайскія власти проявят всю должную заботу об охранѣ их личных и имущественных интересов, внѣ каких либо ограниченій.

На этом офиціальная часть бесѣды с Ван Ин.тай заканчивается, министр живо интересуется жизнью Харбина и Шанхая. Прощаясь, он просит представить ему для просмотра текст бесѣды:

— Такова традиція, — говорит он, улыбаясь, — дайте мнѣ текст этого интервью и, будет лучше, если на англійском языкѣ. Если на русском, дѣло затянется, а на англійском я сейчас же просмотрю, может быть еще что нибудь вам добавлю.

*
* *

К лѣту 1927 года трактатныя державы сосредоточили в Китаѣ не менѣе ста тысяч войск. Шанхайскій район находился в сферѣ вліянія англійскаго командованія, Циндао и Цинань были центрами сосредоточенія японских экспедиціонных сил и, наконец, Тяньцзин, желѣзная дорога

между Тяньцзином и Пекином и посольскій квартал Пекина, охранялись, главным образом, американцами.

Англія имѣла в Китаѣ, считая гарнизоны Гонконга и Вей-Хай-Вея, 45.000 штыков с артиллерійскими частями, отрядами морской пѣхоты, плавучей авіо-базой, авіаціонными парками и госпитальными судами. Имѣла она также понтонныя части. Вопрос вѣдь шел о самом сохраненіи британскаго вліянія в Китаѣ, так как Коминтерн умѣло направил тайфун ксенофобіи в 1925-1927 году исключичительно на англичан. Одно время ставился даже вопрос об оккупаціи англичанами Шанхая, что встрѣтило бы возраженія не только Японіи, но и Соединенных Штатов.

Японія сосредоточила тогда в Тяньцзинѣ, в Шанхаѣ, но главным образом в Циндао-Цинанфуском районѣ 30.000 войск. Америка имѣла в Китаѣ 10.000 штыков. При чем, три тысячи американцев находилось в Шанхаѣ и тысяч семь были расквартированы между Шанхайгуанем и Тяньцзином, а также в казармах американскаго посольства. Имѣлся в Пекинѣ и загородный лагерь иностранных войск. Франція имѣла на охранѣ своих концессій в Китаѣ 6.000 солдат, колоніальных частей и аннамитов. Италія послала 1500 штыков, а другія трактатныя державы (Португалія, Испанія, Нидерланды) в общей сложности отправили еще двѣ тысячи. Американцы имѣли в Тяньцзинѣ танки.

*
* *

В „Вай Цзяо-Бу“ разговариваю с еще моло-

дым дипломатом, по національности маньчжуром, который одно время занимал должность консула в Россіи.

Говорим на тему, всѣх тогда и в Пекинѣ интересовавщую, о взаимоотношеніях СССР с Китаем.

— Если совѣтскіе дѣятели, — говорит не спѣша и взвѣшивая каждое слово собесѣдник, — дѣйствительно в глубинѣ души вѣрили в возможность коммунизировать Китай, они в этой вѣрѣ должны были жестоко разочароваться. Или у них были свои скрытыя цѣли или они не знали Китая. Мы не потому любим ссылаться на свою древнюю культуру (вѣдь вы знаете, что мы ровесники Вавилона) что это льстит нашему самолюбію. Мы потому ссылаемся на свою цивилизацію, что она дала нам опыт. Мы все испытали в прошлом. Мы давно выстрадали доктрины, которыя нѣкоторым европейским умам кажутся послѣдними откровеніями соціальных наук. Мы матеріалисты. От милліонера и полководца до скромнаго кули, мы знаем мудрость созиданія и не вѣрим красивым словам только потому, что они красивы. Правда и у нас есть молодежь, увлекающаяся ученіем соціализма. У нас нѣт крупнаго землевладѣнія, у нас нѣт дворянскаго класса, которые в Россіи, по моему мнѣнію, играли доминирующую роль в ростѣ недовольства строем. С кондачка китайскій вопрос рѣшать не приходится.

*
* *

В августѣ 1927 года из Пекина в Вашингтон уѣзжал американскій посланник г. Джон. В. А. Мак Муррей, против котораго воздвигли гоненіе

нѣкоторые американскіе журналисты из-за разницы во взглядах на происходящій в Китаѣ революціонный процесс. Поднятая в Америкѣ кампанія вынудила государственнаго секретаря Кэллога вызвать Мак Муррея для объясненій.

Посланник на вокзалѣ окружен толпой провожающих, среди них ген. Ян Ю тин, правая рука Чжан Цзо-лина, котораго, года через полтора, безжалостно разстрѣливают в Мукденѣ послѣ званаго обѣда.

Пока щелкают на перронѣ кодаки и трещит съемочный кино-аппарат, заглушаемый гулом голосов провожающих, появляется сразу обратившій на себя общее вниманіе, знаменитый китайскій артист Мэй Лян-фан, в сопровожденіи своего китайскаго переводчика.

В жизни это рѣдкой красоты мужчина, которому очень идет его бѣлое одѣяніе. Мэй Лян-фана знакомят с посольскими дамами. Он улыбается бѣлыми ровными зубами. Перед отъѣздом англійскаго посланника сэра Майльза Лэмпсона в Вэй-хай-вей, Мэй Лян-фан приглашался на прощальный ужин в посольство. Европейцы наперебой оказывают ему знаки самого подчеркнутаго вниманія.

*
* *

В Пекинѣ в 1927 году проживало много иностранных журналистов.

Среди них был Р. Гулд, два года завѣдывавшій отдѣленіем „Юнайтед Пресс“ и не скрывавшаго своих симпатій к движенію южно-гоминданцев, которые в 1927 году были еще очень розовы-

ми, почти красными.

Надо отмѣтить также Дэвида Фрэзера, представляющаго много лѣт в Китаѣ лондонскій „Таймс," извѣстнаго русской публикѣ по поѣздкѣ его в Омск, в дни правительства адмирала Колчака; Вильяма Джайльса, корреспондента лондонской „Дэйли Мэйл," умершаго в 1929 году; Нильсена, корреспондента копенгагенской „Политикен"; д-ра Герберта Мюллера, спеціальнаго корреспондента старѣйшей германской газеты „Франкфутэр Цайтунг"; Бертрама Лэнокс Симпсона (псевдоним „Путнэм Уил") автора многих книг о Китаѣ, назначеннаго Чжан Цзо-лином высоким при себѣ совѣтником и убитаго в 1931 году. Чарльза Дэйли, спеціальнаго корреспондента крупнѣйшей американской газеты „Чикаго Трибюн" и многих других.

Добрую память о себѣ оставил в Пекинѣ Вальтер Виффен, представитель газетнаго консорціума „Ассошіэйтэд Пресс," так-же посѣтившій Омск во времена А. В. Колчака. Виффен был переведен из Пекина в Бразилію, он быстро оттуда получил командировку в Москву, гдѣ и умер в концѣ все того же 1927 года.

Газеты тратили и тратят бѣшеныя деньги на телеграфную информацію о Китаѣ. Оклады европейских и американских „спеціальных корреспондентов" в Китаѣ исчисляются в тысячах золотых долларов. „Спеціальные корреспонденты" жили в барских усадьбах, имѣли у себя библіотеки и коллекціи китайских рѣдкостей. На банкетах, которые время от времени давали полномочные представители „шестой великой державы" собирался

цвѣт правящаго Пекина и дипломатическій корпус.

Когда кончился „пекинскій період" исторіи Китая, кончился для многих журналистов срок привольнаго житья по барски в дешевой столицѣ.

С переносом столицы в Нанкин пришлось, одно время, безостановочно странствовать между Пекином (Пейпином) и Нанкином, подвергаясь всѣм непріятностям путешествія в странѣ, пережившей двадцатилѣтнюю гражданскую войну.

А, потом, забыв о привольи пекинской жизни, представителям шестой державы, во главѣ с Дэвидом Фрэзером, пришлось осѣсть на постоянное жительство в шумном, пестром, дѣловом Шанхаѣ.

*

* *

Я посѣщаю директора публичной библіотеки г. Юань, он же куратор дворцоваго музея. Осматриваю музей, бывшій прежде дворцом.

В главном зданіи, прежде всего, поражает больших размѣров зал, потолок котораго раздѣлен на небольшіе, правильные, сводчатые квадраты, выписанные изумительными тонами зелени и золота. Прежде всего рассматриваю коллекцію ваз. Среди них божественныя вазы времен Жэнь-цзун Хуй-хуан-ди (1796-1820) неимѣющія себѣ равных в мірѣ по цвѣту красок и качеству фарфора. Нѣкоторыя вазы напоминают формой амфору. Небесно голубой цвѣт их никому не удалось поддѣлать. Сколько не пробовала, говорят, нѣмецкая индустрія разгадать сакрет гончаров этой эпохи Жэнь-цзун, результаты получились довольно плачевные. Вазы всѣх цвѣтов и форм: фіолетовыя, изумрудных оттѣнков, цвѣта морских во-

доротлей, красныя, как кровь, бѣлыя с дѣвственно прекрасными линіями — об этих сокровищах можно писать увлекательную монографію.

Потом я разсматриваю драгоцѣнныя вазы из чистаго золота, украшенныя алмазами, рубинами, изумрудами и сапфирами. Цѣлые шкафы золотых художественных издѣлій: золотыя чаши и кубки, золотые чайники, дарохранительница, усыпанная рубинами и алмазами, золотая рукоять для „мухомохалки" с рубинами и изумрудами, золотой скипетр, нарукавныя украшенія, пряжки, пуговицы, цѣлое богдыханово сѣдло, коллекція безделушек, все это сверкает в лучах солнца, пробивающагося через виражи дворцовых окон.

В гостях у д-ра Мюллера.

Я в гостях у д-ра Мюллера, корреспондента „Франкфуртер Цайтунг" в его домѣ на Пей-хо-ен, №56, гдѣ этот журналист, торговец китайскими рѣдкостями, археолог и синолог собрал много интересных вещей и любит созывать к себѣ по вечерам космополитическое общество, главным образом тѣх, кто, как и он, интересуется Китаем и изучают его.

Когда в 1927 году, всѣм казалось. что волна ксенофобіи устремлена на англичан, д-р Мюллер держался другого мнѣнія:

— А допросы англичан, китайцами, на улицах Ханькоу, Кьюкіана, какой они національности и эта злобная подозрительность?! — возражает кто то из гостей.

— Вот на основаніи этих самых ханькоусских

опросов мнѣ и удалось установить, что настоящей ненависти к англичанам в Китаѣ нѣт и не было. Именно в Ханькоу я в этом убѣдился, в том самом январѣ 1927 года, когда англичане панически покидали внутренніе районы Китая. Англичане тогда дѣлали ошибку за ошибкой. Вы же сами говорите, что когда их, в одиночку, ловили на улицах, они называли себя нѣмцами, называли русскими. А я, наоборот, назвал себя перед китайцами англичанином. Помню, я переправлялся в У-Хан. На лодкѣ среди китайцев я был совершенно один. Меня спрашивали китайцы: „Вы какой національности?“ А я им отвѣчаю: „Какое вам дѣло, какой я національности? Не желаю без повода говорить, какой я національности!“ Они были поражены отпором. Потом опять меня спрашивают: „Вы, может быть, англичанин?“ Я отвѣчаю: „Да, вы сказали правду, я англичанин.“ Сижу и жду, что они со мною сдѣлают. И, чтобы вы думали, тот, который меня допрашивал, услыхав, что я англичанин, заговорил со мною по англійски и угостил сигаретой.

Гости д-ра Мюллера смѣются. Никто больше не возражает. Как всегда, д-р Мюллер оригинален и независим в своих сужденіях.

Он говорит: — Я разговаривал в Ханькоу со всѣми тогдашними революціонными вождями. Я всѣм им открыто говорил, что в Китаѣ нѣт и не может быть революціи. Революція в Китаѣ также невозможна, как и у нас в Германіи.

Опять кто то из гостей пытается возразить д-ру Мюллеру:

— В Германіи не было и не могло быть рево-

юціи. Революція в Германіи это вот... И д-р Мюллер, с юношеской живостью, встает из-за стола, принимает характерную позу в строю и мы видим, как твердо дает он шаг, имитируя желѣзную поступь гинденбурговых полков. Потом почтенный доктор садится, улыбается и говорит:

— Революціи в Германіи не было, была только перемѣна конституціи. Будет еще перемѣна конституціи, но какова бы не была конституція— послушаніе и дисциплина останутся.

Мы опять всѣ смѣемся:

— Я говорил не раз с китайскими коммунистами, — продолжает д-р Мюллер, — они меня пытались переубѣдить. Что же касается внѣшней политики русских большевиков, то, чѣм больше я ее наблюдаю и здѣсь в Китаѣ и, вообще, в Азіи и в Европѣ, тѣм больше вижу сходства с исконной русской политикой. Ну, не повѣрите, тоже самое дѣлают, что дѣлал в Пекинѣ в свое время князь Ухтомскій.

Разговор, впрочем, скоро теряет политическую остроту. Тѣм болѣе, что подали кофе и ликеры. Бои потушили лампіоны на верандѣ и сад, облитый серебряно изумрудным сверканіем луны, только с одним причудливым бумажным фонарем в формѣ старинной лодки, огласился нѣжными, воркующими звуками китайской лютни. Три слѣпых музыканта играли нам древнія пѣсни, вывезенныя из провинціи Анвей, мелодію из числа 22 избранных мелодій покойной вдовствовавшей императрицы Цы-Си.

Потом д-р Мюллер приказывает подать автомобиль и мы всѣ ѣдем в один из старинных театров

за Цзян-Мынскими воротами. Театр полон. Занимаем боковую „ложу,“ которая прилѣпилась сверху, над самой сценой. Смотрим какую-то древнюю комедію о приказном дьякѣ, который судил весьма лицепріятно, за что и был наказан.

Мѣняются скатерти на столикѣ по серединѣ сцены, шитыя парчей подушки кладутся на стулья, и начинается китайскій танец:

— Это Хан Ши-чан, — говорит д-р Мюллер, когда на сцену выпорхнула прелестная, гибкая и нѣжная дѣвушка, почти дѣвочка, с маленькими руками, с большими мерцающими косыми глазами и алым крохотным ртом. — Это Хан Ши-чан, ему сейчас уже 32 года, один из лучших актеров-учителей. Он сейчас готовит на сцену своего будущаго замѣстителя И Ван-чона, мальчика шестнадцати лѣт, звѣзда Мей Лян-фана померкнет перед этим изумительным мальчиком. Такого артиста, я не хочу преувеличивать, Китай еще не знал. Какая грація, голос, какая экспрессія! — восхищается поклонник китайскаго театра д-р Мюллер.

А в это время Хан Ши-чан, в шелковом халатѣ, сверкая пышным кокошником и путаясь в разноцвѣтных, тонких лентах, плавал по сценѣ, разводя точеными руками и пѣл нѣжным, звенящим, нижущим уши серебряным фальцетом. Блѣдно зеленаго шелка юбка до самаго пола, едва позволяла видѣть шитыя золотом туфли.

Набитый до отказа, переполненный до послѣдней степени, театр сотрясался от диких воплей восхищенной толпы:

— Хо! хао! хаооо!...

Жена Бородина.

В серединѣ 1927 года Пекин, а, за ним, и весь Дальній Восток были заинтересованы извѣстіем о бѣгствѣ из пекинскаго арестнаго дома Фанни Бородиной, жены бывшаго кантонскаго, а, потом, ханькоусскаго совѣтника гоминдановскаго правительства Михаила Бородина, агента Коминтерна.

Фанни Бородина, на пароходѣ „Память Ленина," направлялась в Ханькоу, но в Пукоу этот пароход был задержан и Бородина, вмѣстѣ с совѣтскими курьерами, была арестована. Ее направили в Пекин и слѣдствіе по ея дѣлу вел судья Хо. Он то и осуществил ея незаконное освобожденіе, подписав об этом соотвѣтствующій ордер, сам послѣ этого скрывшись, спасая свою жизнь.

В Пекинѣ тогда передавали, что судья Хо получил взятку в 200.000, а Бородина уѣхала на автомобилѣ, шедшим под итальянским флагом.

Так как осуществить бѣгство легче всего Бородина могла через Тяньцзин, то в Тяньцзинѣ, в дни моего там пребыванія, полицейскія власти слѣдили за всѣми полными, чернявой внѣшности, дамами.

Но так как не была окончательно оставлена мысль, что Бородина могла продолжать скрываться и в Пекинѣ, то на территоріи экстерриторіальнаго совѣтскаго посольства, что на Лигэйшен Стрит, поперек улицы, вырыли довольно глубокія ямы. Эти ямы хотя и были залиты асфальтом, но над ними висѣл плакат: „Ѣхать медленно" чтобы полицейскіе пикеты могли имѣть время вести наблюденіе за всѣми автомобилями, которых в

Пекинѣ было немного.

Семья судьи Хо подверглась задержанію и была отправлена в Цинань-фу, в распоряженіе Чжан Цзу-чана. Подробности бѣгства Бородиной до сих пор не получили авторитетнаго истолкованія.

Г. Лю-Чже, министр просвѣщенія.

Министерство просвѣщенія Цзяо-Ву-Бу находилось нѣсколько в сторонѣ от пекинскаго административнаго центра, прилегающаго к району императорских дворцов.

Вхожу в подъѣзд, пересѣкаю дворик и попадаю в небольшую пріемную. Послѣ обычных вопросов о цѣли посѣщенія, ко мнѣ возвращается секретарь и говорит, что г. Лю Чже согласился меня принять, но министр очень занят и бесѣда не может быть продолжительной. Минуем еще нѣсколько двориков и мы в длинной узкой комнатѣ. В серединѣ узкій и длинный стол, крытый казенным зеленым сукном, слѣва художественной работы китайскій экран. Направо диван и ряд кресел в бѣлых чехлах. По стѣнам нѣсколько старинных тонкой работы художественных панно и два больших портрета в массивных рамах — видимо бывшіе главы просвѣтительнаго вѣдомства.

Министр просвѣщенія г. Лю Чже просит присѣсть для бесѣды. Подается в фарфоровых чашках душистый прозрачный чай.

Г. Лю Чже не молод. В движеніях он степенен. И бесѣду ведет по китайски: говорим о модной тогда университетской реформѣ.

— Мы объединили, — говорит г. Лю Чже,—

всѣ университеты в одну общую академическую организацію, во первых, для того, чтобы, в бюджетном отношеніи, поставить дѣло высшаго образованія на надлежащіе рельсы, а, во вторых, для того, чтобы показать на примѣрѣ столичнаго университета продуктивную учено-учебную дѣятельность школы, которая поставлена в условія нормальной работы. Надо ли много говорить о том, что маленькіе университетскіе колледжи, с зыбким бюджетом, не имѣющіе средств не только пріобрѣтать необходимыя пособія и препараты, но даже не могущіе выплачивать жалованіе преподавательскому персоналу, развивать академическую работу не в состояніи. Школа должна готовить не только знающих граждан, но и добрых патріотов. Образованіе, как начальное, среднее, так и высшее, не убивая иниціативу у учащихся, должно заложить фундамент элементарных знаній отечественной исторіи и общественной морали. Я пришел сюда с тѣм, чтобы, послѣ проводимых реформ, никто из учащихся в китайских школах не мог сказать, что школа не дала ему прочных знаній по отечествовѣденію, школа не научила его любить родину, не заложила в нем нравственный базис в соотвѣтствіи с нравственной философіей китайской націи. Школа должна держаться как можно дальше от всякой политики.

Далѣе г. Лю Чже разсказывает мнѣ об инцидентѣ, имѣвшем мѣсто наканунѣ и вызванном проводимой реформой по сліянію колледжей.

Около 10 часов утра в пріемную министерства явилась делегація в лицѣ четырех представителей

избранных студенчеством Національнаго юридическаго колледжа, подлежавшаго расформированію. Делегація ходатайствовала о пріемѣ ея лично г. Лю Чже. Предлог для разговоров с министром делегація избрала довольно наивный. Они пришли, по их словам, протестовать против перевода высших женских курсов в зданіе бывшаго сената, гдѣ находится Національный юридическій колледж.

Г. Лю Чже принял делегацію студентов. Когда же студенты начали излагать причину своего появленія, министр их оборвал и, вставши из-за стола, заявил делгатам молодежи слѣдующее:

— Я заранѣе мог сказать вам зачѣм и почему вы ко мнѣ пришли, каковы ваши намѣренія и чего вы добиваетесь! Прежде всего вы ведете кампанію против моего плана университетской реформы, во-вторых, вы лишній раз собираетесь заявить, что не сочувствуете и не принимаете никакого участія в дѣлѣ обновленія академической жизни, которым занято в данное время наше министерство, в третьих весьма вѣроятно, что вы начнете мнѣ угрожать бойкотом со стороны мѣстной общественности, правом говорить от лица которой вы так часто за послѣдніе годы злоупотребляли. Ну, а теперь я хочу вам заявить совершенно открыто и для общаго свѣдѣнія, что ваша оппозиція меня не запугает. Кромѣ того, я хочу вам прямо сказать, что я сейчас собираюсь с вами сдѣлать. Я пошлю за полиціей и еели вы рискнете здѣсь безобразничать, то вы будете пристрѣлены на мѣстѣ. Впрочем, может быть, вам больше улыбается,

чтобы я вас сейчас посадил в автомобиль и отвез во дворец, чтобы показать верховному правителю, как вы вмѣсто того, чтобы учиться, работать и подчиняться государственной власти, заняты противоправительственной агитаціей и мѣшаете работать тому министерству, которое прилагает всѣ силы помочь вам стать образованными и полезными гражданами. Пусть сам верховный правитель рѣшит, кто из нас прав, вы ли, пришедшіе сюда протестовать, или я, рѣшившій вас должным образом проучить за вашу подрывную работу.

Студенты были так напуганы словами и тоном министра, что упали на колѣни и начали просить простить их. Однако министр остался непреклонен. Он приказал курьерам задержать делегацію и передал студентов полиціи.

Поминовеніе душ усопших.

Пятнадцатаго числа 7 мѣсяца по лунному календарю Пекин, вмѣстѣ со всѣм Китаем, вспоминал души усопших, которыя, по преданію, бродят в эту ночь по необъятному древнему городу и в честь которых возжигаются причудливой формы, но неизмѣнно в видѣ лотоса, разноцвѣтные фонари. Души слѣпы и надо указать им путь к оставленным родным очагами.

В этот знаменательный для всего вѣрующаго или суевѣрнаго Китая день религіозное торжество в Пекинѣ сосредотачивается, главным образом, в сказочно огромном паркѣ „Бэй Хай“, именуемом так потому, что здѣсь расположено Сѣверное

Озеро.

Надо обладать изобразительным мастерством Гончарова, чтобы рискнуть описывать Бэй Хай в священную ночь поминовенія душ усопших.

Направляюсь в Бэй Хай на рикшѣ, вмѣстѣ со все наростающим потоков других рикш, автомобилей и характерных двумѣстных, китайских, мелодично-позванивающих карет, которыя почему то сразу ассаціируются с прошлым XIX вѣком.

Чѣм ближе к парку, тѣм труднѣе пробираться в тучах ночной пыли, среди лавины экипажей. Десятки тысяч народа со всего Пекина устремляются в эту ночь в Бэй Хай.

В 1926 году церемонію поминовеніи душ усопших совершал маршал Чжан Цзу-чан. В 1927 году молодой маршал Чжан Сюэ-лян, от имени верховнаго правителя, в храмѣ Сяо-си-тьен, в Зимнем Дворцѣ, произвел церемонію поклоненія,

Я рано пришел, и видѣл, как зажигались по озеру первые свѣтильники, словно блуждающія в эфирѣ души.

Они, мистически мерцая, поползли по черному глянцу воды. Издали доносилась священная китайская музыка и десятки лам гдѣ то вдали производили воскуренія. А толпы все прибывали и прибывали. Ночью причудливыя бумажныя фигуры, в которых отразилась тысячелѣтняя фантастика китайскаго народа, были сожжены во славу тѣх, кто, жили в прошлом и дали жизнь людям, бременящим сейчас собою плодоносную китайскую землю.

Чудесен разсказ о том, откуда пошел этот волнующе-прекрасный обычай, торжественно и

соборно поминать души усопших так, как это дѣлается в Китаѣ в ночь на Пятнадцатое число Седьмого мѣсяца каждаго года.

Разсказывают, что во времена Ханьской династіи император имѣл при себѣ государственнаго мужа по имени Кун Мин, большого ученаго. Кун Мин, по сложившимся обстоятельствам, был вынужден совѣтовать императору начать войну. В этой войнѣ полегло много солдат. Мудрый Кун Мин приложил всѣ силы своего ума и опыта, чтобы послѣ кровопролитной войны народ Китая обрѣл, наконец, давно желанный мир и, вмѣстѣ с тѣм, чтобы достойно была отмѣчена священная память тѣх воинов, которые пожертвовали собою на благо отечества. 15 числа 7 мѣсяца Кун Мин впервые сжег лодку, в которую, по его приказу, положили хлѣб и деньги, предназначенные для нужд покойных на том свѣтѣ. Вечером Кун Мин приказал возжечь свѣчи и каждую свѣчу воткнул в лист лотоса. Так начался чудесный обычай поминовенія душ усопших. Сперва поминали души воинов погибших за родину, а, потом, стали поминать всѣх вообще усопших.

Под эгидой культа предков тысячелѣтіями цвѣл Китай и этому глубокому и содержательному культу остался он вѣрен даже под разрушительным ураганом революціи.

Брат императора.

В Бей-хаѣ, бывшем дворцѣ повелителей Китая, гдѣ залегло славное своею красотою Сѣверное озеро, в ресторанѣ, нѣкогда служившем лич-

ными покоями вдовствовавшей императрицы Цзчси, принц Су-ли, один из послѣднихъ отпрысков царствовавшей маньчжурской династіи, собрал за своим столом небольшое общество. Было нѣсколько журналистов, политическіе дѣятели, англичане, японцы и др. Мы подъѣзжаем к Бэй-х ю на автомобилях. Принц Су-ли, по нашей терминологіи „великій князь," идет сзади своих гостей.

Принц владѣет японским языком — он окончил в Японіи среднюю школу. Он говорит и по англійски, потому что образованіе он завершал в англійском университетѣ.

Среди нас — китаевѣд, свободно говорящій и работающій на китайском языкѣ, но уже послѣ перваго обмѣна любезностями, китаевѣд мнѣ шепчет, что перед принцем ему стыдно обнаруживать свой китайскій язык.

Царствовавшіе в Китаѣ маньчжуры изучали китайскій язык по таким образцам изысканной литературной рѣчи, которая, с гибелью дворцовой жизни, хранится только в нѣдрах великокняжеских семей.

— Мнѣ всегда бывает печально ходить по этим аллеям, — говорит принц Су-ли пишущему эти строки, и, послѣ долгой паузы добавляет, — я в дѣтствѣ играл здѣсь, еще когда жива была бабушка...

Под ужин нам отвели лучшее помѣщеніе, которое не открывается для рядовых посѣтителей. В серединѣ зальцы большой круглый стол, крытый бѣлоснѣжной скатертью. У каждаго прибора горка яблок — эмблема плодородія. Палочки для ѣды из слоновой кости и безконечный набор

остальных принадлежностей китайской сервировки.

Сзади обѣденнаго стола, на стѣнѣ, большой портрет вдовствовавшей императрицы, бабки нашего любезнаго хозяина. Императрица снята в пышном окруженіи панно, ширм и кресел. Она покоится на подушках дивана, полная, с лицом овальным, выразительным и, в то же время, безстрастным. Вдовствующую императрицу Цзи-си не даром русскіе звали Екатериной Великой.

Принц обращает вниманіе гостей на украшенія под стеклянными колпаками — тончайшей работы, точеные из нефрита, древніе китайскіе корабли с золотыми парусами и богатѣйшей отдѣлкой.

Когда выполнен ритуал первых привѣтствій и общих тем, принц проситъ всѣх к столу. Бои начинают вносить вереницы китайских явств. Порядок нѣсколько для нас европейцев необычный. В первом „раундѣ" блюда вдруг сладкіе финики с гарниром. Потом идут такія чудеса китайской кулинаріи, как корни царственнаго лотоса, воробьиные язычки, бамбуковые побѣги и плавники акулы, креветки в тѣстѣ и яблочный суп, ласточкины гнѣзда и, наконец, знаменитая пекинская утка, которой предшествовала такая же пекинская утка, только сдѣланная по-кантонски. Нас угощают чудесным китайским вином, подогрѣтым и араматным в маленьких фарфоровых чашечках. Пока длится чревоугодіе, почтенный англійскій журналист, представительствующій в Пекинѣ тридцать лѣт одну из крупнѣйших лондонских газет, напоминает принцу дни его молодости:

— Тогда жил еще ваш великій отец, принц Су, и я качал вас и братьев ваших на своих колѣнях.

Принц Су был воистину велик. Не только родовитостью, но и замѣчательными качествами ума и воли.

Когда маньчжуры завоевали Китай в 1616 году и положили начало династіи Да Цинов, все маньчжурское воинство было подѣлено на восемь знамен. Эти восемь отдѣльных войск охраняли границы необъятнаго Китая и несли всѣ тяготы ратной службы.

Отец нашего хозяина стоял во главѣ желтаго знамени, перваго к богдыхану. Он был сподвижником Ли-Хун-чжана, он улаживал послѣдствія боксерскаго возстанія и считался убѣжденным сторонником реформ и европейскаго образованія для молодежи. Его вліяніе не пало даже при Юань-Ши-каѣ.

Наш же любезный хозяин, принц Су-ли, еще сравнительно молод, ему тридцать лѣт. У него тонкія черты лица, мягкія и сдержанныя движенія, он высок ростом и статен.

За обѣдом разсказывается, как маршал Чжан-Цзо-лин, прибыв в Тяньцзин, в частном порядкѣ, посѣтил послѣдняго молодого императора, распорядившись отпустить крупную сумму денег на нужды двора и когда уѣзжал, провожаемый бывшим императором, то по приказу верховнаго правителя, конвой его воздал должныя почести послѣднему августѣйшему отпрыску нѣкогда царствовавших маньчжуров. Потом разговор переходит к кончинѣ Чжао-Эр-сюня, послѣдняго вице-

короля Маньчжуріи, престарѣлаго государственнаго дѣятеля, к которому верховный правитель всю жизнь относился с сыновним почтеніем. Неофиціальныя похороны Чжао-Эр-сюня вскорѣ состоялись, причем, по общему мнѣнію, пышность этой церемоніи, превзошла все, что до тѣх пор видѣл Пекин.

Полковник Надежда Хуан.

Эпоха в жизни государства характеризуется персонажами, которые ея творили. Не только мужчинами, но и женщинами. Женщинами может быть, даже больше, чѣм мужчинами. Это онѣ окрашивают в мягкіе полутона суровую поступь средневѣковья, это им мы обязаны интереснѣйшими страницами наполеоновской эпопеи. Назовите одно только имя: мадам Рекамье или лэди Гамильтон, и перед вами сразу встанут живыми событія и люди, которые эти событія творили.

В Пекинѣ 1929 г. не было женщины болѣе популярной, болѣе вліятельной, чѣм юная мадемуазельХуан, Надежда Хуан, которую полу-шутя, полусерьезно иностранные дипломаты звали Жанной д'Арк.

Надожда Хуан — секретарь премьера, и полковник китайской арміи.

Она принимаеть меня в своей заставленой рѣдкими „кьюріо" гостиной. В часы вечерняго чая. Только что вернувшаяся послѣ утомительной работы в бывшем президентском дворцѣ, гдѣ помѣщается канцелярія. Она сама правила соб-

ственным лимузином. Дворец за нѣсколько верст от дома ея отца, бывшаго посланника в Бельгіи и Испаніи г. Люи Хуан. Она в легком, лѣтнем платьицѣ. Внимательная, ласковая и по дѣвичьи робкая. Прелестныя, точеныя ручки. Лицо — кавкастки, у нея мать бельгійка, — черты тонки, выразительны и нѣжны. И умные, черные, восточные глаза. Такой могла быть Шехеразада, которая разсказала повелителю тысячу и одну сказку. Такой могла быть и та туркестанская княжна, из за которой терял разсудок мудрый богдыхан Жэзь Цзун,

Когда мадемуазель Хуан принимает гостей за вечерним чаем, ей нельзя дать больше семнадцати лѣт. Мадемуазель Хуан и ея сестра Марсель получили тщательное воспитаніе в Европѣ. Онѣ объѣздили весь свѣт. Надежда Хуан говорит по-англійски, по-нѣмецки, французскій ей так же близок, как китайскій. На всѣх этих языках она пишет. Кромѣ того, Надежда Хуан была в командировкѣ, в Европѣ, в составѣ экономико-статистической делегаціи.

Но есть другая Надежда Хуан — полковник китайской арміи. В ловких на ногак крагах, в галифэ, на стриженой головкѣ форменная фуражка и полковничьи на дѣвичьих плечиках погоны.

Она предпочитает тогда стоять, стройная, как тростинка, энергичная, смѣлая, рѣшительная: пекинская Жанна д'Арк.

Голос ея звучит твердо, металлическими интонаціями:

— Красной пропагандѣ мы противопоставим.

свою агитацію. Наша задача сейчас не только вырвать Китай из когтей третьяго интернаціонала, но научить наш народ активному патріотизму. Мало любить родину, надо умѣть бороться за ея счастье. На этом общем фронтѣ мы привѣтствуем всякую помощь. Я много слышала о жертвенном служеніи русских в рядах нашей шандуньской арміи. Вы читали ряд статей Евгенія Пика, разоблачившаго работу краснаго штаба в Китаѣ в „Норд Чайна Дэйли Ньюз". Я распорядилась, чтобы эти статьи были перепечатаны китайскими газетами.

— В Европѣ прошло мое дѣтство, — продолжает она, — но когда, я, три года назад, снова вернулась в любимый Париж, я не узнала этого города. Даже на Париж большевизм наложил свой тлѣтворный отпечаток,

Мы говорим о структурѣ пекинской власти, о работѣ центральнаго административнаго аппарата, о фронтах, об иностранцах, о Шахаѣ, гдѣ у м-ль Хуан много друзей, среди них м-ль Суо-Ми чен, судья Гоминдана,

— Учились вмѣстѣ.. Разошлись наши пути...

Но есть еще одна мадемуазель Надежда Хуан, третій лик ея, не секретарь премьера, не полковник, а свѣтская лэди, свой человѣк пекинскаго бомонда. Эту м-ль Хуан можно было встрѣтить на посольских балах, под сводами лучших отелей, на крышѣ „Отель де Пекэн". Свѣтская м-ль Хуан так же содержательна и разнообразна, как дневная, в рабочіе часы. Она появлялась или в окруженіи посольских атташе и иностранных банкиров, опроборенных, смоноклевных, затянутых в лѣтніе смокинги, или большими китайскими ком-

па імя: Чжан-Сюэ-ляк, маршал Чжан Цзу-чан, премьер Пан-фу, ген. Ян-Ю-тин и другія величины пекинскаго политическаго горизонта.

То в туалетѣ из Парижа, то в шитом яркими шелками національном туалетѣ, Надежда Хуан всегда по особому прелестна.

Ея портреты и детали ея юной жизни стали достояніем лондонских журналов и нью-іоркских газет.

*

* *

Прошли годы послѣ моей встрѣчи с Надин или Надеждой Хуан. И вот, уже послѣ японскаго выступленія в Мукденѣ, 18 сентября 1931 года, мнѣ попалась слѣдующая замѣтка в рижской газетѣ „Сегодня":

„В Лондон пріѣзжает полковник Надежда Хуан, одна из красивѣйших и талантливѣйших китаянок, женщина-дипломат.

„Кромѣ своих дипломатических талантов она отличается и недюжинными военными способностями. Она лично участвовала в сраженіях в Сѣверном Китаѣ, подвергаясь тѣм-же опасностям, что и солдаты-мужчины.

Китайская дипломатка во время пребыванія в Европѣ одѣвается по европейски, но ея взгляды на многіе вопросы остаются типично азіатскими. Так, напримѣр, она считает, что европейцы совершенно не умѣют бороться с все возрастающей преступностью.

— Французы снова должны были бы водрузить на площади гильотину и устроить нѣсколько публичных казней, — говорит „полковник."—

Ген. Фын Ю-сян в излюбленном им солдатском одѣяніи.

Это как нельзя лучше подѣйствовало бы на преступников. У нас в Китаѣ публичныя казни считаются необходимостью, и онѣ больше напоминают праздник не только для зрителей, но и для преступника, имѣющ го право на нѣсколько часов отсрочить свою казнь и брать, что угодно в лавках на пути к мѣсту казни.

К замѣткѣ был приложен портрет Надежды Хуан, очень возмужавшей, даже постарѣвшей и одѣтой в костюм для фехтованія.

Конфиденціальные итоги.

Далѣе я привожу свои заключительныя послѣ поѣздки замѣтки, написанныя в сентябрѣ 1927 года, о положеніи политических дѣл в Пекинѣ, который правил тогда всѣм сѣвером Китая, от Пукоу, на великой Голубой рѣкѣ и вплоть до Амура и границ с Россіей. Эти замѣтки никогда не были опубликованы и тогда, когда онѣ заносились мною на память, онѣ не могли быть опубликованы в Китаѣ.

Несмотря на то, что Пекин, на протяженіи всего 1927 года оставался внѣшне спокойным, если не считать еженощных грабежей, внутренняя подпольная агитація полу-гоминдановская, полу- коммунистическая там не прекращалась и если никто точно не знал как скоро произойдет взрыв, то всѣ были увѣрены, что взрыв неизбѣжен. Наибольшую активность проявляли, конечно, коммунисты. Для полиціи и жандармеріи они были неуловимы. Агитаторы выполняли свою миссію, играя на постоянно тлѣющем недоброжелательствѣ китайских масс

к иностранцам, ловко играли на том фактѣ, что Чжан Цзо-лин в прошлом был хунхуз, чего ему рядовой, средней добродѣтели китаец простить и забыть при жизни его не мог.

Китайское правительство знало о глухом и широко распространенном недовольствѣ. Но, фактически, оно могло бороться только со студенчеством. Это было не так трудно, как бороться с коммунистическим подпольем.

Чжан Сюэ-лян, желавшій работать по европейским образцам, пытался наладить для борьбы с коммунистической агитаціей свою собственную пропаганду, но удавалось это с трудом: не было кадров, не было в „бѣлом“ станѣ энтузіазма.

Чжан Цзо-лин, политика котораго в Пекинѣ была „сидѣть и выжидать“ — составил кабинет министров из людей, которые, в большинствѣ, обязаны были ему своей карьерой. Лучшій тому примѣр министр народнаго просвѣщенія Лю Чже. Эти министры знали, что их будущее связано с Чжан Цзо-лином и безпрекословно ему подчинялись. Премьер Пан-Фу, ставленник шандунскаго тупана Чжан Цзу-чана, пытался занимать болѣе или менѣе независимое положеніе. Сам Чжан Цзу-чан был лойален „постольку-поскольку.“ В частности, в вопросѣ о продолженіи пребыванія на службѣ Н. Д. Меркулова Чжан Цзу-чан сохранил полную самостоятельность, так как верховный правитель был против того положенія, которое при Чжан Цзу-чанѣ занимал Меркулов (по китайски Ми Ло-фу). В двадцатых числах августа в 1927 году, когда Чжан Цзу-чан внезапно пріѣхал в Пекин, распространился слух, что Меркулов аресто-

ван.

Слух об арестѣ Меркулова держался в Пекинѣ три дня. Близкіе к Меркулову лица нервничали. Потом этот слух был офиціально опровергнут. Меркулов оставался с Чжан Цзу-чаном до конца, пока держался бѣлый фронт.

Правящіе пекинскіе верхи того времени кромѣ кабинета, который являлся лишь исполнительным органом, распадались на двор „стараго маршала" Чжан-Цзо-лина и на двор „молодого." Молодой маршал усиленно старался завоевать симпатіи. Он, как я уже выше говорил, был легко доступен. Часто появлялся на людях. Любил, чтобы его пріемная была полна людьми, добивающимися его видѣть. По мнѣнію скептиков, он был не только молод, но и неопытен ни в военных, ни в гражданских дѣлах. Но были иностранцы, очень хорошо освѣдомленные, которые утверждали, что молодой маршал не только имѣет административныя способности, но является (уже тогда, в 1927 году) как это ни странно в его годы и при его поверхностном образованіи, способным военачальником и даже недурным стратегом. Цѣлый ряд русских, бывших кадровых офицеров царской арміи и военных инженеров, встрѣчались с молодым маршалом и работали с ним по оборудованію арсенала и созданію авіаціоннаго парка.

Но особенно молодой маршал к сотрудникам не привязывался. Лучшим примѣром служил уход с должности его совѣтника ген. Г. І. Клерже, офицера русскаго генеральнаго штаба, бывшаго начальника штаба у атамана Семенова, когда Семенов в 1921 году дѣлал попытку утвердить свою власть

во Владивостокѣ. Впрочем, нѣкоторые наши инструктора, например, полковник Кудлаенко, остались с молодым маршалом до 18 сентября 1931 года, когда японское выступленіе лишило Чжан Сюэ-ляна власти в Маньчжуріи.

Самое любопытное это то, что вокруг „молодого" маршала уже в 1927 году группировались элементы недовльные Японіей и враждебно настроенные к японской агрессивности. Это особенно стало ясно для меня, когда 24 августа 1927 г. посланник Японіи г. Кенчики Іошизава посѣтил Чжан Цзо-лина, заявив ему в ультимативной формѣ об особых интересах Японіи в Монголіи и Маньчжуріи. Іошизава подчеркивал то обстоятельство, что Японія уже вложила в эти районы 1.200 милліонов іен. В Пекинѣ знали, что возвращеніе Іошизава из Токіо будет имѣть огромное значеніе и все таки просочившееся в политическіе круги содержаніе бесѣды вызвало движеніе среди китайцев и снова патріотическіе круги почувствовали, что у молодого маршала можно искать утѣшенія от нажима Японіи на китайское самолюбіе. Впечатлѣніе от бесѣды было в массах такое, словно японскій посланник, вернувшійся с имперской конференціи, сказал Чжан Цзо-лину: „К разсчету стройся." Приходилось платить за векселя, выданные Чжан Цзо-лином под возстаніе Гоу Сун-лина в ноябрѣ 1925 года, когда Чжан Цзо-лина и сына его японцы спасли от гибели. Трудно было в 1927 году опредѣлить, насколько японцы безсильны были помѣшать кристаллизаціи вокруг молодого маршала анти-японских элементов. Во всяком случаѣ и тогда уже мнѣ было ясно, что для молодого

маршала эта игра была очень опасна. Он легко мог сломать и в концѣ концов сломал себѣ в ней шею. Кромѣ того в 1927 году не подлежало сомнѣнію, что Чжан Цзо-лин періодами испытывал ревность к своему собственному сыну. Сын умѣл проще подходить к людям, а, главное, не носил на себѣ того клейма „хунхуза," которое мучило самого Чжан Цзо-лина.

Создав в серединѣ 1927 года партію, которую уже тогда мы склонны были считать партіей „молодого Китая," молодой маршал логически завершил объединеніе своих сторонников, склонявшихся к сговору с правым крылом Гоминдана. Он усвоил себѣ быстрѣе, чѣм отец или непосредственный и необразованный Чжан Цзу-чан, что в наше время борьба классов и національностей часто перерастает государственныя границы. Он яснѣе Чжан Цзо-лина понимал работу Третьяго Интернаціонала и отчетливѣе представлял себѣ, что сулит ему, лично, будущее, в случаѣ побѣды радикальных національных элементов в Китаѣ, за которыми была не только молодежь, но и купечество помоложе. Поэтому Чжан Сюэ-лян тянулся к иностранным знакомствам и не пренебрегал даже русскими эмигрантскими симпатіями чѣм выгодно отличался от Чжан Цзо-лина, настроеннаго подозрительно и не умѣвшаго быть благодарным, по европейски, к чужим. Русскій отряд в руках китайских „милитаристов" являлся, конечно, орудіем временным, от котораго китайцы старшаго поколѣнія отдѣлались бы немедленно в тот момент, когда перестали бы ощущать в русском отрядѣ непосредственную надобность. На благодарность

расчитывать не приходилось и Меркулов отлично учитывал, что он все время ходит по краю пропасти, играя на своих старых связях с Чжан Цзу-чаном, когда Чжан Цзу-чан был на станціи Пограничная командующим китайскими охранными войсками, а до этого вел с Меркуловым коммерческія дѣла во Владивостокѣ.

Молодой маршал, не препятствовавшій кристализаціи вокруг себя націоналистически настроенных анти-японских элементов был, еще раз повторяю, внимателен и к бѣлым русским, поскольку, конечно, эта внимательность не отнимала у него времени и не требовала особенных расходов.

В молодом маршалѣ не чувствовалось, при личных встрѣчах, той спеси, которая присуща нѣкоторым молодым китайцам или получившим европейское образованіе или сдѣлавшим быструю карьеру.

Не подлежало также никакому сомнѣнію, что мозгом правившаго в 1927 году Пекина, являлся ген. Ян Ю-тин, ум котораго признавали всѣ. В моральном отношеніи Ян Ю-тин был сложнѣе и даже загадочнѣе многих других. Он сумѣл отстоять свой престиж даже в глазах Чжан Цзо-лина, по натурѣ восточнаго деспота. Он правильно дѣлал, держась в сторонѣ от оффиціальных ролей и не связывая себя с каким либо опредѣленным отвѣтственным постом. Номинальная должность „начальника мукденскаго штаба" позволяла Ян Ю-тину фактически держать в своих руках всѣ государственныя нити. Кто он, никто в 1927 году, с увѣренностью сказать не мог. Ставленник японцев или самостоятельная фигура? Общественное мнѣ-

ніе в этом разобраться не могло, хотя и знало, что в 1924 году Ян Ю-тин был душой мукдено-совѣтскаго соглашенія, причем, работал он не только оффиціально или ради матеріальных интересов, но был в личной дружеской связи с крупными совѣтскими работниками того періода. Ян Ю-тин отлично учитывал зыбкое положеніе чжан-цзо-линовскаго Пекина. Он ловко лавировал в отношеніи тупана провинціи Шанси, стараго и хитраго Іен Си-шана. Он знал цѣну Фын Ю-сяну. Он едва ли не единственный, который внимательно слѣдил за развитіем и наростаніем в сѣверном Китаѣ крестьянскаго движенія так называемых „красных копій." Ян Ю-тин не был сторонником полнаго разрыва с СССР. Он думал, что Китаю придется еще пережить новый подъем анархіи. Он знал непрочность буржуазно-милитаристическаго блока на Югѣ и располагал достаточно точной информаціей о том, что большевики вовсе не собираются навсегда отказываться от работы в Китаѣ. Хунань, Хубей, даже Шанси, в нѣкоторых районах и Хэнань, всюду имѣлись очаги новых смут и безпорядков. Если бы Ян Ю-тин знал, что СССР может по настоящему помочь, он, не задумываясь, предложил бы Чжан Цзо-лину воспользоватья этой помощью.

Было также извѣстно, что если Ян Ю-тин не хочет кого либо пустить к Чжан Цзо-лину, это лицо никогда не добьется личнаго пріема у верховнаго правителя.

Когда Ян Ю-тина убили в Мукденѣ, молодой маршал говорил, что иначе нельзя было поступить „в отношеніи измѣнника."

НАНКИН 1929 ГОДА.

В послѣдних числах января 1929 года ряд иностранных журналистов, в том числѣ и автор, получили приглашеніе через г. Франсиса Зя, тогда завѣдывающаго отдѣлом иностранной информаціи при центральном гоминдановском правительствѣ Китая, прокатиться в новую столицу, познакомиться с вождями партіи, с руководителями вѣдомств, с тѣм, как планируется для будущаго Нанкин, древній город, которому снова исторіей был вручен скипетр и держава.

Мы уѣзжали из Шанхая вечером, с вокзала, который был ровно через три года послѣ этого, сравнен с землею японской артиллеріей, и нам было отведено два вагона, при чем я попал в купэ с японскими журналистами, очень расторопными, очень веселыми и обязательными людьми, которые все знали, все видѣли и всѣх жадно интервьюировали.

Поѣздка наша была непродолжительной, но весьма интересной, а, главное, мы видѣли, как формировалась новая власть в новой столицѣ. Ниже я привожу нѣсколько набросков, сдѣланных тотчас по возвращеніи из Нанкина.

Если из Шанхая мы выѣзжали в обыкновенную слякотную погоду, то Нанкин нас встрѣтил снѣгом и даже бураном. С вокзала, который кишѣл народом, мы двинулись, в заранѣе заготовленных для нас автомобилях, в „хостэл“ гостиницу для именитых иностранцев, содержавшуюся министерством иностранных дѣл. Там мы завтракали, а,

потом, или бесѣдовали с представителями власти или участвовали на пріемах в нашу честь.

Нанкин все время оставался под снѣгом. Под снѣгом мы ѣздили к мавзолею Сун Ят-сена, под снѣгом покинули столицу и в моих воспоминіях оснѣженный Нанкин проступает гораздо болѣе четко, чѣм Нанкин лѣтній, жаркій и влажный.

Я помню эти огромныя ворота в городской стѣнѣ, которыя мы, в водоворотѣ экипажей, с трудом миновали тотчас послѣ вокзала, я помню эти узкія, типично китайскія, вѣковыя улочки и покрытыя бѣлым саваном снѣга газоны перед главным штабом Гоминдана, или, по совѣтски, ЦИК-ом партіи.

В сердцѣ Гоминдана.

Партія Гомидан правит страной через правительство, из Нанкина. И в Нанкинѣ засѣдает центральный исполнительный комитет партій. ЦИК занимает большое с куполом зданіе — в два этажа, с крыльями внутрь двора и развѣтвленіями, которое все крашено в синій, гоминдновскій, цвѣт с бѣлым бордюром, отчего оно похоже на монастырь.

Двѣнадцать лучей гоминдановскаго солнца здѣсь ползут по карнизам, бѣлѣют іероглифами на пожарных ведрах, также окрашенных в цвѣта государственаго флага, и смотрят на вас вообще со всѣх стѣн, гдѣ, под безконечными портретами Сун Ят Сена, обязательно перекрещены два флага побѣдившей, себя утверждающей, революціи.

Здѣсь же, в сердцѣ Гоминдана, засѣдает и выс-

шій исполнительный орган республики, носитель верховной власти, Государственный совѣт.

ЦИК партіи состоит из нѣскольких кабинетов для вождей, залы засѣданій Государственнаго совѣта, полукруглаго, большого, похожаго на цирк помѣщенія, в котором собирается пленум, и безконечнаго количества канцелярій, расположенных во всѣх этажах и во всѣх пристройках к главному зданію.

Канцелярій столько, что онѣ лѣпятся одна на другой, забивают всѣ щели и поры, заполняют всѣ свободныя пространства, мостятся вдоль балкона, спускаются вниз, добираются до крыши.

Всѣ канцеляріи на одно лицо. Небольшая комнатка, посрединѣ желѣзная печка, вокруг печки нѣсколько столов, за столами очкастые молодые люди и миловидныя барышни.

Первый вопрос, который невольно возникает: — откуда собрали столько цвѣтущей молодежи, которая добровольно и жертвенно корпит над бумагами?

Второй вопрос — да ЦИК ли это?! Не попали ли мы случайно в университет?

Молодые чиновники молодой республики очень, впрочем, ревностно относятся к своим отвѣтственным обязанностям. Они вычерчивают діаграммы, роста партійных отдѣленій по странѣ, они составляют сводки прибывающих и убывающих партійцев, они сочиняют плакаты, брошюры, листовки, пишут прокламаціи, а, главное, разрисовывают стѣны желѣзнодорожных станцій, фасады пекинских дворцов и мирные, глинобитные, деревенскіе заборы мудрыми изрѣченіями о том, как надо

крѣпить парус революціоннаго корабля.

Молодые люди мало обращают вниманія на входящих посторонних. Но если вы к ним обратитесь, они всегда отвѣтят вам по англійски и никогда не покажут, что вы оторвали их от столь отвѣтственных занятій.

Молодые люди, забивающіе сотнями безсчетныя канцеляріи гоминдановскаго ЦИК'а всѣ, как на подбор, пламенные послѣдователи суньятсенизма, всѣ вѣрят в то, что через три года пустоватый Нанкин станет міровым городом, всѣ готовы отдать и время и свои таланты на дѣло партіи, которая посадила их прямо со школьной скамьи в центр руководящаго и повелѣвающаго аппарата. Этот партійный инкубатор готовит цѣлое поколѣніе гоминдановских аппаратчиков.

Вожди національнаго Китая.

При нас в Нанкинѣ были большіе дни: съѣзд руководителей національной власти, вождей партіи, отвѣтственных представителей на мѣстах, и иностранных представителей.

В Нанкинѣ находился посланник французской республики граф де Мартель, который вырабатывал текст торговаго договора и пограничный договор с французским Индо-Китаем. С Нанкином вел переговоры мастер тонких и деликатных соглашеній японскій посланник Іошизава, замѣтно постарѣвшій с тѣх времен когда, сидя в постели, со сломаной ногою, он в 1924 году вырабатывал договор с Караханом. В Нанкин пріѣхал инж. Уоддэлл из Америки авторитет по дѣлам желѣзнодорожнаго строительства, заявившій,

что в его программу входит: распахнуть дверь из Китая и показать міру новый Китай.

В Нанкинѣ занят был оборудованіем своего управленія другой американец, спеціалист по формированію полицейских резервов.

И, наконец, там же прятался от дневного свѣта и возбуждал к своей миссіи повышенный и нервный интерес ближайшій помощник фельдмаршала Людендорфа, полковник Бауэр, творец милитаризованной промышленности в Германіи в годы войны, замѣчателный организатор и убѣжденный, непримиримый монархист, который вскорѣ станет жертвой загадочнаго заболѣванія „черной" оспой и умрет в шанхайском Паулин госпиталѣ.

„Всѣ флаги в гости будут к нам"... — Нанкин когда мы были в январѣ 1929 года переживал медовый мѣсяц первых шагов, вѣрящей в себя, власти. Потом пришли сѣрые будни неблагодарнаго труда, поползла ржавчина интриги, сегодняшніе друзья стали врагами, пришлось идти на поклон к вчерашним врагам и, кто знает, чѣм еще кончится работа созиданія... центра.

.Повезло нам и на китайских знаменитостей.

Здѣсь был в январѣ 1929 года самый, пожалуй, широко в мірѣ извѣстный из китайцев, маршал Фын Ю-сян, біографія котораго могла бы увлечь и М. А. Алданова, здѣсь, в министрах внутренних дѣл пребывал шансійскій тишайшій дудзюн Іен Си-шан, переживтій всѣ режимы и не раз уклонявшійся от возможности объявить себя главой государства, здѣсь был кантонскій диктатор, автор большевистскаго в Китаѣ провала, ген. Ли Цзи-син и здѣсь же работал единственный сын

канонизированнаго „отца китайской революціи" Сун-фо, всходила звѣзда министра финансов Т. В. Суна, который пытается сдѣлать карьеру Витте, здѣсь упорно работал в Вай-Цзяо-Бу неутомимый д-р С. Т. Ван и другіе.

Нам, не в примѣр другим коллегам по профессіи, удалось быть представленным сыну Сун Ят-сена и встрѣтится лицом к лицу с самим Фыном.

Сын революціоннаго кумира, останки котораго в мартѣ 1929 года торжественно и всенародно перенесли из Пекина в грандіозный мавзолей под Нанкином, г. Сун Фо стоял во главѣ одного из юанов.

До этого он был министром путей сообщенія и составил план желѣзнодорожнаго строительства на ближайшіе годы. Г. Сун-Фо ниже средняго, совсѣм маленькаго роста, одѣт в теплую, японскаго образца, крылатку, у него круглое, безволосое, желтое лицо и округлые, медленные жесты. Когда сын великаго человѣка появился из дверей зала засѣданій Государственнаго совѣта г. Франсис Зя, вездѣсущій, всевѣдующій и обязательный, тотчас же стал представлять г-ну Сун-Фо нѣмецких корреспондентов.

Г. Сун-Фо с каждым здоровается за руку и каждому молча кивает головой. Без всяких слов и с видом чрезвычайной усталости. Представитель телеграфнаго агентства „Чун Хуа" г. Ж. О. Мэй представляет пишущаго эти строки. При словах „редактор русской газеты" г. Сун-Фо раскрывает немного больше усталые глаза, подает слабую руку и подобіе ласковой улыбки пробѣгает по его

лицу.

Потом, не спѣша, он спускается, катится по лѣстницѣ, ему уже подана роскошная машина, безспорно самая лучшая из нѣскольких десятков других, ожидающих машин, садится в нее один и уѣзжает, не сказав никому ни одного слова.

Фын Ю-сян не вышел на крыльцо, а вбѣжал.

Когда всѣ корреспонденты разъѣхались кто куда — одни по своим консульствам, другіе смотрѣть город, я случайно замѣшкался, дожидаясь автомобиля. Фын Ю-сяна я узнал сразу. И потому, как вытянулись солдаты и потому, как заволновались штатскіе и по автомобилю, который стоял у подъѣзда, длинный, в грязи, автомобиль с двумя сидѣніями сзади, для тѣлохранителей.

Так вот он, каков в жизни — этот соратник Чжан-Цзо-лина, У-Пей-фу и маленькаго Сюя, мѣтившаго в Юаншикаи и глупо, post factum, приконченнаго гдѣ то на полустанкѣ, в полураздѣтом видѣ.

Вот он каков, виновник заката ярчайшей звѣзды поэта воина У Пэй-фу, он, который положил предѣл вѣковой монархіи, хотѣл арестовать послѣдняго императора — затворника, а, потом, разогнал сотни его императорских евнухов по древней столицѣ и впервые распахнул тяжелыя ворота Запрещеннаго Города, отдав на поток и разграбленіе сокровищницы дворцов.

Вот он, — бывшій христіанскій генерал, в арміи котораго нѣкогда каждый солдат носил в ранцѣ молитвенник американских миссіонеров и который, потом, окружил себя совѣтниками из че-ка и много раз был снят на парапетѣ ленинскаго мав-

золея и на кремлевской площади принимал парад красной арміи, плечо о плечо с Фрунзе.

Фын, котораго издали пишущій эти строки видѣл мельком, в Пекинѣ, в августѣ 1920 года в голубом, маршальском мундирѣ, усыпанном звѣздами и орденами, с элегантными усиками на холеном лицѣ, теперь подчеркнуто ничем не отличался от рядового гоминдановскаго солдата.

Он был в шубѣ на бараньем мѣху. Он выше средняго роста, он даже кажется необычайно высоким для китайца, хотя он ниже огромнаго маршала Чжан Цзу-чана. У него ноги в небрежних обмотках, отчего онѣ кажутся толстыми, шапка — солдатская фуражка с кокардой Гоминдана, откинута на затылок и большое, круглое, бѣлое, обросшее черной бородой лицо с русским носом.

Фын Ю-сян подает руку рѣзким движеніем, улыбается, что то на ходу здроваясь, приказывает по-китайски, пробѣгает по крыльцу, бѣгом усаживается в длиннѣйшій свой, походный автомобиль защитно-сѣраго цвѣта и исчезает. Он умѣет производить эффект.

На лицах китайцев огонь разожженнаго любопытства, и, потом, штатскіе и военные на крыльцѣ жужжат, как потревоженный улей. А журналисты узнав, что я видѣл Фына, забрасывают меня вопросами и с нескрываемым сожалѣніем клянут себя за то, что прозѣвали этакую знаменитость.

Миссія Фын Ю сяна, дѣйствительно, загадочна. Сейчас он — военный министр и лойальный член правящаго совѣта. Он даже отказался от власти над Шандунем. Он пожертвовал тяньцзинским пор-

том. Он засѣдает в совѣщаніи, которое постановило сократить его армію, лишить его дѣла всей его жизни. Но всѣ знают, что фактическая власть в его руках.

Всѣ думают, что он не допустит роспуска своего ополченія. Всѣ знают, что рѣшать судьбы Китая будет этот, ставшій простым солдатом, бывшій или не бывшій, но друг краснаго Кремля — Фын Ю-сян!

Других вождей и нотаблей много, всѣх перечесть не легко: д-р С. Т. Ван немного постарѣл с тѣх пор, когда его приходилось интервьюировать в Харбинѣ. Своими нынѣшними договорами он навсегда вошел в исторію страны и вошел, надо признать, удачно. Это едва ли не самый „историческій" министр.

Носитель частицы верховной власти, глава исполнительнаго юана г. Дай-Чжи-дао выглядит не смотря на титул ветерана партіи моложаво, заправскій оратор, нервный и самолюбивый человѣк.

Д-р Цай Юн-пэй предсѣдатель контрольнаго юана, по манерам и возрасту напоминает пекинскаго сановника старой школы. Он высок, худ, аскетическое лицо, изможденные тонкіе пальцы, богатый, в шелках, костюм и какая то отчужденность от дѣйствительности.

Министр финансов, молодой и дородный Т. В. Сун, носит огромные роговые очки и пользуется солидным вѣсом в финансовых сферах иностраннаго Шанхая, агентов мірового, всемогущаго капитала.

Вожди національнаго Китая, каждый в своем родѣ, это цѣлая живая исторія партіи Гоминдан.

Фот. Г. Т. Крайнюкова

Ген. Чжан Кай-ши с супругой в Нанчане (декабрь 1933 г.)

Заявленіе главы государства.

В январѣ 1929 г. ген. Чжан Кай-ши являлся главой центральнаго правительства. По тому как он, послѣ начала конфликта с Японіей и под давленіем кантонских радикалов, в концѣ 1931 г., сложил с себя полномочія главы государства, сохранив, однако, власть над своими вооруженными частями, было видно, что за званія он не держится. Имѣл ли Чжан Кай-ши опредѣленное желаніе сиграть в Китаѣ роль Муссолини, Сталина или Гитлера, об этом разскажет исторія, но на роль несмѣняемаго политическаго главы государства, открытаго вождя масс он никогда особенно не претендовал. Он любил и любит реальную власть, умѣет удерживать ее годами в своих руках и пользоваться ею, но он также отлично умѣет, когда требуют обстоятельства, отходить в тѣнь или итти на мировую со своими прежними непримиримыми врагами. Вообще, Чжан Кай-ши личность сложная и интересная и, в дальнѣйшем, я посвящаю ему спеціальную главу. Здѣсь же отмѣчу, что будучи хорошим оратором ген. Чжан Кай-ши, принимая нас в своей гостинной, которая, одновременно, видимо, служила и столовой и, сидя скромно в углу длиннаго стола, говорил очень просто, без всякой аффектакціи, голосом тихим и медленно, явно обдумывая фразу за фразой, которыя даже в переводѣ на всѣм понятный англійскій язык выходили также законченными и закругленными, как и в китайском оригинальном изложеніи:

— Как ни сложна проблемма Китая, особенно

для иностранцев, всѣ, как будто, сходятся в одном мнѣніи — установленіе порядка и упроченіе единаго, центральнаго правительства является залогом благополучія нашего государства. В этом направленіи мыслят, без различія національности, всѣ дипломаты, коммерсанты и журналисты, которым приходится имѣть дѣло с нами. Но, сходясь в пожеланіи нам объединенія и укрѣпленія центральнаго, правящаго аппарата, иностранное общественное мнѣніе продолжает думать, что Китай все еще не вышел из эпохи военных диктатур, что страною, по прежнему, правят военные. Что произошла смѣна людей, а идеологія правителей осталась прежней. Я хочу вам заявить со всей рѣшительностью, что надо провести демаркаціонную линію между двумя эпохами — ушедшей навсегда в прошлое эпохой владычества милитаристов и наступившей теперь эпохой созданія власти централизующей, созидающей, отражающей настроенія и чаянія широких народных масс китайскаго государства. Я самым категорическим образом настаиваю на только что подчеркнутом мною положеніи: прошлое умерло, к прошлому возврата нѣт! Наше правительство создано волею населенія, оно народом поддерживается и народу служит.

В основу нашей государственной идеологіи заложены три народных принципа, предуказанные нам нашим національным вождем д-ром Сун Ят-сеном. Но я допускаю, — продолжает ген. Чжан, — что у вас могут и должны возникнуть сомнѣнія в том, насколько правящая партія Гоминдан разбирается в том, что является ея вѣрой, ея идео-

логіей и что является суровой дѣйствительностью, правдой фактов. Вы можете думать, что вожди нашей партіи свои желанія и свой энтузіазм возродить Китай принимают за реальность, но что за стѣнами наших кабинетов жизнь течет по своему и в массах царят иныя настроенія. Партія Гоминдан свои желанія и свою повседневную работу базирует на трезвом учетѣ соотношенія центробѣжных и центростремительных сил в странѣ и свои выводы черпает только из опыта в ежедневной напряженной работѣ по объединенію и переустройству страны. И этот опыт показал нам, что феодализм изжил себя, что условій для возрожденія военной диктатуры в Китаѣ больше нѣт.

Я революціонный вождь и когда я говорю это, я знаю, что я говорю! Ни один из тѣх честолюбцев, кто хотѣл бы возродить пріемы милитаристов и попытаться захватить власть, не будет имѣть успѣха потому, что народ его не поддержит. И когда появляются телеграммы из иностранных источников о том, что тот или иной генерал желает отдѣлиться, объявить себя независимым, выступить против правительства — в нынѣ создавшихся в Китаѣ условіях, такія телеграммы являются или непониманіем наших внутренних взаимоотношеній или невольным извращеніем фактов. Подходить к новому Китаю со старыми мѣрками невозможно. Здѣсь, передо мною, много лиц. О многих из вас я знаю, что вы долго живете в Китаѣ и интересуетесь нами. У вас среди нас много друзей. Я вѣрю вам, я хочу надѣяться, что могу положиться на ваше безпристрастіе. За исключеніем одной, двух газет в Китаѣ, иностран-

ная печать, как здѣсь, так и во всем остальном мірѣ, в подовляющем большинствѣ настроена к новому Китаю благожелательно. Мы не отказываемся от нашего прошлаго, но нельзя на мѣняющійся и идущій вперед Китай смотрѣть сквозь стекла старины. Задача міровой печати заключается в том, чтобы содѣйствовать укрѣпленію дружбы между Китаем и другими народами и в налаживаніи совмѣстнаго сотрудничества.

Ветеран партіи.

На пріемѣ, который нам устроило правительство, бесѣдую с г. Дай-Чжи-дао, предсѣдателем одной из верховных палат (испытательный юань), который, по своеобразной конституціи Китая, является как бы „соносителем“ верховной власти.

Г. Дай-Чжи-дао говорит:

— Мы — трезвые политики. В первую очередь мы хотим вести работу по переустройству Китая так, чтобы превратить нашу страну в цивилизованную, просвѣщенную державу. Мы считаем опасным предразсудком думать, что есть націи, избранныя для служенія прогрессу, и есть націи, которыя воспріять міровую культуру не достойны. Мы думаем иначе — мы полагаем, что благополучіе человѣчества зависит от участія в прогрессѣ всѣх націй. И мы пріяли революцію, мы завершили ее, с цѣлью приблизить Китай ко всему остальному просвѣщенному человѣчеству. Это тяжелая и долгая работа. Мы ясно отдаем себѣ отчет в предстоящих нам трудностях. Прежде всего, мы хотим поднять экономическое благосостояніе Китая, уп-

рочить наш государственный кредит.

Вторая наша задача — возродить, развить, расширить нашу національную промышленность. Мы не говорим вам, вѣрьте нам на слово! Мы говорим — дайте нам время претворить наши слова в дѣйствительность. Мы приглашаем вас, иностранцев, слѣдить за нашей работой, давать нам цѣнные совѣты и указанія, критиковать нас, указывать нам наши ошибки. Мы ничего не ждем и не просим от других. Мы знаем, что все должно быть сдѣлано нашими руками. Вам уже пришлось выслушать заявленіе представителя нанкинских газет, который сказал, что китайская пресса вѣрит в національное правительство и цѣликом его поддерживает. Вам были указаны цифры роста новых газет, новых телеграфных агенств и показан рост тиража наших изданій. Не служит ли это доказательством, с каким растущим интересом слѣдит населеніе за дѣятельностью новой власти? — говорит г. Дай.

Гости мадам Чжан.

Когда вождь армій Гоминдана задумал жениться... и избрал себѣ, в спутницы жизни и карьеры, жену из семьи „отца китайской революціи," у многих была мысль, что эта свадьба, столь пышно отпразднованная под сводами шанхайскаго „Маджестика" и стоившая шестьдесят тысяч долларов, имѣет династическій характер.

Не только в монархіях сердце коронованных невѣст отдавалось не тому, к кому его влекло чувство, а тому, кого выдвигали на роль жениха ин-

тересы государства или расчеты династіи. На смѣну монархіям пришли республики, но, вот, поднявшійся с низов полководец, шагающій к истокам верховной власти, хочет упрочить свою революціонную карьеру „династическим“ браком.

Но эти мысли тотчас разсѣиваются, как дым, когда вы видите мадам Чжан, супругу президента китайской республики и главнокомандующаго національной арміей Чжан-Кай-ши.

Сам Чжан-Кай-ши выше средняго роста. У него моложавое лицо, как будто нарочно, спокойное лицо. На нем ловко сидѣл полувоенный френч. Он, вообще, за послѣдніе годы, осанкой и манерами, превратился в останавливающаго вниманіе правителя.

Но мадам Чжан!... Первая лэди древнѣйшаго из существующих на землѣ государств!

„Жена китайскаго президента,“ без соперниц, без добавочных жен.

Мы прибываем к небольшому, но просторному дому, к которому ведет каменная с улицы дорожка, который стоит в саду, окружен деревьями и обрамлен галлереей-балконом.

Нас вводят в холл. Первое, что видим — ширма, сверху много свѣта, сразу уютно, даже в этой первой комнатѣ. Стоят глубокія, синим крытыя кресла. Барскій дом, богатый и гостепріимный.

В холл, в котором необычная для январьскаго Нанкина теплота, к нам выходит она, мадам Чжан, супруга президента республики.

И мы всѣ покорены мгновенно. Она в шелковом китайском костюмѣ, который свободно, просто и элегантно, охватывает ея стройную, молодую

фигуру. У нея большіе глаза, чудесная улыбка бѣлых, ровных зубов, у нея манеры свѣтской женщины и грація китаянки.

Она говорит по-англійски, как на родном языкѣ, она говорит по-французски и, сама того не желая, она нас, видавших виды журналистов со всего свѣта, учит правилам приличія, потому что мы так смущены ея высоким саном, ея молодостью, мѣстом, куда мы попали, нанкинским снѣгом и холодом, что хотим двинуться в гостиную прямо в пальто и в шубах.

Нас такая масса — больше полусотни европейцев, китайскіе журналисты, откуда то появившіеся китайскіе офицеры, а она одна. И она подсказывает, что дѣлать:

— Господа, снимайте ваши пальто, дам прошу вперед, господа, пожалуйста проходите, генерал сейчас пріѣдет, снимайте ваши пальто!..

И вот мы в гостинной.

Опять как-то так по особому тепло и масса свѣта, который не рѣжет глаза, потому что всюду абажуры, кресла стоят у огня, на стѣнах огромныя карты, в глубинѣ стеклянная стѣна веранды, стекла в ней давленые, оранжеваго цвѣта и много цвѣтов.

Мадам Чжан берет наших дам под свое особое покровительство, усаживает их у камина, здоровается с тѣми журналистами, которых она уже знает, помнит всѣ имена, улыбается, шутит, облегчает незнакомцам первыя фразы привѣтствій по ея адресу.

Мадам Чжан говорит, что, все таки, своим домом она считает не Нанкин, а Шанхай. Смѣется,

что генерал развѣсил и в гостиной свои карты, говорит, что она интересуется политикой и помогает мужу работать!..

Потом мы пьем чай на бѣлых скатертях. Вся сервировка на серебрѣ. Нам предложены сухіе бисквиты, нам подают тосты и сандвичи. Бои в бѣлых халатах разносят чай и отличиое кофе; совсѣм все, как в Шанхаѣ, в богатом домѣ, в привычной обстановкѣ свѣтских людей, за „афтернун-ти," который кончится танцами.

Супруга президента величайшей в Азіи страны сумѣла из пріема „представлявшихся," в своем родѣ аудіенціи, сдѣлать визит к ней радостным, очаровательным, а, главное, простым.

Портреты и фотографіи совсѣм не передают обаянія мадам Чжан Кай-ши.

Всякая политика из нашего визита исключается. Но разговор не умолкает ни на минуту.

И вот, когда мы всѣ увлечены бесѣдой, в столовую, незамѣтно, входит ген. Чжан Кай-ши и быстро, на цыпочках, чтобы не спугнуть общую непринужденность, проходит во внутреннія комнаты.

Через двѣ, три минуты он выходит к гостям снова, просит всѣх сидѣть, садится на оставшееся свободным за столом мѣсто и функціи хозяина переходят к нему.

Потом начинается разговор о политикѣ и мадам Чжан незамѣтно покидает гостей.

Нас провожает президент. Он каждому очень просто и привѣтливо жмет руку и просит не забывать Нанкин. И только, когда мы выходим на крыльцо, когда видим по обѣим сторонам лѣстницы вытянувшихся солдат, когда нам берут на

караул, когда подъѣзд к дому также оказывается окружен конными и пѣшими солдатами и полиціей, мы снова вспоминаем, что мы, собственно, были во дворцѣ, на торжественном пріемѣ, что нас принимала:

— Первая дама страны.

ОТГРЕМѢВШІЕ ГРОМЫ.

1932 год будет также памятен для Шанхая, как был памятен для него 1927-ой: чѣм дальше бѣжит впред время, тѣм больше 1932 год выигрывает в своей исторической значимости.

1932 год был подготовлен 1931 годом, когда, еще до японскаго выступленія в Мукденѣ, в день, когда, оставшіеся неизвѣстными террористы (предполагали кантонцев) стрѣляли на Сѣверном Вокзалѣ в министра финансов Т. В. Суна и смертельно ранили его личнаго секретаря, чрезвычайно элегантнаго молодого человѣка, который только что успѣл жениться и был в началѣ, как принято выражаться, блестящей карьеры, — почувствовалось, что гроза надвигается.

Тогда же на Сѣверном Вокзалѣ, в роковом Чапеѣ, через семь мѣсяцев разрушенном японской артиллеріей, мог быть ранен или убит японскій посланник Мамору Шигемитцзу, над которым, как и над Сѣверным Вокзалом в Шанхаѣ, словно витал какой-то рок. (Шигемитцзу буквально изрѣшетили осколками бомбы через десять мѣсяцев послѣ этого покушенія, во время взрыва бомбы в Хонкью Паркѣ).

Покушеніе на министра в своей странѣ дѣло

довольно обычное, особенно для смутнаго времени, переживавшагося человѣчеством послѣ европейской войны и русской революціи. Но покушеніе на жизнь, тѣм болѣе раненіе посланника другой державы, дѣло совсѣм не обычное и, обычно, влечет за собою тяжкія послѣдствія.

Убійством германскаго посланника в Пекинѣ началось вмѣшательство держав в возстаніе боксеров, убійством австрійскаго престолонаслѣдника в Сараево началась европейская война 1914-18 г. г., перекроившая карту Европы.

Как бы там ни было, послѣ описаннаго покушенія на Сѣверном Вокзалѣ, в кругах далеких от политики, среди шанхайских дѣльцов и спекулянтов, всегда держащих „нос по вѣтру“, говорили, что „пахнет порохом“.

— „Я не удивлюсь, если завтра мы увидим японскій флот на Вампу!“ — сказал мнѣ один коммерческій человѣк в день этого покушенія. Он ошибся только на пол года.

1932-ой год начался для Шанхай под зловѣщим знаком все нароставшей тревоги, хотя встрѣчали его на иностранных концессіях с обычным, достаточно набившим оскомину, шумом и, несмотря на экономическую депрессію, пили шампанское по клубам и в ресторанах с традиціонным в эту ночь азартом.

Внѣшне, все, как будто, было в огромном и разноплеменном, но, по преимуществу, китайском Шанхаѣ, по обычному.

Как всегда, поток автомобилей, цѣлыя ленты их, устремлялись к 9 часам утра с окраин города к дѣловому центру для того, чтобы, тѣм же

густым потоком, направиться, через три часа, в обратном порядкѣ, от дѣлового центра к просторным окраинам, к завтраку. Шанхайцы не обременяют себя продолжительной работою!

Как всегда, по воскресеньям, обезпеченные люди уѣзжали загород, или шли в пригородныя поля гулять, играли в гольф, ѣздили на танцы, устраивали у себя пріемы, принимали приглашенія на пріемы к другим, „дѣлали" деньги или старались их дѣлать, дамы шили наряды, мужчины платили по счетам и дѣлали новые долги, но всѣми, через эту сутолку и будни, чувствовалось, что что-то должно произойти. Событія кругом наростали.

В Мукденѣ уже гремѣли пулеметы, потом гремѣли они в Тяньцзинѣ; над Циньчжоу носились военные аэропланы и одной из шальных бомб был ранен на смерть русскій полковник, занимавшійся мирным педагогическим трудом ради куска хлѣба.

В Шанхаѣ наростала пропаганда анти-японскаго бойкота. Все чаще можно было видѣть, то в витринѣ магазина, то на заборах и стѣнах домов рисунки с изображеніем японских „звѣрств", в стилизованно лубочном китайском вкусѣ.

И все чаще по городу, по главным артеріям его, проносились, с тяжелым грохотом, огромные грузовики, которые, ради устрашающей демонстраціи, были густо набиты японскими морскими стрѣлками, нѣкоторые из них были в респираторах на рту, всѣ ѣхали стоя, тѣсно прижимаясь, за недостатком мѣста, один к другому.

Газеты каждый день старательно отмѣчали, как заостряется политическое в городѣ положеніе, говорили об ультиматумах, а когда ультиматумы были составлены и отправлены куда им слѣдует, — говорили о сроках истеченія этих ультиматумов.

Знал-ли обыватель, космополитическій человѣк на космополитической улицѣ, что бои разразятся? Нѣт, не знал, хотя и чувствовал приближеніе событій.

Дня за три до мобилизаціи волонтерскаго корпуса, я спрашивал русскаго офицера, командующаго в этом корпусѣ частью, о том, когда можно ждать мобилизаціи, и он мнѣ отвѣтил, что только-что он был в штабѣ и что там, наоборот, думают, что мобилизаціи не объявят.

Но „разсосаться" положенію не удалось. Наступило 28 января 1932 года, день, который всяким историком Шанхая будет выдѣлен из общей серіи дней и описан в особицу. С ранняго утра тоже, как будто, ничего особеннаго не было, хотя всѣ только об одном и думали, что срок послѣдняго ультиматума исчисляется послѣдними часами.

На завтракѣ, в этот день, в Ротари Клубѣ, в котором не мало членов китайцев и есть нѣсколько японцев, занимающих отвѣтственное в городѣ положеніе, японцев не было, кромѣ спокойнаго, всегда бодро-веселаго д-р'а С. К. Инуи, вынесшаго впослѣдствіи, за два мѣсяца развернувшихся событій, всю тяжесть освѣдомленія многоязычной прессы о дѣйствіях и намѣреніях генеральнаго японскаго консульства и посольства.

Помню высокую, худощавую, всегда элегантно подобранную фигуру французскаго адвоката и общественнаго дѣятеля А. Дю- Пак де Марсули, безспорно большого человѣка, культурнаго, доброжелательнаго и отмѣнно любезнаго. Он мнѣ сказал, что событій не избѣжать и что событія будут большими.

Знал ли он, тогда, что и его дни сочтены, что еще нѣсколько недѣль, и его не станет в живых. Его быстрая простудная болѣзнь, безспорно, была осложнена той загрязненностью воздуха, которую вызвала война, эвакуація Чапея и всѣ прочія передряги боев в густо населенном городѣ.

Но когда я вышел, послѣ завтрака в „Лядау Тавернѣ," и отправился вдоль по Нанкин род, все уже предвѣщало дальнѣйшее развитіе событій.

Город бурлил и кипѣл, как он бурлит и кипит только в историческіе для себя моменты.

*
* *

В ночь с 28 на 29 января, не смотря на то, что в Чапеѣ частили пулеметы, все еще не вѣрилось, что это серьезно, думалось что столкновеніе будет тотчас предотвращено и все тревожное быстро кончится.

Утро 29 января, второй день шанхайской войны, выдалось холодное, сырое, мглистое и когда над мирными стогнами французской концессіи, в воздухѣ тоже начали, непріятно и тревожно, жужжать сизаго цвѣта японскіе аэропланы, не то для развѣдки, не то в цѣлях устрашенія, стало ясно, что „инцидент" развертывается в „операцію."

Настроенія перемежались: с одной стороны было очевидно, что Шанхай также может быть вовлечен в конфликт, как каждый пункт Китая, коль скоро „война началась" с другой не менѣе убѣжденно думалось, что Шанхай слишком связан с великодержавными интересами и Англіи и Америки, что Японія не может — не таков момент!— бросать вызов всему міру.

Есть какая-то особая жуть, стыдное безсиліе роковой обреченности в том, когда вы слѣдите, будучи на глубоко штатском, даже обывательском, положеніи, за ходом современнаго боя в городѣ.

Бой в городѣ не шутка — его не любят сами военные, что же касается так называемаго гражданскаго населенія, то оно или старается думать, что все скоро кончится или поддается пароксизмам паники.

*
* *

Случилось так, что пишущій эти строки, повредив, в первый день событій, ногу не имѣл возможности побывать в разных частях города вплоть до 5 февраля — иными словами, семь рѣшающих в судьбах Шанхая дней я не был ни на Бандѣ, ни около главнаго почтамта, ни на Бродвеѣ, ни, вообще, на главных магистралях того колоссальнаго города, имя которому — Шанхай. Тѣм разительнѣе были впечатлѣнія, так сказать, на „свѣжій глаз." Авеню Жоффр. Движеніе больше обычнаго. Толпа другая. Больше европейцев. При этом, много новых „бѣлых" лиц.

И очень много китайцев. Таких китайцев, ко' торых, прежде, за всѣ эти годы не доводилось видѣть в наших русских кварталах. От прасолов издалека, парней и дѣвушек китайской деревни, в простых, темно-синих штанишках, до модных молодых китайских людей: в демисезонах самого сверхшикарнаго покроя, с низко надвинутыми, лихо посаженными, фетровыми шляпами, в эффектных галстуках.

Тѣх самых молодых китайских людей, которые обычно переполняли самые модные участки Норд Сэчуен род, которые заполняли, на дневных сеансах, партер дорогих европейских кино-театров, которые увлекаются спортом, учатся в иностранно-китайских высших и средних школах и принадлежат, если не к зажиточным классам, то, во всяком случаѣ, тянутся за этими классами. Эти молодые люди — продукт Шанхая. Это они в 1927 году, всѣм сердцем, поддерживали націоналистическое движеніе. Это они составляют главный контингент покупателей модных товаров, идущих к нам, — откуда бы вы думали? — из Осака! — так как, по ту сторону Желтаго моря, в двух-милліонном Осака и Токіо, имѣются тысячи и тысячи таких же японских молодых европеизированных людей, любящих экранныя произведенія Холливуда, футбол, джасс-банд и брилліантин на изумительных проборах.

Рю дю Консюля. Здѣсь не движеніе, а мѣсиво людское.

По узкой улицѣ не пройти, не проѣхать. Все внѣшне мирно, пока, но если наблюдательному человѣку показать одну только эту улицу, он ска-

зал бы, что в городѣ „что-то“ происходит страшное.

На Бандѣ, наоборот, совсѣм не так много народа. Даже военных кораблей никаких не было видно, кромѣ обычной англiйской громадины „Кента“ как раз против клуба, на обычном буѣ. Вмѣсто „Вальдека Руссо,“ на его мѣстѣ, небольшое французское сторожевое судно. Пусто мѣсто, на котором, обычно, возвышается, своими исполинскими мачтами „Хьюстон,“ от прихода котораго в порт стало гораздо легче на душѣ не только у мѣстных американцев, но и дѣлающих политику китайцев. Всѣ военные корабли держались ближе к Вузуну, гдѣ японская эскадра громила форты крѣпости.

Вообще, на Бандѣ „ничего особеннаго,“ кромѣ колючей проволоки на границѣ французскаго города и международнаго сеттельмента.

Но, вот, мы на Кiангсе род, на Сэчуен, род, на Нанкин род, Нинпу род, Хонан и на всѣх прочих „родах“ центральнаго района: здѣсь всюду, вездѣ, на каждом шагу, все являет такой вид, котораго в Шанхаѣ, за семь лѣт в нем пребыванiя мнѣ еще не приходилось видѣть. Никогда не было в этих, самых центральных, самых людных, самых переполненных районах такого „людолюдства“, такого переполненiя, такого столпотворенiя, таких лиц, таких фигур, такого движенiя. Никогда не стояло здѣсь столько автомобилей.

Перед муниципалитетом создается впечатлѣнiе, точно здѣсь выставка всѣх машин, которым отдан приказ, всѣм вмѣстѣ, в один час, в одно и тоже мѣсто, сразу собраться для одновременной

внезанной выборки „лайсензов“. Откуда столько автомобилей, даже в Шанхаѣ?

Китайская толпа здѣсь как бы тонет в толпѣ европейской. Против ожиданія, масса женских лиц, много молодежи, много людей в хаки, волонтеров и солдат.

А больше всего и ярче всего, это флаги, флаги, флаги... Флаги на радіаторах, флаги на крышах автомобильных фургонов, флаги на стеклѣ у руля: больше всего, конечно, флагов британских — вот чей, на самом дѣлѣ, Сеттльмент!..

Потом, в поражающем изобиліи, „стар спэнгльд бэннерс“ — полосы и звѣзды: — так вот почему флот с Манилы шел сюда полным ходом и прибывает еще цѣлый 31-ый полк с Филиппин.

Есть и португальскіе флаги — сбоку колоссальных, роскошных, черных фургонов, которые обычно, смѣшно сказать, свозят из квартир в роскошный „дансинг“ партнерш для танцев. Из за военнаго положенія ночных танцев нѣт и „пульмановскіе“ фургоны приспособлены для военных цѣлей.

На авеню Жоффр всѣ китайскіе магазины, за рѣдким исключеніем, с примкнутыми, на глухо к витринам, ставнями, — не торгуют. На Нанкин род тоже ставни на окнах, и двери на глухо закрыты — китайскій „бизнесс“ стал!

Ни в чем не чувствовался столь ощутительно дѣловой паралич города, который каждый день „дѣлает“ милліоны серебра и „оборачивает“ десятки кредитных милліонов, как в этом.

Европейскіе магазины на Нанкин род „торгу-

ют": всюду, лѣзут в глаза пестрые плакаты небывалых по дешевизнѣ распродаж, все, что угодно можно купить по баснословно низким цѣнам, по сравненію с цѣнами до событій.

Но внутри магазинов почти нѣт покупателей.

Настроенія толпы? На европейских лицах такіе открытые взоры, такое бодрое выраженіе, столько улыбок. „Карри он," лозунг, брошенный руководящей газетой, был всѣми не только подхвачен, но и усвоен. Они не думают о том, сколько всѣ они сейчас теряют. Они не дѣлают нарочито искуственнаго радостнаго лица. Просто, в дни испытаній, в трудные моменты, надо каждому дѣлать свое дѣло, надо быть еще болѣе вѣжливым, еще болѣе предупредительным, еще больше выдержанным, чѣм в обычныя времена. Так их учат с малых лѣт и дома, и, потом, в школѣ. Так их тренируют на службѣ, так они „ведут себя" в отвѣтственные моменты жизни.

Вот, впереди моего автомобиля, мѣрным шагом, марширует небольшой взвод рослых волонтеров. Их двѣнадцать человѣк, впереди взводный, они идут по двое, их трудно обогнать машинѣ. Но как мало эти подтянутыя фигуры напоминают тѣх „двѣнадцать," о которых, вѣщим пером своим, писал удивительный Блок в самом началѣ вихревой русской революціи! Почему-то думается, со спин, что это американцы, но оказывается, что это взвод молодых португальцев.

В корридорах муниципальнаго совѣта — против обычнаго, больше публики. И, против обычнаго, чаще попадаются в корридорах служащіе муниципалитета. На рѣдкость вѣжливая китайская

прислуга. Огромные кабинеты. На всѣх отвѣтственных, командных высотах, здѣсь, конечно британцы. И как они просты, как они спокойны, как дѣловиты, как особенно в эти дни привѣтливы.

А, потом, что еще упомянуть от впечатлѣній смятѣннаго Шанхая?

Безконечное авеню Эдуарда Седьмого, на котором, в тѣх проходах, через которые еще пускают с французской концессіи, сотни китайских лиц — пѣшеходы и рикши. Все еще возы с поклажей, все еще куда-то переселяются мѣстные бѣженцы. И то сказать, в Шанхаѣ было учреждено двадцать бѣженских лагерей. И в этих лагерях содержалось нѣсколько десятков тысяч народа. Всего, говорили, под эвакуацію попало за эти дни свыше милліона человѣк!

Закончим наши бѣглыя впечатлѣнія с натуры тѣм, что на протяженіи всего объѣзда, со стороны Ханкью парка ухали, всѣм городом слышимыя, гаубицы.

И, время от времени, в дымном, сѣро-сизом небѣ проносились, со знакомым уже жужжаніем, военные, мышинаго цвѣта, гидропланы. Из за района Хонкью, поднимались к небу, через которое тщетно пыталось проглянуть солнце, клубы дымных облаков. Не то горѣла нефть, не то эти клубы порождала, бухавшая и день и ночь, японская артиллерія.

*

* *

Потом, в нѣсколько дней, мы ко всему привыкли и разобрались в ситуаціи: мы поняли, что непосредственная для нас, европейцев, опасность

почти исключена, что сил для поддержанія внутри иностранных поселеній порядка и спокойствія — достаточно, мы свыклись с тѣм, что позднѣе 10 часов хожденіе по городу воспрещено, что надо отказаться от вечерних выѣздов в кинематограф, на танцы, в ресторан; больше уже мы не роптали, что всѣ перекрестки улиц оказались перепутанными колючей проволокой, что, как казалось тогда, без особенной системы и без всякаго видимаго повода, то тут, то там, вдруг, начинали строить брустверы из мѣшков с песком.

Мы знали, что случайныя попаданія бомб, с пролетавших над городом в разных направленіях аэропланов — неизбѣжны, мы слышали, что то из той, то из другой части огромнаго города начинается эвакуація наиболѣе осторожных жителей, мы зловѣще воспринимали вѣсти о том, как приходится жить людям на Бродвеѣ, на Вейсайдѣ, не говоря уже про Норд Сэчуен род или Рэндж род (если там кто еще оставался?)

Но к двум явленіям трудно было привыкнуть; первое было временным явленіем, наплыв, нѣт, поток китайских бѣженцев из Чапея.

Прожив столько лѣт в Шанхаѣ, мы словно не представляли себѣ, ежедневно встрѣчая здѣсь тысячи и тысячи китайцев, сколько в Шанхаѣ таится потрясающей нищеты. Эта нищета пріобрѣтала еще болѣе рѣжущій глаза характер, от того, что люди провели по двѣ, по три недѣли в землянках и подвалах Чапея, который круглые сутки разстрѣливался из пулеметов, артиллеріей и бомбами с аэропланов.

Тысячи и тысячи китайцев с исхудавшими ли-

цами, необычно грязных, со скарбом около себя, двигались по троттуарам иностранных поселеній и по серединѣ улиц, кто пѣшком, кто на рикшах, всегда толпой, с каким то остановившимся, потухшим взглядом: бѣженцы, безпріютные!

Казалось, что они несут с собою всѣ болѣзни и страданія, к которым мы, русскіе, были так привычны за годы нашей революціи и гражданской войны, и которые так не соотвѣтствовали легкому, удобному и богатому стилю иностранной колоніальной жизни.

Второе явленіе, к которому мы цѣлый мѣсяц, пока шли в Шанхаѣ бои привыкали и не могли привыкнуть, это — ночная кононада!

Днем как-то было еще бодро, а временами, на газетной работѣ, даже весело от звуков артиллерійскаго обстрѣла, но когда ночью, послѣ десяти часов, город с трехмилліонным населеніем, замирал и звук несся с „поля битвы" особенно отчетливо и когда в квартирах, всю ночь до утра, чуть чуть и, от того, особенно непріятно, вздрагивали стѣны и трепетали стекла в окнах и в дверях на балкон, — нервы против воли реагировали на это вторженіе далекаго и, вмѣстѣ, близкаго ужаса, такого чужого нашему обычному укладу жизни в благополучном Шанхаѣ.

Было также странно запросто и на равной ногѣ встрѣчать — «враждующія стороны».

Только что вы покидали информаціонный отдѣл китайскаго министерства иностранных дѣл в концѣ рю Лафайетт, гдѣ г. Самуэль Чен, хлопотливый и нервно напряженный, дѣлился с вами послѣдними сводками с фронта 19-ой арміи, как авто-

мобиль подвозил вас к японскому генеральному консульству на Вампу род, гдѣ, в дни боев, имѣл пребываніе японскій посланник г. Шигемитцзу и вы разговаривали с посѣдѣвшим за этот мѣсяц, но как всегда улыбающимся и привѣтливым, д-ром С. К. Инуи, в распоряженіи котораго был цѣлый штат переводчиков, „машинистов", клерков, множивших сообщенія из штаб-квартиры, от посольства и из консульства на ротаторах, и который снабжал представителей газет горами информаціоннаго матеріала, отпечатаннаго на универсальном англійском языкѣ, на отличной бумагѣ, с соблюденіем всѣх правил американо-англійской канцелярской аккуратности.

Только глаза у посланника были запавшими, лицо желтым и усталым, словно он был раздавлен тяжестью свалившейся на него отвѣтственности и работы и словно предчувствовал, что быстро приближается к тому теплому, весеннему дню, когда станет жертвой страшнаго взрыва бомбы в паркѣ Хонкью, потерает ногу, получит десятки осколков в тѣло.

Вот, в началѣ марта, пышный пріем в богатом китайском особнякѣ, в честь лорда Литтона и членов его комиссіи, когда, по серединѣ залы, пылала, до красна накалившаяся, печь, а в каменном дворѣ и в других комнатах, гдѣ стояли столы с явствами было еще по зимнему халодно, и гдѣ, в окруженіи толпы в шелковых халатах и черных дипломатических визитках, стоял высокій, худой, стильный, серебряно-сѣдой англійскій граф, прибывшій от имени Лиги Націй разрѣшить сложный и трагическій спор двух сосѣдних

и родственных по культурѣ народов, а, рядом с ним, нервно переминался странно похудѣвшій, словно высохшій, и в визиткѣ особенно тонкій, д-р Веллингтон Ку, которому предстояло тогда отправиться с комиссіей Литтона на сѣвер Китая, а, потом, в Маньчжурію — котел страстей — куда его предупреждали не ѣздить, так как не могли гарантировать ему личной безопасности...

Или, вот, мы на старом, но прочно сколоченном, флагманском кораблѣ, крейсерѣ „Изумо", в кают-кампаніи, на большом пріемѣ для прессы, в котором участвуют и дамы, являемся гостями трех японских адмиралов, во главѣ с рослым для японца, и коренастым, пожилым адмиралом Накамура, который также стал вскорѣ жертвой террористическаго акта, в паркѣ Хонкью, потеряв от осколка бомбы глаз.

Тогда еще старый адмирал не знал, что он лишится глаза, был очень обходителен с иностранными гостями, шутил, вспоминал какія в Калифорніи отличныя дороги для автомобильных прогулок. Стоял кругом него непринужденный смѣх.

А на стѣнѣ, приковывая мой взор, висѣла картина — изображеніе страшнаго боя, в котором погибала эскадра адмирала Рождественскаго.

Но из всѣх встрѣч за тот період, мнѣ, почему то, особенно памятен пріем в Якобинской комнатѣ отеля „Катэй", когда пріѣхал в Шанхай в разгар боев г. Мацуока, тогда только что выдвигавшійся на аван-сцену, как докладчик перед міром рѣшеній и желаній японской націи.

Г. Мацуока — плотный, небольшаго роста, с

усами, его роль в мірѣ тогда еще не была сыграна, он всѣм живо интересовался и никому не отказывал даже в личных интервью, от чего всегда всѣ политики и дипломаты инстиктивно отмахиваются, как от комаров.

Но, поздоровавшись с высоким японским гостем, я обратил вниманіе на то, что в мглистой дымкѣ предвечерняго Шанхая, который разстилался с десятаго этажа окон отеля, как на ладони, явственно кровавым заревом пылал какой-то пожар и сразу было видно, что это происходит именно „там", в районѣ боев, около Кьянгвана.

Около меня оказался крупный чиновник японскаго посольства, к которому я и обратился с вопросом — что и гдѣ горит?

В шутку или, дѣйствительно, не зная, он спросил трех китайских боев, молодых людей в бѣлоснѣжных куртках, которые прислуживали нам за „коктэйлями", но тѣ, также, забыв о своих обязанностях, вперились молча глазами в зловѣщее зарево.

— Это Кьянгван? — спросил их, с обычной широкой улыбкой, мой собесѣдник.

Они, ни один из них, ничего не отвѣтили, хотя навѣрное, они знали, а если бы и не знали, то, при других обстоятельствах, отвѣтили бы сразу, всѣ три, вмѣстѣ.

Горѣла их деревня, пожар был на их землѣ, и они ничего не могли сказать представителю вражьей силы, хотя это и происходило в обстановкѣ богатой пріемной интернаціональнаго отеля, на территоріи международнаго сеттльмента, и они за свои гроши были служащими британской ком-

Шанхай в дни японо-китайских боев в февралѣ 1932 года.

На улицѣ Норд Хоннан, окрайны сеттльмента, блокгауз «Б,» занимавшійся русскими волонтерами.

В разрушенном Чапеѣ, около Сѣвернаго вокзала.

паніи, державшей, как и всѣ иностранцы, полный нейтралитет в кровавом спорѣ двух крупнѣйших націй Дальняго Востока.

*
* *

Перемиріе, ликвидировавшее шанхайскую войну, было подписано 5 мая 1932 г., послѣ совѣщаній, длившихся в Шанхаѣ, в зданіи британскаго генеральнаго консульства цѣлый мѣсяц, при чем японской и китайской делегаціям дѣятельно помогали посланники трех великих держав; англійскій сэр Майльз Лэмпсон, французскій г. Вильдэн и итальянскій граф Чіано ди Кортеляццо, зять Муссолини.

Перемиріе, ликвидировавшее войну на всем сѣверѣ Китая, вдоль Великой китайской стѣны и у подступов к Пейпину и Тяньцзину, было подписано в 1933 году 31 мая в 11 часов 11 минут утра, послѣ одного или двух засѣданій, состоявшихся в Танку, самом гиблом мѣстѣ на землѣ.

Офиціальное предложеніе о перемиріи послѣдовало с китайской стороны, от лица командовавшаго фронтом ген. Хо Инчина, обратившаго на себя общее вниманіе в январѣ 1933 года, когда разыгрались событія под Шанхайгуанем. Японія на совѣщаніях о перемиріи была представлена командованіем Квантунской арміи, которая и вела операціи на сѣверѣ Китая.

По первому пункту перемирія, китайскія войска полностью очищают район к югу и западу от, проведенной японским командованіем, демаркаціонной линіи от Енчина до Людая.

Вгорой пункт предусматривает за японским

командованіем право наблюдать за выполненіем условій пункта перваго соглашенія при помощи аэропланов, причем указанным полетам китайское командованіе должно оказывать всяческое содѣйствіе и давать летчикам нужную информацію.

Когда японскія войска убѣдятся в том, что китайское командованіе выполнило взятыя на себя обязательства, при чем японскія войска обязуются также не переходить демаркаціонной линіи, то японцы начнут добровольно отводить и свои части к Великой китайской стѣнѣ.

В нейтрализованной зонѣ полицейскую службу будут нести китайцы. Указанное соглашеніе вступило в силу немедленно по подписаніи.

Послѣ подписанія перемирія имѣла мѣсто небольшая церемонія с взаимными поздравленіями и шампанским.

25 мая китайское командованіе предложило перемиріе японцам, а 28 мая в Кулин собрались, на экстренное совѣщаніе, руководители центральнаго правительства — с фронта борьбы с коммунистическими арміями в провинціи Цзянсу прибыл Чжан Кай-ши, а из столицы, Нанкина, прибыл глава правительства, предсѣдатель административной палаты Ван Цзинь-вей, предсѣдатель законодательной палаты, сын Сун Ят-сена, г. Сун-Фо (когда то этот пост занимал Ху Хан-мин), министр иностранных дѣл д-р Ло Вен-кан, вынесшій на себѣ всю тяжесть внѣшних сношеній в один из тягчайших періодов в исторіи управленія Китаем партіи Го-мин-дан и нѣкоторые другіе члены правительства.

Когда, послѣ совѣщанія в прохладном Кулинѣ,

г. Ван Цзинь-вей вернулся на аэропланѣ в Нанкин, то он заявил представителям печати, что переговоры о перемиріи на сѣверѣ Китая были ограничены только обсужденіем вопроса о прекращеніи военных дѣйствій, не касаясь никаких дипломатических вопросов, что явствует хотя бы из того, что Китай откомандировал вести эти переговоры только военных, которые, разумѣется, и не могли имѣть полномочій обсуждать политическую сторону конфликта.

В выпущенном заявленіи глава исполнительной власти, отмѣчал героическую борьбу, которую вели китайскія войска, не смотря на недостаточность амуниціи и скверное вооруженіе, каковая борьба доказывает безоговорочную рѣшимость Китая защищать свои національныя права и честь. Подчеркивая, что пока в распоряженіи центральнаго правительства имѣется вооруженная сила, оно готово пойти на послѣднюю жертву, только что бы не подписать никакого соглашенія, которое санкціонировало бы отторженіе в чужія руки какой либо части китайской территоріи, г. Ван Цзинь-вей говорил: „никакое соглашеніе мѣстнаго характера не может отразиться ни на территоріальных правах, они на международном положеніи Китая, но дѣлается оно для того, чтобы дать передышку в конец измученным войским и смятенному населенію.

Правительство охотно будет нести взятую на себя отвѣтственность в отношеніи создавшагося положенія и обращается к здравому смыслу китайскаго народа, который дал бы оцѣнку указанным дѣйствіям власти“.

Потом, в телеграммах указывалось, что китайская сторона находила это соглавшеніе о перемиріи выгодным, учтя обстановку и обстоятельства, в готорых оно подписывалось.

Вскорѣ послѣ подписанія перемирія, японскій посланник г. Аріоши поѣхал не на сѣвер, гдѣ только что прекратились бои, а в Нанкин, поѣхал с супругой, нанести почтительный визит главѣ правительсгвенной власти г. Ван Цзинь-вею. Этот визит был, конечно, только любезной встрѣчей, для чего в нем участвовали и дамы. И японское посольство особо подчеркнуло, что посланник не касался самаго остраго послѣ войны, вопроса, о недавнем рѣзком повышеніи тарифов против Японіи. Японія не может претестовать против повышенія тарифов „так как это было бы вмѣшательством в суверенныя прерогативы Китая".

Непосредственно перед тѣм, как развернулись описанныя выше событія, отдѣл печати при Вай Цзяо-Бу (министерство иностранных дѣл) на протяженіи с 10 апрѣля по 20 мая 1933 года опубликовал пять выпусков „Оранжевой Книги", которые подводили итоги событіям японо-китайскаго вооруженнаго конфликта и освѣщали всѣ этапы конфликта с офиціально китайской точки зрѣнія.

Эти пять, опрято изданных, брошюр имѣют слѣдующія много говорящія наименованія:

1. „Японо-китайскій спор: с 18-го сентября 1931 года по 22 февраля 1932 г." (заявленія о конфликтѣ, со всѣми, относящимися к нему, фактами, сдѣланныя китайской делегаціей при совѣтѣ Лиги, в соотвѣтствіи со статьей XV, параграфом 2-ым ковенанта Лиги Націй).

2. „Военная агрессія Японіи в Шанхаѣ в освѣщеніи нейтральных наблюдателей". Четыре доклада обслѣдовательнаго комитета, созданнаго в Шанхаѣ, согласно статьи XV, параграфа 1-го ковенанта Лиги Націй.

3. „Оцѣнка доклада Литтона Китайским правительством". Заявленіе, сдѣланное д-ром В. К. Веллингтоном Ку, представителем Китая в совѣтѣ Лиги Націй.

4. „Отвѣт Китая на заявленія Японіи по поводу доклада Литтона". Заявленія китайской делегаціи членам Совѣта и Лиги.

5. „Вердикт Лиги относительно японо-китайскаго спора". Доклад о японо-китайском спорѣ, единогласно принятый на спеціальном собраніи Лиги Націй, состоявшемся 24 февраля 1933 г., согласно статьи XV-ой, параграфа 4 ковенанта.

Директор Intelligence and Publicity Department'a дѣлает такую вступительную ремарку к пятому выпуску „Оранжевой книги":

„Резолюціей от 11 марта 1932 года Спеціальное Собраніе Лиги Націй учредило Спеціальный Комитет или Комитет Девятнадцати, в задачу котораго входило подготовить разрѣшеніе японо-китайскаго спора путем согласованія интересов обѣих сторон. Комитет должен был находиться под предсѣдательством президента общаго собранія Лиги, включая членов Совѣта Лиги, кромѣ заинтересованных сторон, а также представителей слѣдующих стран: Швейцаріи, Чехословакіи, Колумбіи, Португаліи, Венгріи и Швеціи. Послѣ того, как были исчерпаны всѣ средства достигнуть соглашенія, из за безпрестанных помѣх со

стороны Японіи, Комитет составил слѣдующій ниже доклад, как было предусмотрѣно в раздѣлѣ III (параграф 5) выше-упомянутой резолюціи, согласно которой Комитет, выполняя свои функціи от лица и под наблюденіем Общаго Собранія, был уполномочен выработать, если потребуется, проект доклада согласно статьи 15, параграфа 4 ковенанта. Этот проект доклада, который содержит полный обзор японо-китайскаго спора, начиная с 18 сентября 1931 г. по 14 февраля 1933 г., подтвердил заключенія доклада Обслѣдовательной Комиссіи и осудил дѣйствія и позицію занимавшуюся Японским Правительством на протяженіи всего конфликта. Текст доклада был принят Китаем и единогласно одобрен общим собраніем Лиги 24 февраля 1933."

В этот день, как извѣстно, Японія голосовавшая в одиночествѣ против принятія доклада, заявила о своем выходѣ из Лиги Націй.

Войска Маньчжу-Го и японцы завершили занятіе провинціи Жэ-Хэ, давно включенной и по конституціи и в географических картах, в границы новаго государства, а, потом, командованіе Квантунской арміи начало наступленіе в сторону Пекина.

Занятіе древней столицы Китая казалось неминуемым, но оно не состоялось, во первых, потому, что дѣйствуя медленно и очень осторожно, японцы неоднократно заявляли, что захват Пекина и, вообще, операціи к югу от Великой стѣны не входят в их планы, а, во вторых, и это самое главное, потому, что Японіи не было разсчета понапрасну раздражать ни Америку, ни Англію, ма-

теріальные интересы которых оказывались теперь задѣтыми в степени не меньшей, чѣм в період „шанхайской агрессіи."

Мы напомнили о Лигѣ Націй только потому, что бы указать, что то, что оказалось не под силу разрѣшить ни общему собранію Лиги, ни Комитету Девятнадцати, не смотря на участіе в нем Швейцаріи, Колумбіи, Швеціи и других держав, трудившихся в Женевѣ семнадцать мѣсяцев, то, в два дня удалось разрѣшить в, Богом забытом, мѣстечкѣ Танку 31 мая 1933 года, когда делегаты Китая и Японіи встрѣтились в первый раз за 20 мѣсяцев, с глазу на глаз, без участія посторонних свидѣтелей и радѣльных доброжелателей.

И еще мы вспомнили о Лигѣ Націй потому, что, кагда 1 января 1933 года в Шанхайгуанѣ снова загремѣли пушки, то делегат Китая в Лигѣ и китайскій посланник при Сэнт-Джемском Дворѣ г. Кво Тай-чи, направляясь из Лондона в Женеву, обмолвился крылатой фразой, смысл которой сводился к тому, что всякій раз, когда Лига начинает обсуждать конфликт, в Китаѣ гремят пушки. Парафраз этой остроумной фразы, к данному случаю, слѣдовательно, должен быть таков, — как только Лига перестала говорить о японо-китайском конфликтѣ, в Китаѣ пушки отгремѣли.

Как только стали крѣпнуть слухи, что подписаніе перемирія на Сѣверѣ Китая не за горами, Кантон усилил свои нападки на централаное правительство, довел даже свою оппозицію до того, что отправил протест против примиренческих дѣйствій Нанкина в Лигу Націй.

Но японцы не только увѣрили, всѣх и вся,

что они не имѣют намѣренія продвигаться вглубь застѣннаго Китая, но даже подписали об этом особое соглашеніе с делегатами законнаго центральнаго правительства.

У ТЕПЛАГО МОРЯ.

Г. К. Грюнвальд в 1925 году в „Современных Записках" опубликовал обстоятельную, хорошо документированную, статью — „Пробужденіе Китая", которая, в извѣстном отношеніи, не утеряла своего интереса и до сих пор: использован богатый матеріал, в том числѣ и совѣтскій. Но вот у г. Грюнвальда, в этой статьѣ, есть такая фраза (стр. 256): „кто был, подобно автору этих строк, с русским солдатом на Ляодунѣ и в Маньчжуріи, тот знает, насколько чужда, органически ненавистна, была ему сама природа Маньчжуріи с ея сопками, бѣлоземом (?) и гаоляном".

Нам кажется, что автор не только не справедлив к природѣ, описываемой им, страны, но и в основаніи мысли своей не прав: всякому солдату всякая природа, которая окружает его муки и испытанія войны-мало внушает поэзіи! Мои восріятія Китая совсѣм иныя.

Я закрываю глаза и перед моим мысленным взором начинает проноситься, вновь и вновь, в конкретных образах та самая природа, которая, по утвержденію г. Грюнвальда, столь ненавистна русскому сознанію. Я не нахожу никаких данных для этой ненависти: наоборот, чѣм дольше мы живем в Китаѣ, тѣм, естественно, все больше находим красот и очарованій в его природѣ. А, те-

перь, по лицу великой китайской земли разбросано до четырехсот тысяч русских людей, которым вовсе уже не так сладко живется и которым нѣт никакого смысла преувеличивать свое восхищеніе, тѣм, что совсѣм не восхитительно.

Вот, вспоминаю я, например, шоссейную дорогу, которая ведет из Дайрена в дорогой нашему сердцу Порт-Артур, как раз на этом самом Ляодунѣ. Что-ж тут не русскаго? Лѣтом, в августѣ, здѣсь столько кругом милаго и дорогого сердцу, а если припомнить, что всѣ эти холмы политы (и густо политы) нашей русской кровью, то начинаешь любить их, как свои собственные.

Теплое солнце над головою и неумолчный гул в травѣ всякой живности. Масса полевых цвѣтов и такой волнующій аромат, от котораго мы давно отвыкли в Шанхаѣ, гдѣ поля пахнут иначе.

Или сидишь в том-же Порт-Артурѣ, в Огондаѣ, на пляжѣ, на золотистом песочкѣ, сзади лѣсок в котором из за деревьев, то тут, то там выглядывают бѣлыми стѣнами бывшіе флигельки для наших морских офицеров, нынѣ занятые под дачки или помѣщенія скромнаго куротнаго отеля.

Перед глазами море — оно густо сизаго цвѣта, солнце отражается в нем расплавленным, кипящим серебром и такая берет истома и почему то хочется выпить холоднаго русскаго квасу и совсѣм не чувствуешь себя в японских владѣніях, на чужой сторонушкѣ.

Ниже я подробнѣе буду говорить о Циндао, куда лѣтом выѣзжает почти весь русскій Шанхай, гдѣ много русских (с каждым годом все больше)

живут круглый год. И как живут: спокойно, удобно, по своему весело, ходят друг другу в гости, играть в карты, зовут на пироги, молятся по воскресеніям и большим праздникам в своей русской церкви, живут так, как теперь не живут в Россіи, как, может быть, живут на югѣ Франціи тѣ немногіе русскіе, которые там лучше других устроились. И, опять, возвратимся к циндаосской природѣ! От скольких русских людей мнѣ приходилось слышать, а бывавшій всюду Б. А. Суворин и писал об этом совершенно опредѣленно, что Циндао удивительно напоминает ему Крым.

У М. С. Лембича на его первой, еще небольшой, дачкѣ, была веранда. Вокруг росло нѣсколько пихточек и, дальше с небольшого утеса развертывалось перед нами море. Два лѣта я провел на этой верандочкѣ и оба лѣта ловил себя на мысли, что бы остаться жить здѣсь навсегда!

Безпредѣльна даль моря, то проползет по горизонту шаланда, то задымит далекій пароход или промчатся, остро рѣжа воду, в кильватерной колоннѣ, проворные американскіе миноносцы — истребители. Золотое солнце сбоку, золотыя паутины, качающіяся иглы пихты, теплынь и аромат, а море расплавленное, и такое кругом, под бирюзой небес, благоуханіе, благодать и красота.

Есть под самым Шанхаем горное мѣсто Моканшан, есть, знаменитый на весь Дальній Восток курорт в горах Кулин, куда съѣзжаются люди из Ханькоу, есть чудесные пляжи, совсѣм под боком у Шанхая, на священном островѣ Путу, есть красивое и поэтическое Ханьчжао, в котором хоть и жарко лѣто, но не так, конечно, как в

Шанхаѣ. Но отправимся дальше не сѣвер. Англичане влюблены в свой Вей-Хай-Вей, лѣтом ими усиленно посѣщаемый. Американцы любят ѣздит в Ньючжуан, жителей тихаго и чистенькаго Тяньцзина трудно убѣдить, что есть другіе прекрасные мѣста в Китаѣ, кромѣ их излюбленнаго Пейтахо, в котором находятся всѣ посольскія дачи и в котором поклонники Пейтахо каждый год находят все новыя и новыя очарованія,

Возьмем Пекин! Осенью весь Пекин, как впрочем, и Шанхай, стоновится климатической станціей. Но если, прежде, китайскіе императоры и двор лѣтом, от жары, уѣзжали в лѣтній дворец Жэ-Хэ, за Великой Стѣною, теперь под Пекином можно чудесно жить в Па-Мао-Чанѣ. Здѣсь тоже горы, и прохладныя ущелья, и звенящіе в ущельях ручейки, и много тѣни от густо растущих деревьев и много волнующих лѣсных ароматов и тишина, и покой, и красота.

А сколько красоты на сѣверѣ Маньчжуріи, которая недавно еще была китайской. Кто не любит Сибири, русскаго Дальняго Востока, Приморья тому эти мѣста, конечно, тоже чужды. Но кому любы и дороги просторы великой россійской окрайны, тот чувствует себя в Маньчжуріи, как в одном краю.

Кажется, уж не раз писалось и всѣм извѣстно за рубежом, что нигдѣ так русским не жилось вольготно и по русски, как в Маньчжуріи. Мы, тут, не чувствовали никакой „за-границы“. И красот природы по линіи Китайской Восточной желѣзной дороги было сколько угодно! Вообще, этот край напоминал Малороссію! И жило здѣсь

не мало выходцев с Украины и уклад поддерживался малороссійскій, с неторопливой работой, в ближайшем сосѣдствѣ с природой, в утробном бытіи, во всеобщем довольствѣ.

Столько лѣт прошло, как я покинул Маньчжурію, но и до сих пор в моих глазах живут, не стираясь в памяти, и берега Фуляэрди, гдѣ такая чудесная форель и всѣ необходимыя данныя для степного леченія легочных недугов.

А, дальше, в памяти возникает прохладный Чжалантунь, в который Харбин влюбился сразу и навсегда. Потом горный курорт Хинган, дальше, под самым Харбином, милое Лошагоу; на западной вѣткѣ Имяньпо, Ханьдаохэцзы, Мулин, и даже Пограничная, от которой, прежде, было рукой подать до станціи Гродеково, гдѣ я провел все лѣто в 1916 году.

И, живя в своей Россіи, далекій от мысли, что когда либо придется коротать в Китаѣ годы в изгнаніи, и живая теперь в Китаѣ, на положеніи эмигранта, я никогда не чувствовал себя здѣсь чужим и никогда не ощущал недостатка красот природы.

Наоборот, мы, русскіе еще мало ѣздим, мы ужасно мало знаем о Китаѣ, о том, какіе уголки здѣсь могли бы быть оборудованы под климатическія станціи или, просто, под мѣсто, куда пріятно забраться лѣтом, на мѣсяц, хоть на двѣ недѣли, что бы отрѣшиться от шума городского, чтобы отдохнуть, чтобы вновь пожить живой жизнью, для себя, не для других,

И русскій публицист, сказавшій, что нам, русским, чужда, органически ненавистна „сама

природа Маньчжуріи", вызсказал лишь свое личное впечатлѣніе от края, который русскіе открыли для всего остального современнаго человѣчества и в котором потом хорошо и с пользой жили в полное свое удовольствіе, пока не начался міровой катаклизм европейской войны и революціи.

Жили мы здѣсь, как и вездѣ впрочем в Азіи, „не мудрствуя лукаво", для собственной пользы и удовольствія, мало задаваясь мыслью, как наше пребываніе будет восприниматься тѣми народами, которые нас здѣсь окружали и как отразится „теоретически" в преломленіи ученаго азіатскаго ума.

Но наше умѣніе сживаться и ладить с азіатами, сказалось, на практикѣ, в том, что не мало русских соединили свою судьбу с китаянками и не мало китайцев имѣют теперь русских жен, породив уже цѣлое, почти взрослое поколѣніе русских „хав-кастов", о которых американскій миссіонер г. Коркоран писал в 1931 году, что смѣшеніе славянских кровей с китайской дает, в первом поколѣніи, замѣчательные образчики физической красоты, позволяя думать о созданіи в будущем новой расы, евразійской (?).

А, в „теоріи", китайскій философ, питомец Оксфорда, ненавистник Запада, Ку хан-мин, один из послѣдних совѣтников Чжан Цзо-лина, писал о нас: „русскіе — самый лучшій, здоровый, любезный и великодушный народ Европы".

И, никогда ничего не слыхавшій об евразійцах, которые при нем, кажется, еще не существовали или пребывали в пеленках, полубезумный атаман, барон Унгерн Штернберг, говорил, что

русскіе могут служить ферментом объединенія народов монгольской расы с китайской, для созданія мистическаго царства Божья на землѣ.

Смѣшно, что даже в совѣтском журналѣ „Новый Восток", выпуск третій, мы ниходим слѣдующее любопытное мѣсто в „Письмѣ из Пекина":

„Китайскій загадочный мір близок нам, русским, как никому из европейцев, ибо, несмотря на всю несхожесть, есть в этом Китаѣ что-то от татарской, до-Петровской Руси, боярских охабней, расписных теремов и лубочной пестроты... Попытайтесь войти в круг интересов молодого поколѣнія, понаблюдайте их споры и вы попадете в еще болѣе знакомую атмосферу. Преклоненіе пред наукой, призывы к единенію, к борьбѣ за свободу, философскіе и марксистскіе кружки — словом, перед вашими глазами, как живые встают наши сороковые, шестидесятые, девяностые годы".

Но если спорно, очень спорно утвержденіе об общности культурных путей, то не подлежит оспариванію, что на сѣверѣ Китая, на лонѣ китайской природы, русскій человѣк не чувствует себя в чужом, непривѣтливом, тѣм болѣе ненавистном ему мірѣ „погибельнаго Востока". В Китаѣ мы всегда жили и, даст Бог, будем жить всегда, как дома.

*
* *

От года к году Циндао упрочивает за собою репутацію дальне-восточной, а, может быть, еще вѣрнѣе, — китайской Ривьеры. Удивительно удачно выбрали нѣмцы этот полуостров в провинціи

Шаньдун, создав здѣсь по началу прекрасную крѣпость, и может быть уже тогда мечтая в тайнѣ превратить Циндао в мѣсто лѣтняго отдыха для всѣх дальневосточных сынов фатерлянда.

И, дѣйствительно, красот здѣсь сколько угодно. Если бы Циндао принадлежало нам, мы бы почитали его второю Ялтою и воспѣвали бы его на всѣ лады, а, теперь, иногда корим за то, что послѣднiй десяток лѣт Циндао стало слишком популярным, слишком многолюдным морским курортом, а близость от Шанхая и поразительная для курорта дешевизна, даже в разгар сезона, дѣлают его доступным самому скромному по своим достаткам дачнику.

В Циндао сконцентрировано много достоинств, а недостатков, наоборот, весьма немного. Этот город, с моря напоминающiй нѣмецкiе городки, раскинулся на фонѣ живописных Ляошанских гор. Бухта удобная для судов и если при приближенiи к Циндао с моря она не так чарует, то вид из города, особенно с балконов, веранд и „руфов," на бухту, на внутреннiй рейд такой прекрасный, что с трудом отрываешь взор и кажется, что никогда не устанешь им любоваться. Город лежит перед глазами, как на ладони, во всей прелести кокетливых, опрятных каменных домиков европейскаго, стандартнаго типа, потом сиреневая чаша залива, также окаймленнаго горами и влѣво море, его безконечная и волнующая гладь. Еще живописнѣе, еще болѣе убѣдителен вид на море с холмов „Ильтус-Хука."

Море чистое, изумруднаго отлива, при этом,

как утверждают врачи, с рѣдким, по полезным для здоровья качествам, составом воды. Солнца сколько угодно. Кругом много хвойнаго лѣса. Много полевых цвѣтов, отличныя дороги по ближайшим холмам и для автомобилей, и для верховой ѣзды, и для прогулок пѣшком. Сотнями съѣзжаются в Циндао дачники отовсюду, теперь пріѣзжает туда много китайцев, а русских в сезон 1933 года было свыше двух тысяч; но осѣдлые жители Циндао без всякой рисовки считают лѣтніе мѣсяцы симыми худшими в году: іюнь сырой, часто идут дожди и висит туман над городом, в іюлѣ слишком жарко, бывают и в августѣ дожди, а подлинно прекрасное время настает только в сентябрѣ и длится весь октябрь и даже ноябрь. Зима мягкая, часто выпадает снѣг. И дивная весна, когда все Циндао утопает в цвѣтущих акаціях, благоухает сиренью, от аромата которой у гуляющих сладко кружится голова.

Хорош вид на набережную. Как из рога изобилія высыпанныя по ея асфальтовому простору, лицом к морю, выстроились в ряд виллы, одна другой импозантнѣе и нарядиѣе: это состоятельные японцы и китайская служилая аристократія торопливо обзаводятся здѣсь своими собственными барскими домами, инстинктом чуя, что больше уже никаких военных гроз над Циндао проносится не будет: Желтое море, в стратегическом отношеніи, как предсказывалось уже и нашими военными авторитетами, ген. Н. Головиным и адмиралом Бубновым в их трудѣ о „Тихоокеанской проблеммѣ", стало внутренним японским морем и ни

одна великая держава, в случаѣ войны, не будет японцами подпущена и близко к Циндао.

В Циндао удивительно гармонически сочетаются плюсы большого города: шутка сказать, к серединѣ 1933 года населеніе Циндао подходило к 500.000 душ, с достоинствами подлиннаго курорта, а, в пригородах, и деревни.

Здѣсь есть большіе и всѣх сортов и на всѣ вкусы магазины, есть кафэ, пивныя, есть клубы, кондитерскія, фотографіи, увеличивается число кинематографов, выходят газеты: китайскія, японскія и „Циндао Таймз" на англійском языкѣ, Здѣсь живут врачи, большого опыта и знаній, имѣется огромный ипподром, выстроен для людей, живущих спортом, замѣчательный, лучшій в Китаѣ, весь из сѣраго камня, Стадіон, для любителей гольфа-просторы Рэйс-корса, есть в Циндао образцовыя молочныя фермы, разводятся козы для слабогрудых, а, рядом, всѣ прелести подлиннаго дачнаго житья. Можно устроиться как угодно, от роскошных вилл до скромных халуп, можно даже жить в палаткѣ и, все таки, грѣться на солнцѣ, купаться в морѣ, дышать, послѣ Шанхая или Тяньцзина, здоровым, просоленным воздухом сосѣдствующих с Циндао безкрайних водных просторов.

По благоустройству, Циндао лучшій из китайских городов - китайская администрація вот уж нѣсколько лѣт не жалѣет ни трудов, ни денег, чтобы держать Циндао на той высотѣ санитарных требованій, общаго комфорта и поддержанія курортной красоты, на которой Циндао держали нѣмцы, а, потом, вслѣд за ними, японцы.

Прокладываются, в пріятной для глаза симметріи, новыя, просторныя дороги, однѣ утрамбованныя гравіем, другія залитыя асфальтом, ведутся большія работы по прокладкѣ водопровода к отдаленнѣйшим концам города и трубы канализаціи. В сто тысяч долларов городскому самоуправленію обошелся стадіон, в удивительном порядкѣ содержится огромный городской парк, в котором представлены всѣ виды китайской флоры, от хвойных посадок сѣверных районов Китая, до причудливой пышной растительности южных широт. Тут же бьют фонтаны, через канальчики перекинуты мостики, выращиваются персики, растут дыни, арбузы, без конца тянутся виноградныя посадки и т.д. За два года, что я не был в Циндао там многое измѣнилось к лучшему: выросли цѣлыя улицы и эти новыя улицы застроены домами и домиками самой интригующей архитектуры, словно эти дома и домики, по циндаоски именующіеся „виллами", только что соскочили с иллюстрированных страниц европейских и американских архитектурных журналов. Сказать кстати, — Циндао это единственный город в мірѣ, гдѣ русскіе эмигранты живут в собственных виллах.

Большим украшеніем для набережной является зданіе музея-акваріума, выстроеннаго в національно-китайском стилѣ, но с примѣненіем достиженій современной строительной техники. Этот акваріум тянется своей зубчатой стѣною вдоль морского берега, а, вечером, он весь горит и сверкает безчисленными лампіонами, как нѣкая китайская діадема из бриллiантов и рубинов.

Выстроена в 1933 году, при популярном „Циндао-кафэ", веранда, выходящая на море, с бѣлой коллонадой по фасаду. Здѣсь и китайская, веселящаяся по европейски, „золотая" молодежь и богатые иностранцы с дамами, и столы китайских сановников, любящих в лѣтніе мѣсяцы отдохнуть на циндаосских просторах от треволненій правящаго Нанкина или шанхайскаго дѣльчества.

А когда на небѣ, над заливом, повиснет полная луна, когда в ресторанѣ, с эстрады несутся волшебныя звуки скрипки русскаго скрипача, виртоуза ресторанных мелодій, и когда глаза ваши, под чарующую музыку, бѣгут с веранды по серебрянному ковру лунных лучей, на глади спокойнаго моря, вам дѣйствительно кажется, что вы в каких то садах Эдема, что перед вами творится симфонія незабываемой красоты.

В Циндао, как и в Шанхаѣ, Восток вплотную соприкасается с Западом, но при этом Восток находится здѣсь в явном обученіи у Запада: как надо отдыхать по европейски.

Восток скачет в модных костюмах для верховой ѣзды цѣлыми кавалькадами по тѣнистым, лѣсным дорожкам, Восток с увлеченіем играет в теннис или гольф, Восток, по рецептам Запада, освобождает от одежды бренное чоловѣческое тѣло для ласк жаркаго солнца или порывов упругаго, крѣпкаго в тайфун морского вѣтра; Восток носит как и европейцы, всѣх нивелирующіе, трусы, рубашки с короткими рукавами, упивается фокстротом и флиртует по образцам, преподаваемым с кинематографических экранов Холливуда.

Особенно замѣтно это подраженіе новаго по-

колѣніи китайцев, китайской молодежи обоих полов, европейским курортным стандартам на Странд-бичѣ и в пляжных павиліонах для пятичасовых танцев, гдѣ Восток тянет через соломинку „софт-дринки", не отказывается от коктэйлей, но больше всего любит мороженое.

Нѣжныя, удивительно стройныя, китаянки в легких, лѣтних платьицах, с высоким по боку разрѣзом, открывающим смѣло прелестную ножку и их гибкіе, юные кавалеры, с тѣлом цвѣта старинной бронзы, мускулистые и увѣренные в себѣ.

На рейдѣ Циндао всегда покоятся на глади вод то тѣ, то другіе суда азіатских флотов великих держав: то американскій флагманскій крейсер, пришедшій с Филиппин, а иногда и цѣлая эскадра истребителей и подводных лодок, то грузная британская авіо-матка из Гонконга, французскій корабль, обшитый тяжелой бронею, рейсирующій по маршруту Сайгон-Шанхай-Циндао. Не видно только никогда японских судов, таинственных гегемонов азіатской половины Великаго океана, который преждевременно и напрасно, назвали Тихим. Циндао-прекрасный город и чудесный морской курорт. У этого города большое будущее.

*

* *

Шанхай не так „на морѣ", как Циндао. Шанхай от моря отдѣляют: 1) Вампу, 2) Вузун, 3) дельта великаго Ян-Цзе-Цзяна. Короче говоря, Шанхай от моря за десяток миль. Не так в Циндао.

Идет, напримѣр, по морю тайфун: и сразу все Циндао поднимается на ноги! А Шанхай равнодушно переворачивается на другой бок, опять закрывает глаза и начинает мѣрно и безразлично всхрапывать. Его это дѣло не очень касается! Есть управленіе над портом. Имѣются моряки и, как машина дѣйствующій, аппарат „лоціи". В Шанхаѣ тайфун сказывается только безконечными потоками дождя. Иногда, из рут дэ Сер или на улицѣ Валлон, поближе к французскому колледжу, канавки выступят из „берегов". И будет мокро ѣхать, в мокрой рикшѣ, в кинематограф. Как не силен тайфунный вѣтер, он утомяется гулять по безконечным авеню, „родам", алувеям, „рю" и прочим закоулочкам огромнаго города „при" морѣ.

Не то в Циндао. Здѣсь море прямо перед всѣм городом. Море видно отовсюду. Порт Циндао стоит на самом морѣ. Все, что дѣлается на морѣ — волнует, интересует, радует или тревожит Циндао.

Тайфун это не роман для Циндао, не сказка, а самая подлинная реальность. Здѣсь тайфун тотчас становится злобой дня, как только поступило радіо о его приближеніи:

— „Тайфун проходит Циндао в одиннадцать ночи".

Эта вѣсть, как молнія, проникает и порт и город, и, раскинувшіяся за городом, дачи. Возвращаются срочно в порт всѣ тѣ суда, которые могут возвратиться до тайфуна. Отмѣняется выход судов, как бы не были велики эти суда. Нѣкая жуть заползает в душу: тайфун, тайфун!

Потому что тайфун для Циндао это не только и не столько дождь потоками... это еще и вѣтер. Вѣтер, который рвет крыши, распахивает двери, вдребезги разбивает стекла оконных рам, Вѣтер, который выметает от прохожих сразу всѣ улицы прибрежнаго городка, который угрожает, если вы на улицѣ, убить вас вывѣской, который может снести человѣка с гранитной набережной, прямо в стихію разбушевавшихся вод.

Вѣтер, тугой, словно живой и мстительный дракон, толкает вас в спину, гонит вперед, не дает дышать, того и гляди, вот вот поднимет и закрутит.

Кромѣ вѣтра, при тайфунѣ, в ушах все время грохот бѣснующагося моря. Море ревет и стонет, море гудит, грохочет, — страшно море во время тайфуна! Оно и для глаз ужасно.

Даже в тихой циндаоской бухтѣ оно покрывается зловѣщими барашками все нарастающих волн. Оно подступает к самым кабинкам пляжа. В ярости оно кидается на скалы, гложет и бьет их.

Но вот тайфун прошел. И сразу опять все не так, как в Шанхаѣ. Циндао преображается послѣ тайфуна. Тайфун, чисто начисто, вытирает небо, бирюзовую чашу, от всяких облаков. Надраивает ее словно пред адмиральским смотром. Воздух сразу становится не только хрустальным в своей прозрачности, но таким свѣжим, таким бодрящим, таким упоительным, что вы ходите, преисполненный радостью, вдыхаете этот чистѣшій элексир буйной молодости и пьянѣете на воздухѣ, как от добраго вина.

Цѣлый день послѣ тайфуна, на небѣ не появится ни единаго облачка. Цѣлый день, несмотря на горячее солнце, не жарко.

*
* *

Кто хочет дѣйствительно отдохнуть душою, от забот и треволненій, кто хочет дышать чистым, свѣжим, вкусным воздухом, напоенным запахом хвои и ароматами полевых цвѣтов, кто хочет насытить свои глаза красотою, тому надо ѣхать лѣтом в Ляошанскія горы.

Эти горы как бы служат дополненіем к курортным достоинствам Циндао — туда, из Циндао, ѣздят пикниками: час с четвертью на автомобилѣ и часа два пѣшком, через перевал, пока не доберетесь до долины, в которой расположено нѣсколько европейских домиков, в дополненіе к двум, трем крохотным китайским деревенькам.

Здѣсь все не так, как в Циндао: нѣт автомобилей, нѣт улиц, нѣт толпы и царит умиротворяющая нервы, благостная тишина: только издали доносится шум горнаго потока да под струями солнечнаго свѣта в іюль-августовскую пору неумолчно звенят и поют цикады.

Постоянные циндаосскіе жители, которые много раз и по разным поводам бывали в горах Ляошана и которым привычны всѣ их красоты говорят, что в Ляошанѣ... скучновато.

И вѣрно, должно быть, зимою, если жить в полном уединеніи и одиночествѣ среди гор, покрытых снѣгом, в вѣчной тишинѣ, когда рукой

подать до портоваго города Циндао и всего сутки ѣзды до города — гиганта, Шанхая, со всѣми его соблазнами, — в Ляошанѣ может показаться скучновато. Но если ѣхать из людных центров на отдых, если лѣчить городскіе нервы, если любить природу, нѣт вблизи Шанхая мѣста лучшаго, чѣм Ляошан.

Лѣтом здѣсь жарко, но это не парная баня лѣтняго Шанхая, это не влажная жара, как в Циндао, гдѣ все покрывается плесенью еще скорѣе, чѣм в Шанхаѣ: это сухая жара, легко переносящаяся организмом. В Ляошанѣ, с начала августа, ночи пріятно-прохладны, а чѣм ближе к сентябрю, тѣм чаще ночами приходится прикрываться одѣялом. Ляошанскія горы вулканическаго происхожденія и, постоянно там живущіе европейцы, склонны думать, что долина Ляошана это кратер давным давно потухшаго вулкана.

На это, по их мнѣнію, указывает причудливый рисунок горных вершин; онѣ как бы толпятся, громоздятся к небу зубчатыми рядами, иногда образуя удивительныя сочетанія. Вот — „мыслитель" с огромной головою и лбом Муссолини как бы нагнулся над столом в позѣ величаваго раздумья, вот химера, словно скопированная с химер Собора Парижской Богоматери, дальше вы можете отчетливо разглядѣть очертанія львиной головы — так причудливы эти камни на вершинах ляошанских хребтов.

Или, что особенно привлекает пытливый ум, это камни, поставленные на камни, совсѣм у неба, на вершинах, работа каких то циклопов или слѣды геологическаго грандіознаго изверженія.

В долинѣ течет рѣчка. Вода в ней мягкая и прозрачная, как бывает прозрачна вода только горных рѣк, по берегам которых немного человѣческаго жилья. Эту воду пьют прямо из рѣки, роскошь, которую нельзя себѣ позволить ни в одном из городов Китая, тѣм болѣе в китайских деревнях.

Поклонники Ляошана утверждают, что вода в горной рѣчкѣ содержит в себѣ цѣлебныя для организма свойства, что она „радіактивна". Как бы там ни было, в заводях, образуемых этою рѣчкою, очень пріятно купаться и холодныя текучія струи удивительно освѣжают, бодрят и пришпоривают не только „физику", но и „психику" человѣческаго организма. В Ляошанѣ есть еще одно немаловажное для европейца преимущество: несмотря на то, что кругом много пашень и огородов — растет гаолян, ячмень, всходит рожь, овес, пшеница, взращиваются всѣ виды потребных сосѣднему городу овощей, — здѣсь не пахнет классическим китайским удобреніем, от „духа" котораго в Китаѣ никуда не дѣнешься, нигдѣ не убережешься.

Замѣчательны прогулки в Ляошанѣ: итти ли к водопаду, или по автомобильному шоссѣ к „Мекленбург хаузу", итти ли в сторону моря — всюду глазам открываются красоты, которыя легче передать на полотнѣ кистью, чѣм разсказать словами.

Европейских домиков в Ляошанской долинѣ и до сих пор очень немного; среди них выдѣляется дом архитектора нѣмца, построенный в стилѣ древняго замка, примостившійся к горѣ, как нѣкій форт старо-германской крѣпости, „орлиное

гнѣздо".

Лѣтом 1933 года я жил в Ляошанѣ в китайском монастырѣ. Была своя красота и волнующая поэзія в окружавшей меня обстановкѣ: монастырь небольшой, нѣсколько пожилых монахов, один с густой бородою, два, три монаха помоложе, священник с косой лежащей на головѣ, по женски, с грустными сосредоченными, глубокими глазами, и храм. Храм тоже небольшой. Скорѣе бѣдный, каких тысячи и десятки тысяч разсѣяны по просторам Китая. На алтарѣ, за стеклом, изображеніе Будды, перед застекленным изображеніем, нѣкіе сващенные предметы на стѣнѣ, что позади алтаря, священныя надписанія на красном шелкѣ, лопастыми іероглифами.

Когда приходит молящійся, — курятся чадныя свѣчи, а ему в руки дается сосуд из слоновой кости, как стакан от шрапнели, в сосудѣ содержатся тонкія палочки дощечки тоже с начертаніями, тоже из слоновой кости, но скорѣе напоминающія китовый ус. Молящійся становится пред алтарем на колѣни, трясет в обѣих руках сосуд, палочки колотятся о края, давая характерный звук, и часто снаружи у входа гудит барабан и серебром звенит колокольчик. Крѣпка еще древняя вѣра. Примитивные обряды полны глубокаго, сокровеннаго смысла в сознаніи вѣрующих. Большую часть дня священник, в бѣлых одеждах, проводит в чтеніи и письмѣ. Он почти ничего не ѣст. Он живет той же скудной жизнью, как и монахи, А рядом с помѣщеніем для священника хлѣв, живут черныя, мохнатыя, китай-

скія свиньи.

Воду по утрам для умыванія приходилось брать, вмѣстѣ со всей монастырской братіей, прямо из большого глинобитнаго жбана, черпать воду ковшом из одеревенѣвшей тыквы,

Тут-же рядом, вдоль стѣны каменной фанзы для монахов, стояли кадушки, куда предлагалось доставлять человѣческія отбросы в цѣлях сбора удобренія примѣняемаго китайцами на протяженіи тысячелѣтій.

Вся жизнь монастырская замыкалась одним двориком, а на сосѣднем дворикѣ была расположена шумливая деревенская школа, гдѣ грамотѣ учат вслух и всю премудрость одолѣвают гамом и гдѣ учитель методично, в случаѣ надобности, примѣняет, как и в образцовых англійских школах Шанхая, тѣлесное наказаніе. Сзади кафедры цвѣтное изображеніе д-ра Сун Ят-сена в голубом президентском мундирѣ, шитом золотом.

Ночью над нашим монастырским двориком, когда не было туч, была опрокинута чаша чистаго, бархатнаго неба с большими горными звѣздами. Пахло то волнующей свѣжестью горных просторов, то курительными свѣчками храма. Вдали, иногда, по деревенски лаяли собаки. Им вторил подчас и наш монастырскій пес. До глубокой ночи, при керосиновой лампѣ, что то читал и что то писал священник. А кругом стояла глубокая и полная ляошанская тишина.

ШАНХАЙ-ГОРОД ВЕЛИКІЙ.

Писатель Вл. Крымов, в книгѣ „Радость бытія“, внимательно, долго и ласково описывал Японію, но Шанхаю от него досталось. Фельетон о Шанхаѣ назван: „Город спекулянтов“

Спекулянты, конечно, имѣются в Шанхаѣ и в большом количествѣ, — как им здѣсь не быть, когда через Шанхай все серебро вливается в Китай и всѣ валюты, уходящія за предѣлы Китая, — из Шанхая выливаются. Шанхай главный торговый, распредѣлительный и главный промышленный центр Китая.

— „Мнѣ особенно нравятся, — отмѣтил в своей книгѣ этот русскій писатель, — шанхайскіе городовые — индусы“. Но в Шанхаѣ имѣются городовые китайцы, городовые аннамиты, даже гордые англичане начинают свою службу в полицейских рядах почти городовыми и не мало уже пролито русской крови в Шанхаѣ на полицейских постах, а защиту порядка и спокойствія.

Кромѣ спекулянтов, в Шанхаѣ уже сто лѣт селятся честные труженники городских самоуправленій, превратившіе этот город на болотѣ в один из пяти величайших городов міра. В Шанхаѣ многіе люди отдавали и отдают все свое время и всѣ помыслы свои религіозной дѣятельности, вмѣстѣ с которой они ведут широкую просвѣтительную, благотворительную и даже научную работу.

Говоря о Шанхаѣ, никогда не надо забывать, что в нем имѣется нѣсколько хорошо поставленных университетов, с факультетами естественных

наук, функціонируют научные институты, ведется напряженаая работа авторитетнаго экономическаго изученія Китая, а, с приходом в Шанхай русских, стал напряженно биться и пульс художественной жизни: музыка, живопись, вокальное искусство, хореографія.

Цѣлая плеяда талантливых архитекторов разных національностей с завидным рвеніем украшают этот международный город прекрасными зданіями, от которых не отказались бы столицы.

В Шанхаѣ молодежь, независимо от расы, вѣры и цвѣта кожи своих отцов, получает все болѣе систематизируемое образцовое начальное образованіе и шанхайская начальная школа, как потом и средняя, быстро вырабатывают в шанхайских дѣтях чувство здоровой любви к этому городу многих націй, но одной общей судьбы которую можно опредѣлить так: „хорошо положеніе в Шанхаѣ — каждому хорошо; плохо станет Шанхаю, каждому будет плохо, не зависимо от того, сколько военных судов в порту держит его далекая родина и какой финансовой мощи банки представляют его государство на линіи величаваго Банда.

У шанхайских иностранцев не исключеніе, а общее правило, что дѣти завершив свое образованіе в Европѣ или Америкѣ, непремѣнно возвращаются, чтобы жить и работать в Шанхаѣ. Хотѣлось бы, что бы и наши дѣти прониклись тѣм же мѣстным патріотизмом, который не убивает и не должен убивать любви к Россіи.

Шанхай связал себя с цѣлым рядом историческах событій первостепенной важности и всякій

раз, когда Шанхаю начинает угрожать какая либо серьезная опасность, — будь то всеобщая стачка, коммунистическое возстаніе или наступленіе на Шанхай вооруженных сил, весь мір, буквально, приходит в волненіе и в Шанхай спѣшат военные корабли и транспорты с дессантами, с поспѣшностью, как на пожар. Потому что, если пламя экономическаго бунта или политической революціи вспыхнув, взовьется к небу, и не будет сбито и погашено во время, то в этом пожарищѣ погибли бы несмѣтныя богатства, лишиться которых не хочет ни одна страна.

Если вы слышите в Шанхаѣ о грандіозных сдѣлках и, иногда, случаются здѣсь крахи, предпріятій, оказавшихся дутыми, если десятки, нѣт, сотни автомобилей, из вечера в вечер, устремляются, по главным артеріям города, к мѣстам организованнаго азарта, будь то собачьи скачки, канидром, или испанская игра „хай-алай," если в этих, коллосальных размѣрами, помѣщеніях вы видите тысячныя куда хватает глаз толпы народа, то не дѣлайте ошибки, что весь Шанхай стоит на азартѣ, им живет и ему служит: помните всегда, что в городѣ с трехмилліонным считанным населеніем легко создать любое скопленіе народа, всегда найдется элемент, жаждущій пьянящих утѣх рискованной игры.

В Шанхаѣ играют не только на собаках, играют на курсах валют и фондах всѣх стран и бирж, золото и серебро оборачивается в Шанхаѣ, „мѣняет руки," с головокружительной быстротой и в астрономических цифрах, но если бы этого водоворота цѣнностей не было, мог ли бы существо-

вать и зарабатывать город, в котором нашли себѣ пропитаніе и приложеніе своей энергіи, предпріимчивости, изобрѣтательности представители до пятидесяти разных національностей, собравшихся со всѣх концов земли.

Помимо банков в Шанхаѣ есть десятки клубов, гдѣ бьется напряженно пульс общественной жизни и Шанхай является прекрасной политической школой, из которой вышли на широкое поле государственнаго служенія не мало выдающихся дѣятелей современнаго Китая.

Исторія Шанхая разбивается на два періода, современный, с прочнаго обоснованія здѣсь иностранных поселеній, которому насчитывается около ста лѣт и період прошлый, до того, как на берегах Вампу стали размежевываться иностранныя концессіи.

В результатѣ неудачной для Китая войны (первая «опійная» китайско-европейская война 1839-42 г. г.) три великих державы заставили силой открыть пять портов, а, именно, — Шанхай, Кантон, Фучжоу и Нинбо для веденія иностранных поселеній, каковые порты Китай держал до того наглухо закрытыми, не смотря на настоятельную потребность вступить с сношенія с остальным міром. Осознали эту необходимость сидѣвшіе в Нанкинѣ тѣх времен мандарины только тогда, когда побѣдоносная британская армія захватила в іюнѣ 1842 г. Вузун и заняла Шанхай.

Но и послѣ вынужденой уступки, европейцы продолжали, на протяженіи ряда лѣт, оставаться в глазах китайцев варварами, которые несли с

собой смерть націи и гибель династіи, и чья цивилизація была основана на алчности, предательствѣ и крови.

Бытіе иностранным поселеніям в Шанхаѣ дано двумя договорами: Нанкинским трактатом, подписанным 29 августа 1842 года и добавленіем к нему от 8 октября 1843 года. Однако торговля Шанхая развивалась довольно медленно, пока не был подписан Тяньцзинскій договор в 1849 году, открывшій иностранцем торговлю в портах по рѣкѣ Ян-Цзе-Цзяну и на сѣверном побережьи Китая.

Что касается древняго Шанхая, то хотя в разговорах европейцев об этом времени горделиво указывается, что Шанхай был прежде до них ничтожной рыбачьей деревушкой однако, исторія уводит нас к пятому вѣку, когда в 466 году по Р. Х. князь Сун отдал приказ связать Сучжоу, в тѣ времена крупный торговый центр, с дельтой великой Голубой рѣки.

Сучжоускій канал, который тянется от Вампу до Сучжоу и озера Танку, — в двѣнадцати милях от устья Ян-Цзе-Цзяна, имѣл деревушку Ху-Ту, в которой жили рыбаки и которая должна была стать перевалочной пристанью для товаров, шедших в Сучжоу. Но кормчіе караблей того времени не согласились с этим административным распоряженіем и проводили корабли дальше по каналу, который назывался Вузун-Цзян и, на протяженіи столѣтій, маленькая деревушка Ху-Ту не развивалась. Портом для Сучжоу стал служить городок Цин-Лу, который был на двадцать миль ближе к Сучжоу, чѣм Ху-Ту.

Набережная в Шанхаѣ (Банд)

Но, вот, канал начинает мало по малу заноситься илом, он суживается, большим кораблям все труднѣе становится доходить до Цин-Луна и капитаны, волей неволей, вынуждены начинать разгрузку своих заморских товаров на илистых берегах деревеньки Ху-Ту, которая теперь получает новое наименованіе Хуа-Тин-Хай. Перемѣна наименованія произошла потому что деревушка Ху-ту попала под начало городка Сун-цзяна, тогда именовавшагося Хуа-Тин. Сун-Цзян, прежде, был связан с морем рѣкой Вампу. Однако, наступленіе ила дѣлало свое дѣло, связь Сун-Цзяна с морем становилась все труднѣе и мѣстныя власти рѣшили рыть второй канал, от Вампу до деревеньки Ху-ту, которая пріобрѣтает таким образом значеніе центра, в ней, благодаря сближенію двух каналов и рѣкѣ, сосредотачивается оживленная торговля. Ху-Ту, ставшая Хуа-Тин-Хай, дѣлается, наконец, городом Шанхаем. Торговля всей округи и налаженная связь с морем укрѣпляют Шанхай, так как оба, искуственно вырытых, канала от столѣтія к столѣтію все болѣе затягиваются илом, несомым высокими водами Ян-Цзе-Цзяна.

В 1588 году торговое значеніе Шанхая настолько утвердилось, что он становится административным центром округа и имѣет до пяти пригородных деревень. В Шанхай часто жалуют купцы арабы и на него не раз совершали налеты японскіе пираты. Эти пираты с отдаленных островов нынѣшней Японіи, завладѣв островами Цун-мин в устьѣ Ян-Цзе-Цзяна, дѣлали оттуда свои набѣги на Шанхай.

Особенно тяжелой судьба Шанхая была в 1543 году, когда, для отраженія пиратов, пришлось отправить цѣлую экспедицію императорских войск. Но и императорскіе войска не раз терпѣли жестокія пораженія от храбрых и хорошо организованных пиратов. При чем, лѣтописи отмѣчают, что успѣхам японских пиратов помогали их китайскіе товарищи по профессіи, а также и другіе контрабандисты разных національностей, которых как тогда, так и теперь было не мало в районѣ города, нынѣ извѣстнаго, как один из пяти величайших морских портов на землѣ. В распоряженіи пиратов тѣх отдаленных времен были, как указывают китайскія хроники, „черные рабы" и „бѣлые черти," что дает нам основаніе предполагать, что, самостоятельно, ни португальцы, ни индусы в средніе вѣка не доходили до Шанхая. Шанхай, словом, нѣсколько раз подвергался разгрому; огнем и мечем проходил по его стогнам жестокій враг, но, всякій раз, он возрождался довольно быстро.

Прочное знакомство европейскаго торговаго міра с Шанхаем надо считать начавшимся с 1832 года, когда два мореплавателя Гуцлаф и Линдсэй прибыли сюда, один, как пламенный миссіонер, другой желая завязать торговлю с этим, тогда еще небольшим, портом.

Но и послѣ того, как в Шанхаѣ поселились европейцы и были созданы концессіи, в первом выпускѣ „Герольда Сѣвернаго Китая," (North China Herald) от 3 августа 1851 года, в котором приводится полный список иностранных резиден-

тов, указывается, что таковых было здѣсь всего лишь сто пятьдесят семь человѣк, а торговых фирм в Шанхаѣ тогда насчитывалось не больше двадцати пяти.

Если приближеніе к Шанхаю с моря, когда, среди желтѣющаго простора морских вод, уже несущих мирріады частиц ила и всего прочаго, что выбрасывает в море Ян-Цзе-Цзян, появляется длинная, узкая, зеленая полоса низкаго, едва выступающаго над водной поверхностью, берега, никого прельстить не может, то, сразу же вступив в устье рѣки Вампу и двигаясь медленно по рѣкѣ к самому городу, вы видите и всѣм существом своим ощущаете, что попали, дѣйствительно, в колоссальный порт.

Сотни джонок, с их, под прямым углом поставленными парусами, бураго цвѣта, потому что, для прочности, паруса выдублены в бычачьей крови, безконечныя вереницы, рядами, то ползущих, то шмыгающих катеров разной величины в серединѣ фарватера или ближе к берегу, суда всѣх очертаній и форм, как рѣчныя, так и морскія, вплоть до океанских гигантов, которые тоже могут входить в Вампу, добираясь, медленно и осторожно, до самаго Шанхая.

Тѣ двѣнадцать миль, что отдѣляют Шанхай от, находящейся в устьѣ Вампу, крѣпости Вузун, которую японская артиллерія разбила в февралѣ 1932 года, дают вам возможность сразу понять, в чем защита Шанхая и в чем его коммерческая и индустріальная мощь. По берегам, особенно послѣ того, как проплывут широкія лужайки и кра-

сивые, типично англійскіе, корпуса зданій Шанхайскаго университета, куда хватает глаз вы видите пристани, причалы, склады, которые в Шанхаѣ называются „годаунами,“ баки с нефтью, портовыя конторы, горами сложенные и прикрытые от дождя циновками, грузы.

Эти грузы сюда приходят и отсюда уходят в Америку, в Калифорнію и в Канаду, а также в порты Южной Америки, в Японію — больше всего; затѣм на Филиппины, в Австралію, в Новую Зеландію, на острова Малайскаго архипелага, в Сайгон, в Сингапур, в порты, нам отсюда уже не кажущейся загадочной, Индіи, в Европу через Суэц, вплоть до Лондона, вплоть до Гамбурга, прямым морским путем, и Роттердама.

Грузовые и пассажирскіе пароходы, посѣщающіе шанхайскій порт, приходят буквально со всѣх стран, гдѣ имѣются морскія пароходныя компаніи, приходят под всѣми существующими флагами на землѣ: пассажирскіе пакетботы англійских пароходных компаній, нѣсколько старомодные, но очень удобные, на которых по англійски хорошо кормят и заставляют к обѣду переодѣваться в вечерній костюм, элегантные пассажирскіе корабли „Мэссажири Маритим“ и, входящіе теперь в Шанхаѣ в моду, итальянскіе быстроходы, пароходы „Ллойд Трестино“.

Но самым знаменательным в порту событіем считается приход пассажирских гигантов из Америки, из Ванкувера, Сіатля, Сан-Франциско, пароходы „Императрицы“ и „Президенты“, из них самый колоссальный „Президент Хувер“ со своим двойником „Президентом Кулиджем“.

Всѣ эти пароходы везут в Шанхай товары и людей и для всѣх для них находятся в Шанхаѣ и пассажиры и товары вплоть до „бѣлаго" товара, — наркотиков, вплоть до револьверов, иногда провозимых контрабандой, даже в рефрижераторах.

Чего только не везут, со всѣх концов свѣта, в шанхайскій порт — из Англіи шерстяныя матеріи и пряжу, машины, обувь, из Америки автомобили, радіо аппараты, фрукты, даже овощи, хлѣб, из Японіи посуду, матеріи, обувь, фотогрфическіе аппараты, хрусталь, консервы, овощи, фрукты, пиво, рентгеновскіе кабинеты, разнообразнѣйшія машины, все, что угодно; из Италіи прямо в Шанхай приходят за гроши мессинскіе лимоны, из Владивостока идет лѣс, рыба, нефть, из Германіи медикаменты, из Франціи вина, туалеты для дам, изящныя издѣлія, парфюмерія. Для того, чтобы перечислить подробно ввозимыя фабикаты надо было бы писать отдѣльную книгу, не смотря на то, что Китай в статистикѣ всѣх экспортирующих стран занимает самое низшее, среди других, мѣсто, per capita.

Европейскіе, американскіе издѣлія, как бы они не были хороши и как бы в них Китай, в массѣ своей, не нуждался, не могут, однако, получить здѣсь широкаго распространенія из за бѣдности народных масс и высоты ввозных тарифов. Но на Шанхай и этой усѣченной торговли хватает: по точным статистическим данным через Шанхай проходит 51 процент прямой ввозной торговли на весь Китая и 35 процентов прямой вывозной торговли, что, приняв в вниманіе 400

или даже 500 милліонов трудящагося населенія Китая, должно дать представленіе, о размѣрах и размахѣ шанхайской торговли.

В Шанхаѣ, в среднем, всегда находится в мѣстных банках, серебра на полтораста милліонов долларов в обращеніи, не считая тѣх серебряных гор, которыя сосредоточны в кладовых иностранных и нѣкоторых китайских банков, мертвым капиталом, на храненіи из провинціи.

По данным переписи, производившейся в серединѣ 1933 г., населеніе Шанхая исчислялось в 3,156,151 человѣк, из которых количество иностранцев выражалось в цифрѣ 59,285. Принимая во вниманіе, что, по данным этой переписи, русских в Шанхаѣ насчитывалось всего семь с половиной тысяч, тогда как сами мы считаем, что нас здѣсь в два раза больше, то надо полагать, что цифры указанной переписи скорѣе меньше, чѣм больше дѣйствительных: точно извѣстно, что с 1920 г. иностранное населеніе Шанхая удвоилось. Во всяком случаѣ Шанхай является пятым, по количеству жителей, городом в мірѣ, слѣдуя непосредственно за Нью-Іорком, Лондоном, Берлином и Осака. Кромѣ того, Шанхай должен быть признан самым космополитическим городом в мірѣ — здѣсь проживают представители свыше пятидесяти націй.

Как того требуют учебники географіи, вслѣд за населеніем надо отмѣтить климат Шанхая, который мы охарактеризовали бы состоящим из двух крайностей — угнетающей, жаркой духоты с середины іюля по сентябрь, когда из города бѣгут всѣ европейцы, кто может, и пронзительной,

холодной сырости в январѣ и февралѣ, когда бывает и снѣгопад. Весна в Шанхаѣ короткая и неопредѣленная, за то осень чудесная, начинается она теплыми, солнечными днями с середины сентября и длится чуть ли не до новаго года.

Что касается населенія, то Шанхай вобрал в себя представителей китайской расы со всѣх концов этой огромной страны: здѣсь, буквально, в том или ином количествѣ представлены всѣ китайскія провинціи. Больше всего в Шанхаѣ китайцев из провинціи Цзяньсу, на территоріи которой он стоит, — по послѣдней переписи их было 500.576 человѣк. Слѣдующими по количеству являются чжэцзянцы, к этой провинціи Шанхай примыкает, — их 304,779, кантонцев здѣсь до сорока тысяч, но из далекой провинціи Ганьсу выходцев всего меньше — перепись насчитала только 19 человѣк. Языком, царящим в китайском Шанхаѣ, должен быть признан мѣстный шанхайскій діалект, хотя в этом огромном людском морѣ можно слышать всѣ китайскіе діалекты, которые правильнѣе было бы считать отдѣльными языками, так как шандунец не понимает шанхайца, а шанхайцу не легко объясниться с кантонцем, всѣх их объединяет единая для всѣх діалектов китайская письменность да еще, за послѣднее время, универсальный англійскій язык, в его мѣстной, упрощенной интерпретаціи, который изучается во всѣх средних, высших и даже низших школах Шанхая.

Шанхай состоит из трех частей-международнаго сеттльмента, управляемаго муниципальным совѣтом, французской концессіи, во главѣ которой

стоит назначаемый городской совѣт во главѣ с генеральным консулом, на правах градоначальника и китайскаго города, в который входят Чапей, на сѣверо-восток от центра, Нантао между р. Вампу и французским городом, и Путун, на противоположному берегу рѣки Вампу.

Для иностранной торговли Шанхай был открыт, как договорный порт, 17 ноября 1843 г., согласно, как сказано было выше, положенiй Нанкинскаго договора, подписаннаго в августѣ 1842 г. Сразу он прiобрѣтает довольно важное значенiе в торговлѣ как с заграницей, так и с внутренними районами Китая. Англичане первыми фиксируют здѣсь свои земельные права еще 1845 г., затѣм, на протяженiи нѣскольких послѣдующих лѣт, создается американскiй сеттльмент в нынѣшнем районѣ Хонкью и французская концессiя, цѣлый, в сущности, город.

Американскiй сеттльмент, по началу, не был признан оффицiально и в 1863 году влился в состав международнаго сеттльмента. Произошло это слiянiе потому что американскiй консул не мог изыскать достаточных средств на то, чтобы вести удовлетворительно работу по городскому благоустройству. Кромѣ того, район Хонкью стал прибѣжищем темнаго элемента, всѣх тѣх, кого судьба или стеченiе обстоятельств, загнав в Китай, заставляли и здѣсь избѣгать частых встрѣч с властями. Отсюда и пошел на англiйском языкѣ глагол „зашанхаить", равносильный нашему глаголу „угробить". Американцы не имѣли достаточных сил держать в уздѣ этот уголовный элемент своей концессiи. Значенiе Шанхая как

доминирующаго порта даже в тѣ отдаленные времена было уже ясно для руководителей общественного мнѣнія и 21 іюня 1862 г. редактор еженедѣльной газеты „North China Herald“ писал: „Шанхай быстро пріобрѣтает значеніе большого города и его иностранное населеніе достаточно политически окрѣпло и возмужало, но внутреннее управленіе городом далеко от совершенства и страдает разобщенностью.“

Редактор газеты настаивает на объединеніи различных частей города в одно муниципальное цѣлое-пожеланіе, которое, кстати сказать, и через 70 лѣт остается мечтою. Американскій сеттльмент слился с британским, создав международный сеттльмент, что же касается французской концессіи, то попытки включить и ея территорію в единое иностранное управленіе общим международным сеттльментом не встрѣтили одобренія французскаго правительства, хотя мѣстныя французскія власти, в прошлом, вели по этому поводу переговоры с представителями сеттльмента, достигнув соглашенія по ряду существенных пунктов.

Отличіе сеттльмента от концессіи, главным образом, сказывается в правах на землевладѣніе. На сеттльментѣ, разсматриваемом как участок земли, отведенный китайцами для поселенія иностранцев, земля может покупаться у китайцев, но покупка немедленно регистрируется у консула той страны, к которой принадлежит купившій землю резидент. Этот порядок теоретически объяснялся тѣм, что, в предствленіи китайцев прежних времен, вся земля являлась собствен-

ностью Императора и не могло быть отчуждаема иностранцу на вѣчныя времена; иностранец мог становиться владѣльцем ея только на тот или иной срок. Что же касается положенія о концессіях, то таковыя жаловались китайским правительством иностранным державам, разсматриваясь как земля, переданная самим государством консульству страны и консул надѣлялся законным правом раздѣлить концессію по собственному усмотрѣнію на участки для проживанія на них граждан своей страны. Всѣ эти положенія теперь уже, в той или иной степени, модифицированы и приспосабливаются к требованіям момента, но, по ходу дѣл в Шанхаѣ, можно сдѣлать вывод, что хотя вести работу городского благоустройства на концессіи можно легче и быстрѣе, чѣм на сеттльментѣ гдѣ все совершается медленно, однако сеттльмент международнаго характера располагает возможностью просить о защитѣ не только то или иное отдѣльное государство, но и всѣ государства, подданные которых проживают на территоріи сеттльмента и на равных правах соучаствуют в его благоустройствѣ и процвѣтаніи,

Сперва на шанхайском сеттльментѣ жили только иностранцы и только тѣ китайцы, которые держали лавки, для снабженія всѣм необходимым иностранцев. Китайцы не могли не только строить дома для сдачи в наем, но не имѣли права сдавать в наем в отведенных им домах комнаты другим китайцам.

Эти правила сохранялись в силѣ на протяженіи первых восьми лѣт существованія сеттльмента, когда на его территоріи, по данным 1853 г.,

проживало всего 500 китайцев, теперь же число их перевалило за милліон.

Но на протяженіи этого же 1853 г. дѣятельность возставших тайпинов в районах, пограничных с Шанхаем, заставила многих китайцев искать убѣжища и защиты на сеттльментѣ. 7 сент. 1853 года бунтовщики, называвшіеся отрядом „малых мечей“, захватили территорію китайскаго Шанхая и уже в слѣдующем году вмѣсто 500 человѣк на сеттльментѣ отмѣчается проживаніе двадцати тысяч китайцев. Земельное положеніе, в части касающейся ограниченій китайскаго правожительства на сеттльментѣ, было пересмотрѣно, и с 1855 г. китайцем было разрѣшено невозбранно, по собственному желанію, селиться на сеттльментѣ.

С конца 80-х, начала 90-х годов прошлаго вѣка Шанхай все больше становится центром промышленной дѣятельности. В его границах открываются фабрики и заводы, дѣйствующіе паровыми машинами, выработка хлопка, хлопчатобумажных тканей занимает, по началу, доминирующее мѣсто. Договор в Симоносеках в 1896 г., ликвидировавшій японо-китайскую войну, также содѣйствовал росту шанхайской торговли и промышленности. По этому договору иностранцы получили право владѣть промышленными предпріятіями в договорных портах. С 1911 г., когда разразилась революція и пал трон богдыханов и всѣ послѣдующіе годы затянувшагося междоусобія, населеніе Шанхая продолжало быстро пополняться за счет тѣх бѣженцев из разных частей страны, которые здѣсь искали спокойнаго существованія, имуще-

ственной и личной безопасности.

Но, не смотря на свой быстрый рост, Шанхай иностранный долго еще сохранял характерныя особенности колоніальнаго города. Мужчин здѣсь было больше чѣм женщин, жизнь была дешева, деньги доставались легко, процвѣтало пьянство, город был опутан сплетнями, царил во всѣх его формах азарт, науки и искусства долгое время пребывали в загонѣ, город словом был, что называется, без своего интеллектуальнаго цвѣта, без вкуса и запаха. Не в примѣр волнующему своими красотами Пекину, не в примѣр чистенькому, скромному, симпатичному Тяньцзину и обрусѣвшему Харбину, Шанхай оставался городом легкой наживы, угарных страстей и бездушнаго дѣльчества.

Еще в девяностых годах прошлаго вѣка такіе районы, как Бабблинг Уэлл род и западные участки французскаго города, которые, сейчас, являются или центром дѣловой торговой жизни или улицами особняков и вилл наиболѣе зажиточных резидентов-представляли собою пустынныя поля или жиденькіе перелѣски, куда ѣздили охотиться. Шанхай стал усиленно застраиваться только с 1905 г., а послѣ лихорадочных лѣт чудовищной спекулятивной горячки, вызванной европейским вооруженным конфликтом 1914-18 г.г., шанхайское строительство приняло формы американской строительной лихорадки.

Десятилѣтіе 1924-34 г. г., в отношеніи торговли Шанхая, может быть охарактеризовано, как смѣна надежд и разочарованій, успѣхов и пораженій, и хотя Шанхай каким то чудом все таки убе-

рёгся от общемiровой катастрофы экономической депрессiи, но, сейчас, трудно угадать, станет ли он в ближайшiе годы также быстро и безспорно развиваться, как он развивался послѣ окончанiя европейской войны. Ибо Шанхай, вмѣстѣ со всѣм остальным Китаем, все глубже и глубже вовлекается в водоворот современной международной экономики. Кромѣ того, почти непрекращавшаяся гражданская война, которая длилась 20 лѣт и которая оборвалась с 18 сентября 1931 г., когда японцы выступили в Мукденѣ, снова вспыхнув фуцзянским мятежом, за которым легко могут послѣдовать и другiе, опустошая то ту, то другую провинцiи немедленно сказывается на Шанхаѣ, как на самом крупном портѣ в Китаѣ. Безпорядки и сраженiя внутри страны, задерживая свободную циркуляцiю товаров, увеличивают риск и ставки транспорта и все больше стягивают серебряные запасы из внутренних районов в Шанхай, гдѣ серебро лежит мертвым грузом.

Но если мы учтем, что торговому и промышленному Шанхаю за послѣднiе десять лѣт пришлось претерпѣть и преодолѣть послѣдствiя послѣвоеннаго бума, когда торговля доходила до чудовищных размѣров спекулятивной гипертрофiи, что кромѣ гражданских войн Шанхай в 1924-27 г. г. подвергался перемежающейся лихорадкѣ рабочих волненiй, что вслѣд за этим началась мiровая экономическая депрессiя, рухнула на мiровых биржах серебрянная валюта, на которой тысячелѣтiями строилось нацiональное богатство Китая, потом обрушилось в 1931 г. давно небывавшее грандiозное наводненiе в долинѣ Ян-Цзе-Цзяна и,

наконец, вслѣд за выступленіем Японіи в Маньчжуріи, разразились военныя дѣйствія в самом Шанхаѣ, то приходится удивляться воистину чудесной жизнеспособности этого города с трехмилліонным населеніем, города, раздѣленнаго на три самостоятельных административных зоны, города, в котором чудовищная нищета уживается рядом со сказочным богатством.

Не смотря на затрудненія, испытываемыя коммерсантами от почти ежедневных колебаній серебра в отношеніи золотого курса, экспортная торговля, в общем, очень выиграла на паденіи стоимости серебра, так как это повлекло за собою удешевленіе в золотом расчетѣ цѣн на продукты китайскаго труда. Но если мы возьмем цифры вывоза не в расцѣнках на золото, а в количествѣ, то количество вывозимых из Китая товаров показывает пониженіе. Одна из главных причин этого тѣ высокія цѣны, которыя должны запрашивать китайцы экспортеры, в виду архаических и разорительных методов китайскаго производства. Это особенно ощутительно теперь, когда міровая экономика имѣет тенденцію приносить в жертву дешевизнѣ даже качество товаров. Затѣм, говоря о факторах, характеризующих торговлю Шанхая и тяготѣющаго к нему района, надо упомянуть об экономическом байкотѣ, к которому китайскія власти и общественность не раз прибѣгали на протяженіи всѣх послѣдних 10 лѣт. Хотя, иногда, бойкот иностранных товаров служит даже толчком для продажи фабрикатов отечественнаго производства, в конечном итогѣ он приводит к увеличенію продажи товаров из других стран, за счет

той страны, которая подвергается бойкоту. Так было в 1925 г. с Англіей, когда заработала Японія, так повторилось в 1932 г. с Японіей.

Индустріализація Шанхая за то идет воистину гигантскими шагами, удивляя даже тѣх, кто мнил себя знатоком мѣстных дѣл. Эта разцвѣтающая индустріализація тѣм болѣе удивительна, что обстановка, казалось бы, не должна была ей благопріятствовать-земля в Шанхаѣ дорога, водоснабженіе неудовлетворительно, оплата помѣщеній высока, труд, в сравненіи с другими частями Китая, не дешев. Но положеніе Шанхая, как центральнаго порта, легкость полученія здѣсь сырья, огромный спрос на фабрикаты прежде всего со стороны мѣстнаго трех милліоннаго населенія, питаніе из Шанхая фабрикатами населеннѣйшаго бассейна Виликой Голубой рѣки, а, затѣм, и таможенная политика ярко выраженнаго протекціонизма, содѣйствуют тому, что есть всѣ основанія полагать, что и в будущем Шанхай сохранит за собою пальму первенства в ростѣ китайской обрабатывающей промышленности. Успѣхам индустріализаціи много содѣйствовала блестящая работа американской силовой станціи, которая, прежде, была в руках электрическаго отдѣла муниципалитета, но, потом, перешла в собственность концерна, который поставил своей задачей дать Шанхаю дешевую электрическую энергію. Промышленность Шанхая за послѣдніе годы сдѣлала уже такіе успѣхи, что здѣсь вырабатываются: электролы, парфюмерія, шеколад, электрическія лампочки, печатныя машины, бисквиты и прочіе разнообразнѣйшіе фабрикаты, смѣло вступающіе в конкуренцію

не только по цѣнѣ, но и по качеству с европейми и американскими товарами. В Шанхаѣ собирают автомобили, пароходы, всѣ сорта и виды электрической аппаратуры, Шанхай является центром китайской кинематографической промышленности, так что и в промышленном отношеніи он оправдывает опредѣленіе Мориса Декобра, как желтаго Нью-Іорка. За десять лѣт количество частных автомобилей в Шанхаѣ увеличилось в пять раз, число грузовиков в семь раз, в 1922 году в Шанхаѣ насчитывалось 15.579 телефонных абонентов, в 1931 году их было уже 35.580.

Развитіе воздушных путей, имѣющих своей базой Шанхай, явствует из того, что в 1929 году авіо-почта перевезла всего 40.000 почтовых отправленій, тогда как через два года, в 1931 году, эта цифра дошла до 590.000 почтовых отправленій.

Как и в Парижѣ, большим подспорьем для городских финансов Шанхая является развитіе туризма. От года к году, не смотря на неважное все еще состояніе путей сообщенія с провинціей, Шанхай наводняется туристами из Америки, из Европы, не говоря уже про Японію. Ѣдут через Сибирь, ѣдут на океанских пароходах, совершающих кругосвѣтные рейсы, кромѣ Шанхая осматривают Ханьчжао, Сватоу, Нанкин, опустошая свои карманы на рѣдкости китайских художественных издѣлій из дерева, бронзы, нефрита, яшмы, слоновой кости и т.д.

В общей сложности, за год в Шанхаѣ согласно таможенной статистикѣ бывает не менѣе десяти тысяч пришлаго народа. Американцы в особенности падки на знакомство с тайнами и

особенностями пестрой и прихотливой шанхайской жизни.

На чем зиждется спокойствіе Шанхая, когда вокруг него бушуют политическія волны, — так же можно сразу видѣть еще не сходя с палубы, привезшаго вас сюда из дальних стран, парохода. От самого Вузуна до буев, расположенных против тяжелаго, по своему, величественнаго зданія Шанхайскаго Клуба, против котораго всегда ошвартовывается англійскій флегманскій крейсер, когда он приходит на шанхайскую стоянку, интервалами разной длины, стоят военные корабли — итальянскій крейсер, американскій с высокими трубами и еще болѣе высокими сторожевыми башнями, французскій, — на которых живут адмиралы, и всегда бывает в порту много миноносцев и кононерских лодок, а, иногда с Филиппинских островов, приходит цѣлая американская эскадра, два раза в год обязательно, когда она направляется в Цинтао и Чифу, на лѣтнюю стоянку и маневры, и, когда, осенью, она оттуда возвращается.

Кромѣ эскадры порядок в Шанхаѣ поддерживается огромными, по размѣрам города, едва хватающими, полицейскими кадрами в помощь которым создан корпус тѣлохранителей и полицейских сторожей, а также для этой цѣли существует Шанхайскій Волонтерскій Корпус, служить в котором считается и долгом и честью для многих представителей иностранных колоній (численный состав корпуса подходит к полуторым тысячам).

Не раз и прежде в Шанхаѣ высаживались десанты чужестранных войск, а с марта 1927 года

здѣсь имѣют постоянное пребываніе полк американских морских стрѣлков, батальон расширеннаго состава британских войск и морской японскій дессант, не говоря о сухопутных частях колоніальных войск на французской концессіи и китайских войск на территоріи китайскаго Шанхая.

Французское городское самоуправленіе отказалось, послѣ 1927 года, от выборнаго начала, выборы китайских отцов города производятся по куріям, что же касается международнаго муниципалитета, то здѣсь выборное начало сохраняется, совѣтники представляют собою лиц, хотя и разных національностей, но уполномоченных руководить коллосальным городским хозяйством по довѣрію и ежегодному избранію всѣх налогоплательщиков, не зависимо от національности.

Конституція Шанхая довольно архаическая — это земельныя уложенія 1845-54 г. г., но иностранцы, в особенности дающіе здѣсь тон англичане, предпочитают несовершенные, но старые законы новым, скопом и поспѣшно вводимым, хотя бы эти законы писались опытными, просвѣщенными современными юристами, но не освящены, пока что, ни традиціей, ни международной правовой санкціей.

Вот почему в Шанхаѣ, не смотря на то, что не раз возникал вопрос об измѣненіи дѣйствующей, конечно устарѣвшей, конституціи, не смотря на то, что об измѣненіи конституціи шли спеціальныя совѣщанія и даже работал по выработкѣ новаго положенія о Шанхаѣ ученый и опытный юрист судья Физэм, — все остается по старому и оппоненты, как только их самих привлекают к

фактической работѣ сложнаго городского аппарата, гораздо осторожнѣе начинают ратовать за то, что недурно было бы написать, наконец, настоящую конституцію, выяснить раз и навсегда, международный статус Шанхая, обезпечить ему нейтралитет, улучшить, а, главное, централизовать судопроизводство и создать единый руководящій административный центр.

Не прекращаются в Шанхаѣ и разговоры, среди иностранцев, на счет объявленія этого города вольным портом. Создано даже объединеніе иностранных резидентов, самых разнообразных національностей, для разрѣшенія вопроса об устроеніи будущих судеб Шанхая. Но мы продолжаем быть совершенно увѣрены, что если не произодет каких либо коренных международных пертурбацій на Дальнем Востокѣ, никакая ломка правового статуса этого городя, без согласія и содѣйствія центральнаго китайскаго правительства, не возможна. Если Шанхаю суждено, когда либо получить хартію независимости в своих мѣстных дѣлах, то эту хартію он должен получить из рук Китая.

Внѣшне Шанхай мѣняется на глазах — строительство в нем идет американскими темпами, внутренне же в нем все, в сущности, остается по старому, по хорошему, и пройдет не мало лѣт, пока смогут осуществиться хотя бы в части своей, тѣ проекты, которые составлены в цѣлях рѣшительной реорганизаціи управленія этим городом, который, до сих пор, не смотря на разнообразіе властей и поток политических событій, продолжал богатѣть и развиваться.

Верхній слой.

Дѣловой центр Шанхая — набережная, Банд, и прилегающія к Банду улицы. Здѣсь банки, конторы здѣсь магазины и лучшіе в городѣ отели. Здѣсь же сосредоточено нѣсколько клубов для дѣловых людей, самый богатый и популярный из них: Шанхайскій клуб.

Но очень немногіе живут в дѣловой части города, большинство резидентов Шанхая избрали мѣстом жительства западный сектор, улицы без магазинов на французской концессіи и ряд болѣе тихих улиц на сеттльментѣ, поближе к полям: автомобиль сдѣлал возможным для людей жить за нѣсколько миль от центра. Нѣкоторые живут совсѣм далеко, совсѣм в полях, в частности это всѣ тѣ загородные дома-помѣстья, которые расположены по Ханьчжао род.

Поэтому четыре раза в день, к 9 утра, послѣ 12, около 2 и в пять часов начинается великій „драйв,“ прогон собственных машин от окраин к центру и обратно. В этих безконечных вереницах автомобилей принимают участіе и большіе неуклюжіе автобусы, — на сеттльментѣ желтые, по французской концессіи сѣро-зеленаго оттѣнка.

Сядьте в такой автобус около полудня и поѣзжайте на встрѣчу великому потоку, который от дѣлового центра спѣшит к районам, в которых предпочитает жить богатый и даже просто лучше устроенный и обезпеченный Шанхай, иностранный и китайскій, — это для наблюдательнаго глаза весьма интересная прогулка. В Шанхаѣ, в

1933 году, ходило до двадцати тысяч автомобилей. Вы можете встрѣтить всѣ «марки»: больше всего американских автомобилей, потом пользуются распространеніем англійскіе автомобили, есть итальянскіе, в большом количествѣ французкіе и все старательнѣе конкурируют теперь нѣмецкіе.

Автомобили есть в Шанхаѣ на всѣ цѣны, на всѣ вкусы, любой формы и окраски: от скромных, обыкновеннаго вида, дѣловых машин, побогаче и побѣднѣе от крохотных, машин до громоздких паккардов экономных или старомодных ролз-ройсов. Сверкающіе автомобили послѣдних выпусков, у которых все болѣе изысканными становятся линіи удлиненных кузовов и все больше сверкающих металических частей. Есть машины богачей и золотой молодежи, преимущественно китайской, самаго экстравагантнаго рисунка, самой неожиданной покраски, с причудливым набором дополнительных частей, словно для того и приложенных к машинѣ, чтобы она привлекала к себѣ общее вниманіе.

И, в этих автомобилях, вы видите пестрое разнообразіе людей самых несхожих между собой національностей, разнаго цвѣта кожи, разнаго возраста, разнаго культурнаго уровня и соціалькаго положенія. Обжившись в Шанхаѣ их не трудно классифицировать на нѣсколько основных групп.

Вот дѣловая публика, люди уважаемые и степенные: у них степенные автомобили, степенная стандартная наружность, ничего кричащаго в костюмѣ. Таковы же и жены их, если онѣ также слѣдуют в эти дѣловые часы в автомобилях. Этот сорт людей или читают газеты, или спокой-

но разговаривают, или просто сидят на подушках без движенія, стараясь не привлекать к себѣ ничѣм досужаго любопытства.

Кромѣ людей респектабельных и извѣстных, Шанхай, как иностранный, так и китайскій, содержит всегда в своих нѣдрах элемент авантюристической складки: больше мужчины, рѣже женщины, в особенности среди авантюристов китайцев. Возраст этих людей надо опредѣлять от 25 до 50 лѣт, когда энергія бьет ключем, когда хочется рискнуть и «сдѣлать деньги» — Шанхай у многих вызывает эту странную увѣренность, что здѣсь и до сих пор можно, при желаніи и сноровкѣ, дѣлать легко деньги.

Эти люди бывают и шанхайскаго происхожденія, но, чаще, сюда их заносит попутными вѣтрами Великій океан. Американцы и бразильскіе подданные, нѣмцы и англичане, русскіе, иногда французы, австрійцы, чехи, всѣ, кто к этому склонен, при случаѣ готовы отдать дань авантюризму. Если дѣланіе медленной карьеры, упорным и подчас неблагодарным трудом — в банках, в конторах, на фабриках, на пароходах в китайской провинціи не по ним, они могут взяться за провоз оружія, могут перепродавать наркотики, возить всякую иную контрабанду, искать китайцев с шалыми деньгами для того, чтобы открывать дутыя предпріятія или, просто, предаться шантажу, в той или иной его формѣ.

Часто даже по внѣшности их не трудно отличить от людей, характером и привычками устоявшихся, приличных и к доброму имени своему рев-

нивых: они одѣваются болѣе модно, не рѣдко подчеркнуто шикарно, они чаще носят на пальцах бриллiантовыя кольца, у них рѣшительное, даже наглое, выраженiе лица, но, вмѣстѣ с тѣм, неувѣренный бѣгающiй взор и рѣчь обличает затаенную нервность.

За что только не берутся эти люди в Шанхаѣ: попытка открыть какой нибудь необычайный прiют ночных услад может перейти у них в желанiе поразить Шанхай подобiем Кони-Айлэнда. Они возьмутся за устройство конкурса красоты с такой же охотой, если это может сулить деньги, как и за перепродажу партiи пулеметов. Не всѣ из них доходят до уголовщины. И многiе из них потом, когда дѣла выравниваются, подыскивают себѣ приличный вид дѣятельности и входят, впослѣдствiи, в круг уважаемых резидентов космополитическаго Шанхая, который, по традицiи, не особенно копается в прошлом тѣх, кто своим прошлым не хвалится.

Но коль скоро их карьера в самом началѣ, они чаще ѣздят в автомобилѣ, хотя бы и полученном в кредит, при чем всѣ сроки платежей порой уже просрочены, того и гляди агенты кредитной компанiи отберут машину прямо на улицѣ.

Но особенно привлекают вниманiе в час разъѣзда из контор женщины в автомобилях: кого тут только нѣт. Насурмленныя до предѣла, увядающiя красавицы и нѣжныя дѣвушки, которым нѣт и двадцати весен. Красивыя еврейки и блеклыя блондинки, дочери сѣверных стран Европы, упоительныя своим скоро проходящим очарованiем кавкастки, с коралловыми губами, волную-

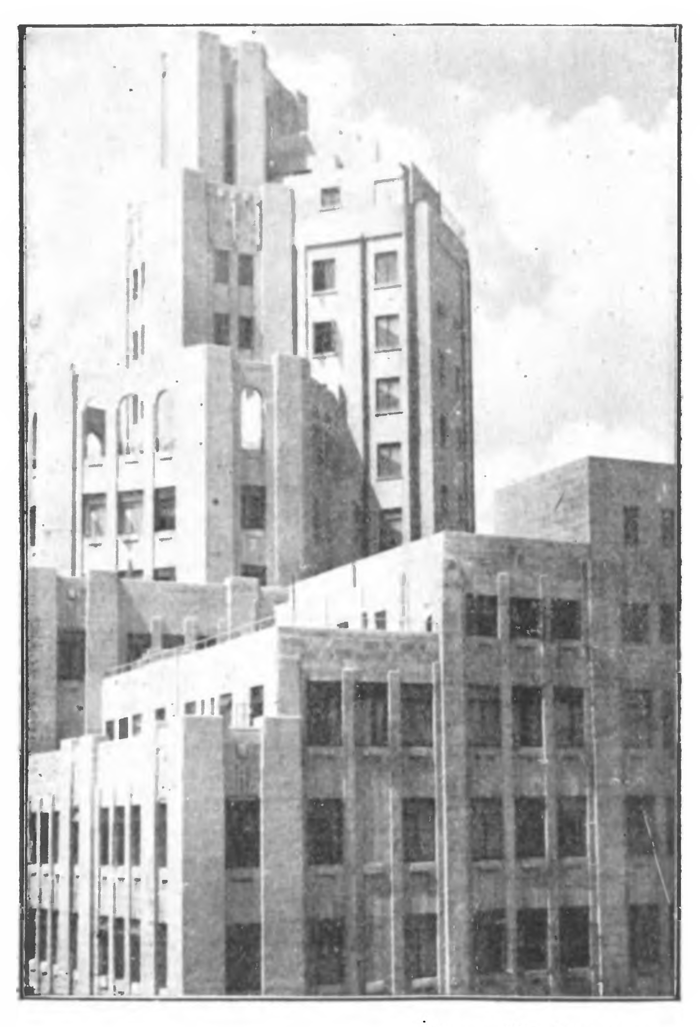
щей, чуть желтой, кожей, с личикоми таких чудесных очертаній, что мужчина покорен с перваго взгляда и, рядом, мужеподобныя женщины, которыя сами прокладывают себѣ дорогу в жизни, мчащіяся из контор даже на мотоциклетѣ, по мужски и без шляпы, с развивающимися волосами.

Шанхай — город великій, здѣсь есть на посгоянном жительствѣ посольства, здѣсь полный ассортимент генеральных консульств, корпусу которых иностранный Шанхай фактически субординирован, здѣсь имѣют стоянку флоты великих держав и адмиралы здѣсь принимают, в дни національных праздников, парады.

Так что, часто, можно в Шанхаѣ, как в столицах, видѣть в автомобилях мчащихся куда нибудь на пріем дипломатов, в треуголках с плюжами или военных в своих сверкающих пуговицами, погонами и орденами мундирах, или людей в официальных, теперь так рѣдко надѣваемых, визитках.

Спорт в жизни Шанхая имѣет большое значеніе, то самое значеніе, какое спорт играет в жизни англичан и американцев, под сильным вліяніем которых находится весь космополитическій Шанхай. Не меньшую роль в жизни Шанхая играют клубы.

Клубов здѣсь нѣсколько десятков — свѣтских, по національностям, и спортивных. Но когда говорят о клубах, то, чаще всего, имѣют в виду Французскій клуб или американскій «Коламбія Кантри». Это мѣста свѣтских встрѣч, в особенности Французскій клуб, гдѣ лѣтом, на просторной ве-

Фот. г. Чен Чуан-лин

Шанхай-город камня.

рандѣ, собирается лучшее общество — все что есть самаго богатаго, устроеннаго, вліятельнаго или неунывающаго в шанхайском человѣческом конгломератѣ: самыя красивыя женщины и самые ослѣпительные мужчины.

Безвозвратно отошли в прошлое времена, когда Шанхай был мѣстом проживанія немногих иностранных купцов, дѣлавших себѣ деньги на беззастѣнчивой эксплотаціи китайцев, и эти купцы, к тому же, часто оказывались людьми без прошлаго: дезертирами, отставшими матросами или просто скитальцами по чужим краям. В Шанхаѣ проживает сейчас вмѣстѣ с временно находящимися чуть не до ста тысяч иностранцев, не мало среди них внуков и даже правнуков первых поселенцев, которые, по праву, заняли положеніе старожильческой аристократіи, как своя аристократія есть в Вашингтонѣ и вообще по всей Америкѣ. Война 1914-18 г. г., неустройство и обнищаніе в Европѣ, кинули в Шанхай и ученых, и свѣтских людей, а наличіе здѣсь экспедиціонных войск, эскадр и посольств дѣлает Шанхай городом, на котором часто бывает сосредоточено вниманіе всего міра.

На балах в Шанхаѣ, гдѣ фраки штатских чередуются с военными самых прихотливых форм и знаков отличія, можно встрѣтить красавиц англичанок, француженок, русских, американок, фотографіи которых украсили бы любой столичный иллюстрированный журнал, а біографіи, особенно в той их части, которая тщательно прячется от посторонних, послужили бы романисту богатѣйшим матеріалом для повѣствовательных сю-

жетов.

Наряду со свѣтским европейским обществом Шанхай может похвалиться и свѣтским обществом китайским: цвѣт китайской буржуазіи живет именно в Шанхаѣ. Здѣсь в частных китайских резиденціях скоплены буквально несмѣтныя богатства, вывозившіяся при разных обстоятельствах, из самых отдаленных уголков необъятнаго Китая в безопасный международный, хорошо охраняемый, гогод.

Многіе китайцы (с каждым годом число их становится все больше) живут по европейски, так, как они учились жить за годы своего пребыванія в Германіи, в Англіи, во Франціи и, особенно часто, в Америкѣ.

Китайцы в Шанхаѣ говорят на инстранных языках, украшают при помощи европейских декораторов, свои особняки, нѣкоторым из которых болѣе приличествовало бы названіе дворцов, обстановкой ульта модерн; играют на рояли и скрипкѣ, состоят членами в масонских ложах и в смѣшанных иностранных клубах, устраивают пріемы с приглашеніем цѣлых толп гостей и патронируют искусство и спорт.

Как всякій большой город — Шанхай не легко узнать, и даже люди, прожившіе ряд лѣт, если они живут своим мірком, не имѣют точнаго представленія, что такое являет собою Шанхай, как в нем живут баловни фортуны, как здѣсь дѣлают состоянія, как люди прожигают жизнь и какія подчас разыгрываются за стѣнами богатых домов и фешенебельных отелей человѣческія трагедіи.

Еще об одной детали внѣшней жизни Шанхая надо упомянуть для полноты картины — об азартѣ. Из вечера в вечер буквально сотни автомобилей устремляются туда, гдѣ цвѣтет азарт. И если вы попадете на собачьи скачки или в «хай-алай» вашему взору предстанут тысячныя толпы людей которые испытывают свою судьбу, в надеждѣ разбогатѣть или дать отдых усталым, за день изнуряющаго труда, нервам.

Рикши.

Люди не живущіе в Китаѣ, в особенности русскіе люди, в первый раз попадая в Китай, никак не могут примириться с тѣм, что здѣсь приходится ѣздить на людях.

Русскому сознанію вообще странно видѣть человѣка, с душой и сердцем, который исполняет обязанности лошади. Как русскому сознанію всегда было и обидно, и больно за бурлаков, тянувших на себѣ по Волгѣ суда с товарами. Китайское сознаніе воспринимает этот вид труда иначе. За пятнадцать лѣт жизни в Китаѣ я не могу припомнить ни одного разговора на эту тему с представителями китайской интеллигенціи, который воспринимал бы вьючный труд человѣка так, как он воспринимался нами и как он отражен хотя бы в пѣснѣ, теперь всему міру извѣстной: „Бурлаки."

Для демонстраціи „широты" и „благородства" своих взглядов совѣтская власть, если не ошибаюсь, даже запрещала агентам своим в Китаѣ ѣздить на людях. Но так как та же власть не каждаго из своих агентов могла снабжать автомоби-

лем и так как часто другого средства передвиженія нѣт, то и исполнительно-послушные совѣтскіе агенты, мало по малу, начинали усиленно пользоваться рикшами: сам видѣл Похвалинскаго, быв. совѣтскаго консула из Кантона, в Шанхаѣ на рикшѣ.

Но, все таки, я утверждаю, что русскому человѣку садиться в колясочку рикши в первый раз в жизни как то до жути неловко: мы, в этом отношеніи, гораздо чувствительнѣе народов просвѣщеннаго Запада. Знаю это по неоднократным разговорам о рикшах в Харбинѣ, с тѣми русскими людьми разных профессій, которые бывали в Харбинѣ в тѣ годы, когда я там жил.

Но в Харбинѣ всегда можно было избѣжать ѣзды на людях — город этот развился под русским вліяніем и, с самаго его основанія, там появились извозчики; послѣ великаго разгрома противосовѣтских вооруженных сил на извозчичьи козла сѣли многіе безработные интеллигенты и было даже время, когда генерал и георгіевскій кавалер, впослѣдствіи прославившій свое имя в Китаѣ, одно время зарабатывал себѣ в Харбинѣ кусок хлѣба извозчичьим промыслом.

Но в Шанхаѣ обойтись без рикши может только вполнѣ обезпеченный человѣк, для котораго ѣздить в наемных автомобилях не дорого, или всѣ тѣ, кто имѣют собственные автомобили.

Но даже если у вас есть автомобиль, то вам, все равно, время от времени, приходится пользоваться рикшей — потому что и в Шанхаѣ 1934 года, при наличіи болѣе двадцати тысяч автомобилей, не было болѣе удобнаго способа передвиже-

нія, в особенности на короткія разстоянія, чѣм рикша.

В центрѣ дѣловой жизни города, по Банду и Нанкин род, а также в прилегающих к ним улицах, там, гдѣ сосредоточились и сгрудились всѣ банки и всѣ самыя крупныя в городѣ конторы и гдѣ каждый уголок свободной земли занят под стоянку автомобилей, а, вдоль улицы, круглый день рядами слѣдуют автомобили, трамваи, автобусы, если в дождь, в страшный лѣтній зной, в зимнюю стужу, вы хотите срочно попасть из одной конторы в другую, из банка в банк, которые находятся на разстояніи трех, четырех кварталов, но идти куда пѣшком долго — то самый скорый и самый удобный способ передвиженія это, конечно, рикша. так как идти к своей машинѣ, садиться в нее, выѣзжать из линіи, гдѣ она стоит только для того, чтобы проѣхать три, четыре квартала, а, потом, опять ее гдѣ-то ставить, отнимало бы бездну времени и требовало бы большой затраты энергіи. Рикша же — вы его кликнули, сѣли на ходу в его колясочку, выпрыгнули из нея, бросив ему 15 мѣдяшек, рикша, который всегда у вас под рукой, гдѣ бы вы не оказались, какая бы не была погода и в любое время дня и ночи, дѣйствительно облегчает в Шанхаѣ способы срочнаго передвиженія, в особенности, если вам надо куда нибудь попасть недалеко.

У Бунина есть прекрасный, один из лучших его, разсказов — „Братья," который, раз прочитавши, вы уже не забудите никогда: в нем описывается судьба рикши в Коломбо, котораго взял для поѣздки европеец, „брат" рикши во Христѣ, и по

человѣчеству, и загонял его, так как стояла страшная тропическая жара и солнце пекло немилосердно. Впрочем, моя передача ничего не говорит: этот разсказ надо прочитать, как всегда у Бунина центр вдохновенія и очарованія не в фабулѣ, а в мастерских размышленіях и геніальных описаніях. Во всяком случаѣ русскій читатель, который знает этот разсказ, уже никогда не будет смотрѣть на рикшу иными глазами, чѣм заставил его смотрѣть наш замѣчательный писатель, благородный гуманизм котораго волнует и восхищает.

Но несмотря на то, что кули, бѣгающіе в колясочках рикш, для нас такіе же как мы люди, не лицемѣря надо признать, что не только от них жители наших широт извлекают много для себя пользы, но и они сами, как не тяжела, как не губительна, как не унизительна в наших глазах эта профессія, считают, что они честно зарабатывают свой хлѣб и не так уж ропщат на свою судьбу.

В Шанхаѣ, на территоріи Международнаго Сеттльмента, количество рикш общаго пользованія ограничено десятью тысячами. Но, кромѣ, так сказать „биржевых" рикш, имѣются частныя рикши. За 18-20 долларов в мѣсяц каждый может нанять себѣ частнаго рикшу. У него колясочка гораздо красивѣе, удобнѣе и во всѣх отношеніях, лучше, чѣм у биржевого.

Колясочка биржевого рикши чаще всего очень высока, сидѣніе твердое, общій вид крайне неопрятный, рессор нѣт. Колясочка частнаго рикши на пружинных рессорах, колеса часто сверкают никилированными спицами, по бокам два больших фонаря, сидѣніе и спинка мягкія, всегда в

чистых чехлах. Когда вы влѣзаете на уличнаго рикшу вам кажется, что вы попали на дыбу, когда вы опускаетесь в колясочку частнаго рикши вы ощущаете, то же пріятное чувство, что ощущаете садясь на мягкое кресло. Количество частных рикш не ограничено.

На сеттльментѣ Шанхая их в 1932 году было 11.202 частных рикши и есть всѣ основанія предполагать, что не смотря на преслѣдованіе полиціи, не мало так называемых «частных» рикш исполняют функціи биржевых. Но зазывают они сѣсть в свои калясочки крадучись, и всегда просят, чтобы вы им не платили открыто деньги, а то, не ровен час, увидит полицейскій и тогда виновнаго волокут в участок, лишают промысловаго свидѣтельства, штрафуют и т. д.

Но, судя по тому, что у очень многих из частных рикш имѣется, сбоку сидѣнія кормашек куда они просят незамѣтно опускать за проѣзд серебряную монету, эта профессія обставляется тайной лишь для соблюденія необходимых конвенансов, обычных в тѣх случаях, когда приходится дѣйствовать в обход закона. Частнаго рикшу вы отличаете от биржевого, обыкновеннаго, сразу — хотя бы по цвѣту колясочки, онѣ у частных черныя, у биржевых бордоваго цвѣта с голубыми колесами, не говоря уже о внѣшней формѣ колясочки, различной у тѣх и других.

В Пекинѣ всѣ рикши одинаковы, всѣ они там гораздо опрятѣе и изящнѣе шанхайских: дробленіе властей и спрос на рикши со стороны трехмилліоннаго населенія «Желтаго Вавилона» дѣлают то, что в богатѣйшем Шанхаѣ имѣются бѣднѣй-

шія рикши, убогій вид которых, дѣйствительно, портитит общій аспект очень, в общем, гордаго собою, города.

С ростом цѣн, в особенности, на рис, растет и плата за проѣзд на рикшѣ. Я помню в 1920 году, в Пекинѣ, я нанял утром, около отеля «Вагон-ли», чистенькую колясочку рикши, с мелодичным, как куранты, звоном и ѣздил на рикшѣ, по разным посольствам и министерствам, цѣлый день. В концѣ дня я дал рикшѣ серебряный доллар, боясь, что это мало. Но толстый старый швейцар мнѣ замѣтил, что плата выше даже слѣдуемой; хватило бы и 80 центов.

Европейцы, в общем платят рикшам вдвое больше, чѣм платят китайцы и чѣм больше вы заплатили тѣм меньше, внѣшне, доволен возница, так как видя, что вы не знаете таксы — ея, в дѣйствительности не существует, и навык в ней пріобрѣтается практикой — быстро наглѣет и, если вблизи нѣт полицейскаго и в особенности если дѣло касается дамы, начинает требовать больше и даже хватает за руку. В 1925-27 г. г., в связи с ростом революціонных настроеній в странѣ, рикши быстро дѣлались все болѣе заносчивыми, но в 1932-34 г. г. жалобы на грубость рикш почти прекратились.

Не раз отмѣчались случаи рѣдкой честности рикш, когда они возвращали забытыя в их колясочках пассажирами вещи, а частные рикши, работающіе при домѣ, всегда на свою отвѣтственность возят европейских малюток в школы и берегут их, как зеницу ока.

Впрягаться в колясочку биржевого рикши мо-

же каждый кули, иногда это бывает настоящее дитя природы, прямо из деревни, который не знает значенія электрических сигналов городского уличнаго движенія, который инстинктивно, в силу вѣковой привычки, бѣжит по серединѣ городских улиц, забитых автомобилями, и большинство несчастій случается именно потому, что биржевыя рикши никак и ни кѣм, в сущности, не обучаются своему ремеслу, тоже требующему и навыка и извѣстнаго умѣнія.

Сколько же в Шанхаѣ рикш? Мы только что указали, что на сеттльментѣ выдано удостовѣреній на право заниматься „рикшевым извозом" двадцать одна тысяча; на французской концессіи и в китайском городѣ количество колясочек не меньше. Но если учесть, что рикша работает, обычно, в три смѣны, то общее количество людей, которые, в одном только Шанхаѣ, заняты тѣм, что возят на себѣ других людей, равняется внушительной цифрѣ в сто двадцать тысяч человѣк.

Во всяком случаѣ, в 1932 году муниципалитет получил дохода с рикш за промысловыя свидѣтельства 437.000 таэлей, тогда как всѣ мѣстные моторные экипажи дали за тот же год всего 623,000 таэлей.

Рикши на биржѣ от себя не работают, всѣ они — пролетаріи и нанимаются спеціальными компаніями, которыя располагают колясочками и выбирают, для служащих возницами, в муниципалитетѣ свидѣтельства. Таких предпринимательских компаній по эксплоатаціи рикш в Шанхаѣ насчитывается 143, самая крупная из них „Стар," которая снабжает своих кули синей курмой, на спинѣ

которой вышита крупная красная пятиконечная звѣзда. В этой компаніи выбраны свидѣтельства на 2072 колясочки.

Вопрос о рикшах в Шанхаѣ возник послѣ того, как мѣстный автомобильный клуб на своем общем собраніи в апрѣлѣ 1933 года вынес постановленіе о том, чтобы власти приняли мѣры к постепенному уничтоженію рикш в городѣ, как мѣшающих автомобилям. Это постановленіе находится в прямой зависимости от рѣшенія властей Сингапура, к 1935 году воспретить занятіе профессіей рикш.

Что рикши, с ростом автомобильнаго движенія, обречены на уничтоженіе, двух мнѣній быть не может: на наших глазах лошади во всем мірѣ быстро вытѣсняются автомобилями, и в Шанхаѣ лошадь в упряжкѣ — рѣдкое исключеніе и привиллегія биржевых маклеров, которые должны быстро передвигаться и, потому, стоя, носятся по Банду в своих своеобразных экипажах, в которые можно быстро вспрыгнуть и также легко, на ходу, из них выпрыгнуть, в процессѣ работы по совершенію биржевых сдѣлок, когда дорога буквально каждая минута.

Но в Шанхаѣ пройдет еще не мало лѣт, пока окончательно выдедутся рикши, как вывелись они в Японіи, хотя и там профессія рикши никогда ничего позорнаго собою не представляла, рикши жили цѣлыми артелями, и распологали комфортабельными колясочками... Сейчас прокатиться по Дайрену, напримѣр, на рикшѣ и дорогое и рѣдкое удовольствіе, подобно тому как двадцать лѣт

тому назад дорогим и рѣдким удовольствіем было прокатиться в автомобилѣ.

Вид шанхайских уличных рикш ужасен: зимой они одѣты в рваное тряпье, лѣтом полураздѣты, но и в таком природном видѣ грязны, с пугающими длинными и черными ногтями на руках и ногами, кромѣ дождливых дней, напоминающими кожу трубочистов.

Человѣк горит на этой профессіи — пожилых рикш почти не видно, большинство молодежь. Рикши проявляют поражающую выносливость: под палящим солнцем, которое может сразить непривычнаго европейца даже под крышей дома, в зимнюю стужу, на пронизывающем ледяном вѣтрѣ, они бѣгут и бѣгут миля за милей, зарабатывая жалкія гроши. Но этот труд им дорого обходится, лѣтом они гибнут от солнечных и тепловых ударов, от гастрических заболѣваній, от холеры, зимой их косят простуды, по веснѣ и осенью они сотнями умирают от туберкулеза. Но если даже организм, в общем, выдерживает, то изнашивается сердце и в грубые узлы свертываются вены на ногах.

Что касается частных рикш, то они гораздо опрятнѣе. Не рѣдко рикша является мужем или братом «амы», служащей в домѣ. Он на кухнѣ такой же равноправный, как и вся прочая прислуга. Он не только возит дѣтей в школу, но и играет с ними — китайцу не понять, что к рикшѣ кули нужно относиться уничижительно только потому, что с нашей европейской точки зрѣнія они исполняют функціи лошади.

Вот перед моим домом, в террасѣ, живет за-

житочный многосемейный китаец, который служит в одной из контор. Его возит в изящной собственной колясочкѣ молодой кули.

Этот кули на рѣдкость опрятен и одѣвается с претензіей на изящество. Лѣтом на нем тѣльник и штанцы всегда слѣпящей бѣлизны, он носит бѣлые или розоваго цвѣта чулки с подвязками, на которых никогда ни пятнышка, ни дырки, у него на головѣ новая панама и вытирает он свой трудовой пот чистым полотенцем.

Но, все таки, этот труд убійственный и не раз приходится видѣть, как, привезя своего господина, этот рикша кули так измучен, что не может ни сѣсть, ни лечь, и стоит без движенія, вяло вытирая, время от времени, градом струящійся с пылающаго лица и со всего тѣла пот.

Страшная профессія, но Восток вообще предпочитает жить, жить любой цѣною, цѣпляясь за жизнь, хотя бы для пропитанія неудачникам и бѣднякам требовалось исполнять обязанности четвероногих животных.

Всякій раз, когда в Шанхаѣ начинается среди европейцев движеніе за уничтожаніе рикш, эти бѣдняки, их десятки тысяч, приходят в сильное волненіе и протестуют через свои союзы: сейчас они сыты, а найдешь ли работу, когда сто тысяч человѣк лишних ртов оказалось бы на улицѣ, — трудно сказать.

Базары и чревоугодіе.

Самое красочное мѣсто, самое пестрое, оживленное, характерное, разнообразное, гдѣ можно и

стоит наблюдать китайскую толпу, это базар.

В зависимости от города, базары в Китаѣ могут быть большими и малыми, есть базары по спеціальности — пищевой, фруктовый, цвѣточный, или всѣ они соединены вмѣстѣ, базар кустарных, произведенiй деревни, базар китайских рѣдкостей, ковров, мануфактуры, книг, базары птиц, собак на продажу, поющих насѣкомых, обжорный базар, знаменитые, специфическiе базары в Пекинѣ, дѣло не в географическом пунктѣ, не в размѣрах, спеціальности, отрасли, протяженіи, оборудованіи, дѣло даже не в продаваемых товарах, дѣло в том, что на базар здѣсь всѣ ходят, от мала до велика, он кишит предметами купли-продажи, он набит людьми, эту куплю-продажу производящими, он доставляет пищу пытливому глазу, он волнует вас, раздражает, интригует, он является отчетливым пульсом живой и разнообразной, пестрой и красочной, китайской жизни.

В Китаѣ все умѣло продается и все осторожно покупается с минимальной экономiей мѣста, здѣсь на базарах, могут быть сосредоточены и сосредотачиваются такiе разнообразные предметы продажи и в таком изобиліи, что вам кажется, что со всего города (или со всей округи) сюда сносится, свозится, стаскивается такое иесмѣтное количество предметов торговли, словно вся страна пошла на рынок, все с себя сняла, все собрала, стащила, сволокла в одно мѣсто, всѣм рѣшила торговать...

В Пекинѣ базары дѣлятся по спеціальностям, занимают прочно, годами, десятками, может быть, сотнями лѣт, одни и тѣ же насиженныя мѣста,

при чем не только лавки, но и лари могут переходить от поколѣнія к поколѣнію.

Базары издѣлій разнообразнѣйших мануфактур, шелковых тканей, издѣлій из лакированнаго дерева, из хрусталя и из мѣди, полированной и неполированной, базары кож, пушнины, причудливых мѣховых вещей вплоть до пахнущих нафталином и таращащих на вас стеклянные глаза чуть не всѣх подряд представителей китайской фауны, лавки с гробами, лавки китайских чемоданов, баулов, саквояжей и ящиков, лавки чая, хлопка, шерсти, снадобій и кореній, фарфора и фаянса, чугуна и стали, — здѣсь все спеціализировано, все старательно разложено на свои лотки и полочки, все зафиксировано в цѣнности но не в цѣнѣ, все может быть пріобрѣтено втридорога или втри дешево, в зависимости от вашего покупательскаго умѣнія, сноровки, знанія психологіи китайскаго продавца и количества времени, которым вы располагаете, чтобы торговаться. иногда до седьмого пота.

Потому что китайцы замечательные калькуляторы, испытанные и опытные купцы — продавцы, мастера и спеціалисты своего торговаго дѣла, изучающіе торговлю десятками лѣт, ведущіе установленныя торговыя традиціи сотнями лѣт, объединенные в гильдіи и купеческія общества, наполняющіе свои лавки множеством мальчиков и юношей, которых, подчас, бывает гораздо больше, чѣм наличных покупателей, которые присматриваются и помогают, которые за свой труд, в началѣ, ничего могут не получать кромѣ хозяйскаго харча „чифана," но которые, с малых лѣт, изу-

чают избранную ими спеціальность торговли вдоль и поперек, до самаго ея нутра, во всѣх ея виртуознѣйших проявленіях и варіаціях.

Большой процвѣтающій китайскій город это, вообще, сплошная лавка — в Мукденѣ, в китайском Харбинѣ — Фудзядянѣ, в Тяньцзинѣ, Шанхаѣ, Ханькоу, Кантонѣ, Нанкинѣ и т. д. вы видите улицы и кварталы, один за другим, и так на протяженіи всего города, и на всѣх улицах, гдѣ лавка слѣдует за лавкой, гдѣ магазины жмутся и напирают друг на друга, гдѣ, то, рядами, идут одни и тѣ же по характеру товаров магазины, то магазины самых неожиданных спеціальностей перемѣшаны друг с другом, и, гдѣ днем все это мѣсиво торговых заведеній сплошь покрыто вывѣсками, плакатами, спускающимися сверху, художественно пестрыми, орифламами, а, вечером, залито электричеством; гдѣ, иногда, вывѣска представляет собою произведеніе тонкаго изобразительнаго искусства, гдѣ есть вывѣски позолоченныя или украшенныя драгоцѣнной инкрустаціей, с фигурами и даже цѣлыми символическими сценами и гдѣ вы все время ловите себя на мысли, откуда-же берут всѣ эти сотни, тысячи, десятки тысяч, (как в Шанхаѣ и в Кантонѣ) лавок, себѣ покупателей, с кѣм они торгуют, из кого извлекают барыши, какова их прибыль, куда может идти сбыт этих товаров, если на каждаго покупателя приходится по лавкѣ...

Китай мало сказать переполнен, Китай весь сверху до низу набит, товарами, здѣсь вообще ничего нѣт, кромѣ товаров, потому что живут купцы тут-же, при своих и в своих лавках, спят цѣ-

лыми семьями под прилавками и на них, если прилавка нѣт, ставят козлицы с утлыми тюфяками, на натянутой парусинѣ, или просто нѣсколько сдвинутых табуретов, когда нѣт скамьи, и так обрѣтают себѣ ночной отдых внутри лавки, вмѣстѣ с семьей, чадами и домочадцами, вмѣстѣ с приказчиками и комивояжерами, зашедшими или заѣхавшими из сосѣдняго города или мѣстечка, чтобы предложить тот или иной товар.

Зимой и лѣтом лавка всей наружной стѣной открыта на улицу и от улицы у лавки нѣт тайн.

На съѣстных базарах, гдѣ непремѣнно, тут же рядом, тянутся и обжорные ряды, вы воочію убѣждаетесь, как все здѣсь скрупулезно спеціализировано и как из грошей, мѣдных коперов и на грошах сколачиваются капитальчики, а, потом, мало по малу и разными путями, собираются эти капитальчики в миліонныя и даже милліардныя состоянія.

Вот, взгляните, хотя бы на чрево большого города — мясной базар: это не значит что тут вы увидите, как у нас, туши разнообразнаго скота сваленныя в кучу и всѣ их части в перемѣшку, даже битую дичь.

В Китаѣ все, повторяю, спеціализировано, все аккуратно разложено, разбито, разсортировано на части, сразу же специфицировано: туша дѣлится на большіе и мелкіе куски, куски разных размѣров всегда удивительно правильной, так сказать, стандартной формы, тотчас подхватываются на желѣзные крючки, тотчас вѣшаются на показ, превращаясь в такой-же товар, как радужные шелка или полированные ящики с капризной на крыш-

Фот. К. Г. Ву.

Весенній сѣв на рисовных заболоченных полях.

сколько возможно роскошно, во время них распѣваются стихи, задаются загадки, приглашаются пѣвички, ведущія себя, впрочем, гораздо сдержаннѣе европейских. Любимою игрою, которую постоянно можно встрѣтить во время китайскаго обѣда, является «цай-мэй», угадываніе суммы пальцев, быстро выбрасываемых двумя китайцами."

Что же и как ѣдят китайцы? Замѣчательный отвѣт на этот вопрос мы находим в книгѣ столѣтней давности: „Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе," сочиненіе монаха Іакинфа, как знает читатель, давно ставшее библіографической рѣдкостью. С тѣх пор и по сей день в китайской кухнѣ ничего не перемѣнилось: „в сѣверном Китаѣ коренная пища состоит в кашѣ из разных прос. В южном Китаѣ — рис. В приправу для вкуса бѣдные обыкновенно употребляют шаткованную рѣдьку или другой какой овощь и зелень соленые. Очень немногіе и то изрѣдка лакомятся вареным и жареным мясом. Напротив, достаточные употребляют говядину, свинину, баранину, поросят, куриц, уток и разную рыбу, к которой причисляются черепахи, снѣдныя лягушки, рѣчные раки, круглые раки (морскіе пауки), мясо рѣчных раковин и улиток; из дичины: кабанов, оленей, козуль, зайцев, фазанов, куропаток, рябчиков, перепелок, овсянок, воробьев, турпанов. Крестец оленя считается чрезвычайно лакомым кушаньем и стоит дороже самаго оленя. Все упомянутое принадлежит к разряду чистых снѣдей. В губерніи Фу-цзянь и в нѣкоторых других мѣстах, жирный щенок собачій, а в губерніи Гуан-дун мясо поло-

за (большого змѣя сѣроватаго) составляют лучшее блюдо в этикетном столѣ. Мясо домашних гусей считают грубым и потому не употребляют их в пищу. Бѣднѣйшій класс, при полном недостаткѣ всѣх средств к пропитанію, ѣст все без разбора: верблюжину, коневину, ослятину, собак, кошек, жесткокрылых насѣкомых, разных звѣрьков и птиц нечистых. Но в съѣстных трактирах, особливо в больших городах, ничего нечистаго в приготовляемых кушанья неупотребляют.

„Для приправы кушаньев употребляют ласточкины гнѣзда, перья акулы, черных морских червей (хай-шень, принадлежащих к роду холотуріев, морских кубышек), голубиныя яица, разные свѣжіе и сушеные грибы, корневые ростки бамбука, морскую капусту, оленьи и воловьи жилы, уксус, горосчатый перец, свѣжій инбирь, развертывающіеся росточки пахучаго ясеня, разную огородную зелень, как то: петрушку, пастарнак, шпинат, капусту, салат, портулак, чеснок, разные виды лука, молодые стрѣлки чеснока, малороссійскую лебеду и бѣлую и красную; из овощей: различные виды тыкв, огурцы, морковь, рѣпу, паровую рѣдьку, брѣдовку, брюкву, горчичный корень, китайскій картофель. В домашнем столѣ щей и супов почти не бывает; мѣсто их занимает пряженое, мелко изрубленное мясо. Для сдобливанія и пряженія употребляют только кунжутное масло, и вытопленное почечное свиное сало. Общій вкус китайцев в приправѣ кушанья близок к европейскому. Небольшая пряность и кислота необходимы. Жарят уток, поросят, баранов и свиней — вѣшая их на крючья в печи, а жар сгребают в устье печки.

От сего огня кожа на жарком без пригори так поджаривается, что разсыпается во рту, и чрезвычайно бывает вкусна.

„Китайцы неупотребляют, — продолжает свое мастерское описаніе наш знаменитый синолог, — ни ножей ни вилок, а всякую пищу, исключая жидких, берут двумя палочками, имѣющими от 8 до 10 дюймов длины: почему мясо и проч., для удобства брать палочками, приготовляется изрѣзанное в кусочки. В похлебках цѣлыя штуки или части (рыбы, мяса) увариваются до такой мягкости, что и палочками очень легко отдѣлять от них небольшіе кусочки. Ѣдят всѣ кушанья без хлѣба. Вмѣсто хлѣба уже при концѣ стола подают каждому по чашкѣ варенаго риса, из котораго отвар сцѣжен. В продолженіе обѣденнаго стола пьют водку и хлѣбное вино — все подогрѣтое, что придает спиртным напиткам большую крѣпость и пріятность."

А. В. Тужилин отмѣчает, что меню китайскаго обѣда отличается обиліем рзнообразных кушаній, доходящих до восьмидесяти. Лучшіе китайскіе рестораны представляют из себя двухэтажныя зданія со двором по срединѣ, в котором разбит садик или устроен акваріум. Рестораны второго разряда „фань-гуан-цзы", отдѣльными кабинетами не распологают гости выбирают себѣ мѣста в общей комнатѣ.

Помимо ресторанов существуют еще винныя лавки двух родов „цзю-лоу" и „цзю-пу." Цзю-лоу имѣет вывѣску с надписью, которая в переводѣ значит: „Слѣзайте с лошади, как только услышите запах (вина), а гурмэ пусть останавливает свой

экипаж." Вывѣскою в лавкѣ „цзю-пу" служит горлянка. В этих винных заведеніях нѣт закусок, но их при желаніи можно затребовать.

В Шанхаѣ китайскіе рестораны есть на всѣ вкусы и на всѣ цѣны. Каждый посвящен какой либо специфической кухнѣ, кантонской, пекинской и т. д. Особенно много, за послѣднее время, говорят о ресторанѣ „Фу-ло-зу."

Иностранцы быстро, в общем, могут пристраститься к китайской гастрономіи и не перечесть иностранных домов, гдѣ, как правило, раз в недѣлю бывает „китайское чао."

Густой и араматный китайскій быт, кипучая жизнь китайскаго базара, сохраняются во всей их специфической колоритности и неповторяемости даже в таких насквозь космополитизированных городах, как Шанхай, как Кантон или Тяньцзин.

ИМПЕРАТОР ПУ-И.

В серединѣ февраля текущаго 1934 г., когда заканчивалась печатаніем настоящая книга, — из Маньчжу-Го пришли вѣсти, что Верховный Правитель Пу-И или, как его именовали в газетах на на англійском языкѣ, г. Генри Пу-И одобрил наименованіе эры, которая начинается под его водительством как императора с 1-го марта 1934 г., как эры „новых предопредѣленій" — Цжи-Юн."

Символика в Китаѣ вообще имѣет очень большое значеніе.

В серединѣ 1933 года сэр Реджинальд Джонстон, бывшій много лѣт подряд воспитателем послѣдняго китайскаго императора Пу-И, впослѣд-

ствіи занимавшій пост британскаго комиссара в Вей-Хай-Веѣ, читая лекцію в Лондонском университетѣ. Лекція касалась культа дерева в Китаѣ.

В своей лекціи сэр Реджинальд, котораго по по праву считают большим знатоком Китая, разсказал, что в Китаѣ есть дерево, которое предсказало раздѣл Китая на сѣверный и южный. Предсказаніе это имѣло мѣсто до того, как было сформировано независимое Кантонское правительство. Это удивительное дерево имѣло нѣкую мистическую связь и с событіями в жизни императорской фамиліи.

Когда вдовствующая императрица Цы-си, фактически правившая государством с 1861 года скончалась 15 ноября 1908 года, семидесяти трех лѣт, а наканунѣ ея смерти, за двадцать часов, 14 ноября того же 1908 года скончался несчастный император Гуан-сюй, которому было всего 37 лѣт от роду, двѣ вѣтви дерева надломились, но через короткое время появилась новая вѣтвь, по случаю коронаціи отрока Пу-И, который вступил на престол державных предков девятаго числа одиннадцатаго мѣсяца по лунному календарю, 1908 года года христіанской эры. Фактически, государственными дѣлами правил его отец, великій князь Чунь Цзай-фын.

Короткое правленіе было отмѣчено открытіем в 1910 году первой Конституціонной Палаты, учрежденной по указу 20 сентября 1907 года.

Но уже в августѣ 1911 г., в далекой провинціи Сычуань, началось опасное противоправительственное движеніе и, к концу сентября, в один

мѣсяц, это движеніе приняло такія формы, что получило, в новѣйшей исторіи Китая, названіе 1-ой революціи.

14 декабря того же рокового, для династіи Маньчжуров, года, объявила себя независимой Сѣверная Монголія, а с 1 января 1912 года, по западно-европейскоу стилю, считается установленной в Китаѣ республика.

Так как регент вел. кн. Чунь был к этому времени уже отстранен, то указ 12 февраля 1912 года об отреченіи императора от престола и о введеніи в Китаѣ республиканскаго строя, подписала мать

Итак, правленіе Императора ребенка Пу-И, получившаго названіе для своей эпохи „Сюань-тун," продолжалось фактически с 1 декабря 1908 года по 12 февраля 1912 года.

Когда была объявлена республика, новая вѣтвь на мистическом деревѣ перестала расти.

Но вот, по словам почтеннаго англійскаго китаевѣда, около десяти лѣт тому назад, на мистическом деревѣ появились, вдруг, новыя вѣтви и тогда монахи, имѣвшіе наблюденіе за этим деревом, пришли к заключенію, что Китай должен расколоться на двое. Фактически и это предсказаніе, до извѣстной степени, совпало с ходом исторических событій. Сэр Реджинальд отмѣтил перед своими слушателями, что если бы это дерево сгорѣло, то, по вѣрованіям монахов, дух его должен был бы переселиться в другое дерево, чтобы культ дерева продолжался нерушимо.

Но вряд ли многіе помнят, а может быть, и не

Зівтрак у Императора Пу-И, данный 15 сент. 1932 г. в честь посла Японіи и главнокомандующаго ген. Нобуйоси Муто. Слѣва от Императора начальник штаба ген. Муто — ген. К. Койсо. Рядом с Муто премьер г. Чен Сяо-су.

слыхали никогда, что бывшему всекитайскому императору Пу-И еще раз довелось царствовать.

Когда как раз в Россіи бушевала февральская революція, ген. Чжан-сюнь занял Пекин 1-го іюля 1917 года и сдѣлал попытку возстановить монархію. Снова в Китаѣ воцарилась, на короткій срок, эра „Сюань-туна," которая продолжалась с 1 по 7 іюля, когда, плохо подготовленный и не поддержанный извнѣ, переворот ни к чему не привел и ген. Чжан-сюнь должен был искать убѣжища на территоріи Посольскаго квартала, гдѣ ему оказало гостепріимство Американское посольство.

Южныя провинціи объявили себя, лѣтом 1917 года, независимой республикой, со столицей в Нанкинѣ и избрали президентом Фын Го-чжана, которому пекинскій президент Ли Юань-хуи и отослал государственную печать. Однако, со вторичным отреченіем императора Пу-И от престола, 7 іюля 1917 года республиканскій режим снова был возстановлен во всем Китаѣ с признаніем Фын Го-чжана президентом. Но так как новый президент, ознакомившись с положеніем в Пекинѣ, куда он прибыл из Нанкина, был вынужден распустить опозиціонный правительству парламент, то провинціи юга: Цзян-си, Цзян-су, Гуй-чжоу, Гуан-дун, Гуан-си и Юн-нань заявили о своем отдѣленіи от сѣвера.

Эти событія уже, однако, не касались жизни послѣдняго китайскаго императора, который продолжал оставаться на территоріи Запрещеннаго Города в Пекинѣ и которому, не смотря на его юный, почти дѣтскій, возраст, пришлось уже чуть не с колыбели, дважды взойти на престол, и дважды

от него отречься.

В трудѣ о великом китайском философѣ Мен-цзы „The book of Mencius,“ Dr. Legge приводит слѣдующую цитату: „Мен-цзы отвѣтил: «Нѣт. Небо не говорит! Оно просто являет волю свою Его (Императора) поведеніем и тѣм, как Он руководит дѣлами.»

Согласно китайской политической доктринѣ, верховная власть в государствѣ есть не только политическій фактор, но и начало религіозно-этическое. Китайскій император был не только повелитель, в европейском смыслѣ слова, но также и верховный руководитель и охранитель національной истины. Он разсматривался вѣрноподданными, как связующее звено между Небом и Землею, он был духовным главою, функціи котораго, как главы государства, были полны мистической значимости и сама его жизнь, указывает Легг, была выраженіем небесной воли.

Китайскіе императоры, как отмѣчает и А. М. Котенев, жили в полном соотвѣтствіи с жизнью своих подданных. Они поклонялись тѣм же самым національным божествам и своим предкам, они выполняли тѣ же самые обряды. Они исповѣдовали одинаковые с народом идеи, раздѣляли народныя суевѣрія, читали тѣ же самыя книги. Они жили в домах той же архитектуры, окруженные тѣми же самыми предметами обстановки, носили такое же, как и всѣ, платье, вставали с восходом солнца и шли спать при его закатѣ. Они продѣлывали всю обрядовую сторону жизни точно так же, как эту обрядовую сторону жизни продѣлывал ничтожнѣйшій из их подданных, с той лишь, ко-

нечно, разницей, что при дворѣ все это было болѣе импозантно, в соотвѣтствіи с высоким рангом богдохана. Короче говоря, повелители Китая были связаны тысячами общих нитей со всѣми своими подданными: в мыслях, в чувствованіях, во вкусах, и представляли собою как бы единое цѣлое, без всякаго средостѣнія, тѣм болѣе без опаснаго дѣленія на „мы" и „они."

Революція разрушила эту непрерывную цѣпь, вот почему перед революціей и поставлена задача необычайной сложности: возстановить, рано или поздно, политическое, соціальное и религіозное единство между правящими и управляемыми.

Тут не мѣшает отмѣтить, что Юань Ши-кай приложил всѣ старанія, в соотвѣтствіи с духом конфуціанскаго ученія и настроеніями націи, какими они были двадцать лѣт тому назад, чтобы для уходившей от власти династіи, было сохранено все, что можно было сохранить. Он лично составил акты отреченія и дал им характерное наименованіе:

— Положеніе о благорасположенном обращеніи.

В согласіи с этими актами, Император „отказывается только от своей политической власти" (императорскій эдикт 12 февраля 1912 года) и сохраняет за собою императорскій титул и всѣ прочія традиціонныя прерогативы китайских императоров.

Республиканская армія брала на себя обязанность приводить обычныя жертвоприношенія перед алтарями храмов императорских предков, а также и в мавзолеях, и правительство республи-

ки обѣщало закончить построеніе мавзолея послѣднему из скончавшихся императоров Гуан-сюю.

Отрекшемуся императору Пу-И республика предоставляла право невозбранно совершать религіозныя богослуженія и жертвоприношенія в храмах предков императорской фамиліи, а также у их гробниц, каковыя гробницы правительство республики обязалось охранять.

Но, что самое необычайное в актах об отреченіи династіи и что всегда вызывало почтительное удивленіе в европейских умах, что отрекшемуся императору, его семьѣ и двору, было предоставлено право по прежнему занимать нѣсколько дворцов в Запрещенном Городѣ.

В дополненіе ко всему, республиканское правительство обязалось выплачивать Императору ежегодно, по цивильному листу, сумму в 4,000,000 таэлей и знаменныя войска, гвардія маньчжурскаго дома, также должны были получать казенное содержаніе. Правительство торжественно обѣщало, что чины дворцоваго управленія, принцы крови и придворные чины, а также всѣ маньчжуры, монголы, магометане и тибетцы, встрѣтят со стороны китайскаго правительства внимательное и доброжелательное отношеніе и будут пользоваться тѣми же правами, как и китайцы.

Во втором эдиктѣ, также составленном Юан Ши-каем, император призывал всѣх чинов администраціи, как в центрѣ, так и на мѣстах, вице-королей, губернаторов, чинов императорской жандармеріи и пр. исполнять по прежнему свои обязанности и памятовать о долгѣ:

— «Призывая к этому, Мы, Император, явля-

ем Нашу любовь к Нашему народу».

Однако лидеры республиканскаго юга смотрѣли на дѣло иначе и пологали, что отреченіе должно быть полным и что новый строй ничѣм не должен связывать себя с павшим режимом и ни в каком монаршем благоволеніи не нуждается. На телеграмму об этом д-ра Сун Ят-сена Юан Ши-каю, послѣдній ничего не отвѣтил, а, через три дня, 15 февраля 1912 года Національное Собраніе в Нанкинѣ приняло отставку «отца китайской революціи» и во главѣ Китая стал Юан Ши-кай.

Двѣнадцать лѣт император Пу-И прожил послѣ отреченія в своей прежней державной столицѣ и хотя по цивильному листу ему не платили и он, фактически, был как бы заточен в императорских дворцах, но в личной жизни он не терпѣл стѣсненій, если не считать матеріальных трудностей содержать двор и поддерживать общій антураж жизни императора, лишившагося трона.

Но вот, 24 октября 1924 года, Пекином овладѣвает маршал Фын Ю-сян, во главѣ своей, так называемой, Народной Арміи.

Первым актом новаго, фын-юсяновскаго кабинета, который, за отсутствіем президента, взял на себя и его функціи, было постановленіе от 3 ноября об уничтоженіи дѣйствія „Актов Отреченія» бывшей династіи. Император Пу-И лишался своего традиціоннаго титула и его приказано было впредь именовать г. Пу-И. Его маньчжурскій двор расформировывался. Его цивильный лист сокращался, и, как он сам, так и вся императорская фамилія обязывались покинуть предѣлы Запрещеннаго Города.

Под большим экскортом Народной Арміи бывшаго христіанскаго генерала, теперь являвшагося союзником и соратником московскаго Коминтерна, император Пу-И был переведен из дворца в дом своего отца и буквально оказался в этом домѣ плѣнником.

Тотчас же было приказано сформировать ликвидаціонную комиссію, которая, в срочном порядкѣ, приступила к разбазариванію, по московским образцам, реликвій царствовавшей маньчжурской династіи, а, за одно, и всѣх вообще реликвій, которыя сохранялись в императорских дворцах.

Хотя слухи о возстановленіи монархіи и о подготовкѣ тѣх или иных заговоров, с цѣлью вернуть маньчжурам власть над Китаем, не раз возникали и служили предметом досужих разговоров, послѣдній император держался с рѣдким тактом и не давал никаких поводов заподозрить двор в том, что эти заговоры плетутся в стѣнах Запрещеннаго Города.

Но изгнаніе двора из Запрещеннаго Города Фыном произвело впечатлѣніе грома среди ясНаго неба и заслонило собою крупнѣйшія политическія событія того времени, первым из которых было предательство маршала У Пей-фу его прежним подчиненным и помощником Фыном.

Посланники Великобританіи, Нидерландов и Японіи лично прибыли в „Вай-Цзяо-Бу," освѣдомиться о том, что происходит с Императором, при чем министерством иностранных дѣл им были даны гарантіи, что в отношеніи личности бывшаго Императора не будет допущено никакого насилія.

Китайское общественное мнѣніе было возму-

щено дѣйствіями Фына и только тѣ политическіе дѣятели, кто были тѣсно, по моменту, связаны с совѣтским посольством, одобряли изгнаніе императорской фамиліи и двора из Запрещеннаго Города.

Это сказалось на положеніи новаго режима. Мукденскій правитель маршал Чжан Цзо-лин и его союзники пришли к твердому убѣжденію, что власть центральнаго правительства не может быть оставлена в руках такого человѣка, как Фын Ю-сян. В Тяньцзинѣ было созвано совѣщаніе военных вождей Сѣвернаго Китая. На это совѣщаніе был приглашен и Фын, который почувствовал, что он в странѣ не распологает никакой моральной поддержкой.

Пост временнаго Верховнаго Правителя был предложен маршалу Дуан Ци-чжую и это предложеніе было принято единогласно. 22 ноября 1924 г. маршал Дуан, в сопровожденіи Фына, прибыл уже как глава государства в Пекин и утвердил состав кабинета.

Новое правительство немедленно объявило, что всѣ ограниченія в отношеніи особы бывшаго Императора и чинов его двора отмѣняются и Император, для большей безопасности, так как в столицѣ было неспокойно, переѣхал в помѣщеніе Японскаго Посольства, а, потом, прослѣдовал в Тяньцзин и поселился там на японской концессіи.

В матеріальном отношеніи императору Пу-И, послѣ переселенія в Тяньцзин, стало жить еще затруднительнѣе.

Приходилось, время от времени, продавать тѣ драгоцѣнности и старинныя вещи, которыя оста-

вались в его распоряженіи. Так, к одному русскому офицеру обращались с просьбой оказать содѣйствіе в продажѣ стариннаго камина времен династіи Минов.

Император, женившійся на принцессѣ крови, вел очень скромный и замкнутый образ жизни, хотя извѣстный англійскій корреспондент сэр Парсиваль Филипп, посѣтившій Тяньцзин весною 1927 года, впослѣдствіи описывал, что молодой император или, как его называл извѣстный корреспондент, г. Генри Пу-И, иногда выѣзжал на танцы в „Астор-Хауз" и не был чужд увлеченію нашего вѣка американскими танцами.

Популярная фотографія, которая была опубликована еще до начала событій в Маньчжуріи, изображала послѣдняго китайскаго императора в бѣлом костюмѣ для игры в теннис, около тенисной сѣтки, на кортѣ, с ракетой в руках. Император был снят в дымчатых очках от лѣтняго солнца, которое на Дальнем Востокѣ очень опасно.

Обстоятельства, при которых послѣдній импеватор покинул, в ноябрѣ 1931 года, Тяньцзин и впослѣдствіи прослѣдовал в Чаньчунь, гдѣ согласился принять на себя обязанности Верховнаго Правителя новаго государственнаго образованія, хотя и всѣм хорошо извѣстны, но мы о них, в кратких словах, напомним нѣсколько ниже. А сначала дадим обшую характеристику Правителя Маньчжу-Го.

Извѣстный японскій публицист К. К. Каваками, автор нѣскольких книг по вопросам дальневосточной политики, в своем трудѣ „Маньчжу-Го, дитя конфликта," дает подробное описаніе своего визита к Верховному Правителю.

„1 октяоря 1932 г., — пишет г. Каваками, — я получил телефонограмму, переданную из Вай-Цаяо-Бу, что Верховный Правитель г. Пу-И примет меня в 11 часов на слѣдующій день.

„В назначенный час я прибыл ко дворцу Правителя, представляющему ряд зданій, окруженных кирпичной стѣною и отстоящих мили на двѣ от японскаго желѣзнодорожнаго городка. Эти зданія прежде были заняты под управленіе соляной монополіи Гиринской провинціи.

„Наружныя ворота охранялись четырьмя китайскими часовыми. Войдя в пріемную: я передал мою визитную карточку одному из секретарей, китайцу.

„Пріем состоялся во внутреннем помѣщеніи, на втором этажѣ, в большой и просторной гостинной, с прекрасной мебелью.

„Верховный Правитель принял меня стоя и пожал мнѣ руку. Он был одѣт очень просто. Под пиджаком был свэтр и все кругом являло едва ли не подчетнутый стиль демократизма. Мы сѣли за круглый стол, японскій переводчик г. Накаджима помогал мнѣ в бесѣдѣ".

Г. Каваками не приводит содержанія своей бесѣды, но отмѣчает, что политических вопросов она не касалась вовсе, что разговор шел на темы соціальнаго порядка. Верховный Правитель на вопрос корреспондента, говорит ли он по англійски сказал что предпочитает говорить по китайски, хотя, как отмѣчает г. Каваками, „г. Пу-И был ряд лѣт учеником очень преданаго ему сэра Реджинальда Джонстона," о котором мы упоминали в самом началѣ статьи.

Сэр Реджинальд был всегда в большом восторгѣ от своего августѣйшаго ученика и дает такую характеристику нынѣшнему Верховному Правителю (написано до событій, разигравшихся в Маньчжуріи):

„Г. Пу-И, в настоящее время, еще молодой человѣк, обладающій чарующими манерами своей расы. Он всегда проявлял живой интерес к событіям мірового порядка. Он говорит по англійски, вполнѣ достаточно для обычнаго обмѣна мнѣній, он прекрасно освѣдомлен в англійской и американской исторіи, при чем англійская исторія его особенно интересовала, так как он спеціально изучал рост и развитіе англійских конституціонных учрежденій. Он принадлежит к числу поклонников принца Уэльскаго, о котором ему, в теченіе ряда лѣт, приходилось много читать в печати. Другим его героем является Муссолини.

Император Пу-И стройнаго тѣлосложенія, с небольшими, красивой формы, руками. Его глаза темны и выраженіе глаз полно мысли. Он всегда был болѣе задумчив, чѣм это обычно наблюдается у молодых людей его возраста. У него врожденный поэтическій дар и он написал ни мало классических стихов. Пробовал он свои силы и в модернистской поэзіи. У него опредѣленный литературный вкус.

Его учителя преподали ему замѣчательное искусство китайской каллиграфіи и его каллиграфическое мастерство всегда вызывало восхищеніе знатоков. Он пишет и по англійски, крупным и твердым почерком. Спеціально живописи он ни-

когда не обучался, ни в китайской манерѣ, ни по европейски, но у него и в живописи врожденный талант и, самоучкой, достигнув многаго, он пишет очень живые и яркіе пейзажи.

Но едва ли не самым удивительным его качеством, особенно если принять во вниманіе традиціи императорскаго двора и шоры этикета, является его готовность воспринимать новыя идеи, его терпимость к чужому мнѣнію, его любовь к газетному чтенію, его прекрасная оріентировка в вопросах, которые волнуют міровое общественное мнѣніе, как Запада, так и Востока."

К этой характеристикѣ мы можем добавить, что еще в годы пребыванія в императорских дворцах, в Пекинѣ, Пу-И имѣл трех воспитателей, двух китайцев и одного маньчжура.

Маньчжур, который, одновременно, исполнял обязанности его тѣлохранителя, учил его языку и литературѣ народа его державных предков.

От одного из своих китайских учителей Император Пу-И воспринял глубокое знаніе конфуціанской философіи, а также начитанность в китайских классических книгах.

По своему собственному желанію, юный Пу-И вставал с восходом солнца и, на свѣжую память, занимался изученіем трудной и сложной китайской классической литературы.

Как всѣ китайцы классическаго образованія, он питает чувства искренняго и глубокаго почтенія к своим бывшим учителям и воспитателям и обращается к ним, при разговорѣ, в соотвѣтствующей манерѣ,

Извѣстный знаток Китая, автор замѣчательных книг, Дж. О. П. Блэнд, в своей книгѣ „Китай, Японія и Корея" разсказывает, как Пу-И, день за днем, слѣдил за ходом работ Версальской конференціи, не только изучая ход событій, но и расцѣнивая их критически. Его не удовлетворяло чтеніе в слѣпую; по его желанію ему были доставлены карты и, в бесѣдѣ с воспитателем, он задавал вопросы, которые показывали, что он правильно разбирался в общем политическом положеніи, которое тогда создалось в мірѣ. Однажды он пожаловался своему англійскому воспитателю, что границы Люксембурга не были отчетливо обозначены на картѣ. В это время ему было всего четырнадцать лѣт от роду!

Император Пу-И не чужд и увлеченію физической культурой. Он перепробовал нѣсколько видов спорта, но особенно ему по душѣ, теннис.

Когда, в 1920 году, его воспитатель, сэр Реджинальд Джонстон, по просьбѣ президента республики Сю-Ши-чжана, спросил малолѣтняго императора, какой бы он хотѣл принять подарок от президента, ко дню своего рожденія, он отвѣтил:

— Пишущую машинку „Корона".

Он очень быстро, между прочим, пишет на англійской пишущей машинкѣ.

Императора Пу-И стали называть, на иностранный лад, Генри, потому что он сам выбрал это имя, являясь поклонником англійскаго короля Генриха VIII. Своей супругѣ Пу-И даровал европейское имя Елизавета, опять таки в честь зна-

менитой англійской государыни. Когда императорская семья пребывала еще в Запрещенном Городѣ, Императрица, или как ее называли в англійской печати, „Лэди Пу-И“ имѣла при себѣ двух воспитательниц американок, мисс Миріам и мисс Изабэл Ингрэм, дочерей одного миссіонера из Филадельфіи.

В октябрѣ 1932 года извѣстный англійскій журналист Г. Дж. В. Вудхэд предпринял поѣздку в Маньчжурію и свои путевыя впечатлѣнія издал отдѣльной книжкой (H. G. W. Woodhead „A Journalist in China“.) Он подробно описывает посѣщеніе Верховнаго Правителя, с которым неоднократно встрѣчался раньше, в Тяньцзинѣ, когда г. Вудхэд стоял там во главѣ газеты „Пекин энд Тяньцзин Таймз“.

На вопрос о том, как Император Пу-И, в ноябрѣ 1931 года, был, согласно слухов, похищен японцами из Тяньцзина, Верховный Правитель весело расхохотался и отвѣтил по англійски:

— “Kidnapped? Kidnapped? No! No!”

Потом Император Пу-И разсказал, что „когда он подготавливал рѣшеніе отправиться из Тяньцзина в Маньчжурію, он не сообщил об этом даже японскому генеральному консулу. Его отъѣзд до послѣдняго момента надо было держать в строжайшем секретѣ по двум причинам: во-первых, для того, чтобы его отъѣзду не могли помѣшать, во-вторых потому, что если бы стало извѣстно, что он готовится направиться в Маньчжурію на него легко могло быть организовано покушеніе“.

Далѣе г. Вудхэд пишет:

„Г. Пу-И выѣхал из Тяньцзина в самом на-

чалѣ ноябрьских безпорядков между японцами и китайцами и направился сразу на Инкоу на первом пароходѣ, на который можно было попасть, „Авачи-Мару. Перед самым отъѣздом он написал письмо японскому генеральному консулу, извѣщая его о своем отъѣздѣ и прося его оказать нужную защиту Императрицѣ, которая оставалась в своей резиденціи на японской концессіи.

„Из Инкоу г. Пу-И через Дайрен, прослѣдовал в Танканцзы-тихое мѣстечко между Ляояном и Дашичао, гдѣ он оставался всего два дня, а, потом, выѣхал в Порт-Артур, на встрѣчу своей супругѣ.

Она также прибыла на обыкновенном пароходѣ. Нѣсколько недѣль протекли в Порт-Артурѣ, гдѣ Император внимательно изучал перепитіи осадных операцій, ведшихся во время русско-японской войны. Далѣе Пу-И и супруга возвращаются в Танканцзы и 8 марта 1932 года прибывают в Чаньчунь.

„Когда окончательно в нем созрѣло рѣшеніе возглавить движеніе за независимость, — пишет г. Вудхэд, — и взять на себя обязанности Верховнаго Правителя, он немедленно сѣл в поѣзд и прибыл в Чаньчунь. Ни одного дня или часа как в Тяньцзинѣ, так и во время пребыванія в Порт-Артурѣ, равно, как, потом, за время жизни в Маньчжуріи, на него не было оказано никакого давленія. Вот мы сидим, — отмѣчает англійскій журналист, — и разговариваем совершенно свободно, в присутствіи китайскаго секретаря, который не дѣлает никаких попыток направлять теченіе бесѣды. И который, время от времени,

помогает в переводѣ, хотя весь разговор ведется на англійском языкѣ".

Император Пу-И подробно разъяснил англійскому журналисту как в нем созрѣло рѣшеніе возложить на себя бремя отвѣтственности по возглавленію государственной власти.

Маньчжурія с незапамятных времен является колыбелью его рода. Вполнѣ естественно, что он кровно заинтересован в сабытіях, которыя развернулись на просторах его родного края. Принять участіе в ходѣ событій, так вплотную захватившних Маньчжурію, он считал своим повелительным долгом.

И когда к нему, в Тяньцзин, прибыли эмиссары, представители сепаратистскаго движенія, и просили его прослѣдовать в Маньчжурію, он не нашел в себѣ сил им в этом отказать.

Далѣе будет интересно привести выдержки из Временной конституціи Маньчжу-го, ставшей уже документом прошлаго, в части, касавшейся прерогатив Верховнаго Правителя:

Ст. 1: Верховный Правитель правит Маньчжурским государством. Ст. 2: Верховный Правитель представляет Маньчжурское Государство.

Ст. 3: Верховный Правитель отвѣтственен перед народом. Ст.4: Верховный Правитель призван к власти народом. Ст. 5: Верховный Правитель осуществляет высшую судебную власть с одобренія Судебной Палаты. Ст. 6: Верховный Правитель управляет Государственной Палатой, которая осуществляет административныя права. Ст. 7: Верховный Правитель осуществляет право законода-

тельства в соотвѣтствіи с законами и в согласіи с Законодательной Палатой.

В ст. 8-ой отмѣчается, что хотя Верховный Правитель и издает законодательные акты, направленные к благосостоянію всѣх граждан, но сам не распологает правом единоличнаго пересмотра дѣйствующих законов. Одиннадцатая статья конституціи предоставляет Правителю право объявлять войну, подписывать мир и заключать договоры. Двѣнадцатая статья сосредотачивает в руках Правителя верховное командованіе всѣми вооруженными силами государства. Правитель точно также надѣлен правом дарованія амнистіи.

Рѣшеніе короноваться Императором Маньчжу-Го надо признать и удачным и своевременным актом; недаром оффиціальное подтвержденіе первых вѣстей об этом в началѣ января 1934 г. из столицы новаго государства, вызвало оживленные отклики в міровой печати.

11 января в столицѣ новаго государства Синьцзинѣ (Чанчунѣ) состоялось объединенное засѣданіе Тайнаго и Государственнаго Совѣтов, на котором, согласно полуоффиціальнаго заявленія, сдѣланнаго впослѣдствіи для печати, было "постановлено провести с 1 марта 1934 г. реорганизацію государственнаго строя которая будет обозначать начало новой исторической эпохи".

20 января в Синьцзинѣ и в Токіо было оффиціально объявлено о предостоящем установленіи в Маньчжу-Го монархическаго строя и возшествіи на престол Пу-И, нынѣшняго Верховнаго Правителя, как Императора новой имперіи.

Премьер-министр Чен Сяо-су в тот же день опубликовал текст петиціи, с которой правительство обратилось к Верховному Правителю, с просьбой короноваться на престол, прославляя, одновременно, „охрану и защиту им населенія под десницею Господа Бога."

„Два года прошло с тѣх пор, как было создано новое государство и мир и порядок в нем полностью установлены. Управленіе страною справедливое и нелицепріятное и основы государства сильны и крѣпки. Теперь, — говорится далѣе в петиціи, 30,000,000 населеніе Маньчжуріи просит г. Пу-И о восшествіи на престол. Монархическая форма правленіи никогда не будет измѣнена, ибо Верховный Правитель „становится Императором Маньчжу-Го по священному праву."

Согласно разработаннаго и заранѣе опубликованнаго церемоніала, Верховный Правитель, с восходом солнца, 1 марта сдѣлал поклоненіе перед Алтарем Неба и, по древним вѣрованіям маньчжуров, вошел с этого момента в „соприкосновеніе с духами Неба." Когда он поднялся с земли он перестал быть г. Пу-И, а стал Императором Маньчжу-Го и получил императорскую печать из нефрита, при чем вся церемонія была обставлена в духѣ и в стилѣ традицій 3-ей династіи Чжоу, которая правила с 1112 по 249 г. г. до Р. Х.

Тогда же, 20 янв. 1934 г. правительством было заявлено, что объявленіе Маньчжу-Го имперіей не вызовет никаких перемѣн в уже опредѣлившейся политикѣ государства, всѣ обязательства и завѣренія государственнаго порядка, сдѣланныя в пер-

вые два года существованія новаго государства, будут монархіей выполнены. Даже флаг сохранится прежній.

Торжества коронаціи начались с полудня 1 марта тѣм, что была промульгирована конституція новой монархіи. Для этой церемоніи всѣ высшіе чины государства, а также спеціально приглашенные гости, собрались в залѣ засѣданій зданія Государственнаго Совѣта. Послѣ того как Император был коронован он, в качествѣ августѣйшаго главы всѣх сухопутных, морских и воздушных сил страны, принял большой парад, в котором участвовали всѣ виды оружія.

В числѣ милостей с высоты новаго трона объявлена широкая амнистія, прощеніе наказаній жертвам опіекуренія, обращеніе по радіо ко всему міру с призывом к дружбѣ и сотрудничеству. Далѣе, состоялся торжественный банкет в честь иностранных гостей, и коронація была также отмѣчена торжествами во всѣх городах Маньчжу-Го. Император обѣщал отпустить 100,000 долларов в фонд инвалидов и семій тѣх солдат и офицеров, которые пострадали в борьбѣ за независимость новаго государства.

На второй день коронаціонных торжеств а именно 2 марта Импаратор дал аудіенцію высшим чинам государства, а, затѣм, придворный астролог спеціально опредѣлил „счастливый день“ для того, чтобы Император мог руководить торжественной церемоніей поклоненія его державным предкам.

Что касается конституціи новой монархіи, то она носит временный характер и первый

год ея введенія будет считаться подготовительным. В правительственной деклараціи, которая опубликована в день коронаціи, было упомянуто о поддержаніи промышленности, разработкѣ нѣдр, контролѣ над денежным обращеніем, уничтоженіи бандитизма, развитіи народнаго образованія, уваженіи к законным правам иностранцев, охранѣ их жизни и имущества, поддержаніи политики открытых дверей в отношеніи иностранной торговли и о сохраненіи всѣх существующих договоров и соглашеній.

В маѣ или іюнѣ 1934 г. предполагается, что старшій брат Императора Японіи принц Чичибу прибудет в столицу Маньчжу-Го, принести поздравленія новому Императору, а, в отвѣт на этот визит, Император Пу-И лично прослѣдует в Японію, засвидѣтельствовать свое уваженіе Императорской Фамиліи.

Японскій министр иностранных дѣл г. Коки Хирота, послѣ того как посольство Маньчжу-Го в Токіо оффиціально объявило о предстоящем измѣненіи конституціи, выразил сердечныя поздравленія от лица японской націи и подчеркнул, что установленіе монархическаго режима: „должно послужить к дальнѣйшей консолидаціи основ новаго государства, в смыслѣ его независимости". Той же точки зрѣнія склонны придерживаться и англійскіе политическіе обозрѣватели, которые полагают, что имперія Маньчжу-Го будет болѣе импонировать международному общественному мнѣнію, чѣм прежнее состояніе страны, только что отторгнутой от Китая при помощи японских вооруженных сил.

Во всяком случаѣ, тотчас же послѣ полученія извѣстій о преобразованіях в Маньчжу-Го, вліятельная „Морнинг Пост“ писла, что если Маньчжу-Го будет означать мир и безопасность, это точно также должно будет означать развитіе торговли не только с одной Японіей, но и со всѣм остальным міром. Во всяком случаѣ, добавляла газета, „британскому правительству, которое столь стремительно признало испанское революціонное правительство, надо было бы подумать на счет признанія Маньчжу-Го“. А шанхайская „Норд Чайна Дэйли Ньюз“ отмѣчая завѣренія, что объявленіе монархіи не вызовет территоріальных перемѣн за предѣлами границ Маньчжу-Го, указывает, однако, что идея монгольскаго государства настойчиво муссируется японскими политическими кругами. Газета считает, что Верховный Правитель должен был воспользоваться преимуществами создавшагося положенія. „Он не связан никакими обязательствами ни перед одной из партій или групп той страны, которой три послѣдних сотни лѣт правили его державные предки. Если даже, рано или поздно, его новой державѣ уготована аннексія, его личное положеніе и престиж от этого не пострадают.“

9 февраля 1934 г. Верховный Правитель принял, в общей аудіенціи, предстивителей японской и маньчжугоской прессы.

В отвѣт на привѣтствія, Верховный Правитель сказал: „Я весьма рад, что имѣю случай встрѣтиться с представителями печати. Постоянно слѣдя за прессой, я испытываю большое удовлетвореніе, что освѣщеніе событій прессою дѣлается

детально и безпристрастно. На пути государственнаго строительства лежит еще много важных заданій и вопросов, для выполненія которых нужно ваше содѣйствіе. Хотя страна наша, учреждает монархическій строй, но я хочу вам заявить, что и по установленіи монархіи я имѣю в виду часто встрѣчаться с вами и жду, что на таковых наших будущих встрѣчах я буду слышать от вас ваше откровенное мнѣніе."

По окончаніи аудіенціи журналисты были приняты замѣстителем министра двора г. Бао, кототорый, разсказывая, как Верховный Правитель проводил свое время отмѣтил, что он очень любит чтеніе книг, а также неизмѣнно совершенствуется в благородном искусствѣ каллиграфіи. Он читает труды по политическим вопросам, историческія книги, а также сочиненія по другим отраслям знанія, как на китайском, так и на англійском языках.

Поднимаясь рано утром, Верховный Правитель сразу послѣ утренняго завтрака проходит в рабочій кабинет и остается там, занимаясь государственными дѣлами, до часу дня. Послѣ завтрака он отдыхает за чтеніем книги или пишет, стараясь также найти время для прогулки в саду. В послѣднее время Верховный Правитель очень часто занимался сидѣніем „зен": сидѣніе „зен" особое упражненіе послѣдователей Будды, укрѣпляющее волю и моральныя и интеллектуальныя силы. Охотно он занимается рисованіем, дѣлая скетчи и наброски и умѣя нѣсколькими штрихами придать характерныя черты изображаемаго лица или

предмета. Верховный Правитель, как отмѣчают всѣ видѣвшіе его недавно, очень поздоровѣл. Он много времени удѣляет спорту, главным образом, теннису и гольфу.

На пріемѣ представетеля американскаго агенства „Ассошіэйтед Пресс," Верховный Правитель заявил, что он надѣется, что характер управленія новой имперіей автоматически обезпечит Маньчжу-Го признаніе Соединенных Штатов и других держав:

— „Моя политика будет политикой мира, международнаго содружества, вѣрности договорам и созданія условій полной безопасности. Я зову американцев и других иностранцев соучаствовать в индустріализаціи Маньчжу-Го. Наши двери останутся открытыми для коммерческой дѣятельности представителей всѣх націй. У меня много друзей в Америкѣ и мнѣ хочется вѣрить, что они помогут установленію дружеских отношеній между нашими странами".

Далѣе Верховный Правитель отмѣтил, что он очень хотѣл бы посѣтить Америку и другія части свѣта.

Американскій корреспондент отмѣчает, что во время интервью Верховный Правитель был одѣт в форму фельдмаршала и на его погонах были миніатюрныя изображенія орхидеи и звѣзд, шитыя золотом. Он был в кожанных сапогах, со шпорами. Выглядѣл он очень моложаво. Американскій корреспондент подчеркивает, что его покорила простота и непринужденность, в атмосферѣ которых протекала эта аудіенція. Все кругом

было покойно и по домашнему, не чувствовалось, что это дворц, что перед вами носитель верховной власти, что за стѣнами пріемной идут приготовленія к коронаціи. На стѣнах висѣли свитки с изреченіями китайских мудрецов, в том числѣ наставленія великаго Конфуція. А, неподалеку от бесѣдовавших, находилось с полдюжины старинных китайских мечей, которые Верховный Правитель любовно собирает, будучи страстным коллекціонером китайских рѣдкостей. В началѣ бесѣды, которая велась частью на китайском частью на англійском языкѣ Верховный Правитель предложил американскому журналисту сигареты, а когда тот спросил его о здоровьи, то отвѣт послѣдовал на англійском языкѣ:

—Oh, I am just fine!, — прежде чѣм переводчик успѣл перевести вопрос на китайскій язык.

В заключеніе считаю не лишним подчеркнуть, для историка, что коронація Императора Пу-И, подобно похоронам бельгійскаго короля Альберта, являются первыми пышными историческими событіями, на вѣки запечатлѣнными для звукового экрана.

1-ое марта 1934 г., день коронаціи Императора Маньчжу-Го, был холодным, вѣтряным, но солнечным. Как было предписано по церемоніалу, заранѣе опубликованному, в 8 с половиною часов утра императорскій кортеж из временнаго дворца отправился к храму Неба. Император слѣдовал в новом роскошном автомобилѣ марки „Линкольн," непроницаемом для пуль. За императорским автомобилем шли девять тяжелых „паккардов" с выс-

шими чинами и вооруженной стражей, тут же, по бокам, неслись шесть полицейских мотоциклов.

Оффиціальный мір новой имперіи, собравшись на площади перед будущим дворцом и храмом Неба, прислушивался к звукам отдаленной музыки военнаго оркестра, находившагося в скверѣ „Да-Тун," что означало, что кортеж слѣдует к мѣсту церемоніи. Чины двора, различных правительственных канцелярій и делегацій с мѣст в большинствѣ были одѣты в живописные костюмы императорской эпохи. Тут же находились представители знаменных монгольских войск.

Молодой, двадцативосьмилѣтній Император, который отнынѣ будет называться Кан-Дэ, что означает в переводѣ „Спокойствіе и Добродѣтель," вышел из автомобиля в роскошном коронаціонном одѣяніи, имѣя на головѣ, опушенный мѣхом, головной убор с красными кистями и жемчугом, будучи одѣт в голубое одѣяніе, с рукавами бордоваго оттѣнка, все расшитое золотыми драконами и другими изображеніями символическаго характера. На его верхнем платьѣ был вышит императорскій дракон с іероглифами: „Жи-юэ-ваньшоу," что значит — „не имѣющіе возраста подобны солнцу и лунѣ." Прослѣдовав вдоль рядов высших чинов государства, низко склонявшихся при его приближеніи, Император, в сопровожденіи восьми духовных лиц, назначенных участвовать в обрядѣ, поднялся по ступеням храма и скрылся внутри. При этой церемоніи присутствовали немногіе: члены правительства, во главѣ с престарѣлым премьер министром Чен Сяо-су и выс-

шіе чины японскаго посольства, во главѣ с ген. Такаши Хишикари, главнокомандующим японской Квантунской арміей и послом Японіи в Маньчжу-Го.

Тоненькая струйка благовоннаго фиміама, поднимавшаяся из бронзовой курильницы, символизировала возношеніе новым монархом молитв к Всевышнему. Священная церемонія началась тѣм, что Император предложил вниманію Неба нефритовый амулет, сверток драгоцѣннаго шелка и, послѣ поклоненія до земли, три чаши священнаго вина, совмѣстно со свитком обращенія к Небу, которое Император трижды прочел. Совершив далѣе три земных поклона („кэ-тоу") он принял из рук одного из совершавших обряд великую государственную печать из нефрита и благоговѣйно поднял ея к Небу, прося ниспослать благословеніе на пользованіе ею. Возвратив печать церемоніймейстеру, Император, в полном молчаніи, соприкоснулся согласно вѣрованіям культа с Всевышним, в то время как кадильницы еще сильнѣе стали источать фиміам. По окончаніи церемоніи, которая длилась около получаса, Император тѣм же порядком возвратился к себѣ во временный дворец, по тихим улицам новой столицы, усиленно охранявшимся нарядами войск, в виду возможности ожидать покушеній.

Приблизительно через час по возвращеніи во дворец Император, смѣнив пышныя національныя одежды, одѣл голубой фельдмаршалскій мундир и, ровно в полдень, с боем часов, совершил выход в зал церемоній, взойдя на „нефритовый трон." В то время, как Император, приняв великую пе-

чать, торжественно приложил ея к своему первому манифесту, лично им прочитанному затѣм вслух, высшіе чины государства, находившіеся при этой церемоніи в залѣ, всѣ склонились в глубоком почтительном поклонѣ.

Предсѣдатель совѣта министров Чен Сяо-су предложил трижды прокричать ура, подхваченное всѣми присутствовавшими и когда крики смолкли, принял из рук Императора эдикт, объявляющій о восшествіи Императора на трон и о началѣ царствованія маньчжурской династіи Кан-Дэ.

Послѣ этого, сопровождаемый глубокими поклонами, Император удалился во внутренніе покои, под звуки салюта в 101 выстрѣл. Так совершилась коронація в Синьцзинѣ.

А, в тот же день, в Нанкинѣ глава центральнаго китайскаго правительства г. Ван Цзин-вей, сдѣлал заявленіе, сводившееся к тому, что восшествіе Пу-И на трон представляет еще один шаг на пути агрессивных намѣреній Японіи, подтверждая ея рѣшимость сохранить в сферѣ своего вліянія и контроля Три Восточныя провинціи, а также Жэ-Хэ (Джехол), отнятыя от Китая силой оружія. Хотя Китай в настоящее время, — говорит г. Ван Цзин-вей, — не в состояніи вернуть себѣ потерянную территорію, эти четыре провинціи останутся частью Китая. Китайская печать, откликаясь на событія, была единодушна в утвержденіи, что кровь, пролитая китайским народом на протяженіи послѣдних двух с половиною лѣт, не была пролита понапрасну и будет вознаграждена. „Борьба китайскаго народа на прекратится, пока цѣль не будет достигнута.“

ЧЖАН КАЙ-ШИ.

Когда в 1933 году Т. В. Сун, самый крупный гражданскій администратор гоминдановскаго режима путешествовал по Европѣ, являясь главным делегатом Китая на печальной памяти Всемірной Экономической Конференціи в Лондонѣ, послѣ краткаго пребыванія в Вашингтонѣ, гостем президента Франклина Рузвельта, будучи далѣе принят англійским королем, а, потом, ужиная вмѣстѣ с Муссолини в Остіи — самый крупный военный дѣятель Гоминдана, Чжан Кай-ши, продолжал оставаться и в зимнюю непогоду и в лѣтній зной в Нанчанѣ, в провинціи Цзян-си, откуда он руководил операціями против коммунистических отрядов.

Вот уже десять лѣт горит на небосклонѣ Китая звѣзда военнаго вождя Чжан Кай-ши, который был три раза назначаем генералиссимусом вооруженных сил Республики, который был долго фактическим диктатором, который начал и завершил историческую экспедицію революціоннаго Юга на консервативный Сѣвер, который, наконец, возложил на свои плечи крест борьбы с ростом коммунистическаго движенія. И, все таки, ни о ком так мало не знают, как об этом человѣкѣ, которому только внезапная смерть, пожалуй, может помѣшать играть в китайских судьбах выдающуюся, может быть, как и прежде, первенствующую роль.

Смѣшно сказать, но в толстой книгѣ біографій извѣстных людей Китая „Who's who in China", в третьем ея изданіи, датированным 1925 годом, имени Чжан Кай-ши вовсе не упоминается, несмотря на то, что ровно через год послѣ выпуска этой

цѣнной книги, в Іюлѣ 1926 года, он был уже назначен главнокомандующим войсками Южнаго Китая и предсѣдателем военнаго совѣта, и не смотря на то, что в этой книгѣ имѣется, среди сотен других, біографія „молодого маршала" Чжан Сюэляна, в тѣ времена не игравшаго никакой самостоятельной роли.

О Чжан Кай-ши, несмотря на то, что уже восемь лѣт его имя не сходит со страниц газет и журналов, вообще написана была всего одна книжка, слишком почтительная, чтобы быть исторически цѣнной и слишком устарѣвшая даже для того момента, когда набрасываются эти строки.

С портретов и при личной с ним встрѣчѣ, на вас смотрит довольно обыкновенное китайское лицо, в простотѣ и, так сказать, стандартности линій котораго чувствуется, однако, большая внутренняя сила: так глядят на вас всѣ китайскія изображенія, боги и герои древности, вплоть до зримых воплощеній самаго Будды, у которых всегда и широкій нос, и шире европейских скулы, и широкій лоб, а у Чжан Кай-ши, в придачу к этому, широкія губы и большіе, спокойные глаза. Во всяком случаѣ, в его лицѣ нѣт ничего непріятнаго, как это непріятное есть в лицѣ хитраго и неискренняго Фын Ю-сяна и ничего мелкаго, как было в лицѣ Чжан Цзо-лина.

О дѣтствѣ и ранней юности Чжан Кай-ши также извѣстно очень мало. Он происходит из деревеньки Чи-ко, округа Фенгуа, в провинціи Чжэцзян, куда надо ѣхать через Нинбо, словом от Шанхая рукой подать. Округ Фенгуа в телеграммах часто зовут по ошибкѣ деревней Фенгуа

и случается это каждый раз, когда Чжан Кай-ши отправляется к родным пенатам, отдохнуть или стратегически отойти от активной политики. Здѣсь у Чжан Кай-ши есть теперь своя дача на горѣ, куда надо добираться несомым в креслах; дача расположена около небольшого храма.

Родители Чжан Кай-ши были купцы и, по деревенским масштабам, довольно зажиточные, занимались они выдѣлкою легкаго вина из мѣстнаго винограда, хотѣли, как утверждают біографы. и сына пустить по своей части, но этого не случилось. Вмѣсто виноградаря вышел полководец.

Маленькій Чжан еще в дѣтских играх всегда, как говорят, был предводителем, и очень любил играть в солдатики. Когда он подрос, то рѣшил во что бы то ни стало пройти курс военнаго обученія. Родители, по началу, будто бы сопротивлялись, но потом дали согласіе.

Уже в 1906 году юный Чжан Кай-ши вступил в ряды народной партіи Гоминдан и в революціи 1911 года принимает самое дѣятельное участіе.

Свое военное образованіе Чжан Кай-ши получает в Японіи, его приближает к себѣ д-р Сун Ятсен, с семьей котораго он, уже послѣ смерти „отца китайской революціи," роднится благодаря своей женитьбѣ на мисс Мэй Лин-сун, сестрѣ второй жены Сун Ят-сена, сестрѣ Т. В. Суна и сестрѣ жены д-ра Г. Г. Куна, бывшаго министра торговли, нынѣшняго министра финансов.

По началу, несмотря на благоволѣніе к нему д-ра Сун Ят-сена, дѣйствовавшаго в періоды, когда он держался в Кантонѣ, по-диктаторски, в особенности до появленія там Бородина, Чжан Кай-

ши дѣлает рядовую военную карьеру и ничѣм особенным от других не отличается, но, вот, в 1923 году его назначают на пост начальника штаба кантонской арміи и, с этих пор, его звѣзда начинает все выше подниматься и все ярче разгораться, пока, наконец, не заслоняет собою всѣ „военныя" звѣзды современнаго китайскаго Олимпа.

Многіе основательно забыли, что вслѣд за назначеніем начальником штаба, Чжан Кай-ши был послан Сун Ят-сеном в Москву и там в военных кругах сразу обратил на себя вниманіе. В Москвѣ Чжан Кай-ши основательно познакомился с организаціей красной арміи, каковая армія, в основах своей организаціи, есть ничто иное, как русская армія. Вернувшись из Россіи Чжан Кай-ши назначается начальником военной академіи в Вэмпао, под Кантоном.

Состоявшій одно время военным инструктором Степанов, в живой характеристикѣ, говорит без обиняков, что Чжан Кай-ши выдающаяся индивидуальность, человѣк, умѣющій принимать рѣшенія, умѣющій выполнять их и преисполненный честолюбивых планов. Совѣтскій инструктор уже тогда отмѣтил, что Чжан Кай-ши мечтает быть героем в глазах всего Китая. Он называет себя революціонером не только в узко-національном смыслѣ этого слова, но и революціонером в отношеніи всего остального міра. Чжан Кай-ши и в самом началѣ карьеры не скрывал от близких к нему людей, что ему нужны деньги и нужна власть, но деньги он хотѣл имѣть не для удовлетворенія личных цѣлей, а власть не для того, чтобы тѣ-

шить ею свое самолюбіе. Он был слишком увѣрен в себѣ, слишком высоко себя ставил, чтобы итти на мелкія сдѣлки матеріальнаго характера, от чего не отказывались другіе из его молодых соратников по партіи.

По мнѣнію Степанова, Чжан Кай-ши отлично разбирается в вопросах не только китайской, но и обще-міровой политики. Он сразу почувствовал, какой путь вѣрнѣе приведет его к власти и, дорожа поддержкой масс. никогда не полагался на них всецѣло. (Доклад т. Степанова, найденный среди бумаг, захваченных в посольствѣ СССР в Пекинѣ, 6 апрѣля 1927 года).

Между тѣм событія, как в исторіи революціоннаго Юга, так и в личной жизни Чжан Кай-ши развивались своей чередой. В рядах Гоминдана наростало недовольство диктаторскими замашками коммунистов и ролью русских инструкторов, которые все меньше считались с желаніями былых соратников и ближайших друзей д-ра Сун Ят-сена, скончавшагося 12 марта 1925 года. Масла в огонь подлила кантонская забастовка рабочих пикетов и 20 марта 1926 года Чжан Кай-ши осуществляет свой coup d'etat: без разрѣшенія це-ка Гоминдана, на свой риск, он разоружает часть рабочих пикетов кантонскаго забастовочнаго комитета и, окружив штаб забастовщиков, производит там обыск. Он также отдает распоряженіе разоружить нѣкоторыя коммунистическія части, арестовать и выслать нѣкоторых из русских инструкторов и политруков. В этом своем выступленіи Чжан Кай-ши был поддержан Сун-Фо и начальником

кантонской полиціи ген. У Тэ-ченом, но дѣйствовал против желанія Ван Цзинь-вея, которому пришлось бѣжать из города. Впечатлѣніе от этого перваго выступленія Гоминдана против коммунистов было потрясающим. Громким гулом оно прокатилось по всей странѣ, найдя всюду отклик, кромѣ сердец и душ тѣх, кто связывали свою судьбу с коммунстическим интернаціоналом.

Выступленіе Чжан Кай-ши против коммунистов еще в Кантонѣ, еще до начала карательной экспедиціи на Сѣвер, было удачным и потому, что оно как раз совпало с настроеніями правящих группировок Сѣвера, гдѣ Мукденскій маршал Чжан Цзолин и маршал У Пей-фу, осуществлявшій тогда фактическій контроль над Пекином, требовали отозванія Л. М. Карахана (декларація Чжан Цзолина от 28 января 1926 г., вслѣд за событіями на Кит. Вост. жел. дор., которыми руководил совѣтскій управляющій А. Н. Иванов).

Сотни умѣренных членов Гоминдана, которые, послѣ сближенія Сун Ят-сена, с СССР и появленія М. Бородина и его помощников в Кантонѣ, находились в эмиграціи, начинают снова возвращаться в Кантон. В Москву отправляется телеграмма, настаивающая на немедленном возвращеніи оттуда Ху Хан-мина. Забастовка рабочих в порту и команд пароходных компаній, начавшаяся с лѣта 1925 года в Гонконгѣ, начинает ослабѣвать и Гонконг договаривается с Кантоном о прекращеніи антибританскаго бойкота.

Но выступленіе Чжан Кай-ши не полностью уничтожило на Югѣ коммунистическое вліяніе, отнюдь нѣт. Главный удар его пришелся лишь по

Фот. Г. Т. Крайнюкова

Ген. Чжан Кай-ши в своем кабинетѣ в ставкѣ главнокомандующаго в Нанчанѣ.

лѣвому крылу Гоминдана, тогда как совѣтскіе инструкторы продолжали оставаться на своих мѣстах. И тѣм, кого высылали, был дан торжественный прощальный банкет. Аппарат совмѣстной работы китайских революціенеров с московскими инструкторами оставался нетронутым и Москва была достаточно сдержана, осторожна и дальновидна, чтобы обращать вниманіе на „маленькую непріятность," случившуюся 20 марта 1926 года. У Совѣтской Россіи были в Кантонѣ на очереди поважнѣе задачи и при том задачи не только мѣстнаго, но и все-китайскаго масштаба.

Тот же т. Степанов в своем, уже цитированном докладѣ отмѣчает, что независимо от того, революціонер или контр-революціонер Чжан Кай-ши: „работа с ним должна продолжаться во имя борьбы за національную революцію." Большевики дѣйствовали разными путями. Гдѣ им не удавалось достигнуть намѣченной цѣли ударом в лоб, они продвигались тихой сапой.

29 апрѣля Бородин возвращается в Кантон. К общему удивленію его сопровождает „правый" г. Ху Хан-мин и еще к большему удивленію общественнаго мнѣнія 5 мая 1926 года опубликовывается мандат Центральнаго Исполнительнаго Комитета, согласно которому Бородин назначается совѣтником политическаго комитета Кантонскаго правительства. По городу ползет слух, что Бородина скоро назначат высоким совѣтником. Начальник кантонской полиціи ген. У Тэ-чен, который производил аресты лѣвых гоминдановцев и совѣтских агентов, сам подвергается задержанію, а сыну зна-

минитаго У Тин-фана д-ру С. С. У, который вел переговоры с английскими властями о прекращенiи бойкота, предложено покинуть Кантон. Смѣщается со своего поста и Сун-Фо, которому предлагается отправиться в Москву в качествѣ представителя Кантона. Положенiе Чжан Кай-ши, понятно, становится не только неопредѣленным, но и опасным.

Зная, что „промедленiе времени смерти подобно," Чжан Кай-ши рѣшает сам перейти в атаку, не дожидаясь когда под него будет подведена мина. 15 мая, в качествѣ предсѣдателя военнаго совѣта, он выступает на первом же пленумѣ ЦИК Гоминдана с рѣчью, в которой бичует звѣрства коммунистов в Южном Китаѣ. Он предлагает, чтобы отнынѣ ни один коммунист не назначался на отвѣтственные посты в правительствѣ и не мог бы самоуправствовать в дѣлах партiи Гоминдан и ея провинцiальных органов.

Рѣшенiе ЦИК Гоминдана послѣ этой рѣчи оказывается уклончивым — постановлено пересмотрѣть взаимоотношенiя с коммунистической партiей, но отвергнуто предложенiе Чжан Кай-ши об отстраненiи коммунистов с отвѣтственных постов. Постановлено так же ограничить число коммунистов, которые могут занимать посты в рядах партiи Гоминдан и сдѣлано обращенiе к коммунистической партiи, просить своих членов не подрывать три основных принципа Гоминдана. Всѣ эти постановленiя Бородин полностью одобрил. Тактика Бородина вынудила Чжан Кай-ши пересмотрѣть свою тактику — компромисс был неизбѣжен, по-

тому что приготовленія к карательной экспедиціи на Сѣвер заканчивались. Авангарды объединившихся против революціоннаго движенія сѣверных маршалов были уже вблизи границ Гуандуна. Союзник Гоминдана, ген. Тай Шен-чи был отброшен от Чанши и отступил в Чучжоу, в Хунани. Чанша попала в руки одного из подчиненых маршала У Пей-фу. Надо было обезпечить для экспедиціи и тыл. Вот почему вновь назначенный и. об. министра иностранных дѣл Евгеній Чен, друг Бородина, 11 іюня извѣстил Гонгонг, что кантонское правительсгво по прежнему готово вести переговоры о прекращеніи бойкота. Кантон просил у Гонконга заем. Для экспедиціи нужны были деньги. Англичане займа не дали, деньги пришли из Москвы — еще лишній аргумент за то, что Чжан Кай-ши не мог, в виду развертывавшихся событій, рѣшительно рвать с большевиками. Он показал им когти, заставил с собою считаться, а, там, все зависѣло от того, кто над кѣм первый возобладает, когда наступит удобный момент.

10 іюля 1926 года кантонское информаціонное бюро оповѣстило о назначеніи Чжан Кай-ши главнокомандующим Кантонской Національной Революціонной Арміей. Война Сѣверу была объявлена! Эта война, согласно деклараціи Чжан Кай-ши от того же числа, была начата „против имперіализма и за объединеніе Китая."

Экспедицію по покоренію старорежимнаго Сѣвера с самаго начала сопровождал необычайный успѣх. Заняв ряд небольших пограничных с провинціями непріятеля городов, армія южан втор-

гласъ в Хунань, в свое время оплот власти маршала У Пей-фу и через три недѣли послѣ назначенія Чжан Кай-ши главнокомандующим, кантонская экспедиція достигла Чанши, столицы Хунани, гдѣ произошло соединеніе войск Чжан Кай-ши с войсками Тан Шен-чи, давняго союзника Кантона. А еще через мѣсяц авангарды южан подходили уже к Учану, перейдя Ян-Цзе-Цзян к западу от Наньяна и 6 сентября заняв этот город, славящійся своим арсеналом.

Еще через два дня южане были в Ханькоу. Учан на другой сторонѣ рѣки, оказывал стойкое сопротивленіе южанам и, в то время, газеты много писали об этой героической эпопеѣ хунанскаго гарнизона, которая возрождала лучшія страницы китайской военной исторіи. Крѣпость пала только 11 октября, при чем Чжан Кай-ши разрѣшил гарнизону покинуть крѣпость с оружіем и удалиться безпрепятственно, с отданіем защитникам крѣпости воинских почестей.

Положеніе сѣверных маршалов становилось все болѣе критическим и первой жертвой южных успѣхов явился маршал У Пей-фу, нѣкогда именовавшійся „львиное сердце", которому пришлось в данном случаѣ сражаться не только против кантонцев, но и против арміи Гоминцзюна около Нанкоусскаго перевала на Пекин-Калганской жел. дор. Один за другим измѣнили У Пей-фу его генералы. Не лучше обстояло дѣло и в провинціи Фуцзянь, в южной Хэнани, в Аньхуѣ, а, позднѣе, в провинціях Цзянси, Чжэнцзян, Цзянсу и в Шандунѣ, по мѣрѣ того, как шло продвиженіе южан. Сѣверные военачальники слов-

но состязались между собой на скорость сдачи побѣдоноснымъ арміям Чжан Кай-ши, при чем историк вряд ли будет осуждать их строго за это предательство. Они сами, в своих частях становились жертвами предательства, так как войска отказывались сражаться с наступающими южанами, и населеніе городов и деревень было явно враждебно войскам сѣверян, ожидая, что народная армія Гоминдана несет на своих знаменах освобожденіе от вѣковѣчной тираніи, от поборов, от задолжности, от всѣх крестьянских горестей и бѣд.

Я живо помню этот період осени и зимы 1926 года когда не успѣвали отмѣчать в газетах всѣх городов, которые падали, один за другим, дождем, при одном только приближеніи южан, как созрѣвшіе плоды падают осенью с деревьев и было совершенно ясно, что помимо военнаго искусства командованія и энтузіазма южан, дѣйствует удачно поставленная пропаганда, в которой всегда были такіе мастера коммунисты, работавшіе в этот період рука об руку с командованіем армій Гоминдана. Крестьянскія возстанія в тылу, забастовки рабочих и кули в городах, все это вносило дезорганизацію в ряды сѣверян. Переходившіе на сторону южан сѣверные военачальники получали сразу же высокія назначенія в побѣдоносной арміи, имѣвшей по началу весьма розовый оттѣнак.

Благодаря побѣдам Чжан Кай-ши, политическій совѣт Гоминдана 1 декабря 1926 года постановил перенести столицу южнаго правительства из Кантона в Трехградье (города Ухана). Главнокоман-

дующій обезпечивал новому мѣстопребыванію правительства полную безопасность. Южное правительство объявив, что, отнынѣ, оно будет называться Національным правительством Китая — в составѣ четырнадцати членов, в том числѣ и семьи д-ра Сун Ят-сена, 10 декабря прибыло в Ханькоу. С ними прибыл и М. Бородин. На слѣдующій же день был созван в китайском городѣ митинг, на котором присутствовало до 300.000 народа и на котором Бородин в своей рѣчи призывал помогать новой власти, дабы с корнем вырвать „позорное клеймо неравных договоров." Пока в Ханькоу бушевали политическія страсти, ген. Чжан Кай-ши продолжал свое побѣдоносное наступленіе, продвигаясь теперь вдоль праваго берега великой Голубой рѣки.

Он занимает Наньчан, столицу провинціи Цзянси, лично занимает важный порт Цзюцзян, больше извѣстной в англійской транскрипціи как Кьюкіан, переносит свои операціи в провинцію Фуцзян, занимает часть провинціи Аньхуй, угрожая Ханьчжоу, столицѣ Чжэцзяна. Глава пяти провинцій маршал Сун Чуан-фан, видя, что дѣло плохо, просит помощи у Чжан Цзо-лина, который немедленно дѣлает распоряженіе о продвиженіи к югу соединенных сил шандуно — чжилійской арміи, в том числѣ и русских частей. Но и эта поддержка не помогает.

Войска непобѣдимаго революціоннаго полководца вступают 18 февраля 1927 года в Ханьчжоу, куда из Шанхая обычно ѣздят на автомобилѣ, прогуляться. Паденіе Шанхая и Нанкина становится, благодаря занятію Ханьчжоу, неминуемым.

Гоминдановскій флаг взвился над Шанхаем 21 марта, а 23 марта маршал Чжан Цзу-чан эвакуировал Нанкин. Первая часть похода Чжан Кай-ши была, таким образом, благополучно завершена. Вся долина Ян-Цзе-Цзяна находилась теперь в руках кантонской арміи.

Но вслѣд за этим этапом надо было, не медля ни минуты, завершить то, что давно в тайнѣ хотѣл сдѣлать Чжан Кай-ши, отдѣлаться от опасной опеки московских пестунов которые как мавр, сдѣлав свое дѣло, — могли уходить.

Чжан Кай-ши отлично понимал, что тактика Евгенія Чена, слѣпо слѣдовавшаго указкѣ Бородина, возстановит против новой власти весь остальной мір. Нанкинскія безчинства деморализованных солдат 23 марта 1926 года могли вызвать вооруженную интервенцію великих держав, за каковой интервенціей мог послѣдовать и раздѣл Китая.

Заняв Шанхай Чжан Кай-ши рѣшает дѣйствовать самостоятельно и, прежде всего, обуздывает здѣсь рабочую вольницу. В отвѣт на это, поняв намѣренія Чжан Кай-ши, ЦИК Гоминдана объявляет уничтоженным пост предсѣдателя военнаго совѣта, Чжан Кай-ши из Ханькоу обвиняют в бонапартизмѣ и даже в симпатіях к Японіи. Разрыв Чжан Кай-ши с правительством Ухана становится неизбѣжным.

Чжан Кай-ши выиграл свою ставку против правительства Ухана потому что общественное мнѣніе собственническаго класса и независимой интеллигенціи в этот момент опредѣленно склонилось на его сторону, не говоря уже о том, что армія, от Кантона до Шанхая, в лицѣ своих вое-

рачальников, была на его сторонѣ.

Купечество, промышенные круги, дѣятели просвѣщенія и другіе, разбиравшіеся в политикѣ, люди все с большим безпокойством взирали на то разлагающее вліяніе, какое коммунизм оказывал на массы, крестьянскіе низы и городской пролетаріат. Тріумф чужеземной доктрины, участіе иностранной державы, вплотую, с согласія китайскаго правящаго центра, распоряжавшейся во внутренних дѣлах китайцев, — все это пугало мыслящія сферы и поддержка Чжан Кай-ши была обезпечена. Сам же он, прибыв в Шанхай, попал в окруженіе близких людей, с которыми проходила его молодость, которым он вѣрил и которые далеко не были восхищены радикализмом гоминдановскаго движенія, что также оказало на него свое вліяніе, укрѣпив его в рѣшимости отмежеваться от уханской власти. Мало устраивало Чжан Кай-ши нести, как главнокомандующій, полноту отвѣтственности за нанкинскія безчинства; было выгоднѣе перенести эту отвѣтственность на заправил политики в Ханькоу, попытаться наладить свои собственныя отношенія с державами.

Собравшаяся в Нанкинѣ пленарная сессія Центрального Исполнительнаго Комитета Гоминдана 18 апрѣля 1927 года объявила о созданіи в Нанкинѣ столицы національнаго, всекитайскаго правительства. Ухан тотчас отвѣтил, что это правительство самочинное, но за Нанкином была поддержка арміи, которой командовал Чжан Кай-ши, до сих пор непобѣдимый полководец, который, к тому же, со свойственной ему быстротой и энергіей, произвел очищеніе административнаго аппарата

от коммунистов в Шанхаѣ, в Нанкинѣ и в Кантонѣ.

Профессіональные союзы, на которых главным образом опирался Бородин, были закрыты, рабочіе и крестьянскіе отряды, имѣвшіе при себѣ оружіе, были лишены его, сотни коммунистов были разстрѣляны в Шанхаѣ, в Нанкинѣ, в Уху, в Сучжоу, в Ханьчжоу в Вэньчжоу, особенно много красных поплатились жизнью в пригородах Шанхая, Чапеѣ и Нантао, гдѣ главарей партизанских формированій разстрѣливали пачками. Как заявил в палатѣ общин 9 мая 1927 года сэр Остин Чемберлэн, трактатным державам больше не было смысла настаивать на наказаніи виновных за варфаломѣевскую ночь в Нанкинѣ. В полном соотвѣтствіи с деклараціей генералиссимуса Чжан Кай-ши, ибо, теперь, он уже был таковым, вновь назначенный в Нанкинѣ министром иностранных дѣл д-р С. С. У заявил, что національное правительсто будет бороться за отмѣну неравных договоров, но только исключительно мирными и законными средствами, при чем вмѣняет себѣ в особую обязанность охрану жизни и имущества проживающих на территоріи Китая иностранцев. Мостик в сторону примиренія с державами был переброшен.

Но если на этом фронтѣ все складывалось благопріятно, был один крупный фактор, который надо было преодолѣть: не трудно было возобладать из Нанкина над Уханом, как правящим центром, но гораздо труднѣе было не придавать значенія тому, что разрыв с Уханом означал, одновременно, и разрыв с семьей покойнаго д-ра

Сун Ят-сена, которая фактически диктаторствавала в Уханѣ (если не считать Евгенія Чена с его интимным другом Бородиным) судите сами: г-жа Сун Ят-сен, бывшій личный секретарь отца китайской революціи, на которой он женился, разведясь со своей первой женой и которую поклонники усиленно хотѣли занести на скрижали китайской исторіи, как „мать китайской революціи" — играла первую скрипку. Пост министра путей сообщенія занимал Сун-Фо, сын отца китайской революціи.

Брат г-жи Сун Ят-сен, г. Т. В. Сун был министром финансов, зять Сун Ят-сена, д-р Г. Г. Кун, прямой потомок Конфуція, занимал пост товарища министра финансов, пріемный сын Сун Ят-сеня г. Ли Лак-чин был министром промышленности, зять министра промышленности д-р Тай Э-сай был генеральным директором портоваго управленія. Другіе родственники „отца китайской революціи" и близкіе к его семьѣ люди занимали дополнительно ряд отвѣтственных должностей и когда Уханское правительство издало указ о смѣщеніи Чжан Кай-ши со всѣх занимаемых им должностей и об изгнаніи его из партіи, как предателя націи, то это одновременно значило и разрыв с семьей человѣка, котораго начали в Китаѣ быстро обожествлять и именем котораго Чжан Кай-ши одерживал свои побѣды и шел к власти. Из этого почти безвыходнаго положенія был только один выход — связать себя узами родства с семьей, которая его политически отвергла, предала національному бичеванію. Воспользовавшись тѣм, что г-жа Сун Ят-сен была против смѣщенія по-

бѣдоноснаго главнокомандующаго и не подписала указа об этой расправѣ, Чжан Кай-ши рѣшил добиться руки ея сестры, что он впослѣдствіи и осуществил, став мужем очаровательной Мэй Линсун, получившей высшее образованіе в Америкѣ. Свадьба была отпразднована с необычайной пышностью, под сводами отдѣланнаго мрамором шанхайскаго „Маджестика." Г-жа Чжан Кай-ши не только породнила полководца с правящим домом, с семьей отца китайской революціи, но и стала вѣрной женой и помощником своего супруга во всѣх его тяжелых и отвѣтственных государственных и даже военных дѣлах и испытаніях. Эта женщина необычайной внѣшней привлекательности и рѣдкаго обоянія, которая без труда покоряет сердца и умы всѣх, кто имѣл счастье с нею лично бесѣдовать.

Для того, чтобы обезпечить свое существованіе матеріально, правительство в Нанкинѣ обратилось за денежной поддержкой к шанхайским банкирам и эта просьба увѣнчалась необычайным успѣхом — в три мѣсяца был для правительства реализован заем в 30,000,000 долларов, сумма, о которой Ухан не смѣл и мечтать: кредиты из СССР урѣзались безпощадно по мѣрѣ провала коммунистических чаяній подпалить Китай.

Для того, чтобы обезпечить существованіе правительства в Нанкинѣ в военно-стратегическом отношеніи Чжан Кай-ши, послѣ занятія Сучжоуфу встрѣчается там с Фын Ю-сяном. Эта встрѣча происходит 20 іюня 1927 года, а 22 іюня Фын Ю-сян, в то время нѣсколько разочарованный в совѣтской поддержкѣ, отправляет в Ухан телеграм-

му о немедленном изгнаніи Бородина, совѣтуя всѣм, кто заразился коммунизмом отправиться за границу „для их здоровья.“ Есть основанія предполагать, что Фын, как обычно, был искренен с Чжан Кай-ши только наполовину, так как незадолго до встрѣчи с ним он принимал у себя посланцев из Ухана. Между тѣм, разрыв с Уханом не мог не сказаться на духѣ арміи и занятіе Сучжоуфу было послѣдней побѣдой Чжан Кай-ши в этот період кампаніи.

28 мая того же 1927 года японское правительство, во главѣ котораго стоял тогда генерал барон Танака, объявило, в особой деклараціи, о высадкѣ войск в Циндао, которыя впослѣдствіи были продвинуты до Цинана. Созданіе двух гоминдановских правительств, уханскаго и нанкинскаго подняло дух сѣверных военачальников, которые, как раз к этому времени, сумѣли объединиться вокруг, обосновавшагося в Пекинѣ, маршала Чжан Цзо-лина, ставшаго во главѣ армій Ангоцзюна, „умиротворенія страны.“

Японская поддержка пришла к сѣверянам как нельзя болѣе кстати. В іюлѣ 1927 года соединенныя силы шандуно-чжилійских войск начали свое контр-наступленіе и стали тѣснить части Чжан Кай-ши. Так еще недавно побѣдоносная армія кантонцев к началу августа была в полном отступленіи. Чжан Цзу-чан занял Сучжоуфу, а маршал Сун Чуан-фан, продвигаясь по линіи Тяньцзин-Пукоусской желѣзной дороги, 17 августа снова захватил Пукоу. Пушки сѣверян снова могли быть направлены на столицу той власти, которую создал Чжан Кай-ши своей смѣлостью и порывом.

Под давленіем этих неудач военный совѣт в Нанкинѣ поставил на обсужденіе вопрос о том, что бы, в грозный час успѣшнаго наступленія сѣверных милитаристов, объединиться с Уханским правительством. Ген. Чжан Кай-ши на этом совѣтѣ внезапно поднялся со своего мѣста и положил на стол прошеніе об отставкѣ. Не дав никаких объясненій своему рѣшенію, он покинул зало засѣданія и, без промедленія, сѣл в поѣзд и отправился в Шанхай. Это случилось 12 августа, а 19 августа, в пятницу, генерала Чжан Кай-ши посѣтил в его родной деревнѣ, в горах, корреспондент „Нью-Іорк Таймза" г. Генри Місселвиц, который мнѣ потом разсказывал, что застал бывшаго генералиссимуса в поражающе спокойном настроеніи духа. С ним был его второй сын (от первой жены) Чжан Чин-пан, одиннадцатилѣтній мальчик. Наканунѣ перед этим в родной деревенькѣ в честь возвращенія Чжан Кай-ши был устроен факельцук.

Чжан Кай-ши охотно говорил с американским корреспондентом о политикѣ. Он отмѣтил, что японцы спутали ему всѣ карты. „Занятіем Цинана и желѣзной дороги они блокировали нас. Наш успѣх был бы обезпечен, если бы японцы его не остановили. Если бы не они я был бы в Пекинѣ! .."

На вопрос о причинах его внезапной отставки Чжан Кай-ши сказал, что мотивы своего ухода он изложил в своей прощальной декларации. На вопрос корреспондента не думает ли молодой генерал, что уходя с поля сраженія в столь отвѣтственный для успѣха революціи момент, он умень-

шает ея напор, Чжан Кай-ши с этим вполнѣ согласился. В своем обращеніи к націи, в связи с уходом, он указал, что стал жертвой яростных нападок на него лично и что пока довѣріе к нему не будет возстановлено, он полагает, что ему лучше вовсе отстраниться от дѣл.

Потом ген. Чжан Кай-ши уже больше не говорил с американским кореспондентом о политикѣ, но зато подробно ему разсказал о красивом водовадѣ по сосѣдству с храмом, куда настойчиво предлагал лично проводить молодого американца. Но у американца не было времени, что весьма огорчило Чжан Кай-ши. Когда приблизительно через два года послѣ описываемых событій, мнѣ довелось быть на пріемѣ у ген. Чжан Кай-ши в Нанкинѣ, как раз вмѣстѣ с тѣм же американским корреспондентом г. Генри Misselwitz, генералиссимус его сразу узнал, крѣпко жал ему руку и вспоминал описанную выше встрѣчу. Да, кстати, он ему еще сказал замѣчательныя слова на тему о себѣ и революціи, которыя стоит сохранить для потомства:

— Я слишком неразрывно связан с революціей,— сказал ген. Чжан Кай-ши, — и революція составляет слишком большую часть моего существованія, чтобы я мог навсегда выйти из игры. Я думаю, что я вернусь к политикѣ, но когда — не знаю!"

Потом ген. Чжан Кай-ши отмѣтил, что ему очень бы хотѣлось уѣхать за границу, прежде всего в Америку, потом в Европу, вообще побродить по свѣту.

Ген. Чжан Кай-ши дѣйствительно уѣхал за

границу, но это была сосѣдняя Японія. Ни в Америкѣ, ни в Европѣ ему так и не удалось побывать — он „слишком неразрывно связан с революціей“ и революція составляет, по его собственным словам, „слишком большую часть его существованія,“ чтобы он „мог выйти из игры.“ Восемь лѣт он из „игры“ не выходит, но время от времени, как и в 1927 году, очень умѣло и всегда кстати дает себѣ передышки: отправляется в родную деревеньку, в горы, куда тотчас же, вслѣд за ним, устремляются потоком его соратники, подчиненные, поклонники и даже враги — просить его вернуться и он опять появляется на аван-сценѣ полититки современнаго Китая.

Поѣхать в Японію в 1927 году было очень важно для молодого полководца. Японія, по его собственным словам, сорвала его первый успѣх. Надо было попытаться выяснить, чего собственно хочет Японія. Чжан Кай-ши знает японцев, он получил свое военное образованіе в Японіи. Он знает, что его учитель и вождь Сун Ят-сен, находил всегда прибѣжище в политических бурях именно в Японіи и всегда имѣл при себѣ японских совѣтников, будучи очень дружен, напримѣр, с Инукаем, впослѣдствіи премьером и главой правящей партіи (убит террористом-реакціонером в разгар японо-китайскаго конфликта). Чжан Кай-ши зная, что, в общем и цѣлом, Японія и японцы усвоили очень широкій взгляд на ход исторических событій в Китаѣ: японцы были воспреемниками партіи, которая вознесла молодого Чжан Кай-ши на недосягаемыя высоты власти и вліянія. И они же

теперь подрѣзали ему крылья. Чего они добивались, что их тревожило, за что они мстили?!

Мы не знаем пока (время для мемуаров еще не настало) какіе переговоры вел осенью 1927 года в Японіи Чжан Кай-ши и вел ли вообще он там какія либо переговоры, но мы знаем, что в глазах вождя и учителя Чжан Кай-ши, д-ра Сун Ян-сена, Японія была причиной того, что престиж азіатских народов был поднят в глазах всего міра и что при помощи Японіи началось отступленіе Запада перед Востоком, столь пріятное національному китайскому сердцу.

Д-р Сун Ят-сен отлично представлял себѣ выгодность и необходимость взаимнаго экономическаго сотрудничества Японіи с Китаем, их взаимную зависимость, и, будучи уже при смерти, за три мѣсяца до кончины, когда он в послѣдній раз посѣтил Японію, Сун Ят-сен говорил на митингѣ в Кобэ, 28 ноября 1924 года, о необходимости всѣм азіатским націям объедениться воедино.

По случаю пріѣзда в Японію молодого генералисимуса, хотя и пребывавшаго, временно, не у дѣл, престарѣлый виконт Шибузава, один из выдающихся государственных дѣятелей Японіи, обратился к ген. Чжан Кай-ши с тѣми же словами, что Японію и Китай связывают тысячи нитей и что у них общая судьба.

И ген. Чжан Кай-ши не остался глух ко всѣм этим мыслям и идеям, потому что выступив в октябрѣ 1927 года, в Міаношита он отмѣтил, что недоразумѣнія между Японіей и Китаем возникают в результатѣ взаимнаго непониманія, за како-

вое непониманіе обѣ націи одинаково отвѣтственны.

— «Ссоры между братьями требуют меньше поводов, чѣм ссоры между чужими», — сказал ген. Чжан Кай-ши.

Вернемся, на минуту, к событіям на верхах китайской политики, которыя предшествовали возвращенію Чжан Кай-ши к власти. Послѣ добровольнаго ухода генералиссимуса, в Нанкинѣ дѣлается попытка объединенія с Уханом и с 24 августа в Кьюкіанѣ начинаются совѣщанія, при чем со стороны Ухана выступают Ван Цзин-вей и Сун-Фо, а со стороны Нанкина д-р С. С. У. В сентябрѣ эти переговоры переносятся в Шанхай и 15 сентября в Нанкинѣ собирается пленум ЦИКа. Обѣ стороны обосновывают свой уговор на необходимости изгнать коммунистов из рядов Гоминдана. К этому времени попытка маршала Сун Чуан-фана пересѣчь из Пукоу Ян-Цзе-Цзян и занять Нанкин обнаруживает свою несостоятельность и гоминдановцы снова чувствуют, что почва под ними твердѣет. Одновременно, послѣ пораженія Сун Чуан-фана, в политических сферах Нанкина распространяется сенсанція, что ген. Тан Сен-чи, который фактически диктаторствовал в городах Ухана и котораго уханское правительство назначило генералиссимусом на мѣсто Чжан Кай-ши, состоял будто бы в секретном соглашеніи с Сун Чуан-фаном, разсчитывая совмѣстными силами овладѣть Нанкином. Сенсанія сдѣлала свое дѣло! В ноябрѣ из Японіи возвращается Чжан Кай-ши, а из Кантона, как бы случайно, прибывает в Шанхай Ван Цзин-вей, который до этого энергично вы-

ступил против Чжан Кай-ши, обвиняя его в бонапартизмѣ. 21 ноября в Нанкинѣ происходит столкновеніе войск с толпой на митингѣ: солдаты стрѣляли по толпѣ и положеніе власти становится все болѣе шатким. Надо было спасать положеніе и взоры всѣх снова обращаются к „сильной личности“, каковой является, конечно, только Чжан Кай-ши. Его положеніе, за три мѣсяца пребыванія в добровольном отдыхѣ от дѣл теперь еще болѣе окрѣпло, так как за этот період времени он успѣвает, благодаря женитьбѣ, породниться с семьей „отца китайской революціи“. Он получает от правительства предложеніе снова занять пост генералиссимуса національной арміи о чем офиціально объявляется 9 декабря, а Ван Цзин-вей соглашается отойти от политики. Возвращеніе Чжан Кай-ши к фактической власти над южным и средним Китаем было как нельзя болѣе кстати, потому что, через два дня послѣ его возвращенія, в Кантонѣ происходит знаменитое коммунистическое возстаніе, которое, в случаѣ удачи, явилось бы „ножем в спину гоминданновскаго режима“.

Будучи жестоко подавлено, кантонское возстаніе ни к чему не привело, но зато дало возможность Чжан Кай-ши не только настоять на окончательном разрывѣ Гоминдандана с большевиками, но и на прекращеніи дипломатических отношеній с Моской. Указ об этом, составленный ген. Чжан Кай-ши, был опубликован 14 декабря 1927 года.

С этого момента начинается четырехлѣтній період фактической диктатуры Чжан Кай-ши и

Китаѣ. Прежде всего, он завершает свое основное заданіе — объединить страну под флагом сун-ятсеновской партіи.

Центральный Исполнительный Комитет Гоминдана, послѣ совѣщаній 2-8 марта 1928 г., объявляет о созданіи центральнаго политическаго совѣта и ген. Чжан Кай-ши, в дополненіе к должности генералиссимуса, избирается его предсѣдателем, сосредоточивая, таким образом, в своих руках и всю полноту гражданской власти. 24 марта британское правительство приходит к соглашенію с гоминдановским правительством о способах ликвидаціи „нанкинскаго инцидента" и таким образом выясняется, что дипломатическая обстановка складывается в пользу гоминдановской власти.

Военныя дѣйствія между Сѣвером и Югом возобновляются с первых чисел апрѣля и, по началу, военная удача отмѣчает дѣйствія сѣверян. Но, вмѣстѣ с Чжан Кай-ши, дѣйствует, на сей раз, против армій Ангоцзюна, правитель Шанси Іен (Ян) Си-шан и Фын Ю-сян; послѣдній наносит сокрушительный удар, при помощи своего кавалерійскаго корпуса, войскам Сун Чуан-фана и овладѣвает Цинаном.

Продвиженіе національной арміи на сѣвер вызывает со стороны японскаго генеральнаго штаба рѣшеніе отправить дессант в Циндао: „для охраны жизни и имущества японских резидентов Шандуня."

Фын недолго занимал Цинан. 1 мая к Цинану подошли нанкинскія части, 2 мая в Цинан прибывает Чжан Кай-ши. 3 мая разыгрывается знаменитый цинанскій инцидент, полная правда о котором еще не разсказана. Как бы там не было, 9 мая,

как только до Пекина дошли вѣсти о бомбардировкѣ Цинача и о разоруженіи частей національной арміи японцами, глава объединенія сѣверных маршалов, Чжан Цзо-лин разсылает циркулярную телеграмму всѣм высшим и гражданским чинам, как Сѣвера, так и Юга Китая, и, в патетических выраженіях, во имя родины, призывает китайцев прекратить междоусобную войну. Мукденскія войска подчиняются приказу и отходят к Тяньцзину.

Однако, нанкинское командованіе не повѣрило искренности призыва стараго маршала и отвергло предложеніе Чжан Цзо-лина о перемиріи. Нужна была смерть Чжан Цзо-лина 4 іюня 1928 г., под обломками вагона около Мукдена, чтобы доказать искренность его порыва: остановить кровопролитіе — объединить Сѣвер и Юг мирными путями.

5 іюня 1928 года войска Національнаго правительства заняли древнюю столицу Пекин и Нанкин назначил маршала Іен Си-шана начальником столичнаго гарнизона.

В началѣ іюля всѣ вожди націоналистическаго Китая собрались в храмѣ Пійуссу, на Западных Холмах, под Пекином, гдѣ покоились останки д-ра Сун Ят-сена.

Поход на Сѣвер был благополучно завершен, но трудности объединенія Китая для Чжан Кай-ши только начинались.

Диктатура Чжан Кай-ши продолжалась четыре года: он вернулся к государственной власти 9 декабря 1927 года и ушел от власти 30 ноября 1931 года: за этот період он был не только главой вооруженных сил республики, но и главой правительства, сначала именуясь предсѣдателем

Государственнаго Политическаго Совѣта, потом просто Предсѣдателем Правительства, совмѣщая, таким образом, в себѣ функціи, помимо военных, премьера и президента республики. Будучи одновременно, конечно, и главой правящей партіи Гоминдан или, точнѣе, главой тѣх ея ячеек центральнаго аппарата, которыя, в каждый данный отрѣзок времени, было необходимо лично контролировать.

Таким образом, за эти четыре года всѣ событія государственнаго масштаба, всѣ ошибки и испытанія центральнаго правительства, как равно и всѣ его достиженія могут и даже должны быть персонифицированы в Чжан Кай-ши. Так как это был наиболѣе отвѣтственный и интересный період в исторіи управленія Китаем партіи Гоминдан и так как он сопровождался важными и рѣшающими для Китая событіями не только внутри но и во внѣ, то одни уже эти четыре года, без того, что было описано до сих пор, и без того, что послѣдовало в біографіи Чжан Кай-ши послѣ 30 ноября 1931 года, дают нам основанія считать этого человѣка не только одним из крупѣйших государственных дѣятелей современнаго Китая, но и исторической личностью, одинаковой с фигурами такого порядка, как Юань Ши-кай и Чжан Цзолин, при чем масштабы власти Чжан Кай-ши были шире и исторически отвѣтственнѣе, чѣм масштабы власти маньчжурскаго диктатора Чжан Цзо-лина.

Так как в данном случаѣ мы отнюдь не пишем біографію Чжан Кай-ши, а стараемся дать общую

посильную характеристику человѣка еще молодого годами, еще далеко не сказавшаго своего послѣдняго слова, то нам нѣт никакого смысла подробно перечислять, в хронологическом порядкѣ, всѣ тѣ испытанія и внутри-партійную борьбу, через которыя прошел Чжан Кай-ши, когда он возглавлял центральное правительство Китая, впервые хотя и не надолго ставшаго единым именно под его эгидой, послѣ многих лѣт гражданской войны, послѣдовавшей вслѣд за паденіем трона богдыханов в 1911-12 г. г.

Достаточно сказать, что в области внѣшней политики диктатура Чжан Кай-ши (все время хочется сказать „первая диктатура Чжан Кай-ши", ибо непреодолима увѣренность, что он опять станет во главѣ Китая) отмѣчена слѣдующими основными этапами.

Вслѣд за разрывом дипломатических сношеній с СССР, послѣдовало со стороны Европы и Америки не только признаніе нанкинскаго правительства центральным, но и подписаніе цѣлаго ряда договоров о „дружбѣ и торговлѣ" почти со всѣми государствами, как великими, так и малыми. Если жест Америки, лѣтом 1928 года, согласившейся в пользу Нанкина отказаться от тарифной опеки, мог разсматриваться, как ход против Японіи, то послѣ того, как 20 декабря 1928 г. сэр Майльз Лэмпсон, подписав с д-ром С. Т. Ваном тарифный договор, прослѣдовал в зданіе Государственнаго Совѣта и вручил там ген. Чжан Кай-ши свои вѣрительныя грамоты, всѣ поняли, что гоминдановская власть и режим Чжан Кай-ши легализовны в

глазах всего міра.

Далѣе, в процессѣ энергичной работы по внутренней реорганизаціи страны, в Китай цѣлым потоком прибывают совѣтники из Америки и Европы. Здѣсь и комиссія финансовых экспертов во главѣ с извѣстным «врачевателем валют» проф. Кэммерером, здѣсь и цѣлая когорта нѣмецких военных совѣтников во главѣ с энергичным дѣятелем военной Германіи полк. Бауэром, который умер внезапно и странно от оспы, но который оказал штабу Чжан Кай-ши неоцѣнимыя услуги.

Борясь налѣво и направо, с внутри-партійными интригами, соперниками и просто агентами темных сил, ген. Чжан Кай-ши энергично осуществляет включеніе в орбиту нанкинской власти трех Восточных провинцій, которыми много лѣт правил из Мукдена маршал Чжан Цзо-лин и которыя, послѣ его гибели, находились, по праву преемства, в руках его сына Чжан Сюэ-ляна.

Только потом исторія скажет, не было ли роковой ошибкой перед Китаем, добиваться, во что бы то ни стало, поднять флаг Гоминдана над равнинами Маньчжуріи, но даже если приговор исторіи в этом пунктѣ будет не в пользу Нанкина, то историк отмѣтит, что лично на Чжан Кайши вины нѣт, так как он в одиночку не мог противостоять стихіи національнаго движенія, перед которой отступал даже нѣкогда единый фронт великих держав и которая смела бы всякую власть, открыто заявившую, что объединеніе Китая состоялось без включенія в границы единаго всекитайскаго національнаго государства Маньчжуріи.

Насколько хорошо для себя разбирался Чжан Кай-ши в «генеральной линіи» японской политики в отношеніи гоминдановскаго Китая, показывает его личное поведеніе в Цинанѣ перед и в день роковых событій 2 мая 1928 года, когда он сдѣлал все, что мог сдѣлать, пошел на любыя условія японскаго командованія, поставил на карту свою карьеру и свою судьбу, только,чтобы избѣжать столкновенія с японскими войсками.

Он нарочно прибыл в Цинан с министром иностранных дѣл г. Хуан-фу, который всегда пользовался расположеніем японских сфер. В разгар не им вызваннаго боя он по свидѣтельству г. Ло Чален, комисара по просвѣщенію, писал в штабѣ, на полотнѣ, сам, слѣдующій призыв — приказ по арміи: «Избѣгайте столкновеній любой цѣной! Всѣ солдаты должны тотчас вернуться к своим частям». Если бы в Цинанѣ в этот жуткій день был другой военачальник, а не Чжан Кай-ши, событія 18 сентября 1931 года разыгрались бы на четыре года раньше, а именно 3 мая 1928 года. И тогда не было бы в исторіи періода гоминдановскаго владычества над Китаем и судьбы Китая, а, может быть, и всей Азіи, приняли бы совсѣм иной оборот. Этой заслуги партія никогда не должна забыть Чжан Кай-ши! Не мѣшает также отмѣтить, кстати, что легкость, с какой правящій Мукден пошел в подчиненіе Нанкину, несмотря на всѣ препятствія этому извнѣ и изнутри, объяснялась личным авторитетом и вліяніем ген. Чжан Кай-ши на молодого маршала.

Разбираясь в фактах, предшествовавших во-

оруженному кофликту между СССР и Китаем в 1929 году, который для мукденскаго клана кончился столь безславно при помощи Хабаровскаго протокола, нѣт основаній и этот конфликт записать в пассив Чжан Кай-ши. Конфликт этот возник и развивался в предѣлах автономной Маньчжуріи, центральная власть почти не принимала и не могла принимать в нем конкретнаго участія, подобно тому как центральная власть, при нынѣшних условіях, очень мало может быть отвѣтственна за событія в Синцзянѣ или в Тибетѣ.

Наконец, в ходѣ событій, предшествовавших и непосредственно вызвавших японо-китайскій конфликт, начавшійся боем в Мукденѣ 18 сентября 1931 года и предопредѣлившим потерю Маньчжуріи, центральная власть и ея глава повинны в такой же мѣрѣ, в какой повинно все націоналистическое движеніе Китая, независимо от личностей. Вряд ли исторія потребовала бы от Чжан Кай-ши такого самопожертвованія, чтобы итти в Каноссу, тѣм же тернистым путем, который до конца прошел Чжан Цзо-лин и вряд ли из Нанкина Чжан Кай-ши далеко ушел бы по этому пути. Мы отмѣтили выше, что ему не чужды были всю жизнь взгляды, которые, в отношеніи Японіи, лелѣял в глубинѣ души его учитель и вождь Сун Ят-сен и никому другому, как Чжан Кай-ши принадлежит фраза, что „ссоры между братьями требуют меньше поводов, чѣм ссоры между чужими". Во всяком случаѣ, вся тактика и поведеніе Чжан Кай-ши за годы конфликта Китая с Японіей, не накладывая на него ни единаго пятнышка, как на патріота, указывают, что он точно

и заранѣе знал, к чему этот конфликт приведет и во что он Китаю обойдется.

Теперь коснемся слегка трудов и испытаній Чжан Кай-ши на внутреннем фронтѣ китайской политики за годы его диктатуры.

Для того, чтобы управлять — мало приказывать, надо умѣть заставить, чтобы приказы исполнялись. В процессѣ „подмораживанія революціи" годы диктатуры Чжан Кай-ши отмѣчены многими фактами, которые либеральный „конституціонный" историк отнес бы к дѣяніям, не совмѣстимым с идеалом гражданских свобод. Но кто в революціях не нарушал этих свобод и кто с ними считается теперь, послѣ опыта, продѣланнаго не только в Россіи, но и в „просвѣщенной Европѣ," сперва Муссолини, потом Гитлером? Романтики от революціи, как и доктринеры ея, обычно, не бывают диктаторами, а если судьба им все таки вкладывает в руку меч диктатуры, он позорно валится у них в грязь. Про Чжан Кай-ши даже его партійные недруги до сих пор не смѣли выдвинуть обвиненія в личной нетерпимости, мелкой мстительности или напрасной жестокости, хотя он шутить не любит.

Всѣ самыя яростныя на него нападки за всѣ восемь лѣт, что звѣзда его горит на политическом небосклонѣ Китая, в концѣ концов, дальше набившаго оскомину обвиненія в бонапартизмѣ пойти не могли. Но Чжан Кай-ши, как диктатора, скорѣе можно упрекать в недостаткѣ этого самаго пресловутаго бонапартизма, чѣм в избыткѣ. Бонапарты не уходят так часто и так легко в тѣнь, в политическое небытіе, как это дѣлал Чжан Кай-

ши, не играют отставкой, как главным козырем. Китайская политика требует, конечно, иных подходов, у нея свои методы как и своя психологія. Но, все таки, может быть, Чжан Кай-ши бы немножко больше боялись и немножко меньше злословили бы за его спиной даже близкіе к нему люди, не говоря уже о том, что крѣпче помнили бы то хорошее и цѣнное, что он сдѣлал для Китая, если бы он внутри партіи провел тот террор, который на дѣлѣ осуществил Сталин.

Четыре года диктатуры Чжан Кай-ши это четыре года фактическаго пребыванія партіи у власти и потому исторія партіи за этот період это, в сущности, біографія Чжан Кай-ши. Кто интересуется подробнѣе этим періодом, того позвольте отослать к книгѣ моей „Китай, как он есть," глава XII: „Правящая партія."

И, в то же время, эти четыре года преодолѣнія не только партійнаго интриганства и головотяпства, но и партійных бунтов, измѣннических возстаній не только против Чжан Кай-ши, как личности, но и против центральнаго правительства.

Возстаніе гуансійской клики, которое Чжан Кай-ши лично подавил быстро и твердой рукою.

Возстаніе, в іюнѣ 1929 года, бывшаго сотрудника и недавно только перед тѣм предсѣдателя нанкинскаго военнаго совѣта Фын Ю-сяна.

Диженіе «реорганизаціонеров», в котором принял участіе сам военный министр ген. Лю Жун-лин и которых идеологически возглавлял Ван Цзин-вей.

Выступленіе против Чжан Кай-ши 27 февраля 1931 г. Ху Хан-мина, предсѣдателя Законодательной

палаты, которое привело к тому, что 13 іюня 1931 года в Контонѣ порѣшили начать против Нанкина военныя дѣйствія, а также недавнее возстаніе в Фуцзянѣ — вот наиболѣе крупные бунты, из которых каждый мог принять размѣры стрѣлецкаго бунта или возстанія лѣвых эсеров в Москвѣ и которые Чжан Кай-ши прежде всего пытался ликвидировать добрым словом, прибѣгая к оружію в крайнем случаѣ.

Если бы это было не так, если бы Чжан Кай-ши был Кромвелем, могло ли бы случиться то, что мы наблюдаем в 1933—1934 г. г. когда, послѣ всѣх расхожденій и распрей, громовых обвиненій в печати и перед партійными собраніями снова рядом с генералиссимусом Чжан Кай-ши во главѣ центральной власти, составляя тріумвират, находятся г. Сун-Фо, предсѣдатель Законодательной Палаты и г. Ван Цзин-вей, предсѣдатель Административной Палаты, по нашему премьер—министр.

Но историк партіи, как и историк Китая отмѣтит, что партійныя расхожденія и борьба честолюбивых вождей партіи с личным режимом Чжан Кай-ши не ограничивались только пролитіем типографской краски; лилась, и в болших количествах, теплая человѣческая кровь. Борьба с движеніем Сѣверной коалиціи, когда против Нанкина объединились Ен Си-шан, Фын Ю-сян и Ван Цин-вей и собрали армію в 600,000 человѣк, обошлась, по официальным данным, центральной власти в 30,000 убитых и 60,000 раненых.

Нынѣшній глава Законодательной Палаты г. Сун-Фо, который сейчас дѣлит власть с Чжан Кай-

ши, 4 іюля 1931 г. выпустил в Кантонѣ заявленіе, в котором писал: „Послѣ моего возвращенія из поѣздки кругом свѣта в 1928 году, я три года работал с Нанкинским правительством и пришел к заключенію, что при диктатурѣ Чжан Кай-ши нельзя заниматься созидательной работой, ибо режим, который он создал, слишком автократичен и милитаристичен."

Свою точку зрѣнія г. Сун-Фо не измѣнил еще через год, потому, что 26 августа 1932 года он, в Кантонѣ, снова рекомендовал, не смотря на разгар военнаго конфликта с Японіей, создать свое правительство, чтобы возродить подлинный дух Трех Народных Принципов, в условіях которых диктатурѣ не было бы мѣста и милитаристы не могли бы самоуправствовать.

В 1933 году, однако, г. Сун-Фо входит в состав тріумвирата и дѣлит власть с наиболѣе ярким представителем начал диктатуры и милитаризма. Честь ему за это и хвала!

Ту же метаморфозу мы наблюдаем неоднократно и на примѣрѣ Ван Цзин-вея. Кто, как не он настоял на смѣщеніи Чжан Кай-ши с поста генералиссимуса в 1927 г. И он же, идеологически, возглавлял движеніе Сѣверной коалиціи в 1930 г. В іюлѣ в 1931 г. Ван Цзин-вей, в бесѣдѣ с корреспондентом „Юнайтед Пресс", заявил, расхваливая тот режим, который он и другіе „лѣвтисты" установили в Кантонѣ, говоря: „Здѣсь, в Кантонѣ, всѣ мѣропріятія правительства и всѣ законы обсуждаются всѣми и каждый свободно принимает участіе в дѣлах правительства. Но на

всѣх засѣданіях в Нанкинѣ, как партіи, так и правительства если кто и смѣл говорить, то только сам Чжан Кай-ши. Другіе присутствовали только для того, чтобы ему вторить. Ни один важный вопрос публично не обсуждался и ясно, поэтому, в чем дух нашего правительства отличен от духа Нанкина. Там царит диктатура, которая все заждала в своей рукѣ, здѣсь царит революціонный дух".

Ван Цзин-вей приходил к власти и уходил в Нанкинѣ от нея. Сейчас он вот уже третій год снова возглавляет нанкинское правительство, отлично уживаясь с Чжан Кай-ши, который по-прежнему стоит во главѣ вооруженных сил республики.

Критики его в большинствѣ доктринеры и политиканы, — Чжан Кай-ши человѣк дѣйствія и воли. Это не мѣшает ему быть прекрасным оратором, когда приходится говорить.

Еще одна сторона дѣятельности Чжан Кай-ши должна быть обязательно отмѣчена при попыткѣ набросать его портрет: борьба с коммунизмом внутри Китая, борьба с разбойничеством в странѣ, гдѣ разбойничество не переводится тысячи лѣт.

Уйдя с декабря 1931 года совсѣм от власти, улетѣв на аэропланѣ в свою родную деревеньку, Чжан Кай-ши был оттуда призван снова к своей арміи и взял на себя обязанность бороться на внутреннем фронтѣ, за возстановленіе в странѣ порядка и спокойствія. Если помнить размѣры огромнаго Китая, если учесть, что разбой, послѣ 20 лѣт гражданской войны, царил по всей странѣ,

от края и до края, если не забывать, что к началу 1931 года базами организованной коммунистической активности были всѣ центральныя провинціи Китая: Цзянси, Фуцзян, Цзянсу, Хунань, Хубей, Аньхуй, Сычуань и сѣверные районы Гуандуня, то нельзя не признать важной и нужной ту работу по внутреннему умиротворенію страны, которую Чжан Кай-ши проводил, когда он был диктатором и к которой он вновь вернулся с лѣта 1932 года, перестав быть диктатором и почти не выѣзжая из своей штаб-квартиры в Наньчанѣ ни в Нанкин, ни в Пекин, ни даже в Шанхай, ни в свою родную деревеньку в округѣ Фенгуа.

В 1931 году части правительственнных войск наносят пораженіе коммунистам в провинціи Цзянси. Послѣ пораженія красные производят реорганизацію и к лѣту 1932 года, их силы исчисляют- уже в шесть армейских корпусов. Опираясь на район Трехградья, Чжан Кай-ши освобождает от красных частей провинціи Хубей, Хунань и Аньхуй. Красная армія, под предводительством извѣстнаго Хо-Луна, отступает к Сычуани и там снова дает о себѣ знать лишь через год, когда, в іюнѣ 1933 г. над Ченду нависает угроза коммунистическаго разгрома.

Осенью 1932 г. Чжан Кай-ши принимаат непосредственное участіе в ликвидаціи конфликта, возникшаго между «молодым маршалом» Чжан Сюэляном и Ван Цзинь-веем, в результатѣ чего явился отъѣзд предсѣдателя Административной палаты в Европу, а, послѣ паденія округа Жэ-Хэ, Чжан Кай-ши прибывает на сѣвер, гдѣ, под Пеки-

ном происходит его встрѣча с Чжан Сюэ-ляном и послѣдній безпрекословно подает в отставку.

Нѣсколько слов о событіях послѣдних мѣсяцев в Китаѣ, поскольку эти событія содѣйствуют усвоенію роли, играемой ген. Чжан Кай-ши.

Фуцзянскій мятеж заслуживает вниманія не только потому, что в нем приняли участіе крупныя политическія фигуры, не только потому, что, так называемое, „народное правительство" просуществовало пятьдесят три дня, но, главным образом, потому, что в Фучжоу, впервые послѣ 1927 года, дѣятели лѣваго крыла партіи Гоминдан пытались наладить контакт с лидерами коммунистическаго движенія, возстали против культа Сун Ятсена и даже флаг двѣнадцати-лучевого солнца, эмблему національнаго Китая и всего сун-ят-сеновскаго ученія, замѣнили другим.

В этом возстаніи приняло участіе командованіе 19-ой арміей, той самой арміей, которая долгое время храбро сражалось с коммунистами под верховным водительством Чжан Кай-ши и которая обезсмертила себя стойким сопротивленіем японцам во время шанхайских событій 1932 года, в Чапеѣ.

Чжан Кай-ши отлично понимал смысл и значеніе фуцзянскаго мятежа, его моральнее вліяніе и соблазн, если бы он не только стал распространяться на другіе районы южнаго Китая, но даже если бы, не претендуя на распространеніе своего вліянія, провинція Фу-цзян продолжала держаться независимо от Нанкина. Вот почему и на сей раз генералиссимус показал свою рѣшимость и энергію

в подавленіи мятежа. Как только переговоры не помогли и словесныя увѣщеванія не подѣйствовали, он, глубоким обходом с суши и с моря захватил Фучжоу, главный опорный пункт мятежной власти, и ликвидировал опасное движеніе одним коротким, но сокрушительным ударом.

20 ноября 1933 г. в Фучжоу, на спортивном полѣ, был созван митинг и, от лица представителей различных общественных организацій и арміи, была предложена резолюція создать „народное правительство" в Китаѣ, в противовѣс нанкинскому. Как раз перед тѣм город Фучжоу посѣтил президент государства престарѣлый Лин-Сен, мѣстный уроженец. Так как слухи о броженіи в верхах командованія 19-ой арміи ходили давно, то президент Лин-Сен запросил по поводу этих слухов предсѣдателя Фуцзянскаго провинціальнаго правительства, ген. Чжан Кван-ная, в свое врамя назначеннаго на этот пост из Нанкина. Ген. Чжан Кван-най от прямого отвѣта уклонился. Тогда президент вызвал к себѣ ген. Чен Мин-шу, на котораго указывали, как на одного из главных лидеров броженія. Чен Мин-шу, молодой гоминдановскій военачальник, занимавшій в Нанкинѣ ряд отвѣтственных постов, вплоть до поста министра путей сообщенія, от разговора не уклонился и многозначительно подчеркнул, что „революціонный дух всегда будет сопровождать выступленія 19-ой арміи." Президент впрочем уѣхал из Фучжоу скорѣе успокоенный, а через короткій промежуток времеии бунт принял открытыя формы.

Во главѣ военнаго совѣта встал ген. Цзян Тинкай, лично, как помнит читатель, руководившій

сраженіями против японцев в Чапеѣ, а совѣт по иностранным дѣлам возглавил Евгеній Чен, бывшій сподвижник Бородина в Кантонѣ, впослѣдствіи министр иностранных дѣл ханькоусскаго и нанкинскаго правителства (послѣдняго — в декабрѣ 1931 г., когда пала диктатура Чжан Кэй-ши). Роль Ху Хан-мина, продолжавшаго безвыѣздно находиться в Гонгонгѣ, так и осталась неясной. Сперва, возможно, он и сочувствовал фуцзянскому сепаратизму, как сочувствовал бы он всякому движенію, направленному к уменьшенію вліянія Чжан Кай-ши, но, потом, когда выяснилась коммунистическая подоплека, он от него, как будто, рѣшительно отмежевался. Оффиціальным предлогом к бунту, согласно заявленія ген. Цзай Тин-кая, был неплатеж правительством жалованія 19-ой арміи. Это и оправдывало в глазах ген. Цзая, то, что он силой захватил фуцзянское казначейство и сдѣлал выемку кассовой наличности. Однако, свободное разгуливаніе впослѣдствіи по городу красных партизан и прекращеніе борьбы с коммунстами в Фуцзянѣ было уже труднѣе объяснить неаккуратными ассигнованіями государственнаго казначейства на содержаніе 19-ой арміи.

Народное правительство из Фучжоу обратилось к массам с деклараціей, в которой изложило довольно радикальную программу будущей своей дѣятельности. Рѣшительная анти-имперіалистическая внѣшняя политика, борьба за отмѣну неравных договоров, націонализація нѣдр и лѣсов, передѣл земли на равных для всѣх основаніях, признаніе за трудящимися права на стачки, а, кромѣ того, предоставленіе населенію широких

политических свобод. Разрѣшалось легальное существованіе всѣх партій, включая и коммунистическую, которая давно уже по нанкинским постановленіям находится внѣ закона. Как повторяется исторія! Не только программа этого народнаго правительства из Фучжоу, но и дѣятели его удивительно напоминали мнѣ наших эс-эров эпохи гражданской войны, которые, гдѣ бы они не приходили к власти, всегда были предтечами большевиков.

Не вняв усовѣщеваніям из Нанкина и отвергнув услуги представителей це-ка партіи, которые хотѣли избѣжать кровопролитія, мятежное правительство 25 декабря отдало приказ начать общее наступленіе против нанкинских правительственных войск и, на слѣдующій день, части 19-ой арміи стали продвигаться на сѣвер. Генералиссимус Чжан Кай-ши это движеніе предвидѣл заранѣе и у него было все готово, чтобы пресѣчь наступленіе мятежников в самом началѣ и сразу. Он овладѣвает городами Енпином и Кутьеном, одновременно аэропланы Чжан Кай-ши производят замѣшательство в тылу у непріятеля и ген. Цзай Тин-каю остается одно-отдать приказ об общем отступленіи. Вожди мятежа сознавали и раньше, что одна 19-ая армія против правительственных войск не устоит и прилагали лихорадочныя усилія получить против Нанкина военную помощь из Кантона. Но Кантон оставался вѣрен себѣ, ведя политику двуликаго Януса.

Одновременно нанкинская флотилія, под командованіем морского министра адмирала Чен Шао-куана, 11 января 1934 года высаживает в самом

Фучжоу дессант и с двух часов дня 13 января Фучжоу переходит под полный контроль нанкинцев. В самом Фучжоу боя не было, потому что адмирал Чен и ген. Цзан Тин-кай договорились детально, как провести занятіе города правительственными войсками и отход мятежных частей. Ради красиваго жеста ген. Цзай распорядился, чтобы излишки риса из воинских складов были розданы безплатно бѣднѣйшему населенію. Вожди фуцзянскаго возстанія бѣжали на юг, по шоссе, на автомобилях, а, потом, мало по малу, всѣ собрались в Гонконгѣ под прикрытіе фортов британской королевской колоніи. Населеніе осталось, в общем, совершенно безучастным к событіям неудачнаго мятежа, а ген. Чжан Кай-ши немедленно послѣ окончанія военных операцій приступил к реорганизаціи тѣх частей 19-ой арміи, которыя сложили оружіе и сдались на милость центральной власти. Самое имя 19-ой арміи было приказано вычеркнуть из списков вооруженных сил китайскаго государства.

В серединѣ февраля текущаго года, оправившись от передряг эвакуаціи и поспѣшнаго бѣгства, лидеры фуцзянскаго мятежа сдѣлали ряд заявленій для печати. Ген. Цзай заявил, что он считает себя чемпіоном борьбы с иностранной агрессіей: „хотя в нашем распоряженіи была всего одна провинція, но я и мои товарищи взялись смѣло выполнить наш долг-борьбу с иностранной агрессіей, не зависимо от того, каков будет результат." Ген. Цзай отверг обвиненія, что фучжоусская власть была в контакѣ с коммунистами и японцами.

Ген. Чен Мин-шу, котораго можно считать главным иниціатором бунта, оказался настроен болѣе философично. Он заявил, что пораженіе было, главным образом, военным пораженіем, в то время, как: „борьба за благополучіе производящих классов и борьба против диктатуры продолжается и сейчас. Никакая революція не может почитаться удавшейся, если она не сможет улучшить положеніе крестьян и рабочаго класса. Так как дух націонализма жив в нашем народѣ, власть должна опираться на принципы соціал.демократіи“. По дополнительным свѣдѣніям ген. Чен Мин-шу собирается в ближайшем будущем съѣздить в Москву, вѣроятно для того, чтобы там поучиться, как надо бороться против диктатуры.

А пока гремѣли эти послѣдніе громы междоусобія генералиссимус Чжан Кай-ши не переставал руководить своей основной работой по умиротворенію страны. Эта работа включает в себя не только операціи против красных отрядов, но и осуществленіе планомѣрной реорганизаціи землевладѣнія и землепользованія, вмѣстѣ с улучшеніем, в качественном и в количественном отношеніи, административнаго аппарата на мѣстах. Что борьба с красными в Китаѣ не шутка, показывает заявленіе совѣтских газет в Москвѣ от 21 января с. г., в связи с десятой годовщиной смерти Ленина. «Правда» подчеркнула, подводя итоги міровому коммунистическому движенію, что коммунистическая партія в Китаѣ насчитывает 420.000 человѣк. Она, по московским данным, „овладѣла 37 проц. всей территоріи Китая, создала крѣпкую и мощную китайскую красную армію, создала китайскую со-

вѣтскую республику."

Быстрое и эффектное подавленіе фуцзянскаго мятежа, конечно, подняло престиж Чжан Кай-ши даже в кругах его скрытых недоброжелателей. Его совмѣстный манифест с Ван Цзин-веем к націи от 1 февраля с общей характеристикой работы по ликвидаціи фуцзянскаго мятежа, гдѣ оба вождя клялись довести до конца дѣло умиротворенія страны, показал, что на верхах власти продолжает царить согласіе. Прибытіе Чжан Кай-ши в Нанкин на 4-ую пленарную сессію Центр. Исп. Комитета Гоминдана было тріумфальным. Но в столицѣ он не задержался и снова улетѣл на своем трех-моторном Фордѣ в город Нанчан, окруженный нынѣ новыми фортификаціонными сооруженіями, откуда он не только руководит военными операціями, но также строит дороги, усиливает воздушныя силы при своих корпусах, ведет по совѣтским методам анти-красную пропаганду, разрабатывает общій план соціальнаго переустройства Китая и не только держится за власть, но старается оставить своими трудами и подвигами навсегда глубокій слѣд о себѣ в лѣтописях китайской исторіи.

Недавно он составил слѣдующіе шестнадцать любопытных заповѣдей для должностных лиц: 1. Имѣй широкій взгляд, но, начинай с мелочей. 2. Ничего не дѣлай без чувства отвѣтственности. 3. Знаніе трудно, выполненіе легко. 4. Если, что сказал — сдѣлай и не говори опять пока не сдѣлал. 5. Награда и наказаніе должны быть своевременны и справедливы, надо умѣть пользоваться и силой и добротой. 6. Работа и правосудіе должны

быть объединены, отвѣтственность должна быть специфицирована. 7. Держи дисциплину и подчиняйся приказам. 8. Работу выполняй по плану и в порядкѣ. 9. Не смѣй работать спустя рукава и не удовлетворяйся, что главныя нужды удовлетворены. 10. Когда работаешь думай, что исполняешь свой долг. Не откладывай работы и не размышляй о наградѣ. 11. Надо искать, что дѣлать и не надо ждать, что работа тебя сама найдет. 12 Меньше говори, больше дѣлай. 13. Не будь высокомѣрным в твоей работѣ. 14. Если ты лойален своему дѣлу, ты лойален и дѣлу революціи. 15. Работу дѣлай со свѣжей головой, с напряженіем и быстро 16. Умѣй всѣм жертвовать и борись до конца."

Таковы труды и дни главы военной силы в Китаѣ, котораго трудно уподобить Муссолини, потому что он не создал своей и для себя партіи и который не похож на Гитлера, его ибо пути внутри государства были далеки от «штурм унд дранга» національ-соціализма.

И все таки, большую ошибку сдѣлает, тот, кто недооцѣнит замѣчательных личных качеств, мужества, выдержки характера и воли Чжан Кай-ши, которому приходится утверждать свою власть в гораздо болѣе трудных и неблагодарных условіях.

Уступая двум упомянутым диктаторам в шири и размахѣ соціальнаго преобразованія страны, он отличен от них обоих тѣм, что умѣет не только упралять страной, но и лично биться во имя упорядоченія государства, с оружіем в руках. Ему ничего не стоило прежде, будучи президентом государства и первым министром, тотчас послѣ торжест-

венной церемоніи пріема иностранных посольств или банкета садиться в поѣзд или усаживаться в аэроплан для того, чтобы мчаться подавлять мятеж или формировать армію для очередного похода на красных. Он никогда не был кабинетным работником, вот почему, может быть, кабинетные работники, профессіональные политиканы и публицисты, с таким трудом усваивают простую истину, что если в Китаѣ есть твердый, волевой человѣк, больших заслуг перед страною, выдающихся личных качеств, то это только Чжан Кайши.

Внѣшне Чжан Кай-ши воплощенная скромность, он хочет держаться как можно проще, без всякой претензіи на позу. Помню, уже описанную выше, мою с ним бесѣду, вмѣстѣ с другими журналистами, у него в домѣ, в Нанкинѣ, в концѣ января 1929 г. Он был одѣт в самый обыкновенный френч, без всяких знаков отличія, он говорил без всякой аффектаціи, но каждая его фраза была хорошо составлена и каждая мысль была точно формулирована.

Набросанный здѣсь его портрет мнѣ и хочется углубить его собственными словами, тогда же записанными и на слѣдующій день мною опубликованными:

«Китай — сложная проблема. Я знаю, как велик за послѣдніе годы и в Америкѣ и в Европѣ интерес к современному Китаю. Но проблему Китая не легко охватить, в виду огромных размѣров нашей страны и разнообразія условій, в которых наш народ живет.

Понять мѣняющійся, перестраивающійся Ки-

тай в особенности трудно. Пути сообщенія, средства связи в Китаѣ все еще не находятся на том уровнѣ, который давал бы возможность получать регулярную и своевременную информацію с мѣст.

Кромѣ того, Китай представляет из себя конгломерат отдѣльных районов, которые за эти годы отвыкли координировать свои интересы с центром, котораго много лѣт фактически не было.

Поэтому, — продолжал ген. Чжан Кай-ши, — вы видите, как разнорѣчивы и как часто не точны сужденія о нас заграницей и как искажена перспектива даже в нѣкоторых из тѣх трудов, которые претендуют на значеніе в наукѣ.

Как не сложна проблема Китая, особенно для иностранцев, всѣ как будто схотятся в одном мнѣніи — установленіе порядка и упроченіе единаго центральнаго правительства является залогом благополучія нашего государства.

Но, сходясь в пожеланіи нам объединенія и укрѣпленія центральнаго правящаго аппарата, иностранное общественное мнѣніе продолжает думать, что страною по прежнему правят военные, произошла смѣна людей, а идеологія правителей осталась прежней.

Но я хочу вам заявить со всей рѣшительностью, что надо проложить глубокую борозду между двумя эпохами — ушедшей навсегда в прошлое эпохой владычества милитаристов и наступившей теперь эпохой созданія власти централизующей, созидающей, отражающій настроенія широких народных масс.

В основу государственной идеологіи заложены три народных принципа: націонализм, народоправ-

ство и улучшеніе народнаго быта, предуказанные національным вождем, покойным д-ром Сун Ят-сеном.

У вас, иностранцев, могут и должны возникнуть сомнѣнія в том, насколько правящая партія разбирается в том, что является ея вѣрой, желаніями, добрыми намѣреніями, теоріей и что является суровой дѣйствительностью.

Вы можете думать, что вожди нашей партіи свои желанія и свой энтузіазм возродить Китай принимают за реальность, что за стѣнами наших кабинетов жизнь течет по своему и в массах царят иныя настроенія.

Партія Гоминдан свои пожеланія основывает на трезвом учетѣ соотношенія центробѣжных и центростремительных сил в странѣ и свои выводы черпает из опыта напряженной работы по объединенію и переустройству Китая. И этот опыт показал нам, что феодализм изжил себя, что условій для возрожденія военной диктатуры в Китаѣ больше нѣт.

Я — революціонный вождь, и когда я говорю это, я знаю, что я говорю. Ни один из тѣх честолюбцев, кто хотѣл бы возродить пріемы милитаристов и попытаться захватить власть, не будет имѣть успѣха, потомучто народ его не поддержит. Мы не отказываемся от нашего прошлаго, но нельзя на мѣняющійся и идущій вперед Китай смотрѣть сквозь стекла старины. Придет день, когда Китай не только займет подобающее ему мѣсто в семьѣ великих народов, как равный среди равных, но и скажет міру свое слово. И это будет призыв к братскому содружеству всего человѣчества, это будет призыв к довѣрію и совмѣстной работѣ

націй на общее благо».

Приведенныя выше мысли надо признать основными, потому что и через пять лѣт, в своем публичном заявленіи, в началѣ октября 1933 г. по поводу 22-ой годовщины зарожденія республики, ген. Чжан Кай-ши их любовно повторяет: «Двадцать два года в четырех тысячах лѣт исторіи Китая это только капля в океанѣ времени. Однако и в этот короткій період структура нашего общества и правила, регулирущія поведеніе нашей жизни, так, в основѣ своей, измѣнились, что может быть пройдут сотни лѣт прежде чѣм полностью станут понятными происшедшія перемѣны и наши достиженія. Если революція 1911 г. произошла буквально в одну ночь, то корни ея надо искать в долгих и мучительных годах, которыя послѣдовали за японо-китайской войной 1894-1895 г. Послѣ столѣтій владѣчества чужеродной династіи населеніе Китая мало по малу выработало в себѣ чувство глубокаго отвращенія к продажному чиновничеству (мандаринату), кого оно по справедливости считало источником всяких бѣд.

На протяженіи немногих лѣт послѣ установленія республиканскаго режима эта наша, теперь как бы новая, нація, рожденная из старѣйшаго народа на землѣ, объединяет свои усилія для осуществленія двух основных задач: укрѣпленія режима народоправства и реорганизаціи государства. Ни один независимый критик не станет отрицать, что на протяженіи 1911—1933 г. г. Китай все время демонстрировал тягу к реальному единенію. За этот же період, стараясь выполнить поставленныя перед собою задачи, китайскій народ пережил тяг-

чайшія испытанія и бѣдствія. Внѣшняя агрессія, внутренніе безпорядки, наводненія, засухи, голод, слѣдовали одно за другим, угрожая парализовать наши усилія по переустройству страны. Однако, это движеніе пробудившейся націи к лучшему будущему не было остановлено. Свалившіеся неудачи только заставили нас понять, что путь нашего спасенія лежит в нашем единеніи, онѣ укрѣпили нас в рѣшимости развивать наши духовныя, умственныя и экономическія богатства.

— Позвольте мнѣ, — продолжал Чжан Кай-ши, — вкратце указать на то, что уже достигнуто. Прежде всего, пути сообщенія — едва ли не самый важный из факторов экономическаго благополучія населенія — были значительно улучшены. Много новых дорог было построено и сейчас мы почти заканчиваем план связи отдѣльных провинцій друг с другом при помощи широких и удобных дорог. При помощи этих дорог установлена связь с отдаленнѣйшими частями страны и, теперь, продукты фабричнаго производства из промышленных центров могут без труда достигать мѣст, которыя раньше были совершенно изолированы от торговли. Развитіе воздушной почты, устройство телефонов дальняго разстоянія, организація широковѣщанія по радіо, вплоть до того, что в Нанкинѣ мы выстроили самую большую радіо станцію на всем Дальнем Востокѣ — все это содѣйствует сближенію и сотрудничеству отдѣльных частей Китая с центром. В отношеніи улучшенія народнаго здравія, земельнаго переустройства, борьбы с наводненіями и засухами національное правительство разработало план широких мѣропріятій. Этот

план осуществляется на практикѣ и даже в такой обширной странѣ, как Китай, полученные результаты могут быть признаны удовлетворяющими. Близится день, когда как эпидемія, так и стихійныя бѣдствія в Китаѣ прежде, столѣтіями, уносившія столько жертв будут под нашим контролем. Мы добьемся того, что земледѣльческій класс больше не будет зависѣть от милости стихійных сил природы. В области финансовой тоже есть на что указать с удовлетвореніем: не смотря на общемiровую депрессію мы сумѣли в 1933 г. сбалансировать бюджет. Много усилій дѣлается на путях к распространенію образованія. Что, как не просвѣщеніе содѣйствует пробужденію самосознанія в массах? В организаціи общественных работ, в созданіи обществ по искорененію болѣзней и соціальных пороков, в созданіи и оборудованіи госпиталей и институтов по улучшенію народнаго здравія общественность широко идет на встрѣчу начинаніям власти."

Можно не приводить полностью этого заявленія для печати ген. Чжан Кай-ши, его портрет не только как военнаго, но и как политическаго дѣятеля государственнаго масштаба — и без того достаточно детально очерчен.

В заключеніе остается сказать нѣсколько слов по поводу только что промелькнувшаго в шанхайских газетах сообщенія, что в одном из провинціальных отдѣлов партіи Гоминдан ("тан-пу") было вынесено постановленіе просить генералиссимуса снова взять всю власть не только военную, но и гражданскую в свои руки. Иными словами — объявить себя диктатором.

Объявить себя диктатором или даже принять диктатуру, поднесенную на подушкѣ, как нѣкую корону, Чжан Кай-ши вряд ли согласится сейчас, пока конфликт с Японіей не уложен в рамки оффиціальнаго договора.

Зачѣм? Во первых, у него есть всѣ возможности, которыми должен распологать диктатор. в его руках армія, а, слѣдовательно, и реальная сила; во-вторых, он уже четыре года подряд был в Китаѣ диктатором и испил до конца горькую чашу единоличной власти.

Однако, как будто бы, не подлежит сомнѣнію, что, — как трудно представить себѣ Муссолини или Гитлера, удалившимися от дѣл, пребывающими на покоѣ, так и Чжан Кай-ши вряд ли добровольно отойдет от активной политики и превратится в частнаго гражданина.

Здѣсь у него общая судьба с двумя трагическими фигурами современной китайской исторіи: Юань Ши-каем и Чжан Цзо-лином.

МОЛОДОЙ МАРШАЛ.

8 марта 1933 года молодой маршал Чжан Сюэ-лян подал в отставку от всѣх занимаемых им должностей. Эти должности были слѣдующія:

Главнокомандующій Сѣверо-Восточной прифронтозой зоной, комиссар по поддержанію порядка и спокойствія в Пекинѣ, вице-предсѣдатель національной военной комиссіи, член національной комиссіи обороны, член Центральнаго Политическаго Совѣта, член національной экономической комиссіи, член національной финансовой комиссіи

и член комиссіи по борьбѣ с опіумом.

До своего, осенью 1932 года, остраго столкновенія с Ван Цзин-веем, предсѣдателем Административной палаты (премьер-министр), маршал Чжан Сюэ-лян был, сверх всего, вице-генералиссимом всѣх вооруженных сил (сухопутных, морских и воздушных) Китайской Республки.

А до 18 сентября 1931 года, когда начался японо-китайскій конфликт, маршал Чжан Сюэ-лян, в порядкѣ наслѣдованія, был главнокомандующим всѣми вооружеными силами Трех Восточных Провинцій или, говоря в просторѣчіи, правителем Маньчжуріи, в том числѣ и округа Жэ-Хэ, а, кромѣ того, осенью 1930 года, бросив свои гири на вѣсы борьбы сѣверной каолиціи отколовшихся гоминдановских и гоминчуновских вождей с центральным гоминдановским правительством и рѣшив исход этой борьбы в пользу Нанкина, маршал Чжан Сюэ-лян включил в сферу своего непосредственнаго вліянія и древнюю столицу Китая, Пекин.

Владѣя Пекином цѣлых три года и являясь слѣдующим послѣ Чжан Кай-ши представителем реальной вооруженной силы в Китаѣ, он, фактически, входил в дуумвират, пока не выступила в Маньчжуріи Японія, и кантонская группировка, воспользовавшись этим, не настояла на том, чтобы ген. Чжан Кай-ши отказался от власти военнаго и гражданскаго главы государства.

В 32 года от роду быть правителем половины Китая, проживая, на законном, с согласія центральнаго правительства, основаніи в древней столицѣ, Пекинѣ, — это ли не зенит карьеры для молодого политическаго дѣятеля, имя котораго давно

уже извѣстно всему свѣту?

Разбираясь в сложных хитросплетѣніях китайской политики, рискованно предсказывать, какая судьба ожидает человѣка, котораго привыкли называть „молодым маршалом“ и который нынѣ достиг уже возраста 36 лѣт. Хотя для титула маршала он может почитаться и по сей день все еще исключительно молодым.

Но если мы вспомним, что в чин бригаднаго генерала Чжан Сюэ-лян был возведен в ноябрѣ 1920 года, иными словами, четырнадцать лѣт тому назад, в возрастѣ 22 лѣт, то, может быть, его высокій воинскій ранг и не станет казаться столь скороспѣлым.

Несмотря на свою молодость маршал Чжан Сюэ-лян продѣлал удивительную карьеру, которая дает нам основанія сказать, что он не только был сыном своего знаменитаго отца, но и сам вырос в крупную, самостоятельную, политическую фигуру.

Чжан Сюэ-лян родился в Мукденской провинціи, в 1898 году. С ранних лѣт он был опредѣлен на военную службу и был одним из первых, кто окончил Мукденскую военную академію.

В іюлѣ 1919 он был назначен помощником командира личной охраны дуцзюня Мукдена, каковой пост занимал его собственный отец, маршал Чжан Цзо-лин, впослѣдствіи называвшійся «старым маршалом», в отличіе от сына, тогда как раз выходившій на широкую дорогу міровой извѣстности, как твердый и умный правитель Сѣвернаго Китая.

В том же іюлѣ мѣсяцѣ Чжан Сюэ-лян, приказом центральнаго пекинскаго правительства, на-

By courtesy of the "N.C.D.N"

Маршал Чжан Сюэ-лян. (Портрет сдѣлан в Римѣ в іюнѣ 1933 г.)

значается полковником артиллеріи. В ноябрѣ 1919 года пекинское правительство жалует ему орден «Вен-фу» третьей степени. В декабрѣ того-же года он становится командиром второго батальона бригады личной охраны. В маѣ 1920 г. Президент Республики Сюй Ши-чжан назначает его своим адъютантом, а в іюнѣ того же года он уже командует, только что выше упомянутой, бригадой личной охраны или, иными словами, третьей смѣшанной бригадой Мукдена.

Когда вспыхивает война между группировками чжилійской и анхуйской, Чжан Сюэ-лян получает от отца приказ отправиться, во главѣ своей бригады, походным порядком, к Шанхайгуаню и вести операціи на сторонѣ чжилійцев, против аньхуйцев.

В Сяо-чанѣ, извѣстном тѣм, что здѣсь, по приказу Юань Ши-кая, была создана знаменитая Пей-янская военная школа, а, при ней, возникла и военная группировка того же названія, игравшая исключительную роль в исторіи послѣ революціоннаго Китая, бригада Чжан Сюэ-ляна одерживает блестящую побѣду над войсками аньхуйской группировки, которыми командывал ген. Люн Чи-ван.

Побѣда была импозантной — нѣсколько полков знаменитой Пограничной Арміи сдались войскам молодого командира бригады, который отправил эти полки, как наглядное доказательство своего тріумфа, в Мукден, к отцу. Осенью 1920 года 22-х лѣтній старшій сын Чжан Цзо-лина снова заставляет о себѣ говорить военные круги Китая. В Гиринской провинціи сильно развилось

хунхузничество и полк. Чжан был отправлен со своими войсками на усмиреніе разбойничьих шаек. В короткое время он великолѣпно справляется со своей нелегкой задачей и, в воздаяніе отлично-ревностных заслуг, центральное правительство жалует юнаго полковника орденом Благоволѣнія пятой степени. А через мѣсяц он возводится и в чин бригаднаго генерала. В мартѣ 1921 г. его ожидает новая награда — орден «Вен-фу» 2-ой степени.

В октябрѣ 1921 г. Чжан Сюэ-лян, ѣдет, с особой миссіей, по порученію отца, в Японію, присутствовать на осенних маневрах. Вернувшись из Японіи, ген. Чжан вводит цѣлый ряд улучшеній в мукденской арміи, которая, от года к году, выростает во внушительную силу, начинающую играть роль первостепеннаго фактора в ходѣ политических событій всего Китая. Когда, по веснѣ 1922 года, вспыхивает, неудачная для Мукдена, мукдено-чжилійская война, которую можно было персонифицировать в двух вождях Чжан Цзо-линѣ и У Пей-Фу, ген. Чжан Сюэ-лян командует второй секціей Восточнаго фланга.

Когда, под Шанхайгуанем, мукденскія войска вели наступательныя атаки на чжилійцев, ген. Чжан являлся командующим частями передовой линіи. Послѣ окончанія этой войны, гдѣ он получает личное боевое крещеніе, он назначается командиром 2-ой бригады Маньчжурской арміи и, одновременно, занимает пост начальника штаба реорганизованнаго бюро Маньчжурской арміи. Кромѣ того, он был в это время начальником Военной Академіи Трех Восточных провинцій, кото-

рую сам окончил за нѣсколько лѣт до того. В сентябрѣ 1924 года вспыхивает навая война между чжилійской группировкой, во главѣ с маршалом У Пей-фу с одной стороны, и мукдено-аньфуистской партіей с другой.

Ген. Чжан Сюэ-лян является в это время уже командующим I-ой Мукденской арміей и в сраженіях под Великой Стѣной он оказывает несцѣнимыя услуги дѣлу своего отца. Его таланты реорганизатора и военнаго эксперта получают общее признаніе и, в началѣ 1925 года, Чжан Сюэ-лян, по приказу Президента Республики Дуан Ци-чжуя, посылается, как особый делегат центра, в провинціи, расположенныя в долинѣ Ян-Цзе-цзяна, для разрѣшенія ряда отвѣтственных политических вопросов, что создает ему крупное имя не только на сѣверѣ, но и в Срединном Китаѣ.

Когда, по проискам Фын Ю-сяна, в концѣ 1925 г. и в началѣ 1926, вспыхивает возстаніе ген. Гоу Сун-лина, одного из лучших генералов маньчжурской арміи, соблазнившагося на посулы „христіанскаго генерала," дѣйствовавшаго по директивам Карахана, этот удар пришелся, главным образом, на силы, которыя находились под непосредственным командованіем молодого маршала.

Из сказаннаго мы видим, что Чжан Сюэ-лян был опытен не только в подготовкѣ воинских кадров и в дѣлѣ реорганизаціи Мукденских вооруженных сил, но пріобрѣл большой политическій опыт к моменту, когда его отец овладѣвает Пекином и объявляет себя, в началѣ 1927 года, Верховным Правителем, главой армій Умиротворенія Страны (Ан-го-цзюя)

Мнѣ (как выше описывалось) пришлось имѣть бесѣду с молодым маршалом 30 августа 1927 года в Пекинѣ, когда он являлся командующим 3-ей и 4-ой мукденских армій Ангоцзюна, дѣйствовавших против наступавших на Сѣвер кантонцев. Особенно хорошо запомнилось, что тогдашній, совсѣм юный, военачальник, одѣтый в элегантный штатскій фланеливый костюм, проявил большую освѣдомленность в русском вопросѣ. С русским вопросом молодой маршал впервые на практикѣ познакомился осенью 1920 года, когда, под его руководством, происходила переотправка интернированных на китайской территоріи около ст. Маньчжурія, частей бѣлой арміи в Приморье. Будучи ревностным военачальником, лойяльным отцу, молодой маршал в 1927 году переживал глубокую внутреннюю драму, так как лично он все больше склонялся к идеологіи націоналистическаго движенія, стремившагося объединить Китай под флагом партіи Гоминдана.

Дальнѣйшіе этапы жизни молодого маршала у всѣх у нас свѣжи на памяти. Послѣ взрыва поѣзда под Мукденом, в іюнѣ 1928 года, маршал Чжан Сюэ-лян принимает на себя бремя власти правителя Маньчжуріи и старается, в кратчайшій срок, включить три Восточных Провинціи в орбиту націоналистическаго Китая, центром котораго к этому времени становится Нанкин. Когда, вопреки совѣтам из Токіо, над Маньчжуріей, по приказу молодого маршала, взвился флаг Гоминдана: бѣлое солнце в двѣнадцатикратном излученіи на синем полѣ, судьбы Маньчжуріи были предопре-

дѣлены. Мы уже говорили выше, что с осени 1930 года маршал Чжан Сюэ-лян переселяется в Пекин, гдѣ и остается по момент, когда 8 марта 1933 г., отказывается от всѣх занимаемых им высоких и отвѣтственных постов.

Сейчас же послѣ отставки маршал Чжан Сюэ-лян прибывает в Шанхай на своем аэропланѣ, будучи встрѣчен рядом должестных лиц, в том числѣ министром финансов Т. В. Суном и мэром Великаго Шанхая ген. У Тэ-ченом. Общественность, в особенности молодежь, отнеслись к прибытію молодого маршала с нескрываемой враждою, возложив на него персонально всю отвѣтственность за неудачи на Сѣверѣ, за потерю Маньчжуріи и занятіе, как раз перед тѣм, японскими и маньчжурскими войсками округа Жэ-Хэ (Жехола). Трудно было найти в этот момент болѣе не популярную личность в Китаѣ, чѣм молодой маршал Чжан.

Бесѣда маршала с представителями печати состоялась в серединѣ марта и велась она на рут де Сэйес, № 501, в канцеляріи министра финансов. День стоял чудесный. Послѣ мрачной зимы, послѣ безконечных дождей конца февраля начала марта, солнце изливало свои ласкающіе потоки лучей с исключительной щедростью. Небо было бирюзово голубым, без того сѣроватаго оттѣнка, который оно пріобрѣтает в іюлѣ, когда оно будет плавиться и прѣть.

Шанхай точно обрадовался пріѣзду« молодого маршала»; во всяком случаѣ, встрѣтил его улыбкой, если не привѣта, то утѣшенія, словно говоря,

что, здѣсь можно отдохнуть: — далеко от фронта, от Жэ-Хэ, всегда служившаго мѣстом лѣтняго покоя для императоров, а, теперь, ставшаго роковой картой в той игрѣ, которая началась со ставки «Маньчжурія» и могла кончится ставкой — когда на карту поставили бы и Пекин, древнюю столицу древнѣйшій страны, с его величественной городской стѣною, храмами, тѣнистыми парками и дворцами.

Нас проводят для интервью в пріемную: американскій журналист, три китайских репортера и я.

Едва мы размѣстились, переставили полукругом стулья, еще не увѣренные, что интервью состоится, как кто-то говорит по англійски:—«Идут!» И, через минуту, перед нами маршал Чжан Сюэлян и замѣститель Административной Палаты, министр финансов Т. В. Сун. Вошедшіе улыбаются нам и просят занять мѣста.

Как только мы сѣли, стеклянныя двери из гостинной в переднюю тотчас плотно закрываются и с той стороны дверей видно, что за ними стоят три тѣлохранителя, двое в военных пальто, потом входит к нам нѣкто плотный, коренастый, с бросающейся в глаза военной выправкой, в штатском синем костюмѣ. Он стоит у дверей, как бы на посту, на часах, замерѣв, как изваяніе. Интервью открывает сам маршал Чжан Сюэ-лян. Как всѣ китайскіе сановники, по традиціи, он дает интервью по китайски. Он быстро говорит, почти не дѣлает пауз и жестов, иногда привѣтливая улыбка бороздит его губы. Он говорит на

мандаринском діалектѣ.

Я сижу рядом, слушаю, вспоминаю послѣднюю встрѣчу 30 августа 1927 года, в штабѣ 3-ьей арміи, когда мы бесѣдовали втроем (третьим был г. Цай) в маленькой гостинной при огромном залѣ, гдѣ ждали до пятидесяти высших воинских чинов. Маршал Чжан постарѣл (прошло 5 лѣт), но немного. Пять лѣт назад на его верхней губѣ еще не было усов. Когда я ему об этом сказал, он разсмѣялся. На лицѣ его явственные слѣды утомленія; держится он по прежнему просто, скромно, естественно. В нем вообще нѣт ничего подчеркнуто военнаго, но, но все-таки, в нем сразу чувствуется, что он привык, чтобы ему повиновались, привык распоряжаться, вести за собой массы людей.

Он говорит о том, что официально заявленіе им было сдѣлано, в связи с его отходом от дѣл, еще в Пекинѣ, что теперь он в Шанхаѣ — частное лицо, собирается уѣзжать. Ждет из Пекина свою супругу.

— Куда, когда — это еще точно не выяснено! Сейчас заготавливаются паспорта.

Потом маршал Чжан увлекается, начинает подробно объяснять, почему китайская армія не могла оказать сопротивленія японцам на их пути к Великой Стѣнѣ и настаивает на том, что солдаты выполили свой долг, но техническій перевѣс на сторонѣ противника.

Маршал Чжан одѣт в сѣрую пару, на нем синяя сорочка с отложным, модным, воротничком и хорошо завязанный галстук. Отмѣчаю, что у

него отличные желтые ботинки и щегольскіе гетры. Министр финансов Т. В. Сун откинулся в креслѣ и только изрѣдка вставляет свои дополненія. Маршал Чжан сидит прямо, нога на ногу; совсѣм близко перед моими глазами его, изумительной красоты, китайскія руки,

Потом, когда маршала Чжана, послѣ интервью, фотографировали, энергичные фотографы усадили его в кресло так, что скрадывалось впечатлѣніе, что он человѣк хорошаго роста, худощавый, и по натурѣ подвижной. В перерыв собесѣдованія вручаю маршалу свою книгу, указывая, что на русском языкѣ почти не появляется книг о современном Китаѣ. Т. В. Сун берет мою книгу и внимательно ея рассматривает, пока интервью продолжается своим чередом. Маршал около получаса провел среди журналистов, потом минут двадцать его фотографировали. Министр финансов торопил — «имѣется дѣло, пріем» — но фотографы хлопотиво дѣлали свое дѣло. Одного из. фотографов, русскаго молодого человѣка, маршал Чжан помнил еще с Мукдена. Вообще, у него к русским чувствуется искреннее расположеніе.

* * *

10 марта 1933 г. Г. Дж. Вудхэд писал, по поводу отставки маршала Чжан Сюэ-ляна: «вряд ли можно сомнѣваться, что, слѣдуя своим собственным желаніям, маршал Чжан Сюэ-лян подал бы в отставку много мѣсяцев тому назад. Ему было хорошо извѣстно, что японскій генеральный штаб будет продолжать оказывать свое давленіе пока

он не уйдет, так как японцы не скрывали, что они к нему относятся враждебно. Точно также ему было хорошо извѣстно, что его сородичи все меньше ему вѣрят и все болѣе настороженно и враждебно к нему относятся. Нѣсколько мѣсяцев тому назад г. Ван Цзин-вей разослал по странѣ телеграмму, обвиняя молодого маршала в политикѣ непротивленія и требуя его отставки. Только личное вмѣшательство Чжан Кай-ши сохранило тогда ему пост. Ген Чжан Кай-ши отлично понимал, что если отставка молодого маршала будет принята, то на сѣверѣ не легко будет найти ему преемника. Опытен или неопытен в военном дѣлѣ маршал Чжан Сюэлян, он, как никак, держал в полном себѣ повиновеніи командиров своей арміи, которая составлена была из частей маньчжурских, шансійских, шандуньских, хобейских (чжилійских) и гоминчуновских армій».

Перенеся в Шанхаѣ довольно тяжелое заболѣваніе, о котором в городѣ ходили противорѣчивые слухи, молодой маршал 11 апрѣля 1933 г. покинул Шанхай, в сопровожденіи семьи и совѣтника при нем г. В. Г. Дональд, на одном пароходѣ с итальянским посланником графом Чіано ди-Кортеляццо и графиней Чіано, старшей дочерью Муссолини, с которыми Чжан Сюэ-лян подружился в Пекинѣ.

В Европѣ маршал Чжан Сюэ-лян пробыл восемь мѣсяцев и возвратился в Шанхай в 5 час. вечера 8 января 1934 г., встрѣченный на пристани всѣми нотаблями оффиціальнаго китайскаго міра. Оставив семью в Англіи, гдѣ два его сына поступили в привиллегированное учебное заведе,

ніе, молодой маршал побывал в Италіи, во Франціи, был в Даніи, в Германіи, гдѣ особенно интересовался постановкой дѣла военной авіаціи и 1 октября прибыл из Копенгагена в Стокгольм. Его принял в особой аудіенціи король Густав шведскій, он завтракал во дворцѣ принца Густава-Адольфа. В Швеціи, как и повсюду, он удѣлял особенное вниманіе ознакомленію с современной постановкой военнаго дѣла.

Если полагаться на точность сообщенія американскаго агентства „Юнайтэд Пресс," то, перед своим возвращеніем в Китай, маршал Чжан Сюэлян, в Лондонѣ, заявил слѣдующее:

„Нѣт ничего невозможнаго, если Китай станет фашисстким. О коммунизмѣ я ничего в настоящее время сказать не могу, — улыбнулся маршал, — так как я еще не успѣл изучить его. Но я поѣду в СССР, чтобы посмотрѣть, что там дѣлается. Мнѣ легче говорить о фашизмѣ. Я был в Италіи и встрѣчался с Муссолини. Я восхищен всѣм тѣм, что Муссолини сдѣлал в Италіи за послѣдніе десять лѣт. Это поражающе..." Фашизм имѣет много хороших сторон по мнѣнію маршала Чжана. „Но я не увѣрен, — говорит он, — что фашизм можно перенять полностью, без измѣненій. Итальянскій фашизм, как таковой, нельзя примѣнить в Китаѣ, но вполнѣ возможно заимствовать от фашизма то, что может быть в Китаѣ осуществлено. Я увѣрен, что в результатѣ общаго пробужденія к новой жизни, которое наблюдается в Китаѣ, наша молодежь, рано или поздно, пойдет или за фашизмом или за коммунизмом!"

Далѣе интервьюер передает, что маршал Чжан

всюду в Европѣ знакомился с обще-политическим и экономическим положеніе отдѣльных стран. В Даніи он изучал новѣйшіе методы земледѣлія, в Швеціи знакомился также и с бумажной промышленностью, принимал близко к сердцу вопросы желѣзнодорожнаго строительства, так слабо развитаго в Китаѣ и т. д. Молодой маршал сказал американскому интервьюеру, что его больше всего в современной Европѣ поражает количество людей, не находящих примѣненія своему труду. „Соціальныя условія в Китаѣ совсѣм особыя, но в Китаѣ не может быть сосредоточенія такой массы людей, пребывающих совсѣм без дѣла, так как у нас всегда можно получить работу у сосѣда, а, вмѣстѣ с работой, и стол и кров."

Когда стало извѣстно, что маршал Чжан Сюэлян возвращается в Китай, японскій штаб в Тяньцзинѣ выпустил 11-го декабря 1933 г. сообщеніе, в котором говорилось, что молодой маршал вынужден был весною покинуть Китай, так как не мог пріостановить оккупацію японскими частями Трех Восточных провинцій. Но послѣ нѣскольких мѣсяцев странствованія по Европѣ, тратя ежемѣсячно до трехсот тысяч долларов на путевые расходы, он воспылал желаніем вернуться к родным пенатам. Приглашеніе вернуться он получил от г. Т. В. Суна, который был вынужден покинуть пост министра финансов под давленіем ген. Чжан Кайши. Г. Сун нуждается в военной поддержкѣ. Возвратиться через СССР молодой маршал не мог, так как, по заявленію того же источника, это бы еще больше ухудшило отношенія между СССР и Японіей.

Китайская газета в Пекинѣ (Пейпинѣ) „Ежедневныя Новости Міра“ от 14 декабря 1933 г. расцѣнивали возвращеніе маршала Чжан Сюэ-ляна иначе: „за свою тактику несопротивленія японской агрессіи маршал Чжан был сурово критикуем общественным мнѣніем Китая. Но с тѣх пор, как, за послѣдніе мѣсяцы всѣм стало ясно, что никто не думает о сопротивленіи, отношеніе населенія к маршалу Чжану измѣнилось. Больше того, страна вспомнила его заявленіе, что придет день, когда он станет во главѣ войск, чтобы вернуть обратно утерянныя территоріи и страна надѣется, что он выполнит свое обѣщаніе. В телеграммѣ, которой он оповѣстил страну о своей отставкѣ, он заявил что только здоровое и крѣпкое правительство может выдержать натиск иностранной агрессіи. Но такое правительство может быть создано только на основѣ объединеннаго государства.“

По прибытіи в Шанхай 8 января 1934 г., на итальянском пакетботѣ „Конте Вэрди“, маршал Чжан Сюэ-лян 10 января заявил что, пока что, он только частный гражданин, хотя и проэктирует участвовать в совѣщаніях пленума ЦИК партіи Гоминдан, открытіе котораго было назначено на 20 января. Молодой маршал прибыл из заграничнаго путешествія совсѣм другим человѣком. Уѣзжая, он был худым, измученным, усталым, чуть даже горбился при ходьбѣ, не смотря на свои 35 лѣт. Теперь, перед встрѣчавшими, предстал плотный, пышущій здоровьем, молодой господин в отлично сшитом пальто и элегантном костюмѣ моднаго покроя. Он словно помолодѣл на десять лѣт, обрѣл новыя силы, разстался с прежней за-

стѣнчивостью. Бесѣдуя с журналистами, он сказал, что все, что он изучал в Европѣ, все, что пытался там узнать, он изучал и узнавал для того, чтобы постараться примѣнить теперь в Китаѣ. Он очень скорбит, что в Китаѣ все еще много патріотов в кавычках, которые заботятся лишь о своих личных интересах и матеріальном преуспѣваніи.

„Слишком много карьеристов стоит между Китаем и подлинным единеніем страны, слишком у нас много таких людей, которые свои выгоды ставят впереди выгод государства. Мнѣ очень горестно сознавать, что в Китаѣ многіе смѣшивают понятіе свободы с понятіем права дѣлать все, что им угодно. Военные должны быть под контролем государства, надо с корнем вырвать представленіе, что такая-то воинская часть принадлежит такому-то генералу, который ею командует, на правах собственности."

В еженедѣльникѣ „Чайна Уикли Ривью," издаваемом Дж. Б. Пауэлом (г. 67, № 8) от 20 янв. с. г., появилась довольно рѣзкая статья г. Поля К. Хуана, китайскаго публициста, часто выступающаго в этом журналѣ, который рѣзко критикует прошлую дѣятельность маршала Чжан Сюэ-ляна, хотя и признает, что его прежнія неудачи в значительной степени обязаны тому, что около него не было хороших и честных помощников. Отмѣтив, что отношеніе к нему общественнаго мнѣнія за истекшіе восемь мѣсяцев его отсутствія, претерпѣло разительную перемѣну, так как народ увидѣл, что тѣ, кто пришли на смѣну молодому маршалу, также не смогли оказать военнаго соп-

ротивленія и подписали перемиріе в Танку, автор говорит, что народ понял, что если бы маршал Чжан Сюэ-лян немедленно пошел, послѣ 18 сентября 1931 г., на встрѣчу японским желаніям, то японо-китайскія недоразумѣнія могли бы быть быстро разрѣшены и он мог бы стать фаворитом в глазах японских военных кругов. Только потому, что он отказался подчиниться японскому контролю, японцы стали настаивать на том, чтобы он покинул политичскую арену.

„Ген. Чжан Сюэ-лян в глазах иностранных обозрѣвателей является ребусом, но и в глазах китайских он не меньшая загадка. Хотя он добровольно сдал Маньчжурію и Жэхол, он, по сей день, в глазах японцев persona non grata. Он считался главным виновником утери Китаем территоріи Трех Восточных провинцій, но, теперь, он как бы изъят из сферы обвиненій и упреков. Не смотря на его молодость и неопытность, его руководство Сѣверо-Восточными арміями заслужило уваженіе и преданность со стороны его подчиненных генералов. На смотря на то, что он потерпѣл неудачу и не смог справиться со своими обязанностями, Нанкинское правительство до сих пор нуждается в его услугах."

Может быть, будущее без труда отвѣтит на всѣ эти недоумѣнные вопросы. Во всяком случаѣ, в концѣ февраля 1931 г. было опубликовано оффиціально о назначеніи маршала Чжан Сюэ-ляна помощником главнокомандующего по искорененію бандитизма в провинціях Хунани, Хубеѣ и Аньхуѣ. Молодой маршал не медлил с отъѣздом к мѣсту своей новой службы и в Хань-

кою, на пристани, к его прiѣзду воздвигли трiумфальную арку. Он прибыл на канонеркѣ „Юйсуй" и, поздоровавшись с многочисленными встрѣчавшими, сѣл в ожидавшiй его автомобиль и прослѣдовал в, так называемый, „образцовый район," в зданiе банковской гильдiи, гдѣ ему приготовили временные аппартаменты. Послѣ ряда оффицiальных визитов, он в тот же день принял представителей печати и, вечером, обѣдал у ген. Хо Чен-чуня. На слѣдующiй день он отправился в Ухан. 5 марта, на еженедѣльной поминальной службѣ, на плацу воинскаго штаба, он обратился к толпѣ в двѣ тысячи человѣк и призывал сознательно и жертвенно работать на общее благо. Он жестоко критиковал тѣ молодые элементы Китая, которые, по его словам, неудовлетворенность считают лучшим своим качеством, а неуравновѣшенность и безпокойство главными достоинствами.

В связи с прибытiем маршала Чжан Сюэ ляна в Ханькоу, там упорно заговорили о том, что, в ближайшiе же мѣсяцы, в сосѣдствующих с Трехградьем районах произойдут большiя перемѣны. Отъѣзд молодого маршала в Нанчан, на совѣщанiе с генералиссимусом Чжан Кай-ши, который, помимо подготовки военных операцiй против всякаго рода бандитизма, поднял широкое движенiе за обновленiе жизни молодого Китая, толкуется в Ханькоу, как необходимость обсудить мѣропрiятiя, которыя должны, наконец, привести к подлинному умиротворенiю внутренних районов Китая.

Располагая лучшим обмундировенiем и значи-

тельно улучшенными путями сообщенія, в особенности в провинціи Цзян-су, гдѣ построена широкая сѣть автомобильных дорог, важных в стратегическом отношеніи, имѣя ряд авіо-портов и авіо парков, правительственныя войска, под водительством генералиссмуса и при непосредственном содѣйствіи полнаго энергіи молодого маршала, дѣйствительно, как будто, могут разсчитывать на то, что наступающей весною 1934 г. им удастся очистить от разбоя обширныя пространства в районах, тяготѣющих к бассейну Ян-Цзе-Цзяна, и осуществить давно намѣченный план земельнаго переустройства и всяческих административных преобразованій в деревнѣ, без чего даже успѣшныя дѣйствія правительственных частей против китайской красной арміи оказываются пирровыми побѣдами.

Г. ЕВГЕНІЙ ЧЕН.

Китай не может пожаловаться, что судьба обдѣлила его дипломатами.

И до великаго Ли Хун-чжана и послѣ него, в Китаѣ всегда было много высоко одаренных дипломатов и иногда случалось, что китайскій дипломатическій геній выручал страну там, гдѣ ее не могли выручить полководцы. Вот и сейчас Китай располагает цѣлой плеядой всѣм извѣстных профессіоналов дипломатическаго искусства, потому что это взыскательное, а, главное, самостоятельное искусство, хотя для того, чтобы, в наши дни, быть хорошим дипломатом надо быть, прежде всего и все больше, широко и по настоящему об-

Фот. Л. В. Сквирскаго.

Г. Евгеній Чен.

разованным человѣком — не только политиковѣдом и начитанным в исторіи, но и стилистом и оратором, и знатоком той страны, при которой дипломат аккредитован, и, в мѣру, философом, а, в дополненіе ко всему, совсѣм не поверхностным экономистом.

Мы всѣ знаем д-ра С. Т. Вана, за ним слѣдует, пользующійся міровой популярностью Веллингтон Ку, потом, прекрасно справившійся со своей нелегкой задачей в Женевѣ д-р В. В. Іен, нынѣшній посол в Москвѣ и, наконец, не послѣдним, а, может быть, в нѣкоторых отношеніях и первым, среди профессіональных дипломатов Китая надо считать Евгенія Чена.

В нашей оцѣнкѣ качеств, возможностей и достиженій Евгенія Чена нам всегда мѣшает его ханькоусская эпопея, и, может быть, в еще большей степени не то, что он был соратником Михаила Бородина, а, потом, удалился в добровольное изгнаніе под сѣнь стѣн краснаго Кремля, как то, что он до сих пор держит в руках совѣтскій козырь и им иногда подигрывает, что лишній раз было обнаружено в дни недавняго злополучнаго мятежа в Фуцзянѣ.

Но китайскія массы слишком чутки, а широкія круги китайской интеллигенціи слишком націоналистичны, чтобы имѣлись, в концѣ концов, серьезныя основанія подозрѣвать Евгенія Чена в том, что он навсегда связал себя неразрывными узами дружбы с нынѣшними заправилами Россіи, что им, оттуда, могут командовать, как хотят, что он больше интернаціоналистичен, чѣм націоналист. Нѣт, допустим сразу и наперед, что Евгеній Чен

слишком крупная и самобытная фигура и слишком он культурный человѣк, чтобы ограничить себя узкой и неблагодарной ролью „соглашателя," тѣм болѣе „попутчика," в специфически московском смыслѣ этого слова.

То вниманіе и тот интерес к нему, который не уменьшается у своих и чужих, а, наоборот, наростает, показывают, что он хотя и радикален, но независим, хотя и близок к руководителям судеб Россіи сегодняшняго дня в большей степени, чѣм аккредитованный офиціально при Кремлѣ д-р В. В. Іен, но, все таки, прежде всего и всего больше, китайскій политическій дѣятель, дважды министр иностранных дѣл Китайской республики, один из самых смѣлых политических истолкователей международной доктрины, самостоятельный мыслитель и выдающійся оратор (отнюдь, при этом, не митинговый).

Если бы дѣло шло только о публицистическом талантѣ, как таковом, то Евгенію Чену давно слѣдовало бы выдать первый приз на журнальном поприщѣ. Каждое его очередное выступленіе—это политическая сенсація, каждое его публичное в печати заявленіе — исторической документ, не смотря на то, что Евгеній Чен ни разу не мог долго удержаться на офиціальном посту, и не смотря на то, что он гораздо ярче в своих мыслях, как критик, чѣм как представитель власти и истолкователь офиціальной политики.

Посвяти Евгеній Чен себя исключителвно писательству, он имѣл бы больше поклонников, чѣм на амплуа «дипломата не у дѣл», а ставши про-

фессором в университетѣ, легко мог бы собирать аудиторіи, которым позавидовал бы Максим Максимыч Ковалевскій или даже Василій Осипович Ключевскій. Он надѣлен особым даром играть умом, виртуозно жонглировать фразой, он умѣет заострить мысль, облечь ея не только в яркія, но и бьющія по нервам словесныя формы. Тысячу раз тѣ же мысли, что у Евг. Чена могли повторяться другими, но он подает их с таким гарниром, в таком словесном оформленіи, что онѣ сверкают, как новыя. Его мысли всегда свѣжи, аргументы хлестки, соображенія остроумны, предложенія смѣлы. Получается буквально фейерверк слов и каскад слѣпящих образов, за которыми всегда чувствуется остов тонкаго расчета и ловкаго политическаго хода. Из всѣх, кто сейчас в Китаѣ выступает публично, Евгенію Чену есть только один (в отношеніи стиля и формы) соперник д-р Ху-Ши, выдающійся философ — эклектик, но этот ум академическій и далекій от арены, на которой разыгрываются матчи политическаго бокса. Авантюристическая жилка — с годами она у Евг. Чена как бы истончается, вянет, и при том, у кого из политиков-профессіоналов нѣт этой жилки? Во всяком случаѣ, сказанное должно убѣдить читателя, что Евгеній Чен — явленіе далеко незаурядное, как бы осторожно и даже подозрительно мы, русскіе, лично, на относились к этой во всяком случаѣ крупной политической фигурѣ современнаго Китая.

Г. Евгеній Чен, давній знакомый внимательнаго русскаго читателя, в особенности, если этот чи-

татель спеціально интересуется дальне-восточной проблемой. Семь лѣт тому назад г. Чен был сугубо в фокусѣ русскаго читательскаго вниманія и, с тѣх пор, это наше вниманіе всякій раз вновь на нем напряженно сосредотачивалось, когда он дѣлал то или иное, неизмѣнно сенсаціонное, свое выступленіе. Особенно памятна, повторяю здѣсь, роль Евгенія Чена в 1927 году, когда правительство воинствующих націоналистов, только что одержавших ряд побѣд над арміями сѣверных военных правителей, дуцзюней, и горѣвших желаніем дать „послѣдній и рѣшительный бой" Ангоцзюну, арміям умиротворенія страны, во главѣ которых стоял Чжан Цзо-лин, — обосновалось в Трехградьѣ. Совѣтником и, при том, высоким совѣтником го-минь-дановскаго правительства тогда был Михаил Бородин, прибывшій вмѣстѣ с кантонской вооруженной силой с крайняго юга, а портфель министра иностранных дѣл был вручен уже и тогда немолодому, умному, нѣсколько желчному, Евгенію Чену, в котором дарованія публициста и партійнаго критика тогда особенно доминировали над дарованіями дипломата и партійнаго работника. Евгеній Чен — это партійный бѣлоручка.

Познакомимся с ним и его прошлым поближе: кантонец, по происхожденію, Чен родился внѣ Китая. Он получил англійское воспитаніе, изучал в Англіи право и когда, двадцать два года тому назад, в год основанія республиканскаго строя, он был назначен юрисконсультом министерства сообщеній в Пекинѣ, когда премьером был знамени-

тый (до сих пор еще благополучно здравствующій) Тан Шао-и, то про Чена злые языки в министерствѣ говорили, что в своем родном языкѣ он не тверд и писать по китайски только учится.

По профессіи Евгеній Чен (Чен Юй-джен) всегда был больше всего журналистом. Он работал в цѣлом рядѣ китайских газет, а, кромѣ того, был издателем и редактором выходившей на англійском языкѣ „Пекинской Газеты." В 1917 г., в маѣ, он возстановил против себя могущественную группировку в правительствѣ, близкую к японофильским аньфуисстским кругам, которая подстроила его арест, произведенный глубокой ночью, за статью, в которой он старался разоблачить подготовку соглашенія, впослѣдствіи вошедшаго в исторію, как „Китае-японскій военный договор 1918 г." Чена сперва заключили в одну тюрьму, потом перевили в другую, но у него были вліятельные друзья и ему была, в концѣ концов, дарована свобода, особым президентским указом. Сидѣніе в тюрьмѣ неблагопріятно сказалось на его здоровьи и, с тѣх пор, всѣ послѣдующіе годы он никогда не упускал случая, при первой к тому возможности, отправлятся в морской вояж, за границу, возстанавливать силы.

Послѣ того, как его газетная карьера в Пекинѣ оборвалась, он прибывает в Шанхай и входит в окруженіе д-ра Сун Ят-сена. Когда, послѣ насильственнаго роспуска пекинскаго парламента, военное правительство Кантона рѣшило, лѣтом 1918 г., отправить в Америку особую дипломатическую миссію, Евгеній Чен был включен в нея вмѣстѣ с Кво Тай-чи, нынѣшним посланником в Лондонѣ, и

д-ром С. Т. Ваном. Он же вскорѣ отправился и в Париж, техническим совѣтником при китайской делегаціи на Версальскую конференцію, каковая делегація была двуглавой, одна половина от официальнаго и „признаннаго“ Пекина, другая от сун-ят-сеновскаго непризнававшагося тогда державами Юга. Исторія нам говорит, что ряд особо важных меморандумов и нот, которые, в процессѣ работ исторической конференціи в Версали, были выпущены китайской делегаціей, были составлены или лично или при непосредственном участіи Евгенія Чена.

Особенно в кредит Чена, как дипломата, національный Китай включает составленіе им меморандума об отмѣнѣ „неравных договоров“ и ноту, связанную с 21-им требованіем Японіи. Политическим совѣтником при этой делегаціи был д-р Дж. Е. Моррисон, который потом заявлял, что наиболѣе талантливым документом, который опубликовала китайская делегація в Версали, надо считать меморандум Чена. Послѣ Версаля, Чен отправился в Лондон, потом он долго и упорно, цѣлых три года, странствовал по Европѣ, живя в разных странах и, как говорит его біограф, „изучая условія политики и быта послѣ войны, а также проблемы, порожденныя войною, которая вызвала к жизни новыя идеи и создала новую обстановку.“

В 1920 г. Евгеній Чен снова в Китаѣ и, прибыв в Кантон, он там сразу же получает высокое назначеніе от Сун Ят-сена, который, тогда, был президентом южнаго правительства.

Когда, в серединѣ 1924 г., режим Сун Ят-сена

в Кантонѣ пал, вмѣстѣ с Сун Ят-сеном ушел и Евгеній Чен, вынырнувшій снова в 1926 г., когда кантонцы побѣдоносно осуществляли первый этап своего продвиженія на Сѣвер, при поддержкѣ и непосредственном соучастіи совѣтских агентов.

Этапы ханькоусской эпопеи Чена у всѣх, должно быть, еще памятны. Он, вмѣстѣ с Бородиным, провел захват британской концессіи и подписал вскорѣ послѣ этого соглашеніе с О' Мэлли, которое до сих пор вызывает скрытое раздраженіе у англичан, а когда коммунистам, в серединѣ 1927 г., пришлось круто и Чжан Кай-ши создал свое центральное правительство в Нанкинѣ, Евгеній Чен поѣхал отдыхать в СССР, жил в Москвѣ, «изучал тамошнія условія» при чем его дочь танцовала в одной из московских балетных студій.

Навсегда похоронить себя в красной столицѣ и окончательно связать себя с большевиками Чен однако не хотѣл.

Он снова в Европѣ, у него молодая красавица жена, выдающаяся художница. Он очень любит Париж и задерживается там подолгу. Лѣтом 1931 года Чен обращает на себя общее вниманіе своим нашумѣвшим вояжем в Японію. Вокруг этого вояжа шли разнорѣчивые толки. Нанкинцы той поры обвиняли его чуть ли не в желаніи продать японцам Маньчжурію. Вопрос фактически обстоял гораздо проще.

Это как раз был період наивысшаго обостренія отношеній Кантона с Нанкином, при чем Кантон, на сей раз, прикрывая свои сепаратистскія настроенія требованіем освобожденія Ху Хан-мина, находившагося в «почетной изоляціи».

Чен предполагал заручиться поддержкой японских либералов. Либералы стояли тогда у власти и министром иностранных дѣл был широкомыслящій барон Шидехара. Это, как увидим ниже, Чену не удалось!

26 сентября 1931 г. послѣ того, как загремѣли в Мукденѣ выстрѣлы, Евгеній Чен опубликовал слѣдующую свою ноту барону Шидехара:

«Во время наших разговоров в Токіо, я заявил, что отношенія Японіи с Китаем продолжали оставаться неудовлетворительными на протяженіи цѣлаго поколѣнія и я высказал предположеніе, что, может быть, подошло время для новой оріентаціи в политикѣ, согласно завѣтов д-ра Сун Ятсена, чья концепція на счет отношеній между двумя странами, объединенными, в нѣкотором отношеніи, общей культурой, сводилась к тому, что между ними должно наступить пониманіе и дружба, вмѣсто недовѣрія и подозрительности».

Трудно сказать, как заявленіе Евгенія Чена было бы воспринято лѣтом 1931 г., иными словами, за два мѣсяца до конфликта, если бы Чен был представителем центральнаго правительства, но его заявленіе от лица Кантона не произвело должнаго впечатлѣнія и не соблазнило даже либеральнаго Шидехара, так как, к его пріѣзду, были давно уже упущены всѣ сроки для того, чтобы давняя мечта д-ра Сун Ян-сена «о дружбѣ и союзѣ» двух стран,» объединенных в нѣкотором отношеніи общей културой» — могла раализоваться без потери Маньчжуріи.

Во всяком случаѣ, опубликованіем причин, вызвавших его поѣздку в Токіо, Евгеній Чен се-

бя реабельтировал и когда, вслѣдствіи выступленія Японіи, был поднят вопрос о соз аніи всекитайскаго «единаго фронта» то он, вмѣстѣ с Ван Цзин-веем, Сун Фо и д-ром С. С. У (сыном У Тин-фана) прибыл 21 октября 1931 г. в Шанхай мирным делегатом Кантонскаго Правительства и, послѣ ухода от власти ген. Чжан Кай-ши и отстраненія от дѣл д-ра С. Т. Вана, был назначен, на короткое время, министром иностранных дѣл, уступив свой пост Велинктону Ку, который тоже не удержался, будучи замѣщен д-ром Ло Вен-каном: время было горячее.

Оставшись не у дѣл, Евгеній Чен опять вояжирует в 1932 году по Европѣ и там, в концѣ 1932 г., ему пришлось выступать с очередным опровerженіем в печати по поводу сенсацій, что он имѣл какія то обязывающія встрѣчи с совѣтскими делегатами, чуть ли не с самим Литвиновым.

Если впрочем не с Литвиновым, то с другими крупными совѣтскими дипломатами он навѣрняка тогда встрѣчался, потому что шла перетасовка всей проблемы Дальняго Востока в цѣлом и еще потому что Евгеній Чен, прежде всего, журналист и ничто „журналистическое" ему не чуждо: он очень любознательный человѣк, по натурѣ любознательный, человѣк вѣчно придумывающій чѣм бы поразить окружающих, а за одно и вселенную. И вот, опять, в серединѣ марта 1933 г., сенсаціонное выступленіе г. Евгенія Чена. С какой же новой сенсаціей выступил на сей раз г. Чен. С сенсаціей не меньшей чѣм тѣ, которыя он подносил в прошлом. Он вообще умѣет дѣлать сенсаціи (типичный газетчик) и знает время, когда их

... подавать. Эту его „новую" сенсацію мы готовы были тогда, готовы и теперь, поставить вровень с тремя предыдущими — когда он, в Версали, в 1919 году, потребовал «уничтожить неравные договоры», когда он, в январѣ 1927года, захватил британскую концессію, а, потом, подписал соглашеніе с О'Мэлли, стоившее послѣднему карьеры, когда он в 1931 году, за два мѣсяца до конфликта, поѣхал в Японію говорить о Маньчжуріи, когда ему доподлинно стало извѣстно, что что-то должно произойти и когда, не смотря на этот вояж и обвиненія из Нанкина, что он хотѣл козырять Маньчжуріей в пользу Кантона, он стал во главѣ не кантонскаго, а именно нанкинскаго министерства иностранных дѣл, разварачившаго в нарочитую пику Японіи, под его водительством весь арсенал китайскаго дипломатическаго искусства против японскаго генеральнаго штаба, продвигавшаго солдат вглубь Маньчжуріи.

В чем же, однако, был смысл и сокровенное содержаніе новаго выступленія Евгенія Чена? Прежде всего в том, что оно діаметрально (на словах) противорѣчило тому, что тот же Евгеній Чен писал всего лишь за год до того, в своем меморандумѣ барону Шидехара. В меморандумѣ он прощупывал почву к возврату на позиціи д-ра Сун Ят-сена, который всегда, как извѣстно, был окружен японскими совѣтниками и часто дѣйствительно пользовался их совѣтами, дружа лично и крѣпко с убитым впослѣдствіи премьером Инукаем.

Теперь же Евгеній Чен предлагал Америкѣ выступить против Японіи, для того, чтобы, раз и

навсегда, как писал он, сокрушить японскую военно-морскую мощь на берегах Тихаго Океана. Больше того, он предлагал Америкѣ включить в это дѣло Великобританію, бывшаго на протяженіи многих лѣт японскаго вѣрнаго союзника, и Францію, создать, так сказать, в Тихом Океанѣ антияпонскую Антанту, по примѣру той Антанты, которую в это же время в Римѣ проектировали создать для Европы в видѣ пакта 4-х держав. Но если в Римѣ Муссолини и Макдональд нарочито выводили из игры СССР, то Евгеній Чен, не говоря об этом прямо, нарочно вводил СССР в свою хитроумную и, прежде всего, сенсаціонную комбинацію. Он мазал жирно маслом по губам совѣтскаго идола, когда писал: „со времени опубликованія декларацій 1919 и 1920 г. г, Совѣтская Россія не только на словах, но и на дѣлѣ отказалась от царистской политики территоріальной агрессіи в Маньчжуріи.“ Этому заявленію он сам не вѣрил ни на іоту, потому что он принадлежит к числу самых освѣдомленных китайских дипломатов в совѣтских дѣлах. Он единственный, который не только знает, но и понимает сокровенныя мысли совѣтской дипломатіи, и он, конечно, вплотную знаком и с положені[illegible] Монголіи, и с работой Москвы в китайском Туркестанѣ, и с коммунистической проблемой внутри Китая. Но этому китайскому Талейрану „не у дѣл,“ надо было, во чтобы со ни стало, награвить американское общественное мнѣніе против Японіи. Оно и без того тогда настроено было совершенно опредѣленно. Брутальный тон, который продемонстрировал г. Мацуока в Нью-Іоркѣ, при разговорѣ с журналиста-

ми, на пути в Женеву лишь подлил масла в огонь. Ев. Чену надо было утвердить, устами китайскаго дипломата, двукратнаго министра иностранных дѣл, утвердить и подчеркнуть, что Японія не боится СССР не потому, что СССР боится Японіи, а потому что Японіи нечего боятся; СССР никак не может вторгнуться в Маньчжурію, так как это запрещено нотами Карахана!

Расчет был довольно грубый, расчет на короткую память широкого газетнаго читателя, который должен был забыть (Евгенію Чену надо, чтобы он забыл) обстоятельства китае-совѣтскаго конфликта в 1929 году. Но момент, как всегда, был выбран удачный. Не сегодня завтра ожидалось признаніе Америкой совѣтскаго правительства. В Токіо Юренев приступил к переговорам о Кит. Вост. жел. дорогѣ. В Китай въѣзжало совѣтское посольство. Кое что могло потом разъясниться, кое что могло быть если не опровергнуто, то могло не подтвердить хитроумнаго плана Евгенія Чена, которому, прежде всего и всего больше, надо породить сенсацію: — о которой бы заговорил весь мір! И, дѣйствительно, о его сенсаціи говорил весь мір — если не в полном смыслѣ этого слова, весь, то тот мір, который хочет или должен интересоваться дальне-восточной проблемой.

Мы не можем не слѣдить за „сенсаціями" Евгенія Чена, поскольку его нельзя сбросить со счетов китайской политики, хотя и в этой сферѣ он всегда предпочитал играть роль „анфан гатэ."

Его сенсація цѣликом была создана для экспорта ея в Америку.

На Дальнем Востокѣ она никого не смутила.

здѣсь, кромѣ того, знали, что ультра-современный и от рожденія радикальный, хотя и большой поклонник радостей буржуазной жизни, „дипломат-модерн," в данном случаѣ прибѣг к старому, даже древнему оружію, натравливанію одного государства на другое. Требуя американской интервенціи в дальне-восточный конфликт, Евгеній Чен старался убѣдить Амарику, что, хочет та или не хочет, но должна будет все равно вмѣшаться, потому что война Японіи с Америкой японским генеральным штабом уже предопредѣлена как была этим же штабом предопредѣлена первая война 1894-5 г. г. с Китаем, война против Россіи в 1904-5 г.г., и нынѣшній конфликт с Китаем, для захвата Маньчжуріи.

Для того, чтобы замѣшать сенсацію погуще, Чен пользуется методами Оскара Уайльда, берет прописную истину, всѣм набившую оскомину, и выворачивает ее наизнанку. Отвергнуть положеніе, что Маньчжурія является для Японіи вопросом жизни и смерти, это все равно, что сочинить уайльдовскій афоризм: „Хорошо завязанный галстук важнѣе добродѣтели."

Евгеній Чен, с ловкостью присяжнаго престидижатора, убѣждал американцев, что Японія нуждается в их Тихоакеанском побережьи, в Гаваях, в Филиппинах, гдѣ она может селиться и куда ее не пускают „бѣлыя націи." Маньчжурія только трамплин для прыжка на Америку. Отсюда ясно — Америка должна прыгнуть на Японію первая, пока еще не поздно.

Но так как умный Чен знал, что Америка, все таки, прыгать на Японію, по одному его приказу, не станет, то он предлагал произвести рѣшитель-

ный на Америку нажим, заручившись для нажима на Америку поддержкой Англіи и Францiи, доказывая, что не трудно, отдав им военные долги заручиться их содѣйствiем, которое онѣ должны оказать, потому что Японія в своем имперіалистическом ростѣ скоро станет угрожать Австраліи (англійскіе интересы) и Индо-Китаю (французскіе интересы).

Не правда ли, сенсаціонно? Расчет Евгенія Чена был на то, что пресса широких масс подхватит яркія и даже ошарашивающія своей простотой и колючестью мысли Евгенія Чена. Но Чен забыл одно, что политика не дѣлается журналистами, как бы красиво послѣдніе не подавали политических сенсацій, а когда журналисты (случается это довольно часто, не только в случаѣ Муссолини) приходят к власти, они, прежде всего, отказываются от сенсацій или берегут этот дар для митинговых ораторій, а не для кабинетных совѣщаній, гдѣ политика и дѣлается.

О тихоокеанской проблеммѣ написаны томы, и, для спеціалистов, Евгеній Чен ничего новаго не сказал. Повторил зады, довольно элементарные. Но он лишній раз утвердил за собой репутацію „дипломата-сенсатора" и политика, в котором публицистическій талант превалирует над способностью подлинниго дипломата: молчать о том, что сенсаціонно и говорить только то, что не может породить никакой сенсаціи.

Я видѣл близко Евгенія Чена и слушал его доклад, устроенный Клубом окончивших Американскіе Университеты, 18 апрѣля 1933 г., за пол года до мятежа в Фуцзянской провинціи, в котором г. Чен принял активное участіе, устав быть

не у дѣл.

Портреты хорошо передают его мягкія, интеллигентскія черты, в которых есть что то близкое нам, русским. У него, лицо больше из тѣх азіатских лиц, которых легко встрѣтить в Россіи, в Сибири, чаще чѣм в Китаѣ.

Он носит простые очки и волосы у него зачесаны назад в манерѣ причесок прошлаго столѣтія, характерной манерѣ наших интеллигентов добролюбовскаго типа.

Но портреты совсѣм не передают то, что он человѣк очень маленькаго роста. Он чуточку сгорблен под тяжестью лѣт, хотя и широк в плечах, его — и я это подчеркиваю, — трудно представить в китайском національном одѣяніи. Вообще, на счет послѣдней ремарки еще нѣсколько слов — мнѣ очень часто приходилось видѣть д-ра С. Т. Вана в китайском и китайское ему очень идет, но я никогда не видѣл Веллингтона Ку, одѣтым в національный наряд, и я никогда, должно быть, не увижу так одѣтым г. Евгенія Чена. В этом пунктѣ он интернаціоналист больше, чѣм націоналист.

Затѣм, характерной чертой его внѣшности надо признать, что он, несмотря на подчеркиваемую старательно простоту в манерѣ держаться, — помнит и знает, что он, отнынѣ и до самой смерти, всегда и в любом обществѣ, будет центром вниманія. Надо было видѣть, как он был встрѣчен управляющим отеля, европейцем, который почтительно его привѣтствовал, а, потом, слѣдовал за ним сзади, провожая до мѣста, надо было видѣть, как он здоровался с людьми, имена которых постоянно на устах великаго города

Шанхая. Знает себѣ цѣну, наслаждается, что эта цѣна высока.

Потом еще одна характерная черта — желаніе, чтобы в нем, сразу и прежде всего, видѣли дипломата профессіонала, при том первоклассной школы. Его англійскій язык — он безупречен! Отлично говорят по англійски всѣ большіе китайскіе дипломаты, но Евгеній Чен говорит лучше всѣх. Больше того, он, может быть, говорит по англійски эффектнѣе многих из мѣстных англичан. Никакого не только акцента, но даже намека на акцент. Никакой дешевки слов и интонацій, никакой неловкости в чужом языкѣ или излишней книжности, — такое впечатлѣніе, что вот, сядет этот, уже пожилой, китайскій политическій дѣятель за стол и сразу, без единой помарки, напишет передовую статью для лучшей в Шанхаѣ англійской газеты по текущему политическому моменту, и ни один учитель средней школы по англійской словестности не заподозрит читая, что статья не написана англичанином: „тру-борн бриттн," как они любят говорить: вѣрно-рожденным британцем (оттѣнок нашего „истинно-русскій," но без привкуса от „Земщины").

Но этого мало, любопытно то, что, по словам самих англичан, Евгеній Чен „господствует над своим англійским языком," играет им. Дѣло не в том даже, что он все может на нем выразить и, при том, так ядовито, так хлестко, так тонко легко, газетным передовикам на зависть. Удивительно то, что этот радикал и почти революціонный дѣятель, которому приходилось в Совѣтской Россіи, по всей вѣроятности, говорить и

в Колонном Залѣ Совѣтов, так старательно подчеркивает аристократичность своего англійскаго языка. Сказать — „у него оксфордское произношеніе," недостаточно! У него интонаціи свѣтскаго человѣка, и, при том, так это все просто сдѣлано и естественно подается, и без всякой рисовки, так сказать „в обычном порядкѣ," как хорошо обношенный элегантный англійскій пиджак из лучшаго матеріала и от лучшаго портного, но в котором старательно устранено все, что опредѣляет термин: „с иголочки."

Евгеній Чен опытный актер, нѣт, лучше сказать, бывалый большой и умный артист большой сцены. Слушали его доклад в „Астор Хаузѣ," конечно, затаив дыханіе: народу собралось человѣк триста, зал был со скверной аккустикой, а что касается до микрофонов, то в 1933 году в Шанхаѣ микрофоны больше портили ораторам, чѣм помогали слушателям. Я спросил одного крупнаго англичанина, почему этакая масса иностранцев сошлись, нѣт, буквально сбѣжались слушать революціонера Евгенія Чена? Он отвѣтил мнѣ типично по англійски: — Потому что мы его еще мало знаем!

Значит, изучают и присматриваются. Замѣтили, считаются, может быть, в душѣ побаиваются. Во всяком случаѣ, никогда они ему не простят, не забудут то, что он продѣлал с их концессіей в Ханькоу. Потом я спросил почтеннаго и совсѣм обамериканившагося китайца, который очень далек от политики и, должно быть, немножко презирает всякую политику:

— Почему такой интерес? Большій, чѣм к С. Т. Вану, к Веллингтону Ку, к кому угодно?

— Потому что у Евгенія Чена всегда есть при себѣ свѣжія мысли, — был отвѣт.

Как бы там ни было, вряд ли какой другой человѣк в Китаѣ, кромѣ, развѣ, ген. Чжан Кай-ши, собрал бы такую иностранную аудиторію, какую, без всяких усилій, собрал человѣк, не занимающій никакого положенія и недавно еще окруженный колючим одіумом.

Говорят, что Евгеній Чен, если бы Ухан стал Кремлем, сдѣлал бы карьеру Чичерина. Возможно, но у него есть кое какія качества дополнительно, которых у Чичерина никогда не было.

А японцы на том его докладѣ, о котором шла выше рѣчь, направленном цѣликом против Японіи, только улыбались... Спокойно и без всякой обиды. Они, может быть, одни знают Евгенія Чена таким, каким только он себя знает.

Как у Карла Маркса, как у Ленина и его эпигонов, Евгеній Чен умѣет уничижительно, с презрѣніем отзываться о своих противниках. Он, вообще, надмѣнен, этот маленькій ростом человѣк, с цѣпкими, чудесно работающими мозгами и гипертрофированным честолюбіем; иронія — его вѣрное оружіе. Говоря перед клубом окончивших американскіе университеты шанхайских буржуа, на завтракѣ, на котором присутствовали в большом числѣ британцы, Чен пустил такую тираду: «поучительно отмѣтить своеобразную особенность британских мозгов в Шанхаѣ. Будучи, главным образом, «мѣстными торговыми мозгами», они не знают или не видят ничего, что непосредственно не относится к британским торговым интересам в

Шанхаѣ и в тяготѣющем к Шанхаю районѣ. Это мозг, который не в состояніи мыслить и видѣть в имперском масштабѣ, вот почему в то время, когда маленькій японец подкапывается под основы грандіозной постройки британской торговли в Индіи, на китайских рынках и даже в Гонгонгѣ, за предѣлами «района, тяготѣющаго к Шанхаю», — многіе мѣстные британцы продолжают быть японофилами, а один или два из них в мѣстной печати мыслят даже болѣе по японски, чѣм сам ген. Араки или неподражаемый г. Мацуока». Тирада попала в цѣль, англичане слушатели на мгновеніе обидѣлись, но, как воспитанные люди, не подали и виду. За то стали слушать рѣчь опытнаго докладчика с еще болѣе напряженным интересом.

Говоря о нанкинском правящем центрѣ и о тѣх, кто возглавляют Національное правительство, Евгеній Чен, в дни фуцзянскаго возстанія, писал: „создав новый очаг оппозиціи Гоминдану в Фучжоу и требуя отставки Чжан Кай-ши, мы не думаем, что этим одним можно разрѣшить проблему, созданную годами гомидановскаго режима. Чжан Кай-ши есть порожденіе Гоминдана и его простое удаленіе от власти может привести к тому, что возникнет другой Чжан Кай-ши, это почти неизбѣжно в создавшихся условіях“. И, далѣе: «вопреки гоминдановской диктатурѣ мы не собираемся заниматься „возстановленіем Китая“, т.к. это привело бы только к эксплоатаціи страны милитаристами, к преуспѣянію гоминдановскаго мандарината и азіатской буржуазіи Шанхая и

других договорных портов... Такова политика гомидановской диктатуры с ея совѣтниками из Лиги Націй и британскими и другими иностранными пестунами. Они проэктируют план политики „открытых дверей" для контролируемаго капитализма, который, в силу того, что он контролируемый, создаст болѣе дѣйствительную и болѣе научную эксплоатацію производящих и трудящихся масс Китая».

И, в увлеченіи краснорѣчіем политическаго памфлета, Евгеній Чен вообще не щадит никого и ничего. Когда спеціальный корреспондент „Рейтера" посѣтил его в Фучжоу, он, 10 декабря 1933 г. дал, в письменной формѣ, слѣдующій, среди других, отвѣтов на вопрос об отношеніи „народнаго правительства" к Гоминдану и сун-ят-сеновскому движенію вообще: "Три народных принципа" Сун Ят-сена правратились, так сказать, в Коран Гоминдана. Мы же разсматриваем это ученіе просто, как собраніе популярных лекцій, читанных д-ром Сун Ят-сеном и стенографически, потом, записанных одним из его секретарей, лѣтом 1924 г. в Кантонѣ».

И, самая разящая парфянская стрѣла: «Весьма вѣроятно, что д-р Сун Ят-сен сам усмѣхнулся бы над мыслью, что эти его лекціи могут стать каноническим авторитетом, на который ссылаются гоминдановскіе муллы в Нанкинѣ».

Здѣсь весь Евгеній Чен,—блестящій полемист и смѣлый разоблачитель своих оппонентов, но человѣк лишенный дара государственнаго созиданія: нѣчто среднее между Виктором Черновым и Львом Давидовичем Троцким.

Исторію, все таки, дѣлают люди хотя бы и меньшей рафинированности ума, но болѣе твердой воли, а, главное, болѣе настойчивые, даже упрямые люди в достиженіи намѣченной цѣли. Послѣдняя политическая авантюра была одной из самых слабых в исторіи жизни Евгенія Чена. Сепаратистское движеніе в провинціи Фуцзян было заранѣе обречено на провал, как бы идеологически безупречно не обосновал программу мятежнаго правительства калиф на час, «министр иностранных дѣл» г. Евгеній Чен. Он придал этому уѣздному бунту эффектный мелодраматическій оттѣнок: впервые, лѣвыми руками, был сорван флаг, поднятый самим Сун Ят-сеном. Во главѣ бунта шла побѣдоносная, вошедшая было в исторію с героическим ореолом, 19-ая армія. Была декларирована новая, смѣлая программа, на столько смѣлая и новая, что дух захватывало даже у иностранцев, надежно охраняемых державными флотами и штыками сухопутных дессантов в договорных портах. Красные бойцы появились, покинув сопки, на улицах Фучжоу. Могла и впрямь перевернуться новая страница в исторіи Китая. Но все кончилось так быстро, так безславно и даже, если хотите, скандально.

Какой то рок преслѣдует всѣ активныя политическія выступленія Евгенія Чена—словно на нем проклятіе неудачника, джетаторэ: лѣтом 1927 г. в Ханькоу, в декабрѣ 1931 г. в Нанкинѣ и то же самое в январѣ 1934 г. в Фучжоу. Удержать власть в своих холеных, интеллигентских руках он фатально не может. Фуцзянскій мятеж мог удаться только при одном условіи-если бы его

поддержали японцы. Без них, тѣм болѣе в пику им, выступать в Фуцзянѣ было безуміем. Недаром, покидать Фучжоу Евгенію Чену довелось в одѣяніи чернорабочаго, как не трудно нам представить этого энглизированнаго, лощенаго causeur'a в домотканом рубищѣ китайскаго кули.

И, все таки, послѣднее слово Евгеніем Ченом не сказано. Он может и даже должен снова появиться на авансценѣ китайской политики.

Конец.